

Джон Р.Р. ТОЛКИН

волшебный
фонарь

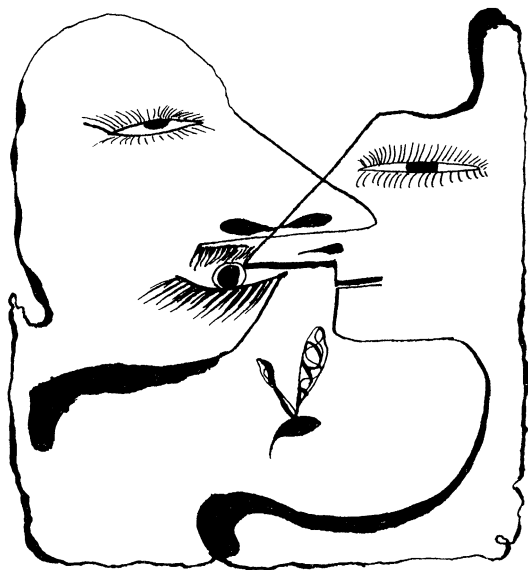
Джон Р.Р. ТОЛКИН

Лист работы Мелкина
и другие волшебные сказки

Джон Роналд Руэл ТОЛКИН
Лист работы Мелкина
и другие волшебные сказки

Перевод с английского

серия
«волшебный
фонарь»

Издание подготовлено РПК «Текст»

Составитель Виталий Бабенко

Художник Григорий Берштейн

Т 4703010100 — 010 без объявл.
91

ISBN 5-85950-009-2

© Состав, послесловие — РПК «Текст», 1991
© Иллюстрации и оформление — Г. М. Берштейн, 1991

Хоббит,
или Туда и обратно

**The Hobbit
or There and Back Again
1937**

Перевод Н. Рахмановой

1. Нежданные гости

Жил-был в норе под землей хоббит. Не в какой-то там мерзкой грязной сырой норе, где со всех сторон торчат хвосты червей и противно пахнет плесенью, но и не в сухой песчаной голой норе, где не на что сесть и нечего съесть. Нет, нора была хоббичья, а значит — благоустроенная.

Она начиналась идеально круглой, как иллюминатор, дверью, выкрашенной зеленой краской, с сияющей медной ручкой точно посередине. Дверь отворялась внутрь, в длинный коридор, похожий на железнодорожный туннель, но туннель без гари и дыма и тоже очень благоустроенный: стены там были обшиты панелями, пол выложен плитками и устлан ковром, вдоль стен стояли полированные стулья, и всюду были прибиты крючочки для шляп и пальто, так как хоббит любил гостей. Туннель вился все дальше и дальше и заходил довольно глубоко, но не в самую глубину Холма, как его именовали жители на много миль в окружности. По обеим сторонам туннеля шли двери — много-много круглых дверей. Хоббит не признавал восхождений по лестницам: спальни, ванны, погреба, кладовые (целая куча кладовых), гардеробные (хоббит отвел несколько комнат для хранения одежды), кухни, столовые располагались в одном этаже и, более того, в одном и том же коридоре. Лучшие комнаты находились по левую руку, и только в них имелись окна — глубоко сидящие круглые окошечки с видом на сад и на дальние луга, спускавшиеся к реке.

Наш хоббит был весьма состоятельный хоббит по фамилии Бэггинс. Бэггинсы проживали в окрестностях Холма с незапамятных времен и считались очень почтенным семейством не только потому, что были богаты, но и потому, что с ними никогда ничего не приключалось и они не позволяли себе ничего неожиданного: всегда можно было угадать заранее, не спрашивая, что именно скажет тот или иной Бэггинс по тому или иному поводу. Но мы вам поведаем историю о том, как одного из Бэггинсов втянули-таки в приключения и, к собственному удивлению, он начал говорить самые неожиданные вещи и совершать самые неожиданные поступки. Может быть, он и потерял уважение соседей, но зато приобрел... Впрочем, увидите сами, приобрел он что-нибудь в конце концов или нет.

Матушка нашего хоббита... кстати, кто такой хоббит? Пожалуй, стоит рассказать о хоббитах подробнее, так как в наше время они стали редкостью и сторонятся Высокого Народа, как они называют нас, людей. Сами они низкорослый народец, примерно вполовину нашего роста и пониже бородатых гномов. Бороды у хоббитов нет. Волшебного в них тоже, в общем-то, ничего нет, если не считать волшебным умение быстро и бесшумно исчезать в тех случаях, когда всякие бестолковые, неуклюжие верзилы, вроде нас с вами, с шумом и треском ломаются, как слоны. У хоббитов толстенькое брюшко; одеваются они ярко, преимущественно в зеленое и желтое; башмаков не носят, потому что на ногах у них от природы жесткие кожаные подошвы и густой теплый бурый мех, как и на голове. Только на голове он курчавится. У хоббитов

длинные ловкие темные пальцы на руках, добродушные лица; смеются они густым утробным смехом (особенно после обеда, а обедают они, как правило, дважды в день, если получится).

Теперь вы знаете достаточно, и можно продолжать.

Как я уже сказал, матушка нашего хоббита, то есть Бильбо Бэггинса, была легендарная Белладонна Тук, одна из трех достопамятных дочерей Старого Тука, главы хоббитов, живших По Ту Сторону Реки, то есть речушки, протекавшей у подножия Холма. Поговаривали, будто давным-давно кто-то из Туков взял себе жену из эльфов. Глупости, конечно, но и до сих пор во всех Туках и в самом деле проскальзывало что-то не совсем хоббитовское: время от времени кто-нибудь из клана Туков пускался на поиски приключений. Он исчезал вполне деликатно, и семья старалась замать это дело. Но факт остается фактом: Туки считались не столь почтенным родом, как Бэггинсы, хотя, вне всякого сомнения, были богаче.

Нельзя, правда, сказать, что после того как Белладонна Тук вышла замуж за мистера Банго Бэггинса, она когда-нибудь пускалась на поиски приключений. Банго, отец героя нашей повести, выстроил для нее (и отчасти на ее деньги) роскошную хоббичью нору, роскошней которой не было ни Под Холмом, ни За Холмом, ни По Ту Сторону Реки, и жили они там до конца своих дней. И все же вполне вероятно, что Бильбо, ее единственный сын, по виду и всем повадкам точная копия своего солидного благопристойного папаша, получил от Туков в наследство какую-то странность, которая только ждала случая себя проявить. Такой случай не подворачивался долго, так что Бильбо Бэггинс успел стать взрослым хоббитом, лет этак около пятидесяти; он жил-поживал в прекрасной хоббичьей норе, построенной отцом, в той самой, которую я так подробно описал в начале главы, и казалось, он никуда уже не двинется с места.

Но случилось так, что однажды в тиши утра, в те далекие времена, когда в мире было гораздо меньше шума и больше зелени, а хоббиты были многочисленны и благоденствовали, Бильбо Бэггинс стоял после завтрака в дверях и курил свою деревянную трубку, такую длинную, что она почти касалась его мохнатых ног (кстати, аккуратно причесанных щеткой). И как раз в это время мимо проходил Гэндальф.

Гэндальф! Если вы слышали хотя бы четверть того, что слышал про него я, а я слышал лишь малую толику того, что о нем рассказывают, то вы были бы подготовлены к любой самой невероятной истории. Истории и приключения вырастали как грибы всюду, где бы он ни появлялся. Он не бывал в этих краях уже давным-давно, собственно говоря, с того дня, как умер его друг Старый Тук, и хоббиты уже успели забыть, каков Гэндальф с виду. Он отсутствовал по своим делам с той поры, когда все они были еще хоббитами.

Так что в то утро ничего не подозревавший Бильбо просто увидел какого-то старика с посохом. На старике была высокая островерхая синяя шляпа, длинный серый плащ, серебристый шарф, громадные черные сапоги, и еще у него была длинная, ниже пояса, белая борода.

— Доброе утро! — произнес Бильбо, желая сказать именно то, что утро доброе: солнце ярко сияло и трава зеленела. Но Гэндальф метнул на него острый взгляд из-под густых косматых бровей.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил он. — Просто желаете мне доброго утра? Или утверждаете, что утро сегодня доброе — неважно, что я о нем думаю? Или имеете в виду, что нынешним утром все должны быть добрыми?

— И то, и другое, и третье, — ответил Бильбо. — И еще — что в такое дивное утро отлично выкурить трубочку на воздухе. Если у вас есть трубка, присаживайтесь, отведайте моего табачку! Торопитесь некуда, целый день впереди!

И Бильбо уселся на скамеечку возле двери, скрестил ноги и выпустил красивое серое колечко дыма; оно поднялось вверх и поплыло вдаль над Холмом.

— Прелестно! — сказал Гэндальф. — Но мне сегодня некогда пускать колечки. Я ищу участника приключения, которое я нынче устраиваю, но не так-то легко его найти.

— Еще бы, в наших-то краях! Мы простой мирный народ, приключений на жалуюм. Бр-р, от них одно беспокойство и неприятности! Еще, чего доброго, пообедать из-за них опоздаешь! Не понимаю, что в них находят хорошего, — сказал наш мистер Бэггинс и, заложив большой палец за подтяжку, опять выпустил колечко, еще более роскошное. Затем достал из ящика утреннюю почту и начал читать, притворяясь, будто забыл о старике. Он решил, что тот не внушает доверия, и надеялся, что старик пойдет своей дорогой. Но тот и не думал уходить. Он стоял, опершись на посох, и, не говоря ни слова, глядел на хоббита так долго, что Бильбо совсем смутился и даже немного рассердился.

— Доброго утра вам! — произнес он наконец. — Мы тут в приключениях не нуждаемся, благодарствуйте! Поищите компаньонов За Холмом или По Ту Сторону Реки.

Он хотел дать понять, что разговор окончен.

— Для чего только ни служит вам «доброе утро», — сказал Гэндальф. — Вот теперь оно означает, что мне пора убираться.

— Что вы, что вы, милейший сэр! Позвольте... кажется, я не имею чести знать ваше имя...

— Имеете, имеете, милейший сэр, а я знаю ваше, мистер Бильбо Бэггинс, и вы мое, хотя и не помните, что это я и есть. Я — Гэндальф, а Гэндальф — это я! Подумать, до чего я дожил: сын Белладонны Тук отделяется от меня своим «добрым утром», как будто я пуговицами вразнос торгую!

— Гэндальф! Боже милостивый, Гэндальф! Неужели вы тот самый странствующий волшебник, который подарил Старому Туку пару волшебных бриллиантовых запонок — они еще застегивались сами, а расстегивались только по приказу? Тот, кто рассказывал на дружеских

пирушках такие дивные истории про драконов и гоблинов*, про великанов и спасенных принцесс и везучих сыновей бедных вдов? Тот самый, который устраивал такие неподражаемые фейерверки? Я их помню! Старый Тук любил затевать их в канун Иванова дня**. Какое великолепие! Они взлетали кверху, точно гигантские огненные лилии, и львинный зев, и золотой дождь, и держались весь вечер в сумеречном небе!

Вы, вероятно, уже заметили, что мистер Бэггинс был вовсе не так уж прозаичен, как ему хотелось, а также, что он был большим любителем цветов.

— Бог мой! — продолжал он. — Неужели вы тот самый Гэндальф, по чьей милости столько тихих юношей и девушек пропали невесть куда, отправившись на поиски приключения? Любых — от лазанья по деревьям до визитов к эльфам. Они даже уплывали на кораблях к чужим берегам! Бог ты мой, до чего тогда было инте... я хочу сказать, умели вы тогда перевернуть все вверх дном в наших краях! Прошу прощения, я никак не думал, что вы еще... трудитесь.

— А что же мне делать? — спросил волшебник. — Но все-таки приятно, что вы кое-что обо мне помните. Во всяком случае, вспоминаете мои фейерверки. Значит, вы не совсем безнадежны. Поэтому ради вашего дедушки и ради бедной Белладонны я дарю вам то, что вы у меня просили.

— Прошу прощения, я ничего у вас не просил!

— Нет, просили. И вот сейчас уже второй раз — моего прощения. Я его даю. И пойду еще дальше: я пошлю вас участвовать в моем приключении. Меня это развлечет, а вам будет полезно, а возможно, и выгодно, если доберетесь до конца.

— Извините! Мне что-то не хочется, спасибо, как-нибудь в другой раз. Всего хорошего! Пожалуйста, заходите ко мне на чашку чая в любой день! Скажем, завтра? Приходите завтра! До свиданья!

И с этими словами хоббит повернулся, юркнул в круглую зеленую дверку и поскорее захлопнул ее за собой, стараясь в то же время хлопнуть не слишком громко, чтобы не вышло грубо, — все-таки волшебник есть волшебник.

— Чего ради я пригласил его на чай? — спросил он себя, направляясь в кладовку. Бильбо, правда, совсем недавно позавтракал, но после такого волнующего разговора не мешало подкрепиться парочкой кексов и глоточком чего-нибудь этакого.

А Гэндальф долго еще стоял за дверью и тихонько покатывался со смеху. Потом подошел поближе и острием посоха нацарапал на красивой зеленой двери некий странный знак. Затем он зашагал прочь, а в это время Бильбо как раз доедал второй кекс и размышлял о том, как ловко он увернулся от приключений.

---

* В английском фольклоре — существа, похожие на людей, но безобразные, злобные, живут в пещерах, подземных туннелях.

** Как и в старой России, праздник середины лета, 24 июня.

На другой день он, в общем-то, забыл про Гэндальфа. У него была неважная память, и ему приходилось делать заметки в особой гостевой книжечке, например: «Гэндальф, чай, среда». Но накануне он так разволновался, что ничего не записал.

Как раз когда он собирался пить чай, кто-то с силой дернул дверной колокольчик, и тут Бильбо все вспомнил! Он сначала бросился в кухню, поставил на огонь чайник, достал еще одну чашку с блюдечком, положил на блюдо еще пару кексов и тогда уж побежал к двери.

Только он хотел сказать: «Извините, что заставил вас ждать!», как вдруг увидел, что перед ним вовсе не Гэндальф, а какой-то гном с синей бородой, заткнутой за золотой кушак; блестящие глаза его так и сверкали из-под темно-зеленого капюшона. Едва дверь отворилась, он шмыгнул внутрь, как будто его только и ждали. Потом повесил плащ с капюшоном на ближайший крючок и с низким поклоном произнес:

— Двалин, к вашим услугам.

— Бильбо Бэггинс — к вашим! — ответил хоббит, который от удивления даже не нашелся что спросить. Когда молчать дольше стало уже неловко, он добавил: — Я как раз собирался пить чай, не присоединитесь ли вы ко мне?

Прозвучало это, быть может, несколько натянуто, но он старался проявить радушие. А как бы поступили вы, если бы незнакомый гном явился к вам домой и безо всяких объяснений повесил у вас в прихожей плащ, будто так и надо?

За столом они просидели недолго. Собственно, они только успели добраться до третьего кекса, как снова раздался звонок в дверь, еще более громкий, чем раньше.

— Извините! — сказал хоббит и побежал открывать.

«Вот наконец и вы!» — так собирался он встретить Гэндальфа на сей раз. Но это опять оказался не Гэндальф. За дверью стоял старый-престарый гном с белой бородой и в красном капюшоне. От тоже прошмыгнул внутрь, едва отворилась дверь, как будто его кто-то приглашал.

— Я вижу, наши собираются, — сказал он, заметив на вешалке зеленый капюшон Двалина. Он повесил рядышком свой красный капюшон и, прижав руку к груди, сказал:

— Балин, к вашим услугам.

— Благодарю вас! — ответил Бильбо в совершеннейшем изумлении.

Ответил он, конечно, невпопад, но уж очень его выбили из колеи слова «наши собираются». Гостей он любил, но он любил з н а к о м ы х гостей и предпочитал приглашать их с а м. У него мелькнула страшная мысль, что кексов может не хватить — и тогда ему самому (а он знал свой долг хозяина и собирался выполнить его, чего бы ему это ни стоило) придется обойтись без кексов.

— Заходите, выпейте чаю! — ухитрился он выдать наконец, набрав воздуха в легкие.

— Меня больше бы устроил стаканчик пивца, милостивый сэр, если это не слишком затруднит вас, — сказал белобородый Балин. — Но не откажусь и от кекса с изюмом, если он у вас найдется.

— Сколько угодно! — к собственному удивлению ответил Бильбо и, опять-таки к своему удивлению, побежал бегом в погреб, нацедил пинту* пива, оттуда — в кладовую, прихватил там два превосходных круглых кекса с изюмом, которые испек для себя «на после ужина», и примчался назад.

В столовой Балин и Двалин сидели за столом и беседовали, как старые друзья (они на самом деле были братья). Бильбо только успел поставить на стол кувшин с пивом и кексы, как тут же прогремел колокольчик — раз и еще раз!

«Ну, уж теперь наверняка Гэндальф», — подумал Бильбо, с пыл-тенем спеша по коридору. Как бы не так! Явились еще два гнома, оба в синих капюшонах, серебряных кушаках и с желтыми бородами. Оба несли по мешку с рабочими инструментами и по лопате. Они тоже проворно шмыгнули в приотворенную дверь — и Бильбо больше не удивлялся.

— Чем могу служить, любезнейшие гномы? — спросил он.

— Кили, к вашим услугам! — сказал один.

— Фили тоже! — добавил другой.

И оба они сорвали с головы свои синие капюшоны и низко поклонились.

— К вашим услугам и к услугам ваших родственников! — ответил Бильбо, вспомнив на этот раз о хороших манерах.

— Я вижу, Двалин и Балин уже тут, — сказал Кили. — Присоединимся к честной компании!

«Компания! — подумал мистер Бильбо. — Что-то не нравится мне это слово. Присяду-ка я на минутку, соберусь с мыслями и глотну чайку».

Едва он успел приprostиться в уголке и отпить один глоток — а четверо гномов между тем расселись вокруг стола и вели разговор про рудники и золото, про злобных гоблинов и про безобразия драконов и много еще про что, чего он не понял, да и не хотел понимать, так как все это отдавало приключениями, — как вдруг — дзинь-дзинь-дзинь-дзинь! — колокольчик зазвонил снова, да так громко, будто какой-то шалун-хоббитенок пытался оторвать его.

— Еще кто-то! — сказал Бильбо, моргая.

— Еще много кто, судя по звонку, — заметил Фили. — Да мы их видели — за нами следом шли четверо.

Бедняга хоббит рухнул на стул прихожей, обхватил голову руками и принялся размышлять: что произошло, что еще произойдет и неужели они все останутся ужинать?! Тут звонок дернули пуще прежнего, и Бильбо бросился к дверям. Едва он повернул ручку, как — нате вам! — гости уже в прихожей, кланяются и повторяют по очереди «к вашим услугам». Гномов было уже не четверо, а пятеро. Пока Бильбо предавался размышлениям, подоспел еще один. Звали их Дори, Нори, Ори, Ойн и Глойн. И вскоре два фиолетовых, серый, коричневый и белый

---

* Английская мера емкости; равна 0,57 литра.

капюшоны висели на крючочках, а гномы прошествовали в столовую, засунув свои широкие ладошки за серебряные и золотые кушаки. В столовой теперь и впрямь набралась целая компания. Одни требовали эля, другие — портера, кто-то — кофе, и все без исключения — кексов, так что хоббит совсем сбился с ног.

Только на огонь был поставлен большой кофейник, только гномы, покончив с кексами, перешли на ячменные лепешки с маслом, как вдруг раздался... не звонок, а громкий стук. Целый град ударов обрушился на красивую зеленую дверь Бильбо Бэггинса. Кто-то молотил по ней палкой!

Бильбо опрометью бросился по коридору, очень сердитый и совершенно задерганный и заторможенный, — такого несуразного чаепития в его жизни еще не бывало! Он рванул дверь на себя — и все стоявшие за ней попадали вперед друг на друга. Еще гномы, целых четверо! А позади них, опершись на посох, стоял Гэндальф и хохотал. Он измолотил прекрасную дверь самым безжалостным образом, но при этом исчезла и тайная метка, которую он начертал накануне утром.

— Спокойнее, спокойнее! — сказал он. — Как это не похоже на вас, Бильбо, — заставляя друзей ждать у порога, а потом взять да как распахнуть дверь — трах-тарарах! Позвольте мне представить: Бифур, Бофур, Бомбур и, обратите особое внимание, Торин!

— К вашим услугам! — сказали Бифур, Бофур, Бомбур, став рядом. Потом они повесили два желтых капюшона, один бледно-зеленый и один небесно-голубой с длинной серебряной кистью, который принадлежал Торину. Торин был неимоверно важный гном, не кто иной, как сам знаменитый Торин Оукеншильд, и он был ужасно недоволен тем, что ему пришлось растянуться на пороге, да еще Бифур, Бофур и Бомбур навалились сверху, а Бомбур, надо сказать, был невероятно толстый и тяжелый. Поэтому Торин держался сперва очень высокомерно и никаких услуг не предлагал, но бедный мистер Бэггинс так рассыпался в извинениях, что Торин наконец пробормотал: «Не будем об этом говорить» — и перестал хмуриться.

— Ну вот мы и в сборе, — сказал Гэндальф, окинув взглядом висевшие на стенке тринадцать капюшонов — лучших отстежных капюшонов для хождения в гости — и свою собственную шляпу. — Превеселое общество! Надеюсь, опоздавшим тоже найдется что-нибудь поесть и выпить? Что у вас? Чай? Благодарю покорно! Мне, пожалуй, красного винца.

— Мне тоже, — сказал Торин.

— Хорошо бы еще крыжовенного варенья и яблочного пирога, — вставил Бифур.

— И пирожков с мясом, и сыра, — дополнил Бофур.

— И пирога со свиной, и салата, — добавил Бомбур.

— И побольше кексов, и эля, и кофе, если не трудно! — закричали остальные гномы из столовой.

— Да подкиньте несколько яиц, будьте так добры! — крикнул Гэндальф вдогонку хоббиту, когда тот поплелся в кладовку. — И захватите холодную курицу и маринованных огурчиков!

«Можно подумать, что он не хуже моего знает, какие у меня припасы в доме!» — пробормотал мистер Бэггинс, который решительно потерял голову и начал опасаться, не свалилось ли на него неожиданно-негаданно самое что ни на есть скверное приключение. К тому времени, как он собрал все бутылки и кушанья, все ножи, вилки, стаканы, тарелки и ложки и нагромоздил все это на большие подносы, он совсем упарился, побагровел и разозлился.

— Чтобим объесться и обпитья, этим гномам! — сказал он вслух. — Нет чтобы помочь!

И гляди-ка! Балин и Двалин, тут как тут, стоят в дверях кухни, а за ними Фили и Кили, и не успел Бильбо слова вымолвить, как они подхватили подносы и два небольших столика, вихрем унесли их в столовую и заново накрыли на всю компанию.

Гэндальф сел во главе стола, остальные тринадцать гномов разместились вокруг, а Бильбо, присев на скамеечку у камина, грыз сухарик (аппетит у него совсем улетучился) и пытался делать вид, будто ничего особенного не происходит и с приключениями все это ничего общего не имеет. Гномы все ели и ели, говорили и говорили, а время шло. Наконец они отодвинулись от стола, и Бильбо сделал движение вперед, порываясь убрать тарелки и стаканы.

— Надеюсь, вы не уйдете до ужина? — спросил он вежливо самым своим ненастойчивым тоном.

— Ни в коем случае! — ответил Торин. — Мы и после ужина не уйдем. Разговор предстоит долгий. Но сперва мы еще помузицируем. За уборку!

И двенадцать гномов (Торин был слишком важной персоной, он остался разговаривать с Гэндальфом) живо вскочили со своих мест и мигом сложили одна на другую грязные тарелки, а на них все, что еще было на столе. Потом они двинулись в кухню, и каждый держал на вытянутой руке целую башню тарелок, увенчанную бутылкой, а бедняга хоббит бежал следом и буквально верещал от испуга:

— Пожалуйста, осторожней! Не беспокойтесь, пожалуйста, я сам! Но гномы в ответ грянули песню:

Бейте тарелки, бейте розетки!
Вилки тупите, гните ножи!
Об пол бутылки! В печку салфетки!
Будет порядок — только скажи!

Рвите на части скатерти, гости!
Лейте на стулья жир от котлет!
Корки и кости под ноги бросьте!
Мажьте горчицей ценный паркет!

Чашки и рюмки — в чан с кипятком!
Ломом железным поворошите,

Выньте, откиньте и обсушите —
И на помойку все целиком!

Кто там без дела? Стыд и позор!
Эй, осторожно, хрупкий фарфор!

(Перевод И. Комаровой)

Ничего подобного они, естественно, не натворили, а, наоборот, все вымыли и прибрали в мгновение ока, пока хоббит вертелся посреди кухни, стараясь за ними уследить. Потом все вернулись в столовую и увидели, что Торин сидит, положив ноги на решетку камина, и курит трубку. Он выпускал невиданной величины кольца и приказывал им, куда лететь: то в трубу, то за часы на каминной полочке, то под стол, то к потолку, где они начинали описывать круги. Но куда бы ни летело кольцо Торина, Гэндальф оказывался проворнее. Пуф! — он посылая колечко поменьше из своей короткой глиняной трубки, и оно проскальзывало сквозь каждое кольцо Торина. После этого колечко Гэндальфа делалось зеленым, возвращалось к нему и парило у него над головой. Таких колечек набралось уже целое облако, и в полумраке комнаты вид у Гэндальфа был таинственный и по-настоящему колдовской. Бильбо стоял и любовался; он и сам любил пускать колечки и теперь краснел от стыда, вспоминал, как накануне утром гордился своими колечками, которые ветер уносил за Холм.

— А теперь перейдем к музыке! — сказал Торин. — Несите инструменты!

Кили и Фили побежали и принесли скрипочки; Дори, Нори, и Ори достали откуда-то из-за пазухи флейты; Бомбур притащил из прихожей барабан; Бифур и Бофур тоже вышли и вернулись с кларнетами, которые они, раздеваясь, оставили среди тростей; Двалин и Балин одновременно сказали: «Извините, я забыл мой инструмент на крыльце!»

— Захватите и мой! — сказал Торин.

Они приволокли две виолы ростом с себя и арфу Торина, закутанную в зеленую матерку: арфа была золотая и красивая; и когда Торин ударил по струнам, все заиграли тоже, полилась такая неожиданная, такая сладостная, мелодичная музыка, что Бильбо позабыл обо всем и унесся душой в неведомые края, туда, где в небе стояла чужая луна — далеко По Ту Сторону Реки и совсем далеко от хоббичьей норки Под Холмом. Через окошечко в склоне Холма в комнату проникла темнота, огонь в камине (стоял еще апрель) начал гаснуть, а они все играли и играли, и тень от бороды Гэндальфа качалась на стене.

Тьма заполнила комнату, камин потух, и тени пропали, а гномы продолжали играть. И вдруг, сперва один, потом другой, глухо запели таинственную песню гномов, что пелась в таинственной глуши их древних жилищ. Вот отрывок из их песни, если только слова без музыки могут быть похожи на песню:

За синие горы, за белый туман
В пещеры и норы уйдет караван;

За быстрые воды уйдем до восхода
За кладом старинным из сказочных стран.

Волшебники-гномы! В минувшие дни
Искусно металлы ковали они;
Сапфиры, алмазы, рубины, топазы
Хранили они и гранили они.

На эльфа-соседа, царя, богача
Трудились они, молотками стуча;
И солнечным бликом в усердьё великом
Украсить могли рукоятку меча.

На звонкие цепи, не толще струны,
Нанизывать звезды могли с вышины;
В свои ожерелья в порыве веселья
Вплетали лучи бледнолицой луны.

А пили они что твои короли
И звонкие арфы себе завели;
Протяжно и ново для уха людского
Звучало их пенье в глубинах земли.

Шумели деревья на склоне крутом,
и Ветры стонали во мраке ночном;
Багровое пламя взвилось над горами -
И вспыхнули сосны смолистым огнем.

Тогда колокольный послышался звон,
Разверзлась земля, почернел небосклон.
Где было жилище — теперь пепелище:
Не ведал пощады свирепый дракон.

И гномы, боясь наказания с небес,
Уже не надеясь на силу чудес,
Укрылись в богатых подземных палатах —
И след их сокровищ навеки исчез.

За синие горы, где мрак и снега,
Куда не ступала людская нога,
За быстрые воды уйдем до восхода,
Чтоб золото наше отнять у врага.

(Перевод И. Комаровой)

И, слушая их пение, хоббит почувствовал, как в нем рождается любовь к прекрасным вещам, сотворенным посредством магии или искусными умелыми руками, — любовь яростная и ревнивая, влечение, живущее в сердцах всех гномов. И в нем проснулось что-то туковское, ему захотелось видеть громадные горы, слышать шум сосен и водопадов, разведывать пещеры, носить меч вместо трости. Он выглянул в окно. На черном небе поверх деревьев высыпали звезды. Он подумал о драгоценностях гномов, сверкающих в темных пещерах. Внезапно над лесом За Рекой взметнулось пламя (наверное, кто-то разжег костер), и Бильбо представилось, как мародеры-драконы водворяются на его мирном Холме и сжигают все вокруг. Он вздрогнул и

сразу сделался опять обыкновенным мистером Бэггинсом из Бэг-Энда, что Под Холмом.

Он встал, дрожа всем телом. Он колебался: то ли просто принести лампу, то ли сделать вид, будто он идет за ней, а самому спрятаться в погребе между пивными бочками и не вылезать, пока гномы не уйдут. Но тут он вдруг заметил, что музыка и пение прекратились, все гномы устали на него и глаза их светятся во мраке.

— Куда это вы? — окликнул его Торин тоном, в котором ясно чувствовалось, что он догадывается о намерениях Бильбо.

— Нельзя ли принести лампу? — робко спросил Бильбо.

— Нам нравится в темноте, — хором ответили гномы. — Темные дела совершаются во тьме! До рассвета еще далеко.

— Да, да, конечно! — сказал Бильбо и сел, но впопыхах сел мимо скамейки, прямо на каминную решетку, с грохотом повалив кочергу и совок.

— Ш-ш! — сказал Гэндальф. — Сейчас будет говорить Торин.

И Торин начал так:

— Гэндальф, гномы и мистер Бэггинс! Мы сошлись в доме нашего друга и собрата по заговору, превосходного, дерзновенного хоббита — да не выпадет никогда шерсть на его ногах! — воздадим должное его вину и элю!

Он перевел дух, давая хоббиту возможность сказать, как полагается, вежливые слова, но бедный Бильбо Бэггинс воспринял сказанное совсем не как похвалу: он шевелил губами, пытаясь опровергнуть слова «дерзновенный» и, что еще хуже, «собрат по заговору», но так волновался, что не мог произнести вслух ни звука. Поэтому Торин продолжал:

— Мы сошлись здесь, дабы обсудить наши планы, наши способы и средства, наши умыслы и уловки. Очень скоро, еще до рассвета, мы тронемся в долгий путь, в путешествие, из которого некоторые из нас, а возможно, даже все, кроме, разумеется, нашего друга и советчика, хитроумного чародея Гэндальфа, могут не вернуться назад. Настал торжественный миг. Наша цель, как я полагаю, известна всем нам. Но уважаемому мистеру Бэггинсу, а может быть, и кому-нибудь из младших гномов (я думаю, что не ошибусь, если назову Кили и Фили) ситуация в настоящий момент может представляться требующей некоторых разъяснений.

Таков был стиль Торина. Он ведь был важной персоной. Если его не остановить, он продолжал бы в том же духе без конца, пока бы совсем на запыхался, но так бы и не сообщил обществу ничего нового. Однако его самым грубым образом прервали. Бедняга Бильбо при словах «могут не вернуться назад» почувствовал, что к горлу у него подкатывает крик, и крик этот наконец вырвался наружу, пронзительный, точно свисток паровоза, вылетевшего из туннеля. Все гномы повскакали с мест, опрокинув стол. На конце своего волшебного посоха Гэндальф зажег голубой огонь, и в его мерцающем свете все увидели, что несчастный хоббит стоит на коленях на коврике перед камином и трясется,

как желе. Вдруг он плашмя хлопнулся на пол с отчаянным воплем: «Молния убила! Молния убила!» — и долгое время от него не могли добиться ничего другого. Гномы подняли его и перенесли в соседнюю гостиную, с глаз долой, положили там на диван, поставили рядом стакан вина, а сами вернулись к своим «темным делам».

— Легко возбудимый субъект, — сказал Гэндальф, когда все заняли свои места. — Подвержен необъяснимым приступам, но один из лучших — свиреп, как дракон, которому прищемили хвост дверью.

Если вам когда-нибудь доводилось видеть дракона, которому прищемили хвост дверью, то вы поймете, что это было чисто поэтическое преувеличение применительно к любому хоббиту, даже к двоюродному прадеду Старого Тука по имени Бычий Рев, который был такого гигантского (для хоббита) роста, что мог ездить верхом на лошади.

Это он когда-то как ураган налетел на армию гоблинов из Маунт-Грэма в битве на Зеленых Полях и сшиб своей деревянной палицей голову с плеч их короля Гольфимбуля. Голова пролетела сто метров по воздуху и угодила прямо в кроличью нору; таким образом была выиграна битва и одновременно изобретена игра в гольф.

Тем временем изнеженный потомок Бычьего Рева приходил в себя на диване в гостиной. Отлежавшись и глотнув вина, он с опаской подкрался к двери в столовую. Говорил Глойн, и вот что Бильбо услышал:

— Пф! (Или другой какой-то пренебрежительный звук вроде этого). Думаете, он подойдет? Легко Гэндальфу расписывать, какой он свирепый, а ну как он возбудится и заорет не вовремя — тогда дракон и все его родственники проснутся — и мы погибли! Сдается мне, его крик вызван страхом, а вовсе не возбуждением! Право, не будь на дверях волшебного знака, я бы решил, что мы попали не туда. Едва я увидел, как этот пузан подпрыгивает и пыхтит в дверях, я сразу заподозрил неладное. Он больше смахивает на бакалейщика, чем на взломщика!

Тут мистер Бэггинс нажал на ручку и вошел. Туковская порода в нем взяла верх. Он почувствовал, что обойдется без настоящей постели и без завтрака, только бы его считали свирепым. Кстати, он и вправду рассвирепел, услышав слова «как этот пузан подпрыгивает...». Много раз впоследствии бэггинсовская сторона его существа раскаивалась в безрассудном поступке, и он говорил себе: «Бильбо, ты глупец, ты сам, по доброй воле, вступил в это дело».

— Прошу прощения, — проговорил он, — я нечаянно услышал ваши слова. Не буду делать вид, будто понимаю, о чем идет речь; особенно мне непонятно замечание о взломщиках. Но думаю, что я правильно усвоил одно (все это он называл «держаться с достоинством»): вы считаете меня никуда не годным. Хорошо, я вам докажу, на что я способен. Никаких волшебных знаков у меня на дверях нет, ее красили всего неделю назад, и вы, разумеется, ошиблись адресом. Как только я увидел ваши несимпатичные физиономии, я сразу заподозрил, что вы попали не туда. Но считайте, что вы попали туда. Скажите, что надо

делать, и я постараюсь это выполнить, хотя бы мне пришлось сражаться с кошмарными хобборотнями в Самой Крайней Пустыне. У меня был двоюродный прапрапрадедушка Тук Бычий Рев, так он...

— Верно, верно, только это было давно, — прервал его Глойн. — А я говорил про вас. И уверяю вас, на ваших дверях есть знак, как раз тот знак, который используют — или использовали в прошлом — представители вашей профессии. И означает он вот что: «Опытный взломщик возьмется за хорошую работу, предпочтительно рискованную, оплата по соглашению». Можете называть себя «кладоискатель высшей категории», если вам не по вкусу «взломщик». Некоторые именуют себя так. Нам-то все равно. Гэндальф сообщил нам, что один местный специалист срочно ищет работу и что собрание назначается здесь, в среду, на пять часов.

— Как же на быть знаку, — вмешался Гэндальф. — Я сам его поставил на дверях. И по весьма веским причинам. Вы меня просили подыскать для экспедиции четырнадцатого, я и выбрал мистера Бэггинса. Пусть кто-нибудь попробует сказать, что я ошибся, выбрал не того и попал не туда, и можете отправляться в тринадцатером и получать сполна все, что причитается за это число. А не хотите — ступайте домой, копайте уголь!

Он так сердито воззрился на Глойна, что гном вжался в спинку стула, а когда Бильбо открыл было рот, чтобы задать вопрос, Гэндальф повернулся и кинул на него такой грозный взгляд из-под лохматых бровей, что у Бильбо со стуком захлопнулся рот.

— Вот так, — произнес Гэндальф. — И чтоб больше никаких споров. Я выбрал мистера Бэггинса, и будьте довольны. Если я сказал, что он Взломщик, — значит, он взломщик или будет взломщиком, когда понадобится. Он далеко не так прост, как вы думаете, и совсем не так прост, как думает он сам. Настанет время, когда вы все (если доживете) будете благодарить меня за него. А теперь, Бильбо, мой мальчик, неси-ка лампу и прольем немного света вот на эту вещь.

На столе, под большой лампой с красным абажуром, он расстелил обрывок пергамента, похожий на карту.

— Это дело рук Трора, вашего деда, Торин, — сказал он в ответ на взволнованные возгласы гномов. — Это план Горы.

— Не вижу, чем это нам поможет, — разочарованно сказал Торин, быстро оглядев план. — Я и без того прекрасно помню Гору и ее окрестности. Я знаю, где Кромешный Лес и где Иссохшая Пустошь, — там водились драконы.

— Тут на карте и нарисован Дракон, — сказал Балин, — но коль скоро мы доберемся до Горы, мы и без карты его найдем.

— Есть еще одна подробность, которой вы не заметили, — возразил волшебник, — потайной ход. Видите вот ту руну на западной стороне и руку с вытянутым указательным пальцем над другими рунами, слева? В этом месте есть потайной ход в Нижний Ярус.

— Когда-то он, возможно, и был потайным, — возразил Торин, — но где уверенность, что он остался потайным до сих пор? Старый Смог

живет там так давно, что у него было время разобраться во всех ходах и выходах.

— Может, и так, но он им все равно не пользуется.

— Почему?

— Потому что ход слишком узок для него. «Пять футов двери вышиною, пройти там трое могут в ряд», — гласят руны. В такую нору Смог не мог бы протиснуться даже в молодые годы, а тем более теперь, когда он пожрал столько гномов и людей из Дейла.

— А по-моему, нора очень широкая, — подал голос Бильбо (который никогда не сталкивался с драконами, а что касается нор, был знаком только с хоббичьими). Он опять разгорячился и увлекся происходящим, и забыл, что лучше помалкивать. Он обожал всякие карты, у него у самого в прихожей висела большая карта Окрестностей, где его любимые дорожки для прогулок были помечены красными чернилами. — Не пойму, как такую огромную дверь можно утаить от кого бы то ни было, даже если Дракон проглядел ее? — спросил он. (Не забывайте, он был всего лишь маленький хоббит).

— Самыми разными способами, — ответил Гэндальф. — Но как утаили именно эту дверь, мы не узнаем, пока не увидим ее своими глазами. Насколько я могу понять из надписей на карте, дверь надежно заперта и сливается с Горой. Обычный прием гномов, если не ошибаюсь?

— Не ошибаетесь, — подтвердил Торин.

— Кроме того, — продолжал Гэндальф, — я забыл упомянуть, что к карте приложен ключик необычной формы. Вот он! — И Гэндальф протянул Торину серебряный ключ с длинным стержнем и с затейливой бородкой. — Берегите его!

— Еще бы не беречь! — сказал Торин и нацепил ключик на золотую цепочку, которая висела у него на шее и уходила под куртку. — Теперь наше положение перестает быть таким безнадежным. До сих пор нам было не ясно, с чего начинать. Мы думали держать путь на Восток, соблюдая осторожность и осмотрительность, и дойти до самого Долгого Озера. Тогда-то и начались бы неприятности...

— Не тогда, а намного раньше; уж я-то знаю, что такое путь на Восток, — прервал Гэндальф.

— Оттуда мы могли бы двинуться вверх по Реке Быстротечной, — продолжал Торин, пропустив слова Гэндальфа мимо ушей, — и достичь развалин Дейла — старинного города в долине реки под сенью Горы. Правда, никому из нас не по душе идти через Главные Ворота. Там река течет прямо под ними, по туннелю, сквозь большой утес у Южной Оконечности Горы, и из этих же ворот обыкновенно вылетает дракон, на мой взгляд, слишком часто, если только он не переменял своих привычек.

— Да, там не пройти, — сказал волшебник, — если не заручиться поддержкой какого-нибудь знаменитого Воина, а то и Сказочного Богатыря. Я пытался кого-нибудь подыскать, но воинам нынче не до того — они сражаются друг с другом в чужих краях, а сказочных бога-

тырей в здешних местах раз, два — и обчелся, если они вообще не перевелись. Мечи затупились, боевыми топорами валят деревья, щиты употребляют вместо люлек и крышек для кастрюль, а драконы, по счастью, за тридцать земель, и для здешних жителей они фигуры почти что легендарные. Потому-то я и решил прибегнуть к в з л о м у , особенно когда вспомнил про Боковой Вход. И вот тут-то входит в игру наш милый Бильбо Бэггинс, самой судьбой избранный Взломщик. Так что давайте обсуждать дело дальше и выработаем план действий.

— Превосходно, — сказал Торин. — Может быть, наш многоопытный взломщик выскажет какие-нибудь ценные мысли или предложения? — И он с преувеличенной вежливостью поклонился Бильбо.

— Прежде всего я хотел бы услышать побольше о самом деле, — сказал хоббит (в голове у него все перемешалось, в животе похолодело, но он, как истинный потомок Туков, решил не отступать). — То есть про золото, и про дракона, и про все прочее, и как золото туда попало, и чье оно, и так далее.

— Господи помилуй! — сказал Торин. — Разве вы не видели карты? Не слышали нашей песни? И разве не об этом мы толкуем уже много часов подряд?

— И все-таки я хочу услышать все подробно и по порядку, — упрямо сказал Бильбо, напуская на себя деловой вид (обычно предназначавшийся для тех, кто пытался занять у него денег) и изо всех сил стараясь казаться умным, осмотрительным, солидным специалистом, чтобы оправдать рекомендацию, полученную от Гэндальфа. — Я также хотел бы подробнее услышать о степени риска, о непредвиденных расходах, о том, сколько времени отводится на все это предприятие, о вознаграждении и прочая, и прочая.

Под этим подразумевалось: «Что перепадет мне? И вернусь ли я живым?»

— Ну, хорошо, так и быть, — сказал Торин. — Много лет тому назад, во времена моего деда Трора, нашу семью вытеснили с Дальнего Севера, и ей пришлось перебраться со всеми своими богатствами и орудиями труда назад, к этой самой Горе, что на карте. Гору эту некогда открыл мой давний предок Трейн Старший, но теперь гномы из нашего рода принялись за нее всерьез: изрыли ее вдоль и поперек, расширили жилища и мастерские, и при этом, как я понимаю, нашли довольно много золота и массу драгоценных камней. Как бы там ни было, они баснословно разбогатели и прославились, и дед мой стал королем Под Горой, и его очень чтили люди, которые поначалу жили на Юге, но постепенно расселились вверх по Реке Быстротечной до самой долины под сенью Горы. Тогда-то они и построили веселый город Дейл. Их правители всегда посылали за нашими кузнецами и богато вознаграждали даже наименее искусных. Отцы отдавали нам своих сыновей в обучение и щедро платили, особенно съестными припасами, так что мы не давали себе труда пахать, сеять и вообще добывать пропитание. То были счастливые дни, и даже у самых небогатых из нас водились свободные денюжки и досуг для того, чтобы изготавливать красивые вещи

просто так, для собственного удовольствия. Я уж не говорю о диковиннейших волшебных игрушках, каких в нынешнее время не увидишь нигде на свете! Чертоги моего деда буквально ломились от всевозможного оружия и драгоценных камней, резных изделий и кубков, а ярмарка игрушек в Дейле считалась чудом Севера.

Все это, несомненно, и привлекло внимание дракона. Драконы, как известно, воруют золото и драгоценности у людей, у эльфов, у гномов — где и когда только могут — и стерегут свою добычу до конца жизни (а живут драконы фактически вечно, если только их не убьют), но никогда не пользуются даже самым дешевым колечком. Сами они сделать неспособны ровно ничего, даже не могут укрепить какую-нибудь разболтавшуюся чешуйку в своей броне. В те времена на Севера расплодилось множество драконов, а золота, как видно, становилось все меньше, потому что гномы кто бежал на Юг, кто погиб, и картина всеобщего разорения и опустошения приобретала все более угрожающие размеры. Так вот, был там один особенно жадный, сильный и отвратительный змей по имени Смог. Однажды с Севера до нас донесся гул, похожий на гул урагана, и все сосны на Горе застонали и закричали под ветром. Те гномы, кто находился под открытым небом, а не внутри Горы (на счастье, я был в их числе), издали увидели, как дракон, весь в пламени, приземлился на нашей Горе. Потом он двинулся вниз, дополз до леса и поджег его. К этому времени в Дейле звонили во все колокола и воины спешно вооружались. Гномы бросились к Главным Воротам, но там их поджидал дракон. Никто из них не спасся. Река закипела от жара, туман окутал Дейл, и в этом тумане дракон напал на воинов и почти всех истребил — обычная печальная история, в те годы, увы, нередкая. Потом дракон вернулся назад, к Горе, прополз через Главные Ворота и очистил от жителей все улицы и переулки, подвалы, особняки и галереи. И когда на Горе не осталось в живых ни одного гнома, Смог забрал все сокровища себе. Наверное, он, как водится у драконов, свалил все в кучу где-нибудь в самой дальней пещере и с тех пор спит на захваченном золоте. По ночам он выползал через Главные Ворота, похищал жителей Дейла и съедал их, так что Дейл постепенно пришел в упадок, а население частью погибло, а частью разбежалось. Не знаю доподлинно, что там творится сейчас, едва ли кто-нибудь осмеливается жить близко к Горе, разве что у Долгого Озера.

Мы, малочисленная горстка гномов, спасшихся в тот день, сидели в своем убежище и оплакивали судьбу, проклиная Смога. Вдруг вошли мой отец и дед с опаленными бородами. Они были очень мрачны и неразговорчивы. Когда я спросил, как им удалось уцелеть, они велели мне помолчать и сказали, что в свое время я все узнаю. Потом мы покинули эти края и, скитаясь с места на место, зарабатывали себе на жизнь, как могли: нам случалось даже браться за кузнечное ремесло или трудиться в угольных шахтах. Но об украденных у нас сокровищах мы помнили все время. И даже сейчас, когда, признаюсь, мы отложили кое-что про черный день и уже не терпим нужды (тут Торин погладил

золотую цепь, висевшую у него на шее), мы все еще полны решимости вернуть их обратно и отомстить Смогу, если удастся.

Я часто ломал голову над тем, как спаслись отец и дед. Теперь я понимаю, что у них был в запасе Боковой Вход, о котором никто, кроме них, не знал. Очевидно, они и составили карту, и мне бы хотелось знать: каким образом ее захватил Гэндальф и почему она не попала ко мне — законному наследнику?

— Я ее не захватывал, мне ее дали, — ответил волшебник. — Ваш дед Трор, как вы помните, был убит в рудниках Морайи царем гоблинов Азогом.

— Будь проклято его имя! — отозвался Торин.

— А Трейн, ваш отец, двадцать первого апреля — в прошлый четверг минуло как раз сто лет с того дня — ушел неизвестно куда, и с тех пор вы его не видели...

— Все это верно, — подтвердил Торин.

— Так вот, ваш отец перед уходом отдал мне карту и просил передать ее вам: а что касается времени и места, которые я выбрал, чтобы вручить ее, то моей вины тут нет, ведь чего мне стоило вас разыскать! Когда ваш отец отдавал мне карту, он и свое-то имя позабыл, не то что ваше, так что скажите мне спасибо! Получайте! — И он протянул бумагу Торину.

— Все равно не понимаю, — сказал Торин, и Бильбо захотелось повторить то же самое. Объяснение и ему показалось не вполне ясным.

— Ваш дед, — медленно и сумрачно проговорил волшебник, — собираясь на рудники Морайи, отдал карту на хранение сыну. После гибели вашего деда отец ваш отправился попытать счастья с картой; он пережил множество всяких злоключений, но так и не добрался до Горы. Я познакомился с ним в темницах черного мага Некроманта; как он попал туда — не знаю.

— Вы-то что там делали? — спросил Торин, содрогнувшись, и все гномы тоже вздрогнули.

— Неважно. Интересовался кое-чем, как всегда, и, надо сказать, там мне пришлось довольно туго. Даже я, Гэндальф, еле-еле уцелел. Я пытался спасти вашего отца, но было уже поздно: он повредился в уме, мысли его путались, он не помнил ни о чем, кроме карты и ключа.

— С гоблинами Морайи мы давно расквитались, — сказал Торин, — надо будет теперь заняться Некромантом.

— Вздор! Такого врага не одолеть всем гномам, вместе взятым, даже если бы их можно было еще собрать с четырех концов земли. Отец ваш хотел одного: чтобы его сын разобрался в карте и употребил ключ в дело. Так что дракон и Гора — этого вам за глаза хватит!

— Внимание! Внимание! — вырвалось у Бильбо.

— В чем дело? — спросили гномы и разом обернулись к нему, а он, не в силах совладать с собой, воскликнул:

— Послушайте, что я скажу!

— Что такое? — спросили гномы.

— Мне кажется, вам надо пойти на Восток и на месте выяснить, что и как. В конце концов, существует Боковой Вход, и драконы когда-нибудь да спят, и, если посидеть у входа подольше, что-нибудь непременно придет в голову. А потом, знаете, по-моему, на сегодня разговоров достаточно. Как там говорится насчет рано вставать, рано в кровать и так далее? Перед вашим уходом я накормлю вас хорошим завтраком.

— Перед нашим общим уходом, вы хотите сказать, — отозвался Торин. — Разве не вы Главный Взломщик? И не ваше разве дело сидеть у входа, не говоря уже о том, чтобы проникнуть внутрь? Но насчет кровати и завтрака я с вами согласен. Перед дорогой я обычно ем яичницу из шести яиц с ветчиной — конечно, не болтунью, а глазунью, да смотрите, чтоб глазки были целы!

После того как и остальные гномы объявили, что они желают на завтрак (никто из них не подумал сказать хотя бы «пожалуйста», что немало обидело Бильбо), все поднялись из-за стола. Хоббиту пришлось еще каждого устроить на ночь; он предоставил им все гостевые комнаты, постелил на креслах и диванах, наконец разместил всех и улегся в свою кроватку, очень усталый и не вполне успокоенный. Единственное, что он твердо решил, — ни в коем случае не вставать ни свет ни заря, чтобы накормить всех этих дармоедов. Туковские настроения в нем повыветрились, и он был далеко не уверен, что наутро отправится куда бы то ни было.

Лежа в постели, он слышал, как в соседней с ним парадной спальне Торин напевает:

За синие горы, за белый туман
В пещеры и норы уйдет караван;
За быстрые воды уйдем до восхода
За кладом старинным из сказочных стран...

Бильбо заснул под эту песню и видел скверные сны. Когда он проснулся, уже давно рассвело.

2. Баранье жаркое

Бильбо живо вскочил, надел халат и вошел в столовую. Ни души! Он застал там лишь следы обильного и поспешного завтрака. В комнате все было перевернуто вверх дном, в кухне громоздились груды грязной посуды, перепачканы были чуть не все кастрюли и горшки. Бильбо с грустью убедился в том, что вечерняя пирушка не просто дурной сон. Но зато он с облегчением увидел, что гости отправились в путь без него, не удосужившись его разбудить («Даже спасибо не сказали», — подумал он). В то же время Бильбо был немного разочарован и сам удивился своему разочарованию. «Не будь дураком, Бильбо Бэггинс, — уговаривал он себя, — в твои ли годы мечтать о драконах и всякой сказочной чепухе!»

И он надел фартук, разжег плиту, вскипятил воду и быстро перемыл всю посуду. Потом уютненько позавтракал на кухне и тогда только приступил к уборке столовой. Солнце уже сияло вовсю, входная дверь стояла распахнутой, в дом залетал теплый весенний ветерок. Бильбо начал громко насвистывать и совсем позабыл про вечер накануне. Только-только он собирался сесть и уютненько позавтракать во второй раз у раскрытого окна в столовой, как вдруг появился Гэндальф.

— Голубчик, — сказал он, — да когда же ты пожуешь? А еще говорил «рано вставать»! Скажите на милость — сидит завтракает, или как там у тебя это называется, а между тем половина одиннадцатого! Они не могли ждать и оставили тебе послание.

— Какое послание? — спросил бедный мистер Бэггинс в неописуемом волнении.

— Вот те раз! — воскликнул Гэндальф. — Я тебя не узнаю — ты даже не вытер пыль на каминной полке!

— При чем тут каминная полка? Хватит с меня мытья посуды на четырнадцать персон!

— Если бы ты вытер каминную полку, ты бы нашел под часами вот это! — И Гэндальф протянул Бильбо записку (написанную, естественно, на собственной, Бильбо, писчей бумаге).

Вот что Бильбо прочел:

«Торин и К^о шлют Взломщику Бильбо свой привет! За гостеприимство — сердечная благодарность, предложение профессиональной помощи принимается с признательностью. Условия — оплата при вручении искомого размером до, но не превышая, четырнадцатой части общего дохода (буде таковой случится). Возмещение путевых издержек в любом случае гарантировано, похоронные издержки ложатся на К^о или на ее представителей (если меры не приняты покойным заранее).

Не считая возможным нарушать ваш драгоценный отдых, мы отправляемся вперед, дабы сделать необходимые приготовления. Будем ожидать вашу почтенную особу в харчевне Зеленый Дракон, Бай-уотер, ровно в 11 утра.

Надеясь на Вашу пунктуальность, имеем честь пребывать глубоко преданные Торин и К^о».

— Остается ровно десять минут. Тебе придется бежать, — заметил Гэндальф.

— Но... — начал Бильбо.

— Никаких «но», — отрезал волшебник.

— Но ведь... — сделал еще одну попытку Бильбо.

— Никаких «но ведь»! Бегом!

Бильбо потом никак не мог вспомнить, каким образом очутился на улице — без шапки, без трости, без денег, без всех тех вещей, которые привык брать с собой, выходя из дому. Оставив второй завтрак недоеденным и посуду после себя невымытой, он сунул Гэндальфу ключи от

дома и побегал со всех своих мохнатых ног по улочке мимо большой мельницы, через мост и еще с милю По Ту Сторону Реки.

Ну и запыхался же он, и упарился же, когда ровно в одиннадцать, с боем часов, достиг Байуотера. И на тебе! Оказалось, что носовой платок он тоже забыл дома!

— Браво! — сказал Балин, ждавший его в дверях харчевни.

Тут из-за поворота дороги, которая вела в деревню, показались остальные.

Они ехали верхом на пони, и каждый пони был навьючен всевозможной поклажей — тюками, мешками и прочими пожитками. Самый маленький пони, очевидно, предназначался Бильбо.

— Теперь залезайте оба — и в путь! — скомандовал Торин.

— Прошу прощения, — запротестовал Бильбо, — я не успел надеть шляпу, забыл носовой платок и не захватил денег. Вашу записку я получил только в десять сорок пять, чтобы быть точным.

— А вы не будьте таким точным, — посоветовал Двалин, — и не волнуйтесь! Придется вам до конца путешествия обходиться без носовых платков и еще много без чего. А вместо шляпы... у меня в багаже есть лишний капюшон и плащ.

Вот так в одно прекрасное утро в самом конце апреля они тронулись потихоньку в путь. Бильбо был облачен в темно-зеленый плащ и чуть-чуть полинялый темно-зеленый капюшон, которые ему одолжил Двалин. Одежда была ему велика, выглядел он довольно нелепо. Боюсь и вообразить, что подумал бы при виде Бильбо его отец Банго. Бильбо утешался единственно тем, что его нельзя принять за гнома. так как у него нет бороды.

Не успели они отъехать от харчевни, как их догнал Гэндальф, совершенно великолепный на великолепном белом коне. Он привез Бильбо уйму носовых платков, любимую трубку и табак. Вся компания весело поехала дальше. По дороге путешественники целый день рассказывали разные истории и пели песни, замолкая лишь на то время, пока останавливались перекусить. И хотя это случалось далеко не так часто, как хотелось Бильбо, он все-таки понемногу стал входить во вкус такой жизни и подумывал, что приключения — это не так уж плохо.

Сперва они проезжали владения хоббитов — просторный добропорядочный край с отличными дорогами, населенный почтенным народом; время от времени и встречался какой-нибудь гном или фермер, спешившие по своим делам. Потом пошла местность, где жители говорили на незнакомом языке и пели песни, каких Бильбо раньше не слышивал. Наконец они углубились в Пустынную Страну, где уже не попадалось ни жителей, ни трактиров, а дороги становились все хуже да хуже. Впереди замаячили сумрачные горы, одна другой выше, казавшиеся черными из-за густых лесов. На некоторых виднелись древние замки такого зловещего вида, как будто их построили нехорошие люди. Все кругом сделалось мрачным, погода вдруг испортилась, стало холодно и сыро. Ночевать им приходилось где попало.

— Подумать только — июнь на носу! — ворчал Бильбо; его пони хлюпал по грязнейшей проселочной дороге в хвосте процессии. Близился вечер, время чая прошло, весь день не переставая лил дождь, с капюшона текло в глаза, плащ промок насквозь, пони устал и спотыкался о камни. Путешественники были не в духе и молчали.

«Наверняка дождь промочил тюки с сухой одеждой и вода попала в мешки с едой, — с грустью думал Бильбо. — Как бы мне хотелось очутиться сейчас у себя дома, в моей славной норке, у очага, и чтобы чайник начинал петь!..»

Еще не раз потом ему пришлось мечтать об этом!

А гномы все трусили вперед да вперед, не оборачиваясь, словно совсем забыв про хоббита. За серыми тучами, должно быть, село солнце, и, когда они спустились в глубокую долину, по дну которой бежал поток, сделалось совсем темно. Поднялся ветер, ивы по берегам закачались и зашелестели. К счастью, старинный каменный мост был цел и им не пришлось переправляться вброд, а то река вздулась от дождей и с шумом бежала с гор и холмов.

Когда они наконец очутились на другом берегу, совсем стемнело. ветер разогнал тучи, проглянула луна. Они спешили, и Торин пробормотал что-то насчет ужина и «где бы отыскать сухое местечко на ночь». И тут только заметили, что Гэндальфа нет. Он ехал с ними всю дорогу, так и не объясняя — участвует он в их походе или просто провожает до поры до времени. Он ел больше всех, болтал больше всех и хохотал громче всех. А теперь он просто-напросто исчез, и все тут!

— Как раз когда так пригодился бы волшебник! — простонали Дори и Нори (они разделяли взгляд хоббита на то, что есть надо регулярно, часто и как можно больше).

В конце концов решили заночевать где есть и только передвинулись под деревья, так как там земля была суше. Но зато ветер стряхивал воду с листьев, и звук падающих капель — «кап, кап» — наводил уныние. К тому же что-то приключилось с костром, огонь словно заколдовали. Гномы обычно умеют разложить костер буквально где угодно и из чего угодно, независимо от того, есть ветер или нет. Но в этот вечер у них ничего не клеилось, даже у Ойна и Глойна, уж на что они были мастера по части костров.

Потом вдруг невесть чего испугался один из пони и ускакал. Его не успели перехватить, и он забежал в реку. Пытаясь вытащить его из воды, Фили и Кили чуть не утонули, а поклажу унесло течением. Там, как назло, была большая часть провизии, поэтому и их ожидал скудный ужин и еще более скудный завтрак.

Так они сидели, хмурые, промокшие, и ворчали, а Ойн и Глойн продолжали возиться с костром и переругиваться. Бильбо с грустью размышлял о том, что приключения — это не увеселительная прогулка в сияющий майский день. И вдруг Балин, который выполнял роль дозорного, закричал:

— Смотрите, огонь!

Немного поодаль темнел холм, местами довольно густо поросший деревьями. В гуще деревьев и впрямь сверкал огонь, красноватый, уютный, словно свет костра или факелов.

Они поглядели-поглядели и принялись спорить. Одни стояли за то, чтобы пойти и просто посмотреть, что там такое, — хуже не будет. Другие убеждали: «Местность нам незнакома, и горы чересчур близко. Чем меньше проявлять любопытства в пути, тем меньше вероятности попасть в беду».

Кто-то сказал:

— Но нас как-никак четырнадцать.

А еще один проговорил:

— Куда запропастился Гэндальф?

И этот вопрос принялись повторять все наперебой.

Тут дождь полил пуще прежнего, а Ойн и Глойн подрались.

Это решило дело.

— В конце концов, с нами Взломщик, — сказали они и направились в сторону огонька, со всеми возможными предосторожностями, ведя своих пони под уздцы. Они добрались до холма и ступили в лес, потом начали подниматься вверх, но нигде не было видно тропы, которая бы вела к дому или ферме. Как они ни старались, все равно шороха, треска и скрипа (равно как воркотни и чертыханья), пока они продирались в полной темноте сквозь чащу, было хоть отбавляй.

Внезапно красный свет ярко блеснул между стволами совсем близко.

— Теперь очередь за Взломщиком, — сказали они, подразумевая Бильбо.

— Ступайте и проверьте, что это за свет и зачем он и все ли тихо и безопасно, — приказал Торин хоббиту. — Поторапливайтесь и, если все в порядке, побыстрее возвращайтесь. Если не в порядке, тоже попробуйте вернуться. Не сможете вернуться — дважды крикните сычом, а один раз ухните филином, и мы постараемся что-нибудь предпринять.

И Бильбо пришлось идти, так и не успев объяснить, что он и одного раза не сумеет ухнуть филином или крикнуть сычом. Зато хоббиты умеют совершенно бесшумно ступать в лесу. Они очень гордятся своим умением, и Бильбо не раз презрительной фыркал, слушая «тарарам», который, по его мнению, устроили гномы, пробираясь по лесу. Я-то лично думаю, что мы с вами не заметили бы ровнехонько ничего, даже если бы кавалькада прогарцевала в двух шагах от нас. Что же касается Бильбо, то, когда он крался к огоньку, наверное, даже осторожный хорек ничего бы не услышал. Бильбо благополучно, никого не испугнув, добрался до огня, и вот что он увидел.

Трое громадных великанов сидели у огромного костра, сложенного из буковых бревен. Они поджаривали куски барана на длинных деревянных вертелах и слизывали с пальцев жир. В воздухе разносился дивный аппетитный аромат. Рядом стоял бочонок с чем-то вкусным, и великаны то и дело окунали туда кружки. Это были тролли! Тут не

могло быть никаких сомнений. Даже Бильбо, несмотря на свою затворническую жизнь, сразу догадался, кто они, по их грубым неотесанным физиономиям, их великанским размерам, массивным каменным ногам, а главное — по их разговору, который был совсем, совсем непохож на великосветский!

— Вчера баранина, сегодня баранина — видно, и завтра, чтоб мне лопнуть, придется жрать эту чертову баранину, — проговорил один тролль.

— Хотя бы какой завалящий кусок человечины! — отозвался второй. — И с какой радости этот Вильям, тупая башка, приволок нас в здешние места? Выпивка тоже кончается, — добавил он, толкая Вильяма под локоть, как раз когда тот делал глоток из кружки.

Вильям поперхнулся.

— Заткнись! — заорал он, как только отдышался. — Ты что думаешь — людишки нарочно будут вам с Бертом подвертываться — нате, лопайте? С той поры, как мы спустились с гор, вы с Бертом полторы деревни умяли, не меньше. Где их еще взять? Нынче такие времена пришли, что скажите «спасибо, Билл» и за такого жирненького горного барана, как этот.

От оторвал зубами большой кусок от бараньей ноги, которую жарил, и утер губы рукавом.

Да, боюсь, что тролли всегда ведут себя так некультурно, даже те, у которых по одной голове. Услыхав все это, Бильбо понял, что следует немедленно действовать. Либо надо тихонько вернуться назад и предупредить своих, что в нескольких шагах сидят три здоровенных тролля в прескверном настроении и явно не откажутся отведать жареных гномов или, для разнообразия, жареных пони. Либо он должен показать класс кражи со взломом. Настоящий Взломщик первой категории в подобных обстоятельствах очистил бы карманы троллей (дело почти всегда того стоит), стянул бы барана прямо с вертела, похитил бы пиво — и был таков. А тролли при этом его бы и не заметили. Взломщики более практичные, лишенные профессионального тщеславия, пырнули бы предварительно троллей кинжалом. После чего весело скоротали бы ночь за сытным ужином.

Бильбо все это знал. Он немало прочитал о том, чего сам в своей жизни не видел и не делал. Он испытывал сильнейшее возбуждение, но и отвращение тоже. Ему хотелось быть в сотне миль отсюда и в то же время... в то же время он как-то не мог просто взять и вернуться к Торину и К^о с пустыми руками. Поэтому он стоял, скрытый мраком, и размышлял. Из всех известных ему многообразных деяний взломщиков обчистить карманы троллей казалось ему наименее трудным. Наконец он решил и заполз за дерево как раз позади Вильяма.

Берт и Том отошли к бочонку. Вильям снова опрокинул кружку. Набравшись духу, Бильбо сунул свою маленькую ручку к Вильяму в обширный карман. Кошелек был там и показался Бильбо большим, как мешок. «Ха, — подумал он, входя во вкус своего нового ремесла и аккуратно вытягивая кошелек. — Лиха беда — начало!»

Да, это было только начало! Кошельки у троллей всегда со зловредным секретом, и этот кошелек не был исключением.

— Эй, ты кто такой? — пропищал кошелек, очутившись снаружи, и Вильям схватил Бильбо за шиворот прежде, чем тот успел отскочить за дерево.

— Чтoб мне лопнуть, Берт, погляди, кого я сцапал! — сказал Вильям.

— Что за штука? — спросили Берт и Том, подходя к нему.

— Почему я знаю! Ты что за штука?

— Я — Бильбо Бэггинс, вз-з-хоббит, — ответил бедняга Бильбо, трясаясь всем телом и пытаясь сообразить, как ему прокричать по-совиному, пока его не придушили.

— Вззхоббит? — повторили тролли, насторожившись. Тролли сообщают туго и поэтому с подозрением относятся ко всему незнакомому.

— А чего, собственно, вззхоббиту понадобилось в моем кармане? — заметил Вильям.

— А приготовить обед из него можно? — поинтересовался Том.

— Попробуй — узнаешь, — ответил Берт, берясь за вертел.

— Шкуру ободрать, так, поди, и мяса-то на один укус останется, — проговорил Вильям, который только что плотно поужинал.

— Может, поискать — тут еще такие найдутся? Пирог бы состряпали, — сказал Берт. — Эй, ты, много вас тут шныряет по лесу? Кролик ты несчастный, — добавил он, поглядев на мохнатые ножки хоббита. Он схватил Бильбо за ноги и сильно встряхнул его.

— Много, — пискнул Бильбо и тогда только спохватился, что нельзя выдавать друзей. — Нет, нет, никого, — быстро прибавил он.

— Это как понять? — спросил Берт, держа Бильбо в воздухе, но на этот раз за волосы.

— Так и понять, — ответил Бильбо, переведя дух. — Пожалуйста, любезные господа, не готовьте из меня ничего! Я сам хорошо готовлю, я лучше готовлю, чем готовлюсь, вы понимаете, что я хочу сказать? Я вам сготовлю превосходный завтрак, если вы меня не приготовите на ужин.

— Заморыш несчастный! — сказал Вильям. Он и так уже за ужином наелся и напился пивом. — Заморышнесчастный! Берт, отпусти ты его!

— Не отпущу, пока не объяснит, что значит «много» и «никого», — возразил Берт. — Не желаю, чтоб мне глотку во сне перерезали! Вот подпалю ему пятки над костром, живо заговорит!

— А я этого не допущу, — сказал Вильям. — Я его поймал.

— Вильям, говорил я тебе, что ты жирный дурак, — заорал Берт, — и еще повторю!

— А ты хам!

— Я тебе этого не спущу, Билл Хаггинс! — завопил Берт и двинул Вильяму кулаком в глаз.

Тут началась зверская потасовка. Берт выронил Бильбо, и у того хватило ума отползти в сторону, чтобы его не растоптали. А тролли принялись отчаянно драться, громко обзывая друг друга всякими, надо

сказать, весьма подходящими именами. Немного погодя они повалились на землю и, сцепившись, лягаясь и пинаясь, покатались прямо в костер, а Том колотил их обеих веткой, чтобы образумить, отчего они, естественно, еще больше разъярились.

Тут бы хоббиту самое время улизнуть. Но его бедные мохнатые ножки сильно помял Берт своей лапищей, силы покинули Бильбо, голова кружилась, он лежал за кругом света, падавшего от костра, и отдувался.

В самом разгаре драки вдруг появился Балин. Гномы издали слышали шум и, напрасно прождав Бильбо или уханья совы, по одному поползли на свет костра. Едва Том увидел в круге костра Балина, он испустил страшный вой. Тролли просто терпеть не могут гномов (во всяком случае — в сыром виде). Берт и Билл мигом перестали драться и зашипели: «Том, мешок, скорей!» И прежде чем Балин, соображавший, где тут в этой кутерьме найти Бильбо, понял, что происходит, на голову ему набросили мешок и он уже лежал на земле.

— Сейчас еще полезут, — сказал Том, — или я здорово ошибаюсь. Это то самое и есть — много и никого. Вздохобитов — никого, а гномов — много. Я так кумекаю!

— А ведь, похоже, ты прав, — подтвердил Берт. — Давайте-ка отойдем от света.

Так они и сделали. Держа наготове мешки, в которых таскали баранов и другую добычу, они притаились в темноте. Стоило появиться очередному гному и застыть в удивлении при виде костра, пустых кружек, обглоданных костей, как — хлоп! — вонючий противный мешок опускался ему на голову, и гном валился на землю. Очень скоро Двалин лежал рядышком с Балином, Фили и Кили тоже лежали вместе, Дори, Нори и Ори были брошены один на другого, а Ойн, Глойн, Бифур, Бофур и Бомбур самым неудобным образом свалены в кучу у костра.

— Будут знать, — сказал Том. Бифур и Бомбур доставили им массу неприятностей, сопротивляясь, как бешеные (все гномы в минуту смертельной опасности сопротивляются, как бешеные).

Последним оказался Торин, и его-то уж не захватили врасплох. Он уже ожидал худшего, и ему не надо было видеть ноги своих соратников, торчащие из мешков, чтобы понять, что дела идут не слишком блестяще. Он остановился поодаль, в полумраке, и проговорил:

— Что тут творится? Кто расправился с моими людьми?

— Это тролли! — подал из-за дерева голос Бильбо. — Они прячутся с мешками в кустах.

— Ах так! — сказал Торин и бросился к костру так быстро, что тролли не успели накинуть на него мешок. Он выхватил из костра большую горящую ветку и ткнул ею Берту в глаз. На некоторое время Берт выбыл из строя. Бильбо тоже не зевал — обхватил Тома за ногу, с большим трудом, так как нога была толщиной с молодое дерево. Но тут же кубарем отлетел и упал прямо в куст, потому что Том, размахнувшись, подбросил ногой в лицо Торину ворох углей. За это Том получил поленом в зубы и потерял передний зуб. Ну и завыл

же он! Но в эту самую минуту Вильям подкрался сзади и набросил на Торины мешок. На этом бой закончился. В плачевном положении очутилась вся компания: гномы лежали, аккуратно увязанные в мешки, в двух шагах сидели трое обозленных троллей, причем двое в ожогах и синяках, и спорили — зажарить гномов на медленном огне целиком, или накрошить и сварить, или просто сесть на каждого и раздавить в лепешку. Бильбо лежал на кусте; одежда на нем была изорвана, весь в ссадинах, он не смел шелохнуться, боясь, что его услышат.

И тут-то появился наконец Гэндальф. Но никто его не заметил. Тролли как раз порешили изжарить гномов сразу, а съесть погоду. Это была идея Берта, и после долгих пререканий другие двое с ним согласились.

— Чего хорошего — жарить сейчас, всю ночь провозимся, — послышался чей-то голос.

Берт подумал, что говорит Вильям.

— Не начинай снова-здоровая, Билл, — огрызнулся он, — а то и впрямь всю ночь провозимся.

— Кто начинает? — отозвался Вильям, думавший, что те слова произнес Берт.

— Ты начинаешь, — ответил Берт.

— Врешь, — возразил Вильям, и спор начался сначала. В конце концов они договорились искрошить гномов и сварить. Тролли притащили огромный черный котел и достали ножи.

— Да не стоит их варить! Воды под рукой нет, а до колодца топтать далеко, — раздался голос.

Берт и Вильям решили, что говорит Том.

— Молчи! — оборвали они его. — А то мы так никогда не кончим. Будешь болтать, пойдешь за водой.

— Сам молчи! — отозвался Том, который думал, что говорил Вильям. — Кто болтает? Ты и болтаешь!

— Балда! — сказал Вильям.

— Сам балда! — отрезал Том.

И они опять заспорили еще яростнее, чем прежде, но в конце концов пришли к соглашению сесть на каждый мешок по очереди и расплющить гномов, а сварить как-нибудь в другой раз.

— На кого первого сядем? — спросил голос.

Берт думал, что говорит Том.

— Давайте сперва на последнего, — ответил Берт, которому Торин повредил глаз.

— Чего ты сам с собой разговариваешь? — сказал Том. — Хочешь на последнего — садись на последнего. Где он тут?

— В желтых чулках, — сказал Берт.

— Ерунда, в серых, — послышался голос, похожий на Вильямов.

— Я нарочно запомнил — в желтых, — настаивал Берт.

— Точно, в желтых, — подтвердил Вильям.

— Так чего ты говоришь — в серых?! — возмутился Берт.

— Не говорил я. Это Том сказал.

— Я-то при чем? — завопил Том. — Сам ты сказал!
— Один двоих не переспорит, заткнись! — скомандовал Берт.
— Ты это кому говоришь? — крикнул Вильям.
— Ну хватит! — сказали Том и Берт вместе. — Ночь кончается, скоро рассвет. За дело!

— Рассвет вас застанет — и камнем всяк станет! — сказал голос, похожий на голос Вильяма. Но говорил не Вильям.

В эту самую минуту занялась заря и в ветвях поднялся птичий гомон. Вильям уже ничего не мог сказать, ибо, нагнувшись к Торину, превратился в камень, а Берт и Том усталились на него и тоже окаменели. Так и стоят они по сей день, совсем одни, разве что птицы на них садятся. Вам, может быть, известно, что тролли обязаны вовремя спрятаться под землю, чтобы рассвет их не застиг, в противном случае они превратятся в скалы, в горную породу, из которой произошли, и застынут навсегда. Именно это и случилось с Бертом, Томом и Вильямом.

— Превосходно! — проговорил Гэндальф, выступая из-за деревьев и помогая Бильбо слезть с колючего куста.

И тут Бильбо все понял. Чародей Гэндальф! — вот чей голос заставил троллей пререкаться так долго, что рассвет наступил и покончил с ними. Гэндальф и Бильбо развязали мешки и выпустили гномов. Те чуть не задохнулись и были в крайне раздраженном состоянии. Еще бы! Разве приятно лежать и слушать, как тролли обсуждают — зажарить тебя, раздавить или искрошить?

— Нашел время лазать по карманам, — проворчал Бомбур, — когда главное для нас — найти огонь и пищу!

— Уж чего-чего, а этого у них тебе бы все равно не получить без боя, — сказал Гэндальф. — Но так или иначе сейчас вы теряете время. Ясно, что у троллей должна быть выкопана где-то яма или пещера, куда они прятались от солнца! Не мешает в нее заглянуть!

Они поискали-поискали и вскоре нашли следы каменных сапог, которые вели в лес. Они шли по этим следам вверх по склону холма, пока не дошли до запрятанной в кустах большой каменной двери, которая закрывала вход в пещеру. Но открыть ее не могли, сколько ни толкали все вместе и сколько ни пробовал Гэндальф всякие заклинания.

— Может быть, это подойдет? — спросил Бильбо, когда они совсем выбились из сил и разозлились. — Я нашел его на земле, там, где дрались тролли.

И он протянул большущий ключ, который Вильяму, наверное, казался крохотным и незаметным. Ключ, на их счастье, должно быть, выпал у Вильяма из кармана до того, как тролль обратился в камень.

— Так что же ты раньше молчал? — закричали все хором. Гэндальф выхватил у Бильбо ключ и сунул его в замочную скважину. Один мощный толчок всей компанией — каменная дверь отворилась, и они вошли внутрь. На земле валялись кости, в пещере отвратительно пахло, но среди беспорядочного нагромождения всевозможных трофеев — от медных пуговиц до стоявших в углу горшков, полных до краев

золотых монет, — на полках и на земле путники нашли груды еды. По стенам висело много разной одежды, троллям она была явно мала и, боюсь, принадлежала их жертвам. Еще там имелись мечи — самой разной выделки, формы и длины. Два из них сразу бросились в глаза благодаря своим красивым ножнам и рукоятям, усыпанным драгоценностями.

Гэндальф и Торин забрали себе эти два меча, а Бильбо взял кинжал в кожаном чехле. Для тролля этот кинжал был все равно что маленький карманный ножичек, но хоббиту он мог служить мечом.

— Сразу видно — клинки отличные, — сказал чародей, наполовину вытаскивая мечи из ножен и с любопытством разглядывая их. — Их ковали не тролли и не люди из здешних краев, и сделаны они не в наше время. Когда разберем руны, узнаем о них больше.

— Уйдем поскорей отсюда, тут такой омерзительный запах, — взмолился Фили.

Они унесли горшки с монетами и ту снедь, которая выглядела съедобной. А также полный бочонок эля. Они уже были весьма не прочь позавтракать и не стали воротить нос от запасов троллей. Ведь сестного у них оставалось мало. Они подкрепились хлебом и сыром, вдоволь выпили эля и поджарили на углях копченой свинины. Затем легли спать. Как вы понимаете, после такой ночи поспать не грех. Проотдыхав почти до вечера, они привели пони, погрузили на них горшки с золотом, перевезли подальше и закопали невдалеке от тропы, шедшей вдоль реки. Они тщательно заколдовали это место и произнесли много заклинаний, рассчитывая вернуться сюда за золотом. Покончив с этим, они сели на пони и затрусили опять по дороге, ведущей на восток.

— Где вы изволили пропадать, если не секрет? — спросил Торин у Гэндальфа дорогой.

— Разведывал, что впереди, — отвечал тот.

— А что вас заставило вернуться так вовремя?

— Привычка оглядываться назад.

— В самом деле! — пробормотал Торин. — А нельзя ли поясней?

— Я пустился вперед обследовать наш путь. Имейте в виду, дорога очень скоро станет опасной и трудной. Меня также беспокоил вопрос, где пополнить наш скудный запас провианта. Только я отъехал, как мне повстречались двое знакомых из Ривенделла.

— Где это? — вмешался Бильбо.

— Не прерывай! — отозвался Гэндальф. — Если нам повезет, ты туда скоро попадешь и сам все узнаешь. Как я уже сказал, я встретил двоих людей Элронда. Они мне и рассказали, что три тролля спустились с гор, обосновались в лесах неподалеку от большой дороги, распугали всех обитателей в округе и подстерегают путников. У меня сразу возникло ощущение, что там, позади, во мне нуждаются. Оглянувшись, я увидел в отдалении костер и поехал прямо на него. Вот теперь вы все знаете. Пожалуйста, в другой раз будьте осторожней, а то мы никуда не доберемся!

— Мы вам весьма признательны! — проговорил Торин.

3. Передышка

Погода исправилась. Но ни в этот день, ни на следующий, ни еще через один путешественники не пели и не рассказывали историй. Им чудилось, будто над ними нависла угроза. Они ночевали под открытым небом, и пони их ели сытнее, чем они сами, так как трава вокруг росла в изобилии, а тюки опустели — запасов, пополненных в пещере троллей, хватило ненадолго. Однажды утром они переправились через реку в мелком месте, где с грохотом перекатывались камни и по воде несло пену. Противоположный берег был крутой и скользкий. Когда они наконец с трудом взобрались на него, ведя под уздцы пони, то увидели высокие горы. Горы словно надвигались на них — казалось, до ближайшей не больше дня пути. Темной и мрачной выглядела эта гора, хотя на ее бурых склонах кое-где лежали полосы солнечного света, а за ней торчали снежные пики.

— Та самая гора? — воскликнул Бильбо, с благоговением глядя на нее округлившимися глазами. В жизни ему не приходилось видеть ничего громаднее.

— Ну что ты! — возразил Балин. — Это начинаются Туманные Горы, а нам надо перебраться через них или под ними. Только тогда мы попадем в Дикий Край. И даже оттуда еще далеко до Одинокой Горы, где Смог стережет наши сокровища.

— Ах так! — произнес Бильбо. И в эту минуту он вдруг почувствовал такую усталость, какой не испытывал прежде. Он опять вспомнил свое удобное креслице у камина в любимой гостиной и услышал, как поет чайник.

Теперь поход возглавлял Гэндальф.

— Если пропустим дорогу, мы пропали, — сказал он. — Прежде всего нам нужна провизия, а потом — отдых в достаточно безопасном месте. К Туманным Горам нужно приступить, зная правильную дорогу, а то легко и заблудиться.

Когда они спросили, куда он их ведет, Гэндальф ответил:

— Вы подошли, как некоторым из вас, вероятно, известно, к самой границе Дикого Края. Где-то впереди прячется прекрасная долина Ривенделл, там, в Последнем Домашнем Приюте, живет Элронд. Я послал ему весточку через своих знакомых, и нас ждут.

Звучало это приятно и утешительно, но туда надо было еще дойти, а не так-то легко отыскать дорогу в Последний Домашний Приют. Местность впереди неуклонно и постепенно повышалась к подножию ближайших гор; ничто не нарушало ее однообразия — не было ни деревьев, ни расщелин, ни холмов, лишь широкий склон цвета вереска и крошащиеся скалы с редкими зелеными пятнами травы и мха, свидетельствовавшими о присутствии воды.

Утро миновало, день перевалил за середину, но по-прежнему в безмолвной пустыне не появлялось никаких признаков жилья. Путешественников обуряло нетерпение. Прямо под их ногами вдруг открывались

лощины с обрывистыми склонами, где внизу, к их удивлению, росли деревья и протекали речки. Возникали расщелины, такие узкие, что на первый взгляд их ничего не стоило перепрыгнуть, но они были невероятно глубокие, и на дне их klokотали водопады. Встречались темные овраги, через которые нельзя перепрыгнуть и куда нельзя спуститься. Попадались трясины, с виду казавшиеся зелеными и веселыми лугами в ярких цветах. Но если на них ступал пони с поклажей, он исчезал навсегда.

На поверку от брода до гор оказалось намного дальше, чем путники предполагали. Единственная тропа была отмечена белыми камнями — и совсем маленькими, и большими, наполовину скрытыми мхом и вереском. Гэндальф то и дело нагибался с коня, мотая бородой, и выискивал белые камушки; остальные следовали за ним.

День начал склоняться к вечеру, а поискам не было конца. Давно прошло время чая, быстро смеркалось, луна еще не взошла. Пони под Бильбо начал спотыкаться о корни и камни. И вдруг они очутились на краю крутого обрыва, да так неожиданно, что конь Гэндальфа чуть не кувырнулся вниз.

— Ну вот, мы и пришли! — воскликнул волшебник, и все столпились вокруг него и заглянули вниз. Там они увидели долину, услышали журчание воды, спешившей по каменному ложу. В воздухе стоял аромат зелени, по ту сторону реки виднелись огоньки.

Бильбо никогда не забыть, как они скользили и скатывались в сумерках по крутой извилистой тропе вниз, в укромную долину Ривенделл. Делалось все теплее, сосновый дух подействовал на Бильбо усыпляюще, он поминутно клевал носом, чуть не падая с пони, и несколько раз ткнулся носом ему в холку. По мере того как они спускались, настроение у них подымалось. Сосны сменились буками и дубами, потемки убаюкивали. Когда они выехали на прогалину совсем близко к потоку, стало темно, все краски померкли.

«Хм-м, пахнет эльфами!» — подумал Бильбо и посмотрел вверх на звезды. Они мерцали ярким голубым светом. И тут среди деревьев неожиданно, как взрыв смеха, зазвучала песня:

Да что вы, да что вы,
Куда вы, куда вы?
Сносились подковы,
Тут всюду канавы,
Манит вас опушка,
Журчит здесь речушка,
Ха-ха!

Останьтесь-ка лучше,
По нашему зову.
Костер лижет сучья,
Лепешки готовы.
Тра-та, тра-та-та-та,
В долину, ребята,
Ха-ха!

Куда ж вы, бедняги?
В лесу что-то рыщут,
Трепещут, как флаги,
У них бородачи.
И Фили, и Кили
На пони вскочили
В лесу,
Ха-ха!

У нас бы остались,
Чем мчаться в тревоге,
Ведь пони устали
И сбились с дороги.
День клонится к ночи,
Останься, кто хочет,
И песенке этой
Внимай до рассвета,
Ха-ха!*

Там, в деревьях, какие-то существа хохотали и пели и, признаться, мололи порядочную чепуху. Но их это не смущало, и если бы вы им сказали об этом, они бы рассмеялись пуще прежнего. Конечно, то были эльфы.

Бильбо даже разглядел их в сгушавшейся темноте. Он немножко побаивался эльфов, но в то же время они ему нравились, хотя он редко сталкивался с ними. Гномы — те не очень ладят с эльфами. Даже такие рассудительные гномы, как Торин и его друзья, считают эльфов глупыми (а считать эльфов глупыми — как раз и есть самая настоящая глупость). Эльфы их раздражают, потому что любят дразнить гномов и подшучивать над их бородами.

— Вот так потеха! — сказал какой-то голос. — Вы только поглядите! Хоббит Бильбо верхом на пони! Какая прелесть!

— Чудеса да и только!

Тут они принялись петь новую песню, такую же несуразную, как и та, что я записал дословно. Наконец высокий молодой эльф вышел из-за деревьев и поклонился Гэндальфу и Торину.

— Добро пожаловать в долину! — произнес он.

— Благодарим вас! — чуть-чуть сердито ответил Торин. Но Гэндальф уже сошел с лошади и весело болтал с эльфами.

— Вы немного сбились с дороги, — сказал первый эльф, — если, конечно, вы ищете дорогу, которая ведет через реку к дому на той стороне. Мы вам ее покажем. Но к мосту и через мост лучше идти пешком. Не хотите ли немножко побыть с нами и попеть? Или поедете дальше сразу? Там готовят ужин, — добавил он, — от костров тянет дымом.

Как ни устал Бильбо, он с удовольствием задержался бы в лесу. Пение эльфов июньской ночью под звездным небом стоит послушать, если вам нравятся такие вещи. Бильбо хотелось перекинуться несколь-

---

* Здесь и дальше стихи в переводе Г. Усовой.

кими словами с этими существами, которые знали, как его зовут и кто он такой, хотя он их никогда раньше не видел. Эльфам известно многое, они, как никто, подхватывают новости на лету и быстрее, чем падает водопад, узнают обо всем, что творится на земле.

Но гномы единодушно стояли за ужин, притом не откладывая, и потому не пожелали задерживаться. Они двинулись дальше, ведя пони под уздцы. Эльфы вывели их на хорошую тропу на самый берег реки. Она бежала быстро, с шумом, как все горные потоки в летние вечера после того, как солнце весь день растапливает снег на вершинах. На тот берег шел каменный мостик без перил, такой узкий, что пони с трудом могли по нему пройти. Пришлось продвигаться осторожно, по одному, ведя за собой пони. Эльфы светили им яркими фонариками и пели веселую песенку, пока вся компания переправлялась через реку.

— Не обмакни бороду в воду, папаша! — кричали эльфы Торину, который шел через мост, согнувшись в три погибели. — Ее смачивать не надо — она и так выросла длинная!

— Следите, чтобы Бильбо не съел все кексы! — кричали другие. — Такой толстяк не пролезет в замочную скважину!

— Тише, тише, Добрый Народ! Спокойной ночи! — остановил их Гэндальф, который замыкал шествие. — И долины имеют уши, а некоторые эльфы — чересчур длинные языки. Спокойной ночи!

Наконец они подошли к Последнему Домашнему Приюту, двери которого были гостеприимно распахнуты.

Странное дело: о том, что хорошо, о днях, которые провел приятно, рассказывается скоро, и слушать про них не так уж интересно. А вот про то, что неприятно, что вызывает страх или отвращение, рассказы получаются долгими и захватывающими.

Путешественники провели в гостеприимном доме немало дней, по меньшей мере четырнадцать, и покидать его им не хотелось. Бильбо с радостью оставался бы там еще и еще, даже если бы мог без всяких хлопот по одному только желанию перенестись домой, в хоббитью норку. И все же рассказать об их пребывании там почти нечего.

Хозяин дома Элронд был друг эльфов и предводитель тех людей, у которых в предках числились эльфы и открыватели Севера.

Он был благороден и прекрасен лицом, как повелитель эльфов, могуч, как воин, мудр, как колдун, величествен, как король гномов, и добр, как нежаркое лето. Дом Элронда был само совершенство; там было хорошо всем — и тем, кто любит поесть и поспать, и тем, кто любит трудиться, и кто любит слушать или рассказывать истории, петь или просто сидеть и думать, и тем, кому нравится все понемножку. Злу не было места в долине.

Наши путешественники и их пони за несколько дней отдохнули и набрались сил. Настроение у них исправилось, одежду им починили, синяки и царапины залечили, наполнили мешки едой, легкой по весу, но очень питательной, и надавали много полезных советов. Так они

дожили до кануна Иванова дня и с восходом солнца в Иванов день должны были отправиться дальше.

Элронд в совершенстве знал руны. За день от отъезда он осмотрел мечи, найденные в логовище троллей, и сказал:

— Их ковали не тролли. Мечи старинные, работы древних великих эльфов, с которыми я в родстве. Мечи делали в Гондолине для войны с гоблинами. Должно быть, они застряли в сокровищнице какого-нибудь дракона или стали добычей гоблинов — ведь драконы и гоблины разрушили город Гондолин много веков назад. Этот меч — знаменитое оружие, Торин, на языке рун он именуется Оркрист, что в переводе на гондолинский означает Сокрушитель Гоблинов. А этот меч, Гэндальф, зовется Глемдринг — Молотящий Врагов — некогда его носил король Гондолина. Берегите их!

— Интересно, как они попали к троллям? — проговорил Торин, с любопытством разглядывая свой меч.

— Наверное сказать нельзя, — ответил Элронд, — но можно догадаться, что ваши тролли ограбили других грабителей или раскопали остатки чужих трофеев, припрятанных где-то в горах.

Торин задумался над его словами.

— Я буду беречь его как зеницу ока, — сказал он. — Да сокрушит он гоблинов, как встарь!

— Вашему пожеланию, возможно, суждено сбыться, едва вы очутитесь в горах, — заметил Элронд. — Теперь покажите карту!

Он развернул ее и долго разглядывал, качая головой. Элронд не очень одобрительно относился к гномам — вернее, не очень одобрял их любовь к золоту, — но он ненавидел драконов, их жестокость и коварство. С сожалением он вспоминал веселые колокола города Дейла, так как видел потом его развалины и опаленные берега реки Быстротечной. На карту падал свет широкого серебряного месяца. Элронд поднял карту вверх и посмотрел на просвет.

— Что это? — воскликнул он. — За простыми рунами, говорящими: «Пять футов двери вышиною, пройти там трое могут в ряд», — проступают лунные буквы!

— Что за лунные буквы? — Хоббит не мог долее сдерживаться. Я уже говорил, как ему нравились карты. Еще ему нравились руны и вообще всякие необычные буквы и затейливые почерки. У самого у него почерк был не ахти какой.

— Лунные буквы — те же руны, но обычно они не видны, — ответил Элронд. — Их разглядишь только в лунные ночи, когда луна светит на них сзади, а есть такие хитрые лунные буквы, что видны только при той фазе луны, в какой она была, когда их начертали. Их изобрели гномы и писали серебряными перьями. Эти надписи, очевидно, сделаны в такую, как сегодня, ночь — в канун Иванова дня.

— Что они означают? — спросили Гэндальф и Торин одновременно, немного раздосадованные тем, что Элронд обнаружил такую вещь первым, хотя и то сказать: до сих пор такого случая не представлялось.

— «Стань в Дьюрин день у серого камня, когда прострекочет дрозд, — прочел Элронд, — и заходящее солнце бросит последний луч на дверную скважину».

— Дьюрин, ну как же! — промолвил Торин. — Он был старейшим из старейшин древнего рода гномов Длиннобородых и моим самым первым предком. Я — потомок Дьюрина.

— Что же такое Дьюрин день? — поинтересовался Элронд.

— Как всем должно быть известно, мы называем Дьюриным тот день, когда последняя осенняя луна и солнце стоят в небе одновременно. Боюсь, что нам это знание не очень-то поможет, так как в наше время утрачено умение вычислять, когда же наступит такой день.

— Это мы посмотрим, — вмешался Гэндальф. — Что-нибудь еще написано?

— При сегодняшней луне больше ничего не разобрать, — ответил Элронд и отдал карту Торину. После чего все спустились к воде посмотреть, как пляшут и поют эльфы.

Утро Иванова дня было такое прекрасное, о каком можно только мечтать: на голубом небе ни облачка, лучи солнца танцевали на воде. Путешественники выехали в путь, сопровождаемые прощальными песнями и добрыми напутствиями. Они были готовы к дальнейшим приключениям и твердо знали дорогу, которая их выведет через Туманные Горы в лежащую за ними страну.

4. Через гору и под горой

Десятки тропинок вели в горы, изрезанные множеством расселин. Но тропинки по большей части оказывались ложными или заводили в тупик. В расселинах же гнездилась всякая нечисть и подстерегали страшные опасности.

Много дней и много миль пролегло между нашими путешественниками и Последним Домашним Приютом. Они поднимались все выше и выше, тропа была трудная, опасная, путь окольный, пустынный, бесконечный. Если глянуть назад — внизу расстилалась местность, которую они не так давно покинули. Далеко-далеко на Западе, в сиреновой дымке лежала родная страна Бильбо, мир безопасный и уютный, и в нем — его собственная хоббичья норка. Становилось все холоднее, между скал свистел пронзительный ветер.

Порой со склонов скатывались камни, вырвавшиеся из растопленного дневным солнцем снега, и проскакивали между путешественниками или пролетали над головой.

Ночи были промозглые, неудобные, путешественники не смели петь и громко разговаривать, так как эхо раскатывалось самым жутким образом, и тишина явно хотела, чтобы ее не нарушало ничто, кроме шума воды, воя ветра и стука камней. «Там, внизу, разгар лета, — думал Бильбо, — косят траву, устраивают пикники... Мы еще с гор не начнем спускаться, а там уже пойдет жатва и сбор ягод».

Остальным приходили в голову не менее унылые мысли. А между тем с Элрондом они прощались в самом радужном настроении и предвкушали, как перевалят через горы и быстро поскачут дальше. Они даже рассчитывали добраться до потайной двери в Одинокой Горе той же осенью в новолуние. «Может быть, как раз поспеем в Дьюрин день», — говорили они.

Только Гэндальф качал головой и помалкивал. Гномы уже много лет не ходили этой дорогой, но Гэндальф бывал тут и знал, что с тех пор, как драконы выжили отсюда людей и гоблины расселились здесь после проигранной гномами битвы при рудниках Морайи, зло безнаказанно царит в Диком Краю и путников всюду подстерегают опасности. Даже продуманные планы мудрых чародеев вроде Гэндальфа и добрых людей вроде Элронда могут провалиться, когда совершаешь опасное путешествие по Дикому Краю. Гэндальф был достаточно мудр, чтобы понимать это. Он знал, что в любую минуту может случиться непредвиденное, и не надеялся, что удастся обойтись без страшных происшествий во время перехода через высокие горы с их недоступными пиками и зловещими долинами, где властвует беззаконие. Обойтись и не удалось!

Все шло хорошо, пока однажды они не попали в грозу, да какую! Казалось, гремит гром не грозовой, а пушечный. Всякий знает, как страшно бушуют гром и молнии в горах, ночью, когда две грозы идут войной друг на друга. Молнии раскалываются, ударяясь об вершины, скалы содрогаются, ужасные раскаты грома сотрясают воздух, эхо разносится по всем пещерам и углублениям, и тьма наполняется оглушающим грохотом и сверканьем.

Бильбо никогда ничего подобного не видел и даже вообразить не мог. Они находились высоко в горах на узкой площадке, на краю головокружительного обрыва, отвесно уходящего вниз. Они устроились на ночлег под нависшей скалой; Бильбо лежал, закутавшись в одеяло, и дрожал всем телом. Выглядывая одним глазком из-под одеяла, он видел при вспышках молнии по другую сторону долины каменных великанов, которые перебрасывались обломками скал, ловили их и снова швыряли во мрак; обломки сыпались вниз, в гущу деревьев, или с грохотом разлетались вдребезги. Потом поднялся ветер и полил дождь; ветер хлестал дождем и градом со всех сторон, так что навес перестал быть защитой. Скоро путешественники промокли, пони их стояли, понурились, поджав хвосты, некоторые тихонько ржали от страха. Слышно было, как великаны гогочут и перекликаются по всем склонам.

— Так не годится! — сказал Торин. — Если даже нас не сдует ветром, или не смочет дождем, или не поразит молнией, то любого может схватить великан и поддать ногой, как футбольный мяч.

— Коли знаете местечко получше, так возьмите и отведите нас туда! — сварливым тоном отозвался Гэндальф, которого тоже не радовало соседство великанов.

После некоторых препирательств решили послать Фили и Кили поискать убежище поудобнее. Зрение у них было острое, а поскольку

они были моложе других гномов лет этак на пятьдесят, то им всегда давали такие поручения (когда становилось ясно, что бессмысленно посылать Бильбо). «Когда ищешь, то обязательно находишь» — так сказал младшим гномам Торин. Спору нет, если ищешь, то всегда что-нибудь найдешь, но совсем не обязательно то, что искал. Так получилось и на этот раз.

Вскоре Филя и Кили ползком явились назад, держась за скалы, чтобы не снесло ветром.

— Мы нашли сухую пещеру, — заявили они, — тут за углом. Там всем хватит места, для пони тоже.

— А вы как следует ее осмотрели? — спросил волшебник. Он-то знал, что горные пещеры редко пустуют.

— Еще бы! — ответили они, хотя всем было ясно, что осмотреть внимательно у них не хватило времени — так быстро они вернулись.

В том и состоит коварство пещер, что никогда не знаешь, далеко ли пещера простирается, куда она выведет и что подстерегает вас внутри. Сведения, принесенные Филя и Кили, показались вполне удовлетворительными. Ветер по-прежнему завывал, и гром гремел, и им стоило больших трудов добраться вместе с пони до пещеры. Хорошо, что до нее было действительно недалеко: они скоро уперлись в скалу, выступавшую на тропинку, и, обогнув ее, обнаружили в стене низкий ход. Сквозь отверстие как раз протиснулись расседланные, без поклажи пони. Так приятно было слушать, как снаружи беснуются ветер и дождь, и чувствовать себя в безопасности от великанов и их каменных мячей. Но волшебник ни в коем случае не хотел рисковать: он зажег свой посох, как когда-то (так давно!) в столовой у Бильбо, и они обследовали пещеру вдоль и поперек.

Пещера была порядочных размеров, но не слишком велика и не очень таинственна. Сухой пол, уютные закоулки. Ойн и Глойн хотели развести на пороге костер, чтобы обсушить вещи, но Гэндальф строго-настрого запретил. Тогда все расстелили мокрую одежду прямо на земле, вытащили сухую из тюков, завернулись в одеяла, достали трубки и принялись пускать колечки. Гэндальф, чтоб доставить друзьям удовольствие, окрашивал колечки в разные цвета и заставлял плясать под сводами. Путешественники болтали-болтали и совсем забыли про грозу. Они обсуждали, что каждый сделает со своей долей золота (сейчас оно не казалось им недоступным). Потом они один за другим заснули.

Как показала эта ночь, они хорошо сделали, взяв в путешествие Бильбо. Он долго не спал, а когда наконец заснул, то видел отвратительные сны. Ему снилось, будто трещина в задней стене пещеры растет, раскрывается все шире и шире; ему стало страшно, но он не мог крикнуть, не мог пошевелиться и просто лежал и смотрел. Потом ему приснилось, будто пол пещеры наклоняется и сам он падает, катится — неизвестно куда!

Он сильно вздрогнул и проснулся и тут же понял, что то был не совсем сон. Трещина в конце пещеры действительно разошлась и пре-

вратилась в широкий проход, в щели мелькнул хвост последнего пони и исчез. И тут Бильбо завопил, да так громко и пронзительно, как умеют вопить только хоббиты, несмотря на свой маленький рост. И тогда в одно мгновение, не успели бы вы проговорить «ой, стой!», из трещины посыпались гоблины, большие-пребольшие, уродливые-преуродливые, — несметные толпы гоблинов. На каждого гнома их пришлось по шесть штук, и даже на Бильбо — два. Они похватили наших путешественников и протащили через щель так быстро, что вы не успели бы молвить «куда — беда!». Но Гэндальфа они не успели сграбастать! И причиной тому был вопль Бильбо. Волшебник проснулся в мгновение ока, как будто и не спал, и когда гоблины подступили к нему, в пещере сверкнул ослепительный свет, запахло порохом и нескольких гоблинов убило на месте. Щель со стуком сомкнулась, и Бильбо и гномы очутились по другую ее сторону! Куда же девался Гэндальф? Этого не знали ни они, ни гоблины, да гоблины и не стали этого выяснять. Они продолжали тащить Бильбо и гномов. Вокруг стояла темень сплошная, непроницаемая, в такой тьме умеют видеть только гоблины, привыкшие жить в глубине гор. Проходы шли во всех направлениях, пересекаясь, перепутываясь, но гоблины знали нужную дорогу так же хорошо, как вы знаете дорожку к ближайшей почте. Тропа все спускалась и спускалась, и внизу была невыносимая духота. Гоблины вели себя грубейшим образом, безжалостно щипали пленников и хохотали ужасным деревянным смехом.

Наконец впереди замерцал красный свет, и гоблины запели, затянули хриплыми голосами жуткую песню, прищелпывая в такт плоскими ступнями по камням и потряхивая своих пленников:

Хлоп! Стоп! Вот тебе в лоб!
Глядь! Хвать! Как тебя звать?
Жи-вут гоблины тут,
Эй, смелей, сюда!

Стук! Звон! Топот и стон!
Раз-два — молоток! Три-четыре — свисток!
Впе-ред в подземный ход,
Эй, шевелись побыстрей!

Треск! Свист! Кнут, хлыст!
Бей и стучи! Рычи и мычи!
Врешь, врешь! От нас не уйдешь!
Гоблины поют, хохочут, поют —
А ты все вперед, в подземный ход,
Живей, живей, живей!

Звучало это устрашающе. Стены содрогались от «хлоп, стоп», «треск, свист» и от безобразного смеха. Смысл песни был достаточно ясен: гоблины достали кнуты и погнали пленников перед собой, хлеща их: вжик, вжик! Гномы жалобно стонали и повизгивали. И вдруг все они ввалились в огромную пещеру.

Посередине пылал большой красный костер, по стенам горели факелы, в пещере было полно гоблинов. Все они загоготали, затопали нога-

ми и захлопали в ладоши, когда внутрь вбежали гномы, и последним (а значит, ближе всего к кнутам) — бедняга Бильбо. За ним, гикая и щелкая кнутами, следовали погонщики. В углу сбились в кучу пони, на земле валялись тюки и мешки, вспоротые и развороченные; гоблины рылись в них, обнюхивая вещи, ощупывая их и переругиваясь. Как это ни печально, гномы больше никогда не видели своих отличных пони, в том числе крепенького веселого белого, которого одолжил Гэндальфу Элронд, так как лошадь не смогла бы пройти по горным тропам. Скажу по секрету: гоблины едят лошадей, и пони, и осликов, и кое-кого еще и вечно голодны. Но сейчас пленникам было не до пони, они думали только о себе. Гоблины сковали им руки за спиной, привязали всех гуськом к одной длинной цепи и поволокли в дальний угол пещеры. Малютка Бильбо болтался в самом хвосте.

В углу, в полумраке, на большом плоском камне восседал большущий гoblin с огромной головой, а вокруг стояли воины, вооруженные топорами и кривыми мечами. Гоблины, надо сказать, жестокие, злобные и скверные существа. Они не умеют делать красивых вещей, но зато отлично делают все злодейское. Они не хуже гномов, исключая наиболее искусных, умеют рыть туннели и разрабатывать рудники, когда захотят, но сами они всегда грязные и неопрятные. Молоты, топоры, мечи, кинжалы, мотыги, клещи и орудия пытки — все это они прекрасно делают сами или заставляют делать других. Другие — это пленники, рабы, которые работаю на них, пока не умрут от недостатка воздуха и света. Не исключено, что именно гоблины изобрели некоторые машины, которые доставляют неприятности человечеству, особенно те, которые предназначены для уничтожения большого числа людей за один раз. Механизмы, моторы и взрывы всегда занимали и восхищали гоблинов. Однако в те времена, о которых мы рассказываем, и в той дикой местности гоблины еще не доросли до такой стадии цивилизации (так это называется). Они ненавидели всех без разбора, особенно порядочных и процветающих, а не то что питали именно к гномам особую ненависть. В некоторых местностях отдельные бессовестные гномы даже заключали с гоблинами союзы. Но к гномам того племени, к которому принадлежал Торин, гоблины питали самую настоящую вражду из-за войны, о которой мы уже упоминал, но о которой речь здесь не пойдет. А вообще-то гоблинам все равно кого поймать, лишь бы заставить жертву врасплох, чтобы та не могла защищаться.

— Кто эти жалкие отроды? — спросил Верховный Гоблин.

— Гномы и вот этот! — ответил один из погонщиков, дернув цепь так, чтобы Бильбо упал на колени. — Они прятались в нашей передней галерее.

— С какой стати? — обратился Верховный Гоблин к Торину. — Поручусь, что затевали какую-нибудь пакость! Подозреваю, что шпионили за моим народом! Нисколько не удивлюсь, если они воры! А еще вероятнее, убийцы и друзья эльфов! Ну! Что скажете?

— Гном Торин, к вашим услугам! — произнес Торин (это была простая вежливость, как вы понимаете). — В тех поступках, которые

вы нам приписывает, мы не виноваты. Мы укрывались от грозы в удобной и пустой, как нам показалось, пещере. В наши намерения никоим образом не входило беспокоить гоблинов! — И это была правда!

— Гм! — сказал Верховный Гоблин. — Так, значит! А могу я осведомиться, что вам вообще понадобилось в горах и откуда вы взялись и куда направлялись? Я бы хотел знать о вас все. Правда, это вам мало поможет, Торин Оукеншильд, мне и так достаточно известно о вашем племени. Но лучше выкладывайте все начистоту.

— Мы отправились в путь, желая повидать наших родственников: племянников и племянниц, кузенов и кузин, троюродных и четверюродных братьев и сестер и других потомков наших общих предков, которые проживают к востоку от этих поистине гостеприимных гор, — ответил Торин. Он находился в затруднении — как выложить все начистоту в условиях, где правда не слишком уместна.

— Он лжет, о величайший из великих! — вмешался один из погонщиков. — Несколько наших были поражены молнией в пещере, когда мы предложили этим существам спуститься с нами вниз. Наши умерли на месте. И потом, как он объяснит вот это? — Тут гоблин показал меч Торина — меч из логовища троллей.

Верховный Гоблин бросил взгляд на меч и испустил леденящий душу вой ярости и злобы, и все воины заскрежетали зубами, загрохотали щитами и затопали ногами. Они сразу признали меч. В свое время, когда светлые эльфы Гондолина теснили гоблинов и сражались с ними под стенами своего города, этот меч убил сотни гоблинов. Эльфы называли его Оркрист, или Сокрушитель Гоблинов, но сами гоблины прозвали его просто Кусач. Они ненавидели его и еще больше тех, в чьих руках он находился.

— Убийцы гоблинов и друзья эльфов! — завопил Верховный Гоблин. — Рубите их! Хлещите их! Кусайте их! Грызите их! Бросить их в ямы со змеями, чтоб не видели они больше дневного света!

Он до того остервенился, что прыгнул с трона и, разинув пасть, кинулся на Торина.

В этот миг все огни в пещере разом потухли и из костра — п-ф-ф! — взметнулся до самого свода столб синего раскаленного дыма, разбрасывая белые колющие искры, которые стали жечь гоблинов. Невозможно описать, какой поднялся визг, писк, вой, беготня и трескотня, рычание и ворчание. Сотни диких кошек и волков, если бы их поджаривали живьем всех вместе на медленном огне, не могли бы поднять такой невообразимый шум-гам. Искры прожигали гоблинов насквозь; гарь, наполнившая пещеру, была такой густой, что даже глаза гоблинов, привычные к тьме, не могли ничего разглядеть. Скоро все гоблины катались по полу, сцепившись клубками, кусаясь, лягаясь, пинаясь и колошматя друг друга, как сумасшедшие.

Внезапно сам собой сверкнул меч и пронзил Верховного Гоблина. Тот упал мертвым, а его воины с диким визгом бросились врассыпную и исчезли в темноте.

Меч вернулся в ножны.

— Быстро за мной! — приказал спокойно, но сурово чей-то голос. И ничего не успев сообразить, Бильбо опять затрусил в конце цепочки по темным переходам, а визг и вой гоблинов постепенно затихли вдали.

— Скорей! Скорей! — торопил голос. — Сейчас опять зажгут факелы.

— Одну минутку! — попросил Дори, шедший перед Бильбо. Он, насколько позволяли связанные руки, помог хоббиту вскарабкаться ему на спину, и затем все пустились вперед бегом, позвякивая цепями, спотыкаясь и чуть не падая. Они бежали вперед не останавливаясь, бежали долго и, вероятно, уже находились в самой глубине гор.

И тут Гэндальф зажег свой посох. Конечно же, все это было делом рук Гэндальфа. Но пока им некогда было расспрашивать его, откуда он взялся. Он опять вытащил меч, и опять меч засветился во мраке. Сперва, когда вокруг были гоблины, меч пылал от гнева, а теперь он светился тихим голубым светом, довольный тем, что убил повелителя гоблинов. Ему ничего не стоило перерубить цепи, и он в два счета освободил пленников. Меч звали Глемдринг, то есть Молотящий Врагов, если помните. Гоблины прозвали его Колотун и ненавидели еще больше, чем Кусача, если это возможно. Оркрист тоже удалось спасти: Гэндальф выхватил его из рук остолбеневшего стражника. Гэндальф вообще успевал о многом подумать, и хотя не был всемогущ, многое мог сделать для друзей, чья жизнь подвергалась опасности.

— Все тут? — спросил он, с поклоном вручая Торину меч. — Ну-ка: один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать... постойте, где же Фили и Кили? Ага, здесь! Двенадцать, тринадцать и мистер Бэггинс четырнадцатый. Неплохо, могло быть и хуже, но, опять же, могло быть и получше. А так — ни пони, ни пищи; где мы — неизвестно, и по пятам гонится орда разозленных гоблинов. Вперед!

И они двинулись вперед. Гэндальф оказался прав: позади в темных переходах, которые они только что покинули, слышался шум, топот и ужасные крики гоблинов. Гномы припустили еще быстрее, а поскольку Бильбо не мог за ними угнаться, то они взялись нести его по очереди на спине.

И все-таки гоблины бегают быстрее гномов, к тому же они лучше знали дорогу, так как сами прорывали ходы, вдобавок они обезумели от ярости. Так что гномы, как ни старались уйти от преследования, вскоре услышали приближающиеся крики и завывания. Шлепанье множества ног слышалось буквально за ближайшим поворотом. В туннеле позади них замелькали огни факелов. А гномы уже выбились из сил.

— Зачем, ах, зачем покинул я мою норку! — повторял несчастный мистер Бэггинс, подпрыгивая на спине у Бомбура.

— Зачем, эх, зачем взяли мы с собой в поход этого недотепа! — повторял бедный толстяк Бомбур, пошатываясь под ношей. От жары и страха пот капал у него с носа.

В этот момент Гэндальф немного отстал, и Торин последовал его примеру. Они свернули за угол.

— Меч из ножен, Торин! — крикнул волшебник.

Ничего другого им не оставалось. Ух, как не понравилось это гоблинам! На полном ходу они выскочили из-за угла — и вдруг Сокрушитель Гоблинов и Молотящий Врагов остро и ярко сверкнули им в глаза. Передние выронили факелы и испустили предсмертный вой. Средние завопили еще громче и бросились назад, сшибая бежавших за ними. «Кусач и Колотун!» — завизжали они. Началась паника, гоблины, оставшиеся в живых, опрометью помчались обратно, откуда пришли.

Еще долго гоблины не осмеливались заглянуть за страшный поворот. Тем временем гномы успели углубиться далеко-далеко в темные ходы царства гоблинов. Сообразив это, уцелевшие гоблины снова зажгли факелы, надели мягкие башмаки и пустили вслед за гномами своих самых быстрых скороходов с острым слухом и зрением. Те помчались вперед в темноте быстро, как хорьки, и бесшумно, как летучие мыши. Потому-то ни Бильбо, ни сам Гэндальф не слышали их приближения. И не видели их. Но зато гоблины различали беглецов прекрасно, так как посох Гэндальфа испускал слабый свет, освещая гномам дорогу. Внезапно Дори, который теперь оказался последним и нес Бильбо, схватили за ногу. Дори закричал и грохнулся на землю, а хоббит полетел в черноту, стукнулся головой о камень и потерял сознание.

5. Загадки в темноте

Когда Бильбо наконец открыл глаза, то не понял даже, открыл ли их: такая вокруг стояла непроницаемая темень. Поблизости ни души. Представьте себе, как Бильбо испугался! Он ничего не слышал, ничего не видел и ничего не ощущал, кроме холодного каменного пола под собой.

С великим трудом он поднялся на четвереньки и пополз, пока не дотронулся до стенки туннеля. Ни гоблинов, ни гномов не было слышно. Голова у него кружилась, он даже не мог определить, в какую сторону они бежали, перед тем как он свалился.

Выбрав, как ему показалось, правильное направление, он так и пополз на четвереньках и полз довольно долго, пока рука его не коснулась маленького холодного металлического колечка, лежавшего на земле. То был поворотный момент в его карьере, но он этого еще не знал. Машинально он положил колечко в карман — сейчас оно было ни к чему. Потом сел на холодный пол и долго предавался горестным раздумьям. Он представлял себе, как жарит яичницу с беконом у себя дома. Желудок давно намекал ему, что пора бы подкрепиться, и от голода он чувствовал себя еще более несчастным.

Он не мог сообразить, что делать дальше, не мог вспомнить, почему его бросили одного, почему в таком случае гоблины его не подобрали, а также почему у него так болит голова. Причина же заключалась в том, что он завалился в уголок и лежал себе в темноте. Как говорится, с глаз долой... и почти что дух вон.

Через некоторое время он нащупал в кармане трубку — она не сломалась. Потом достал кисет, там оставалось немного табаку — еще того лучше. Потом пошарил по карманам — и не нашел ни одной спички! Мечты его разлетелись в прах. Одумавшись, он, правда, решил, что так даже лучше. Бог знает, к чему привели бы чирканье спичками и запах табака! Кто кинулся бы на него из черных ходов? Но все же на момент отсутствие спичек его огорчило. Охлопывая себя кругом, он наткнулся на рукоять кинжала, который взял в пещере троллей и о котором совсем забыл. Хорошо, что гоблины не заметили его, — он был засунут за пояс. Бильбо вытащил кинжал из ножен — и тот слабо засветился во мраке.

«Значит, тоже изделие эльфов, — подумал Бильбо, — а гоблины, хоть и не рядом, но и не так далеко».

Он немного успокоился. Все-таки замечательно иметь при себе оружие, сделанное в Гондолине для войны с гоблинами, о которой пелось столько песен. Он уже заметил, что гоблины, увидев оружие эльфов, сразу терялись.

«Идти назад? — размышлял он. — Исключено! Вбок? Бессмысленно! Вперед? Единственная разумная вещь! Итак, вперед!»

Он встал на ноги и побрел дальше, держа в одной руке перед собой кинжал, другой касаясь стены. Сердце его колотилось и трепыхалось.

Да, Бильбо очутился в чрезвычайно трудном положении. Но вы должны помнить, что для него оно было менее трудным, чем было бы, скажем, для меня или для вас. Хоббиты все-таки не то, что люди. Кроме того, хотя норки у них симпатичные, уютные, хорошо проветрены и совсем не похожи на туннели гоблинов, хоббиты все же гораздо больше привыкли к подземным переходам, чем мы, и не так легко теряют способность ориентироваться под землей. Особенно когда уже опомнятся после того, как трахнулись головой о камень. Ступают хоббиты бесшумно, умеют ловко спрятаться и быстро оправляются от ушибов и падений. У них неисчерпаемые запасы мудрых пословиц и поговорок, о которых люди никогда не слыхали или давно позабыли.

И все-таки мне лично не хотелось бы оказаться на месте мистера Бэггинса. Казалось, туннель никогда не кончится. То и дело влево и вправо отходили проходы, Бильбо видел их благодаря свечению кинжала. Туда он не заглядывал, только торопился дальше, боясь, как бы оттуда не выскочили гоблины или еще какие-нибудь страшные твари. Он шел да шел, все дальше и дальше, все вниз да вниз. И по-прежнему ни звука, лишь изредка взмах крыльев проносящейся мимо летучей мыши. Сперва он пугался, но потом перестал — мыши пролетали часто. Не знаю уж, сколько от так плелся, но наконец почувствовал, что устал, как никогда; ему казалось, что он уже перешел в завтра и так будет идти всю жизнь.

Неожиданно, ни о чем не подозревая, он плюхнулся в воду! Бр-р-р! Вода была ледяная! Это встряхнуло Бильбо и заставило собраться. Он не знал, просто ли это лужа на дороге или берег подземного потока, пересекавшего туннель, или край глубокого и таинственного подзем-

ного озера. Кинжал почти перестал светиться. Бильбо замер на месте и прислушался: «кап-кап» капали капли с невидимой крыши в воду. Никаких других звуков.

«Значит, это лужа или озеро, а не река», — подумал Бильбо. Он не решался войти в воду в темноте. Плавать он не умел, и ему представлялись разные противные скользкие создания с выпученными слепыми глазами, извивающиеся в воде. Странные существа водятся в прудах и озерах в глубине гор: рыбы, чьи предки заплыли туда бог весть как давно да так и не выплыли на свет, глаза их все выпучивались и выпучивались оттого, что они силились видеть во мраке. Есть там твари и более страшные, чем рыбы. Они поселились в пещерах раньше гоблинов и теперь скрываются по темным закоулкам, шныряют, подсматривают и разнохивают.

Здесь, в глубине и в темноте, у самой воды жил старый Голлум — большая скользкая тварь. Не знаю, откуда он взялся и кто или что он был такое. Голлум — и все. Черный, как сама темнота, с двумя громадными круглыми бесцветными глазами на узкой физиономии. У него была лодчонка, и он тихо скользил в ней по озеру. Это и в самом деле было озеро, широкое, глубокое и ледяное. Он греб своими длинными задними лапами, свесив их за борт, греб беззвучно, без единого всплеска. Не таковский он был, чтобы шуметь. Он высматривал своими круглыми, как плошки, глазами слепых рыб и выхватывал их из воды длинными пальцами с быстротой молнии. Мясо он тоже любил. Когда ему удавалось поймать гоблина, он бывал доволен: они нравились ему на вкус. Но сам он старался не попасться им на глаза. Обычно он набрасывался на них сзади и душил, если какому-нибудь гоблину случалось оказаться одному на берегу озера, когда Голлум рыскал поблизости. Они, правда, спускались к воде очень редко, так как чувствовали, что там внизу, у самых корней горы, их подстерегает что-то неприятное. Они наткнулись на озеро давным-давно, когда рыли туннели, и убедились, что дальше не проникнуть. Поэтому дорога там и кончалась, и ходить туда было незачем — если только их не посылал туда Верховный Гоблин, которому вдруг захотелось поесть рыбки из озера. Иногда он не видел больше ни рыбки, ни рыбака.

Жил Голлум на скользком каменном островке посреди озера. Он уже давно приметил Бильбо и наставил на него, как телескопы, бледные глаза. Бильбо не мог видеть Голлума, но Голлум-то его видел и изнывал от любопытства, понимая, что это не гоблин. Он влез в лодочку и оттолкнулся от островка, а Бильбо тем временем сидел на берегу, потерявший дорогу и растерявший последние мозги, — словом, совершенно растерянный. И вдруг бесшумно подплывший Голлум прошипел и просвистел совсем близко:

— Блес-с-ск и плес-с-ск, моя прелес-с-сть! Угощ-щ-щение на с-с-славу! С-с-сладкий кус-с-сочек для нас-с-с!

И он издал страшный глотающий звук: «Голлм!» Недаром имя его было Голлум, хотя сам он звал себя «моя прелес-с-сть». У хоббита чуть

сердце не выпрыгнуло, когда он вдруг услышал шипение и увидел два бледных, уставившихся на него глаза.

— Ты кто такой? — спросил он, выставляя вперед кинжал.

— А он кто такой, моя прелес-с-сть? — прошипел Голлум (он привык обращаться к самому себе, потому что больше ему не с кем было разговаривать). Он явился именно затем, чтобы разузнать, кто это. Голода он сейчас не испытывал, только любопытство; будь он голоден, он сперва бы сцапал Бильбо, а потом уже зашипел.

— Я мистер Бильбо Бэггинс. Я потерял гномов, потерял волшебника и не знаю, где я. И знать не хочу, мне бы только выбраться отсюда.

— Что за ш-ш-штука у него в руках? — спросил Голлум, глядя на кинжал, который ему явно не понравился.

— Меч, выкованный в Гондолине!

— Ты слышиш-ш-шь? — прошипел Голлум и сделался очень вежливым. — Не присес-с-сть ли тебе, моя прелес-с-сть, не побес-с-седовать ли с ним немнож-ж-жко? Как ему нравятс-с-ся з-з-загадки? Может быть, нравятс-с-ся?

Голлум старался вести себя как можно дружелюбнее, во всяком случае, до поры до времени, пока не выяснит побольше о мече и о хоббите, один ли он в самом деле и можно ли его с-с-сьес-с-сть, и не проголодался ли он, Голлум. Загадки — вот что пришло ему в голову. Загадывать загадки да изредка отгадывать их — единственная игра, в которую ему приходилось играть давным-давно с другими чудными зверюшками, сидевшими в своих норках. С тех пор он потерял всех своих друзей, стал изгнанником, остался один и заполз глубоко-глубоко, в самую тьму под горой.

— Хорошо, — сказал Бильбо, решив быть покладистым, пока не узнает побольше об этом создании — одно ли оно, злое ли и дружит ли с гоблинами. — Сперва ты, — добавил он, потому что не успел ничего придумать.

И Голлум прошипел:

Не увидеть ее корней,
Вершина выше тополей,
Все вверх и вверх она идет,
Но не растет.

— Ну, это легко, — сказал Бильбо. — Наверное, гора.

— Иш-ш-шь как прос-с-сто догадалс-с-ся! Пус-с-сть у нас-с-с будет с-с-состязание! Ес-с-сли моя прелес-с-сть с-с-спрос-с-сит, а он не отгадает, моя прелес-с-сть его съес-с-ст. Ес-с-сли он с-с-спросит нас-с-с, а мы не догадаемс-с-ся, мы с-с-сделаем то, что он прос-с-сит, хорош-ш-шо? Мы покаж-ж-жем ему дорогу, моя прелес-с-сть.

— Согласен, — сказал Бильбо, не смея отказаться и отчаянно пытаясь придумать загадку, которая бы спасла его от съедения.

На красных холмах
Тридцать белых коней
Друг другу навстречу

Помчатся скорей,
Ряды их сойдутся,
Потом разойдутся, —
И смиренными станут
До новых затей.

Вот все, что он сумел из себя выжать, — слово «съесть» мешало ему думать. Загадка была старая, и Голлум, конечно, знал ответ не хуже нас с вами.

— С-с-старье! — прошипел он. — 3-з-зубы! 3-з-зубы, моя прелес-с-сть! У нас-с-с их ш-ш-шес-с-сть!

Затем он задал вторую загадку:

Без голоса кричит,
Без зубов кусает,
Без крыльев летит,
Без горла завывает.

— Минутку! — вскричал Бильбо, в чьих ушах по-прежнему звучало «съесть». К счастью, нечто подобное он когда-то слышал и теперь напряг свою память и ответил: — Ветер, разумеется, ветер!

Он был так доволен собой, что следующую загадку сочинил сам. «Пускай помучается, мерзкое создание», — подумал он.

Огромный глаз сияет
В небесной синеве,
А маленький глазок —
Сидит в густой траве.
Большой глядит — и рад:
«Внизу мой младший брат!»

— С-с-с, — просвистел Голлум. Он так давно жил под землей, что забыл про такие вещи.

Но когда Бильбо уже начал надеяться, что гадкое существо проиграло, Голлум вызвал в памяти те далекие времена, когда он жил с бабушкой в норке на берегу реки.

— С-с-с, моя прелес-с-сть, — просвистел он, — одуванчик, вот какой с-с-смысл.

Но такие будничные заурядные надземные загадки ему надоели. К тому же они напомнили ему о тех днях, когда он был не такой одинокий, не такой противный, не скрывался, не таился. И у него испортилось настроение. И еще он проголодался. Поэтому на сей раз он загадал загадку покаверзнее:

Ее не видать
И в руки не взять,
Царит над всем,
Не пахнем ничем.
Встает во весь рост
На небе меж звезд.
Все начинается —
И все кончается.

На несчастье Голлума, Бильбо когда-то слышал что-то вроде этого, и во всяком случае отгадка окружала его со всех сторон.

— Темнота! — выпалил он, даже не почесав в затылке и не приставив пальца ко лбу.

Без замков, без засовов дом,
Слиток золота спрятан в нем, —

сказал он просто так, чтобы оттянуть время, пока не придумает что-то поистине неразрешимое. Он считал загадку достаточно затаканной и постарался выразить ее хотя бы новыми словами. Но для Голлума она неожиданно оказалась трудной. Голлум свистел и шипел, пыхтел, но никак не мог догадаться.

Бильбо уже начал терять терпение.

— Ну, так что же? — сказал он. — По звукам, которые ты издаешь, можно подумать, что ответ — «кипящий чайник».

— Порас-с-скинуть мозгами, пус-с-скай дас-с-ст нам время порас-с-скинуть, моя прелес-с-сть.

— Ну? — повторил Бильбо, сочтя, что дал достаточное время «порас-с-скинуть». — Говори отгадку.

И тут Голлум вдруг вспомнил, как в детстве воровал из гнезд яйца и потом, сидя на бережке, учил свою бабушку высасывать их.

— Яйт-с-са, — прошипел он. — Яйт-с-са, вот как! — И поскорее загадал:

Без воздуха живет она
И, как могила, холодна,
Не пьет, хотя в воде сидит,
В броне, хотя и не звенит.

Теперь Голлум, в свою очередь, считал загадку ужасно легкой, потому что ответ был вечно у него на уме. Просто в эту минуту его так разволновала загадка про яйца, что труднее не придумывалось. Но бедняге Бильбо она показалась неразрешимой, он ведь старался, когда мог, не иметь дела с водой. Вы-то, конечно, знаете ответ или просто догадались, так как сидите себе с комфортом дома и никто вас не собирается съедать. Бильбо откашлялся разок-другой, но ответ не явился.

Вскоре Голлум начал посвистывать от удовольствия, обращаясь к самому себе:

— Интерес-с-сно, вкус-с-сный ли он? С-с-сочный ли? Можно ли его с-с-схрупать?

Он снова начал таращиться на Бильбо из темноты.

— Минутку! — взмолился хоббит, дрожа дрожа. — Полминутки! Я-то дал тебе время пораскинуть мозгами.

— Пус-с-сть пос-с-спеш-ш-шит, пос-с-спеш-ш-шит! — проговорил Голлум и начал перебираться из лодки на берег, поближе к Бильбо. Но едва он опустил свою тощую паучью лапу в воду, оттуда выскочила испуганная рыба и плюхнулась прямо Бильбо на ногу.

— Ух! — вскрикнул он. — Какая холодная, липкая! — И тут его осенило. — Рыба! — закричал он. — Рыба, рыба!

Голлум был страшно разочарован. А Бильбо, не теряя ни минуты, задал новый вопрос, так что Голлуму — хочешь не хочешь — пришлось залезть обратно в лодку и думать дальше.

Две ноги
На трех ногах,
А безногая в зубах.
Вдруг четыре прибежали
И с безногой убежали.

Он выбрал не самое удачное время для этой загадки, но уж очень он торопился. В другой раз Голлуму пришлось бы поломать себе голову, но сейчас, когда только что шла речь о рыбе, «безногая» угадалась довольно легко, а остальное пошло как по маслу: «Человек сидит на табурете и ест рыбу. Прибежала кошка, утащила рыбу». Голлум решил, что подоспело время спросить что-нибудь действительно непостоянное и устрашающее. И вот что он спросил:

Уничтожает все кругом:
Цветы, зверей, высокий дом, —
Сжует железо, сталь сожрет
И скалы в порошок сотрет,
Мощь городов, власть королей
Его могущества слабей.

Бедняга Бильбо сидел и перебирал в уме имена всех чудовищ и страшилищ, о которых слышал, но никто из них не натворил столько ужасов сразу. У него было чувство, будто ответ совсем не про чудовищ и он его знает, но голова у него отказывалась варить. Он впал в панику, а это всегда мешает соображать. Голлум опять перекинул лапы за борт, прыгнул в воду и зашлепал к берегу. Глаза его все приближались к Бильбо... У Бильбо язык прилип к гортани, он хотел крикнуть: «Дай мне еще время! Дай время!» Но у него вырвался только писк: «Время! Время!»

Бильбо спасла случайность: это и была разгадка.

Голлум снова был разочарован. Он начинал злиться, игра ему надоела, он проголодался. На этот раз он не вернулся в лодку, а уселся в темноте подле Бильбо. Это окончательно вывело Бильбо из равновесия и лишило способности соображать.

— Пус-с-сть с-с-спрос-с-сит еще рас-с-с, пус-с-сть, пус-с-сть! — прошипел Голлум.

Но Бильбо был просто не в состоянии думать, когда рядом сидела такая мерзкая мокрая холодная тварь и все время трогала и ощупывала. Бильбо чесался, Бильбо щипал себя — ничего не выходило.

— С-с-спрос-с-си нас-с-с, с-с-спрос-с-си! — шипел Голлум.

Бильбо щипнул себя еще разок, охлопал себя со всех сторон, сжал рукоять кинжала и даже пошарил другой рукой в кармане. Там он нашарил колечко, которое подобрал в туннеле и про которое забыл.

— Что такое у меня в кармане? — спросил он вслух. Он задал вопрос так, сам себе, но Голлум подумал, что вопрос относится к нему, и ужасно заволновался.

— Нечес-с-стно, нечес-с-стно! — зашипел он. — Ведь правда, моя прелес-с-сть, ведь нечес-с-стно с-с-спраш-ш-шивать нас-с-с, что у него в мерс-с-ском кармаш-ш-шке?

Бильбо, сообразив, что произошло, не нашел ничего лучше, как повторить еще раз громче:

— Что у меня в кармане?

— С-с-с, — зашипел Голлум. — Пус-с-сть дас-с-ст нам догадаться с трех рас-с-с.

— Ладно! Отгадывай! — сказал Бильбо.

— Рука? — спросил Голлум.

— Неправильно, — ответил Бильбо, вовремя убравший руку из кармана. — Еще раз!

— С-с-с, — прошипел Голлум. Он еще больше разволновался и стал вспоминать все предметы, которые держал у себя в карманах: рыбьи кости, зубы гоблинов, мокрые ракушки, кусочек крыла летучей мыши, камень для заострения клыков и прочую гадость. — Нож! — выдавил он из себя наконец.

— Не угадал! — обрадовался Бильбо, давно потерявший нож. — Последний вопрос!

Голлум теперь оказался в состоянии куда более тяжелом, чем после загадки про яйца. Он шипел, и плевался, и раскачивался взад и вперед, и шлепал лапами по земле, корчился и извивался, но никак не решался ответить в последний раз.

— Давай же! — торопил Бильбо. — Я жду!

Он храбрился и делал уверенный и бодрый вид, но на самом деле боялся думать, чем кончится игра независимо от того, догадается Голлум или нет.

— Время истекло! — объявил он.

— Бечевка или пус-с-сто! — взвизгнул Голлум. Он поступил не очень честно — не дело высказывать две догадки сразу.

— Ни то и ни другое! — закричал с облегчением Бильбо. В ту же минуту он вскочил на ноги, прислонился спиной к скале и выставил вперед кинжал. Он знал, конечно, что игра в загадки очень старинная и считается священной и даже злые существа не смеют плутовать, играя в нее. Но Бильбо не доверял этому скользкому созданию: с отчаяния оно могло выкинуть любую штуку. Под любым предлогом оно могло нарушить договор. Да и последняя загадка, если на то пошло, согласно древним правилам игры, не могла считаться настоящей.

Но Голлум пока не нападал на Бильбо. Он видел в руке у Бильбо оружие и сидел тихо, дрожа и что-то шепча. Наконец Бильбо не выдержал.

— Ну? — сказал он. — Где обещание? Мне пора. Обещал показать дорогу — показывай!

— Мы обещ-щ-щали, моя прелес-с-сть? Вывес-с-сти мерс-с-ского Бэггинс-с-са на дорогу? Воз-з-зможно. Но что же у него в кармаш-ш-шке? Не бечевка, моя прелес-с-сть, но и не пус-с-сто, не пус-с-сто. Голлум!

— Тебя это не касается, — ответил Бильбо. — Обещание надо выполнять.

— Какой он с-с-сердитый, моя прелес-с-сть, как торопитс-с-ся, — прошипел Голлум. — Пус-с-сть подождет, подождет. Мы не пус-с-стимс-с-ся по туннелям нас-с-спех. Мы должны с-с-сперва вз-з-зять кое-что важное.

— Тогда живей! — скомандовал Бильбо, радуясь, что отделается от Голлума. Он думал, что Голлум просто ищет предлога, чтобы удрать и не вернуться. Что он там бормочет? Какая такая важная вещь припрятана у него на черном озере? Бильбо ошибался. Голлум собирался вернуться. Он очень проголодался и разозлился. У этого злобного обездоленного создания родился план.

На островке, о котором Бильбо ничего не знал, Голлум прятал всякую дрянь, а кроме того — очень полезную, очень прекрасную и очень волшебную вещь. Кольцо — золотое драгоценное кольцо!

— Подарок на мой день рождения, — прошептал он, как любил шептать себе в беспросветно темные нескончаемые дни. — Вот что нам нужно сейчас-с-с, нужно сейчас-с-с!

Дело в том, что кольцо это было не простое, а чудесное. Тот, кто надевал его на палец, делался невидимым, и лишь при ярком солнечном свете можно было разглядеть тень, да и то очень слабую и неверную.

— Подарок! Получен в день рождения, моя прелес-с-сть.

Так он всегда твердил себе, но кто знает, каким путем Голлум заполучил его в те давние времена, когда таких колец было на свете много. Вероятно, сам Мастер — повелитель колец не знал этого. Сперва Голлум носил кольцо на пальце, потом ему надоело, и он стал носить его в мешочке на шее, пока кольцо не натерло ссадину. Теперь Голлум обычно держал кольцо под камнями на своем островке и то и дело проверял, там ли оно. Он надевал его изредка, когда уж очень невмоготу становилось жить с ним в разлуке или когда бывал очень голоден, а рыба прискучила. Тогда он крался по темным туннелям вверх, высматривая случайных гоблинов. Порой он даже отваживался заглядывать туда, где горели факелы: глаза у него болели, он жмурился, но он был в безопасности! Да, в полной безопасности. Никто его не видел, не замечал, и вдруг — р-раз! — пальцы его впивались в горло гоблина. Всего несколько часов назад он надевал кольцо и поймал гоблиненка. Как тот заверещал! От него осталась пара косточек про запас, но сейчас Голлуму хотелось чего-нибудь понежнее.

— В полной безопас-с-сности, — шептал он себе под нос. — Он не увидит нас-с-с, правда, моя прелес-с-сть? Нет, не увидит, и мерс-с-ский мечиш-ш-шко нам будет не с-с-страшен, не страш-ш-шен.

Вот какие планы копошились в его злобном умишке, когда он вдруг зашлепал к лодке и исчез в темноте. Бильбо решил, что только он его и видел. Но на всякий случай немного подождал: все равно он не представлял себе, как отсюда выбраться.

Внезапно он услышал пронзительный крик. Мурашки побежали у него по коже. Где-то очень далеко в темноте бранился и причитал Голлум. Он был на островке, рылся то там, то сям, искал и копался, но безрезультатно.

— Где оно? Куда задевалос-с-сь? — услышал Бильбо. — Потерялос-с-сь, моя прелес-с-сть! Потерялос-с-сь. Нес-с-частные мы, горемычные, моя прелес-с-сть, оно потерялос-с-сь!

— Что случилось? — окликнул его Бильбо. — Что потерялось?

— Пус-с-сть не с-с-спраш-ш-шивает нас-с-с! — взвизгнул Голлум. — Его не кас-с-сается! Голлм! Потерялос-с-сь, голлм, голлм!

— Я тоже потерялся! — закричал в нетерпении Бильбо. — И хочу найтись. Я выиграл, ведь ты обещал. Иди теперь сюда. Иди и выводил меня, а потом будешь искать дальше!

Как ни был несчастен Голлум, Бильбо все равно не мог проникнуться к нему сочувствием. И потом, от вещи, которая нужна Голлуму позарез, наверняка хорошего ждать нечего.

— Иди сюда! — закричал Бильбо громче.

— Нет, нет, моя прелес-с-сть, пус-с-сть подождет! — прошипел Голлум. — Мы еще поищем, оно потерялос-с-сь, голлм.

— Но ты так и не ответил на последний вопрос, а обещание надо держать, — настаивал Бильбо.

— Пос-с-следний вопрос-с-с! — повторил Голлум. И вдруг из темноты послышалось пронзительное шипение: — Что же у него в кармаш-ш-шке? Пус-с-сть с-с-скажет. С-с-сперва пус-с-сть с-с-скажет.

Вообще-то у Бильбо не было причин не говорить Голлуму отгадку. Но его раздосадовала вся эта канитель. В конце концов, он выиграл, почти честно и притом с риском для жизни.

— Разгадки отгадываются, а не подсказываются, — возразил он.

— Но загадка была нечес-с-стная, — ответил Голлум. — Вопрос-с-с, а не загадка, моя прелес-с-сть, не загадка.

— Ну, раз мы перешли на простые вопросы, то я спросил первым, — ответил Бильбо. — Что ты потерял?

— Что у него в кармаш-ш-шке, моя прелес-с-сть?

Свист и шипение раздались вдруг опята так громко и пронзительно, что Бильбо посмотрел в ту сторону и, к своему ужасу, увидел две устремленные прямо на него горящие точки. По мере того как у Голлума росло подозрение, его глаза разгорались все ярче.

— Что ты потерял? — настаивал Бильбо.

Теперь глаза у Голлума загорелись зеленым огнем, и два огонька начали приближаться с угрожающей быстротой. Голлум бешено греб к берегу. Пропажа и подозрение вызвали такой прилив ярости в его душе, что никакой кинжал был ему теперь не страшен. Бильбо не мог, конечно, догадаться, что привело в такое бешенство гадкое создание, но

Он будет прос-с-то держать его в кармаш-ш-шке. Он не мог уйти далеко. Он потерял-с-ся, мерс-с-ское пронырливое с-с-создание. Он не знает дороги отс-с-сюда, не знает, он с-с-сам говорил. Да, говорил, но он хитрый. Он не говорит разгадки, моя прелес-с-сть! Не говорит, что у него в кармаш-ш-шке. Он с-с-сумел войти — значит, с-с-сумеет и выйти. Он убежал к задней двери. Значит, и мы пойдем к задней двери. Там его с-с-сцапают гоблинс-с-сы. Там ему не выйти, моя прелес-с-сть. Гоблинс-с-сы! Ес-с-сли наш-ш-ше с-с-сокровище у него, оно дос-с-станется гоблинс-с-сам, голлм! Они догадаютс-с-ся, что оно умеет делать. Мы никогда не будем в безопас-с-сности, никогда, голлм! Гоблинс-с-с наденет его и ис-с-счезнет. Гоблинс-с-с будет тут, но мы его не увидим. Даже наш-ш-ши ос-с-стрые глас-с-ски его не заметят. И тогда гоблинс-с-с притворитс-с-ся, подкрадетс-с-ся и с-с-сцапает нас-с-с, голлм, голлм! Хватит болтать, моя прелес-с-сть, торопис-с-сь. Ес-с-сли Бэгтинс-с-с пошел в ту с-с-сторону, надо догонять. Дальш-ш-ше! Ос-с-сталось недалеко! С-с-скорее!

Голлум вскочил, как подброшенный, и зашлепал с невероятной быстротой вперед. Бильбо поспешил за ним, по-прежнему соблюдая осторожность. Теперь главной его заботой было не хлопнуться опять и не наделать шума. В голове у него крутился вихрь — смесь надежды и отчаяния. Оказывается, найденное им кольцо — волшебное! Оно делает невидимым! Бильбо, конечно, знал из старинных сказок о таких вещах, но как-то трудно поверить, что ты сам совершенно случайно наше такое кольцо. Однако верь не верь, а ведь Голлум с его глазами-фонарями проскочил мимо него.

Они бежали все дальше и дальше: Голлум — шлеп-шлеп — впереди, шипя и бранясь, Бильбо позади, бесшумно, как истинный хоббит. Вскоре они добежали до того места, где по обе стороны, как Бильбо заметил еще на пути к озеру, открывались боковые ходы. Голлум сразу принялся считать их: «Один с-с-слева, один с-с-справа, так. Два с-с-справа, два с-с-слева, так, так, так». И так далее.

Считая, он продвигался все медленнее, шаги его становились все неувереннее, а бормотание плаксивее: ведь он удалялся от воды, и ему делалось страшно. Гоблины могли выскочить в любой момент откуда угодно, а кольцо-то он потерял. Наконец он остановился у небольшой дыры слева. «С-с-седьмой с-с-права, так! Ш-ш-шес-с-стой с-с-слева, так! — шептал он. — Здес-с-сь. Дорога к задней двери, так. Проход здес-с-сь!»

Он заглянул туда и отшатнулся.

— Мы не с-с-смеем идти дальш-ш-ше, моя прелес-с-сть, не с-с-смеем. Там гоблинс-с-сы, много гоблинс-с-сов. Мы чуем их. С-с-с! Как нам пос-с-ступить? Провалитс-с-ся им, утопитс-с-ся! Надо обождать здес-с-сь, моя прелес-с-сть, немного обождать и ос-с-смотреться.

Таким образом, все застопорилось: Голлум вывел-таки Бильбо на правильную дорогу, но Бильбо не мог пройти! У входа, сторбившись и свесив голову между колен, сидел Голлум, глаза его мерцали холодным светом.

Бильбо тише мышки отделился от стены. Но Голлум сразу насторожился, потянул воздух носом, глаза его загорелись зеленым огнем. Он тихо, но угрожающе зашипел. Голлум не мог видеть хоббита, но темнота обострила его слух и нюх. Он пригнулся, упершись плоскими ладонями в землю, и вытянул шею вперед, почти касаясь носом каменного пола. Глаза его излучали слабый свет, в этом свете был едва различим его черный силуэт, но Бильбо чувствовал, что Голлум, как натянутый лук, готовый распрямиться, собрался для прыжка.

Бильбо и сам замер на месте и почти перестал дышать. Он был в отчаянии. Необходимо выбраться отсюда, из этого страшного мрака, пока у него остались силы. Надо бороться. Ударить кинжалом злобную тварь, убить, опередить его, пока он не убил Бильбо. Нет, это будет нечестно. Бильбо невидим, а у Голлума нет кинжала, да он еще и не пытался убить его, Бильбо. И потом, Голлум такой одинокий, такой несчастный и заброшенный. Внезапно сердце Бильбо наполнилось сочувствием, жалостью, смешанной со страхом, он представил себе череду бесконечных беспросветных дней, без всякой надежды на лучшую жизнь, — лишь жесткий камень, холодная рыба, вечное шныряние и бормотание. Все эти мысли молнией пронеслись у Бильбо в голове, он содрогнулся. И вдруг совершенно неожиданно его озарила новая мысль, и он, словно подброшенный приливом решимости и энергии, прыгнул!

Для человека такой прыжок был бы не бог весть как труден, но ведь это был еще и прыжок в неизвестность... Бильбо перелетел прямо через голову Голлума, на метр в высоту, два с половиной в длину. Ему было невдомек, что он чуть не разможил себе череп о низкий свод туннеля.

Голлум откинулся назад и попытался схватить хоббита, но поздно — лапы его цапнули только воздух, а Бильбо, приземлившись на свои крепкие мохнатые ножки, помчался по боковому ходу. Он улепетывал не оборачиваясь. Сперва шипение и брань слышались прямо за спиной у Бильбо, потом прекратились. Раздался душераздирающий крик, полный злобы и отчаяния. Голлум был побежден. Дальше он бежать не смел. Он проиграл: упустил добычу и потерял то единственное, чем дорожил. У Бильбо от его крика чуть сердце от страха не выскочило, но он продолжал бежать. Потом слабый, как эхо, но полный угрозы, до него донесся вопль: «Вор, вор! Бэггинс-с-с вор! Ненавис-с-стный, ненавис-с-стный, навс-с-егда, навс-с-егда!»

Потом наступила тишина. Но и тишина испугала Бильбо. «Если гоблины так близко, что он их почуял, — думал он, — тогда они слышали его визг и брань. Осторожнее, а то эта дорога приведет к плохому концу».

Проход был низкий, и пол грубо обработан. Для хоббита места хватало, но все же он несколько раз ушиб пальцы ног, споткнувшись о торчащие камни. «Низковато для гоблинов, во всяком случае, для крупных», — подумал Бильбо. Он не знал, что даже самые крупные гоблины могут передвигаться с огромной скоростью внаклонку, касаясь руками земли.

Вскоре пологий спуск кончился и опять начался подъем, делаясь все круче и круче. Бильбо пришлось снизить скорость. Туннель сделал поворот, тропа пошла резко вниз, и там, в конце короткого спуска, Бильбо увидел свет, падавший из-за следующего поворота. Не красный, как от костра или факелов, а белый, дневной, какой бывает только под открытым небом. Бильбо пустился бегом. Он буквально скатился вниз, завернул за последний угол — и очутился на площадке, освещенной солнечным светом. После стольких часов мрака свет ослепил его, но на самом деле то была всего лишь полоса света, падавшая из раскрытой большой каменной двери. Бильбо замигал и вдруг увидел гоблинов: те в полном вооружении с обнаженными мечами сидели перед дверью, не спуская глаз с ведущего к ней туннеля. Они были настороже, на чеку, наготове.

Гоблины увидели Бильбо раньше, чем он их. Да, увидели! То ли нечаянно, то ли нарочно, решив выкинуть фокус со своим новым господином, кольцо исчезло! Гоблины бросились к Бильбо с дикими воплями восторга.

Боль утраты и страха охватила Бильбо, как раньше Голлума, и, забыв про кинжал, он с горя сунул руки в карманы. О радость, кольцо было там в левом кармане! Оно наделось ему на палец — и гоблины застыли как вкопанные. Они ничего не понимали: только что он был тут и вдруг пропал. Они опять завывали, на этот раз не от восторга, а от разочарования.

— Где он? — вопили одни.

— Нырнул назад в туннель! — кричали другие.

— Сюда! — орали третьи. — Туда!

— Посмотреть за дверью! — рявкнул капитан гоблинов.

Послышались свистки, забряцало оружие, зазвенели клинки, гоблины, рыча и ругаясь, забегали взад и вперед, натываясь друг на друга, падая и постепенно разъярясь. Поднялась страшная суматоха, кутерьма и тарарам.

Бильбо до смерти перепугался, но у него хватило здравого смысла нырнуть за большую бочку, из которой пила стража, чтобы его не сшибли с ног, не затоптали и не поймали на ощупь.

— Надо добраться до двери, во что бы то ни стало добраться до двери! — повторял он себе, но решил на это не сразу. Дальше все происходило, как в игре в жмурки, только страшней. Вокруг метались гоблины, бедняга хоббит раза два увернулся, потом был сбит с ног гоблином, который не мог понять, на что налетел, потом Бильбо встал на четвереньки, проскользнул под ногами у капитана, поднялся во весь рост и кинулся к двери.

Дверь все еще не была заперта, но какой-то стражник почти полностью прикрыл ее. Бильбо попробовал ее толкнуть, но даже с места не сдвинул. Попробовал протиснуться в щель, но застрял. Какой ужас! Пуговицы его курточки зацепились за косяк. Бильбо уже видел, что там за дверью: несколько ступенек сбегали вниз, в узкое ущелье между

высокими скалами, солнце вышло из-за облаков и ярко освещало пейзаж по ту сторону двери. Но Бильбо не мог вырваться из тисков!

Внезапно один из гоблинов заорал:

— Рядом с дверью тень! Там кто-то есть!

Сердце у Бильбо бешено заколотилось, он рванулся изо всех сил, пуговицы разлетелись в стороны! Разорвав куртку и жилет, Бильбо вырвался наружу и поскакал по ступенькам, как козлик, а ошеломленные гоблины остались подбирать его красивые медные пуговицы.

Разумеется, они тут же с гиканьем и криками кинулись за ним вдогонку. Но гоблины не любят солнечный свет, ноги у них слабеют, голова кружится. Им было не поймать Бильбо, который с кольцом на пальце перебегал в тени деревьев быстро, бесшумно, стараясь не появляться на солнце. Вскоре, ругаясь и брюзжа, гоблины побрели назад стеречь дверь.

Бильбо спасся!

6. Из огня да в полымя

Бильбо удрал от гоблинов, но понятия не имел, где находится. Он потерял капюшон, плащ, еду, пони, пуговицы и друзей. Он брел и брел куда глаза глядят. Наконец тени гор упали на тропу перед Бильбо. Он оглянулся: солнце садилось за горы позади него! Тогда он посмотрел вперед и увидел уходящие вниз склоны. Внизу сквозь деревья кое-где проглядывали поляны.

— Боже милосердный! — воскликнул Бильбо. — Кажется, я вышел по другую сторону Туманных Гор! Где же, о где же Гэндальф и гномы? Только бы они не остались во власти гоблинов!

Он шел и шел, поднялся из впадинки, перевалил через ее край и опять стал спускаться. Но все время его терзала одна крайне неприятная мысль: а не должен ли он теперь, когда на пальце у него волшебное кольцо, вернуться в кошмарные туннели и разыскать своих друзей. Только он пришел к решению, что это его долг, и почувствовал себя вконец несчастным — как вдруг услышал голоса.

Он остановился и прислушался — на гоблинов, кажется, непохоже. Он тихонько подкрался поближе. Каменистая тропка, по которой он шел, вилась вниз, слева возвышалась скала, справа спускался склон с лощинами, заросшими кустарником и невысокими деревьями. В одной из лощин в кустах кто-то разговаривал.

Бильбо подполз еще ближе — и вдруг между двух валунов мелькнул красный капюшон: оттуда выглядывал Балин, как всегда стоящий в дозоре. Бильбо чуть не захлопал в ладоши и не закричал от радости. Но сдержался. Он еще не снял кольца, боясь какой-нибудь неожиданной и неприятной встречи, и теперь Балин смотрел прямо сквозь него.

«Устрою-ка я им сюрприз», — подумал Бильбо, пробираясь сквозь кусты, росшие по краю лощины.

Гэндальф спорил с гномами. Они обсуждали события, происшедшие с ними в туннелях, и решали, что делать дальше. Гэндальф убеждал гномов, что нельзя продолжать путь, оставив мистера Бэггинса в руках гоблинов и даже не выяснив, жив он или нет, и не попытавшись его спасти. А гномы выражали недовольство.

— В конце концов, он мой друг, — говорил волшебник, — и вовсе не так уж плох. Я за него отвечаю. Все-таки безобразие, что вы его потеряли.

Гномы же утверждали, что вообще не надо было брать его с собой, и возмущались, почему он потерялся, а не держался около них, и зачем Гэндальф не выбрал кого-нибудь посообразительнее.

— Пока от него больше хлопот, чем пользы, — сказал кто-то. — Коли еще идти обратно искать его в темных туннелях, так плевать я на него хотел!

— Да, я взял его с собой, а я ничего бесполезного не беру. Или вы мне помогаете искать его, или я ухожу — и расхлебывайте неприятности сами. А вот если мы найдем его, вы еще не раз поблагодарите меня. Почему ты сам убежал, Дори, а его бросил?

— Вы бы тоже его бросили, — огрызнулся Дори, — если бы вас схватили в темноте за ноги, дернули и поддали в спину ножищей!

— Так чего же ты не подобрал его после?

— Господи помилуй! Вы еще спрашиваете! Гоблины в темноте дерутся, кусаются, валяются друг на друга, бьют кого попало... Вы мне чуть голову не отхватили Глемдрингом, а Торин тычет во все стороны Оркристом. Тут вы вдруг ослепляете всех вашей вспышкой, гоблины с визгом отступают, вы кричите: «Все за мной!» — и все вам повинуются. То есть мы думали, что все. Вы прекрасно понимаете, что нам некогда было себя пересчитывать. Мы проскочили мимо часовых, за дверь и скатились сюда. И вот мы здесь, а Взломщика нет, чтоб ему пусто было!

— А Взломщик тут как тут! — заявил Бильбо, выступая вперед и снимая кольцо.

Бог ты мой, как они подскочили от неожиданности! Как завопили от удивления и радости! Гэндальф был изумлен не меньше других, но, пожалуй, доволен больше. Он подозвал Балина и сделал ему выговор, высказав все, что думает о дозорных, у которых посторонний может свалиться как снег на голову. Надо сказать, после этого случая Бильбо сильно вырос в глазах гномов. Если раньше, несмотря на уверения Гэндальфа, они сомневались в том, что он взломщик первой категории, то теперь их сомнения рассеялись. Балин был ошарашен больше других. И все гномы признали Бильбо ловкачом.

Бильбо до того был доволен похвалами, что, посмеявшись в душе, ничего не сказал про кольцо, а когда его стали расспрашивать, ответил:

— Ну, просто подкрался потихоньку, по-хоббитовски.

— Даже мыши не удавалось прокрасться у меня подносом и остаться незамеченной, — проговорил Балин. — Снимаю перед вами капюшон. — Что он и сделал, добавив: — Балин, к вашим услугам.

— Мистер Бэггинс, ваш слуга, — ответил Бильбо.

Потом они потребовали у него отчета о приключениях с той минуты, как он потерялся. И он рассказал им все... кроме того, что нашел кольцо («Подожду пока», — решил он). Особенно их заинтересовало состязание в загадках, а когда он описал Голлума, они, сочувствуя, пришли в ужас.

— И тут, когда он уселся рядом со мной, я не смог ничего придумать, — закончил Бильбо, — и просто спросил: «Что у меня в кармане?» И он не отгадал с трех раз. Тогда я сказал: «Ты обещал? Обещал! Теперь выводи меня!» Но он бросился на меня и хотел убить, я побежал и упал, и он не заметил меня в темноте. Тогда я пошел за ним следом и услышал, как он бормочет что-то себе под нос. Он думал, что я сам знаю, как выбраться из-под горы, и побежал к задней двери. А потом вдруг взял и уселся при выходе из туннеля, так что я не мог пройти. Тогда я перепрыгнул через него и пустился наутек.

— А как же стража? — спросили гномы. — Разве стражников не было?

— Были! И еще сколько! Но я от них увернулся и удрал. Дверь была еле приотворена, я застрял и потерял кучу пуговиц... — Он с сожалением поглядел на порванную одежду. — Но я все равно протиснулся — и вот я здесь!

Гномы глядели на него по-новому, с уважением: он так запросто рассказывал про то, как увернулся от стражников, перепрыгнул через Голлума и протиснулся в дверь, словно все это не доставило ему никакого труда и волнений.

— Что я вам говорил? — засмеялся Гэндальф. — Мистер Бэггинс далеко не так прост, как вы думаете.

При этом он бросил на Бильбо странный взгляд из-под косматых бровей, и у хоббита мелькнуло подозрение, что волшебник догадывается о той части истории, которую он выпустил.

У него тоже накопилось много вопросов. Может быть, Гэндальф объяснил все гномам раньше, но Бильбо-то этого не слышал. Он хотел знать, каким образом волшебник вывел гномов и что это за лощина.

Чародей, не скроем, всегда был не прочь лишний разок похвастаться своей мудростью. Поэтому он с удовольствием рассказал Бильбо, что они с Элрондом прекрасно знали о злых гоблинах, живущих в этой части гор. Но раньше главные ворота выходили на другую тропу, более легкую и доступную, где гоблины часто ловили путников, которых ночь застигла вблизи ворот. По-видимому, люди забросили ту дорогу и гоблины устроили новые ворота в конце тропы, по которой шли гномы. Произошло это, видно, совсем недавно, ибо до сих пор дорога считалась вполне безопасной.

Так вот, едва Гэндальф услышал вопль Бильбо, он мигом сообразил, что произошло. Он убил вспышкой гоблинов, кинувшихся на него, и успел скользнуть в щель как раз в тот момент, когда она захлопывалась. Он шел по пятам за погонщиками и пленниками, дошел до тронного зала, а там сел в уголке и сотворил самый удачный из своих колдовских трюков.

— Очень деликатное было дело, — сказал он, — все висело на волоске!

Но Гэндальф недаром столько практиковался в колдовстве с помощью огня и света (даже хоббит, если помните, всю жизнь не мог забыть чудесные фейерверки на праздниках Старого Тука). Что было дальше, мы знаем. Гэндальфу было известно о задней двери, как гоблины называли нижние ворота, где Бильбо потерял пуговицы.

— Гоблины устроили там ворота давным-давно, — сказал Гэндальф, — отчасти как лазейку, если понадобится бежать, отчасти как средство попасть на ту сторону гор; по ночам они делают туда вылазки и набеги и всячески разбойничают. Они строго охраняют эту дверь, и до сих пор никому не удавалось в нее проскочить. Теперь они будут стережь ее еще строже.

Гэндальф засмеялся, остальные тоже. Что говорить, убытки их были велики, но зато они прикончили Верховного Гоблина и множество простых гоблинов в придачу и сами спаслись, так что пока, можно считать, находились в выгодном положении.

Но волшебник быстро вернул их к действительности.

— Мы уже отдохнули, — сказал он, — пора двигаться дальше. Ночью сотни гоблинов пустятся за нами в погоню, а смотрите — тени уже удлиннились. До сумерек нам надо уйти на несколько миль вперед. Если хорошая погода сохранится, то взойдет луна, и это нам на руку. Гоблины, правда, не очень-то боятся луны, но мы по крайней мере увидим, куда идти.

Да, да! — ответил он на новые расспросы хоббита. — Ты потерял счет времени, пока блуждал в туннелях. Сегодня четверг, гоблины поймали нас в понедельник ночью, вернее, во вторник утром. Мы проделали много миль, прошли через самое сердце гор и теперь очутились на другой стороне — словом, порядочно спрямили. Но вышли не туда, куда привела бы нас первоначальная тропа. Мы взяли слишком к северу, впереди нам предстоит малоприятная местность. И пока мы чересчур высоко. Итак, в путь!

— Я страшно хочу есть, — простонал Бильбо, только сейчас осознавший, что ничего в рот не брал с позапозапрошлого вечера. Каково это для хоббита, только представьте! Теперь, когда возбуждение прошло, он ощутил, что пустой животик обвис и ноги дрожат.

— Ничем не могу помочь, — ответил Гэндальф. — Разве что ты вернешься и вежливо попросишь гоблинов отдать тебе твоего пони и поклажу!

— Нет уж, благодарю покорно! — воскликнул Бильбо.

— В таком случае затащим потуже кушаки и зашагаем дальше. Лучше остаться без ужина, чем самим превратиться в ужин.

По дороге Бильбо поглядывал по сторонам, чем бы закусить: черная смородина только цвела, орехи еще не созрели, ягоды боярышника не поспели. Бильбо пожевал щавель, зачерпнул воды из горного ручейка, пересекавшего тропинку, и даже проглотил три ягодки земляники, но голода не утолил.

Они шли и шли. Неровная каменистая тропка пропала. Исчезли кусты, высокая трава между валунами, участки дерна, обглоданного кроликами, исчезли чебрец и шалфей, мята и желтые горные розочки. Путники очутились на широком крутом склоне, усеянном камнями — остатками оползня. Когда они начали спускаться, камни и щебень посыпались у них из-под ног. Потом заскакали обломки камней покрупнее, приведя в движение осыпь, потом стали срываться большие глыбы. Вскоре весь склон выше и ниже их тронулся с места, и они поехали вниз, среди пыли, треска и грохота скачущих камней.

Спасли их деревья. Путники докатились до границы сосновой рощи, переходившей внизу, в долине, в густой темный лес. Одни задержались, уцепившись за нижние ветви деревьев, другие (в том числе маленький хоббит) спрятались за стволы, чтобы укрыться от грозного наступления валунов. Вскоре опасность миновала, осыпь остановилась, лишь далеко внизу, среди папоротника и корней деревьев, еще слышался отдаленный грохот сорвавшихся камней.

— Так! Это нас сильно продвинуло вперед, — заметил Гэндальф. — Если гоблины сюда сунутся, обойтись без шума им будет нелегко.

— Неужели? — иронически пробормотал Бомбур. — Зато легко будет сбрасывать нам камни на голову.

Гномы и Бильбо чувствовали себя неважно и, морщась, потирали изодранные и ушибленные места.

— Пустяки! Сейчас мы свернем и окажемся в стороне от осыпи. Надо торопиться! Оглянитесь вокруг!

Солнце давно село за горы, сумерки сгущались, путники быстро ковыляли по дорожке, которая полого спускалась прямо на юг. Лесной мрак становился все гуще и беззвучнее. Ветер совсем стих, и даже шепота ветвей не было слышно в лесу.

— Неужели мы пойдем дальше? — спросил Бильбо, когда стемнело настолько, что он смутно видел лишь колыхание бороды Торина рядом с собой, и стало так тихо, что дыхание гномов казалось громким шумом. — Пальцы на ногах у меня разбиты, ноги ноют, живот болтается, как пустой мешок.

— Еще немного, — сказал Гэндальф.

Прошла, как им показалось, целая вечность, и вдруг они вышли на поляну, ярко освещенную луной. Чем-то место это им всем не понравилось, хотя ничего определенно плохого они сказать не могли.

Внезапно у подножия горы послышался вой — жуткий, заунывный. Он раздавался справа и слева, все ближе и ближе. То были волки, воющие на луну, волки, собирающиеся в стаю.

Хотя поблизости от родной норки мистера Бэггинса волков не водилось, он узнал вой сразу. Его достаточно часто описывали в сказках, а один из старших кузенов Бильбо по туковской линии, большой любитель путешествовать, не раз выл по-волчьи, чтобы напугать Бильбо. Но слышать волков вот так, в лесу, ночью, при луне — это было слишком! Даже волшебное кольцо — слабое средство против волков, особенно против страшной стаи, жившей под сенью гоблинской горы в Диком

Краю. Такие волки обладают еще более тонким нюхом, чем гоблины, им не обязательно видеть свою жертву.

— Что делать, как быть?! — кричал Бильбо. — Спасись от гоблинов, попались волкам!

Слова его стали пословицей, хотя теперь в подобной неприятной ситуации мы говорим «из огня да в полымя».

— На деревья, быстро! — приказал Гэндальф. Они кинулись к деревьям, окружавшим поляну, и мигом взобрались на самые верхние ветки, которые только могли их выдержать. Вы бы животики надорвали, если бы увидели (естественно, с безопасного расстояния), как гномы сидели на ветвях и бороды у них свисали вниз — точь-в-точь спятившие старички вздумали поиграть в мальчишек. Филя и Кили взгромоздились на верхушку высокой лиственницы, которая стала теперь похожа на рождественскую елку. Дори, Нори, Ори, Ойн и Глойн устроились с большим удобством на высоченной сосне с солидными ветвями. Бифур, Бофур, Бомбур и Торин сидели на другой сосне. Двалин и Балин вскарабкались на высокую стройную ель с редкими ветвями и пытались отыскать себе местечко в гущине верхушки. Гэндальф, который был значительно выше прочих, подобрал себе такую высокую сосну, куда остальные не могли бы взобраться. Гэндальфа совершенно скрыли ветки, только глаза его сверкали в лунном свете.

А Бильбо? Бильбо никуда на мог залезть и бегал от ствола к стволу, словно потерявший норку кролик, за которым гонится собака.

— Опять ты бросил Взломщика! — заметил Нори, заглядывая вниз.

— Не могу же я вечно таскать его на спине, — возразил Дори, — то по туннелям, то по деревьям! Кто я, по-твоему? Носильщик?

— Его съедят, если мы не предпримем никаких мер, — проговорил Торин. Вой слышался все ближе и ближе, окружая их кольцом. — Дори! — окликнул он, ибо Дори сидел ниже всех на самом удобном дереве. — Скорее подай руку мистеру Бэггинсу!

Дори, несмотря на свое ворчанье, был гном очень порядочный; он спустился пониже и протянул руку, но и тут бедняга Бильбо не мог достать до нее. Дори пришлось слезть на землю и нагнуться, чтобы Бильбо забрался к нему на спину. В это минуту волки с воем выбежали на поляну. Сотни волчьих глаз уставились на Дори и Бильбо. И все-таки Дори не бросил хоббита в беде: он дождался, пока тот перелез с его плеч на дерево, и только тогда подпрыгнул и ухватился за нижнюю ветку. Как раз вовремя! Волк щелкнул зубами и чуть не сдернул Дори за плащ. В одно мгновение вся стая сгрудилась вокруг дерева, волки с воем запрыгали у ствола, глаза их горели, языки свисали наружу.

Но даже дикие-предикие варги (так назывались злые волки по ту сторону Туманных Гор) не умеют лазать по деревьям. На какое-то время путешественники оказались в безопасности. На их счастье, ночь была теплая и безветренная. На деревьях и вообще-то долго не просидишь, а уж когда холод да ветер и внизу караулят волки, то и подавно.

Эта поляна, окруженная кольцом деревьев, очевидно, была местом сборища волков. Они все прибывали и прибывали. Волки, принявшие

ясь, обошли поляну кругом и скоро определили каждое дерево, где кто-нибудь да прятался. Всюду они поставили часовых, остальные (насколько можно судить, не одна сотня) уселись большим кружком. В центре сидел громадный серый волк и говорил на ужасном языке варгов. Гэндальф понимал язык варгов, Бильбо нет, но и так можно было догадаться, что речь идет только о жестоких и злых делах. Время от времени варги хором отвечали серому вожаку, и каждый раз, слыша их жуткое рывканье, хоббит чуть не падал от страха с сосны.

Сейчас я вам расскажу, что услышал Гэндальф и чего не понял Бильбо. Варги и гоблины нередко действовали сообща, совершая свои черные дела. В ту пору гоблины частенько устраивали набеги, чтобы добыть пищу или рабов. В таких случаях они призывали на помощь варгов и потом делились с ними добычей. Иногда гоблины ехали на варгах верхом, как на конях. На эту самую ночь был как раз намечен большой набег. Варги явились сюда на свидание с гоблинами, а те опаздывали. Причиной, как мы знаем, послужила смерть Верховного Гоблина и вообще суматоха, вызванная гномами, Билбо и волшебником, которых, вероятно, разыскивали в туннелях до сих пор.

Несмотря на все опасности, подстерегающие людей в этой отдаленной стране, некоторые храбрецы в последнее время начали возвращаться сюда с юга, рубить деревья и строить себе дома в более светлых лесах — по долинам и по берегам рек. Их постепенно набралось много, все они были отважные, хорошо вооруженные люди, даже варги не смели нападать на них при ярком солнечном свете. Вот варги и сговорились с гоблинами напасть ночью на деревню, близкую к горам. Если бы их план удался, на следующий день в деревне никого не осталось бы в живых: никого, кроме тех, кого гоблины взяли бы в плен.

Жуткие это были речи; опасность угрожала не только храбрым лесорубам, их женам и детям, но и самому Гэндальфу с его друзьями. Варги разозлились и удивились, обнаружив их на месте сбора. Они заподозрили, что друзья лесорубов явились шпионить за ними и отнесут новости в деревню, и тогда гоблинам и волкам придется драться не на жизнь, а на смерть, вместо того, чтобы с легкостью разделаться со спящими — сожрать или утащить их. Поэтому варги решили караулить пленников по крайней мере до утра, чтобы эти существа не удрали. К тому времени с гор придут гоблины, а гоблины умеют лазать по деревьям или валить их.

Теперь вам понятно, почему Гэндальф, прислушивавшийся к рычанию и тывканью варгов, отчаянно испугался, даром что был волшебник. Он понял, что они попались, и еще неизвестно, удастся ли им спастись. Но он решил, что так просто не сдастся, хотя, сидя на верхушке дерева в окружении волков, много сделать не сможет. Сперва он обобрал со своей сосны крупные шишки, потом поджег одну из них посохом и швырнул в волков. Шишка с шипением упала волку на спину, его лохматая шкура сразу же загорелась, он с жутким воем заметался по поляне. За первой полетела вторая, третья — одна горела голубым пламенем, другая красным, третья зеленым. Они взрывались,

ударяясь о землю, и разлетались цветными искрами, пуская густой дым. Самая большая шишка стукнула жоака по носу, он подпрыгнул на три метра в воздух, а потом принялся носиться кругом, кусая с испуга и злости своих подданных.

Гномы и Бильбо ликовали и кричали от радости. Страшно было смотреть, в какую ярость пришли волки. Они перебудоражили весь лес. Волки вообще боятся огня, а этот огонь был особенный, сверхъестественный. Искра, попадая на шкуру, впивалась в нее, прожигала волка насквозь, и, если он не начинал кататься по земле, его быстро охватывало пламя. Скоро по всей поляне катались волки, пытаясь загасить искры; те, которые уже пылали, с громким воем носились вокруг, поджигая других.

— Что за шум сегодня ночью в лесу? — удивился Повелитель орлов. Он сидел на вершине утеса, и черный силуэт его вырисовывался в лунном свете. — Я слышу голоса волков! Уж не гоблины ли там безобразничают?

Несколькими взмахами крыльев он поднялся в воздух, и немедленно двое орлов снялись со скал по обе стороны от него и последовали за ним. Описывая круги, они внимательно смотрели вниз и наконец заметили кольцо варгов — маленькую точку далеко-далеко под собой. У орлов острое зрение, они видят мельчайшие предметы с большого расстояния. Глаза Повелителя орлов Туманных Гор могли смотреть прямо на солнце, не мигая, или с высоты в милю видеть ночью кролика, бегущего в траве. Он не мог разглядеть сидевших в ветвях, но видел мечущихся волков и вспышки огня, слышал вой и тявканье. А еще он увидел отблеск лунного света на копытах и шлемах гоблинов: длинные цепи этих злых существ, извиваясь, двигались по склонам гор от ворот в лес.

Орлов не назовешь добрыми. Бывают они трусливыми и жестокими. Но орлы древней породы северных гор были гордые, могучие и благородные — самые замечательные из птиц. Они не любили гоблинов и не боялись их. Когда орлы удостаивали гоблинов своим вниманием (что бывало редко, ибо орлы их не едят), то налетали на гоблинов сверху и гнали к пещерам, не давая им вершить разбой. Гоблины ненавидели и боялись орлов, но не могли добраться до их гнезд на вершинах скал и прогнать с гор.

Этой ночью Повелителем орлов овладело любопытство, он захотел узнать, что творится в лесу. По его приказу множество орлов покинули вершины и, медленно кружа над лесом, стали постепенно снижаться туда, где кольцом сидели волки и ждали гоблинов.

Они хорошо сделали, что спустились! Там, внизу, творилось что-то страшное и невообразимое. Загоревшиеся волки, убежав в лес, подожгли его в нескольких местах. Стояло лето, на восточных склонах давно не выпадало дождей. Пожелтый папоротник, хворост, густой ковер из сосновых иголок, кое-где сухие деревья охватило пламенем. Вокруг прогалины бушевал огонь. Но караульные волки не оставили

деревьев, на которых прятались гномы. Они бесновались и с воем прыгали на стволы, ругали гномов на своем ужасном наречии, языки их вываливались из пасти, глаза горели свирепым красным огнем.

Внезапно на поляну с криками выскочили гоблины. Они думали, что там идет бой с лесорубами. Но узнав, в чем дело, одни сели на землю от хохота, другие замахали копьями и застучали древками о щиты. Гоблинам огонь не страшен.

Скоро они придумали план, показавшийся им самым замечательно остроумным. Они собрали волков в стаю и накидали вокруг стволов папоротника и валежника. Они до тех пор бегали вокруг, топая и хлопая, хлопая и топая, пока не потушили пожар, но гасить огонь возле деревьев, где сидели гномы, не стали. Наоборот, они подбросили туда еще листьев, сучьев и папоротника. Вокруг гномов образовалось кольцо дыма и пламени. Распространиться наружу гоблины ему не давали, зато оно стягивалось все теснее, и вскоре ползучее пламя перекинулось на кучи валежника и листьев, нагроможденных под деревьями гномов. Дым ел Бильбо глаза, он уже ощущал жар костра, сквозь дымовую завесу он видел, как гоблины пляшут вокруг их деревьев. Позади кольца воинов, танцующих с копьями и топорами, стояли на почтительном расстоянии волки, наблюдали и выжидали.

И тут гоблины затанули страшную песню:

Пятнадцать птиц на ветвях качались,
Под ветром перья у них трепыхались.
Но крыльев — увь! — не досталось пташкам.
Как же снова вспорхнуть бедняжкам?
Покончим с ними каким путем?
Зажарим? Сварим? Съедем сырьем?

Потом они перестали плясать и закричали:

— Летите, птички! Летите, коли можете! Слезайте оттуда, птички, а то зажаритесь прямо в гнездышках! Пойте, птички, пойте! Чего молчите?

— Убирайтесь прочь, негодники! — прокричал в ответ Гэндальф. — Еще не время для гнезд. Кто озорничает с огнем, тех наказывают!

Гэндальф хотел их подразнить и показать, что не боится. Но на самом деле он боялся, а ведь он был волшебник! Как будто не слыша его, гоблины продолжали петь:

Жги лес! Огонь до небес!
Пламя, играй! Факел, пылай!
Ночь, посветлей! Нам веселей,
Э-гей!

Жарь их, пеки! Добавь-ка муки!
Ну-ка, ну-ка — перца и лука!
Петрушки и соли — жалко нам, что ли?
Ночь, посветлей! Нам веселей!
Э-гей!
Э-ге-ге-гей!
Э-гей!

При возгласе «э-гей!» пламя лизнуло ствол дерева под Гэндальфом, потом перескочило на соседние деревья. Кора загорелась, нижние ветки затрещали.

Тогда Гэндальф забрался на самую верхушку. Из его посоха вырвалось невиданное ослепительное сверкание. Волшебник приготовился прыгнуть с высоты прямо на копья гоблинов. Тут бы ему и конец, но зато он, наверное, убил бы немало врагов, свалившись им на головы. Но он не успел прыгнуть.

В этот миг с неба на него упал Повелитель орлов, схватил в когти — и взмыл ввысь.

Вопль гнева и изумления вырвался у гоблинов. Гэндальф что-то сказал Повелителю орлов, тот громко крикнул, и тотчас сопровождавшие его черные птицы ринулись вниз, как огромные черные тени. Волки завyli и заскрежетали зубами. Гоблины завопили и затопали от ярости, напрасно бросая в воздух свои тяжелые копья. Орлы кидались на них, сильными взмахами черных крыльев сбивали гоблинов с ног или гнали прочь, в лес. Орлиные когти царапали их. Другие орлы схватили гномов, которые вскарабкались теперь на самые верхушки и покачивались там, замирая от страха.

Бедняжку Бильбо чуть опять не бросили одного! Он еле успел уцепиться за ноги Дори, когда того последним подхватил орел. Они взвились вверх над суматохой и пожаром, Бильбо болтался в воздухе, руки у него буквально вырывались из плеч.

Гоблины и волки разбежались теперь по всему лесу. Несколько орлов еще кружили над полем битвы. Внезапно пламя охватило деревья до самых вершин, они с треском запылали. Вся поляна обратилась в шквал искр и дыма. Бильбо вовремя оказался в воздухе, еще минута — и он бы погиб.

Вскоре зарево пожара осталось далеко внизу — красное мерцание на черном фоне. Орлы подымались все выше широкими плавными кругами. Никогда Бильбо не забыть этого полета. Он крепко вцепился в щиколотки Дори и стонал: «Руки, мои руки!», а Дори кричал: «Ноги, мои ноги!»

У Бильбо всегда кружилась от высоты голова. Ему делалось дурно, если он заглядывал вниз с края небольшого обрыва; он недолго любил приставные лестницы, не говоря уже о деревьях (до сих пор ему не приходилось спасаться от волков). Можете вообразить, как кружилась у него голова теперь, когда он взглядывал вниз и видел под собой темную землю да кое-где поблескивание лунного света на горной породе или на поверхности ручья, пересекавшего равнину.

Вершины гор все приближались — каменные острия, торчащие вверх из черноты. Может, там внизу и стояло лето, но тут было очень холодно. Бильбо закрыл глаза и прикинул — долго ли еще продержится. Он представил себе, что произойдет, если он отпустит руки. Его замутило.

Как раз когда силы покидали его, полет закончился. Бильбо разжал пальцы и со стоном упал на твердую площадку. Он лежал и радовался,

что не сторел в пожаре, и боялся свалиться с узкого выступа в черный провал. В голове у него все путалось после ужасных событий последних трех дней, а также от голода. Неожиданно он услышал собственный голос:

— Теперь я знаю, каково куску бекона, когда вилка снимет его со сковородки и положит назад на полку.

— Нет, не знаешь! — возразил ему голос Дори. — Сало все равно рано или поздно опять попадет на сковородку, и ему это известно. А мы, смею надеяться, не попадем. И потом, орлы не вилки!

— И скалы не опилки! Ой! — произнес Бильбо, садясь, и с беспокойством посмотрел на орла, который примостился неподалеку. Интересно, какую еще он болтал чепуху и не обиделся ли орел. Не следует обижать орлов, если ты всего лишь маленький хоббит и лежишь ночью в горном орлином гнезде.

Но орел точил клюв о камень, отряхивал перья и не обратил на его слова никакого внимания. Вскоре подлетел другой орел.

— Повелитель приказал тебе принести пленников на Большой Уступ! — прокричал он и улетел.

Первый орел взял Дори в когти и исчез в ночном мраке, оставив Бильбо одного. Бильбо начал было размышлять, что означает слово «пленники» и скоро ли он попадет вместо кролика орлам на ужин, но тут орел вернулся за ним, схватил за куртку на спине и взмыл вверх. На этот раз лететь пришлось недалеко. Бильбо очутился на широком уступе. Он лежал, замерев от страха. Сюда не вела ни одна тропа, сюда можно было только прилететь, а отсюда — улететь или прыгнуть в пропасть. Остальные путешественники уже сидели там, прислонившись спиной к скале.

Повелитель орлов тоже был там и беседовал с Гэндальфом. Выходило, что Бильбо никто не собирался есть. Волшебник и главный орел, судя по всему, были знакомы и даже в дружеских отношениях. Дело в том, что Гэндальф, частенько бывавший по роду свих занятий в горах, однажды оказал услугу орлам, вылечив их повелителя от раны, нанесенной стрелой. Так что «пленники» означало лишь «пленники гоблинов» и ничего более. Прислушиваясь к их беседе, Бильбо понял, что теперь-то они окончательно покинут ужасные горы. Гэндальф просил Великого орла, чтобы орлы перенесли его самого, гномов и Бильбо как можно дальше, это сократило бы им путь через равнину. Однако Повелитель орлов не соглашался относить их туда, где поблизости живут люди.

— Они станут стрелять в нас из больших тисовых луков, — пояснил он, — подумают, что мы прилетели за их овцами. И у них есть для этого основания. Нет! Мы рады были вырвать у гоблинов из рук игрушку и рады отблагодарить лично вас, но рисковать жизнью ради гномов не согласны.

— Хорошо, — сказал Гэндальф, — тогда отнесите нас просто как можно дальше к югу, по вашему усмотрению. Мы вам и так многим обязаны. А сейчас мы умираем с голода.

— Я уже умер, — пропищал Бильбо слабым голосом, но его никто не услышал.

— Этому горю помочь нетрудно, — сказал Повелитель орлов.

Немного погодя вы могли бы увидеть яркий веселый огонь костра на уступе скалы и темные фигурки около него — это гномы готовили ужин. От костра шел дивный аромат жаркого. Орлы принесли на скалу хворосту, кролика, зайцев и барашка. Гномы ловко справились со всеми приготовлениями. Бильбо так ослаб, что не мог помогать, да и в любом случае толку от него было бы мало: он не умел свежевать кроликов и разделять мясо, так как мясник всегда доставлял ему мясо разделанным — только жарь. Гэндальф тоже прилег отдохнуть.

Так закончились приключения в Туманных Горах. Вскоре желудок Бильбо приятно отяжелел, хотя в душе он и предпочел бы хлеб с маслом, а не куски мяса, зажаренного на палочках. Он почувствовал, что готов заснуть. Свернувшись на жестких камнях, он уснул и спал крепче, чем когда-либо на перине у себя дома.

7. Небывалое пристанище

На другое утро хоббита разбудило взошедшее солнце. Он встал с намерением посмотреть на часы и поставить на огонь чайник... но тут же обнаружил, что он вовсе не дома. Он сел и стал с тоской думать о том, как приятно было бы сейчас умыться и почистить зубы... Ни умыться, ни почистить зубы, ни получить на завтрак чаю, жареного хлеба и копченой свинины ему не удалось. Пришлось довольствоваться холодной бараниной и кроликом, после чего они начали собираться в путь.

Теперь ему позволили взобраться орлу на спину и держаться за перья. Гномы прокричали прощальные слова, обещая когда-нибудь отблагодарить Повелителя орлов, — и пятнадцать громадных птиц взмыли в небо. Солнце все еще стояло низко, воздух был свежий, туман лежал в долинах и вился вокруг вершин. Бильбо приоткрыл глаза и увидел, что земля далеко внизу, а горы остались позади и все уменьшаются в размерах. Бильбо опять зажмурился и еще крепче вцепился в перья.

— Не щиплись! — сказал недовольно орел. — Что ты трусишь, как кролик? Хотя ты и впрямь смахиваешь на кролика. Прекрасное утро, приятный ветерок. Что может быть лучше полета?

Бильбо хотел ответить: «Теплая ванна и поздний завтрак на лужайке перед домом», но не посмел и только самую чуточку отпустил пальцы.

Через какое-то время орлы, должно быть, завидели ту цель, к которой направлялись, и начали опускаться. Они опускались большими кругами по спирали, довольно долго, так что хоббит не вытерпел и опять открыл глаза. Земля теперь была гораздо ближе, внизу виднелись деревья — кажется, дубы и вязы, — обширные луга и речка. И прямо на пути у реки, которой из-за этого приходилось делать петлю, из

земли торчал вверх каменный холм, скала, словно передовой пост далеких гор или гигантский обломок, заброшенный сюда на равнину каким-то невообразимым великаном.

Сюда-то, на верхушку скалы, сели один за другим орлы и опустили своих пассажиров.

— Счастливый путь! — закричали они. — Куда бы он ни лежал! И пусть примет вас в конце родное гнездо!

У орлов принято так говорить, когда они хотят быть любезными.

— Да несет вас попутный ветер туда, где плывет солнце и шествует луна, — ответил Гэндальф. Он знал, как полагается вежливо ответить.

Верхушка скалы представляла собой площадку, от нее вниз, к реке, вели ступеньки и вытоптанная тропа. Реку в этом месте можно было перейти вброд по большим плоским камням. Компания задержалась здесь, чтобы обсудить свои планы.

— Я с самого начал намеревался по возможности благополучно переправить вас через горы, — начал волшебник. — Благодаря моему умелому руководству и, что не столь важно, удачному стечению обстоятельств, с этой задачей я справился. В конце концов, это не мое приключение. Я, может быть, приму в нем еще разок участие, но сейчас меня ждут другие неотложные дела.

Гномы застонали от огорчения. Бильбо не мог сдержать слез. Они-то уж разлакомились, решив, что Гэндальф останется с ними до самого конца и будет всегда вызывать их из затруднений.

— Я же не собираюсь исчезать сию минуту, — сказал Гэндальф. — Подожду еще денек-другой. Возможно, я помогу вам выпутаться из теперешнего положения, да мне и самому нужна кое-какая помощь. У нас нет еды, нет вещей, нет лошадей, и вам неизвестно, где вы находитесь. Это я сейчас объясню. Вы сейчас на несколько миль севернее той тропы, которой должны были следовать, если бы не сбились второпях с горной дороги. В здешних местах людей мало, но недалеко отсюда живет Некто. Он и выбил ступеньки в скале, которую, если не ошибаюсь, называет Каррок. Сюда он заходит редко и уж во всяком случае не днем, дожидаться его здесь бесполезно. И даже опасно. Мы должны сами его разыскать. Если при встрече все обойдется мирно, я с вами распрощусь и пожелаю, как орлы, счастливого пути, куда бы он ни лежал.

Гномы умоляли не бросать их, сулили драконово золото, серебро и драгоценности, но он оставался неумолим.

— Там увидим, — отвечал волшебник на все уговоры. — Хочу думать, что я и так уже заслужил часть вашего золота. То есть вашим оно будет, когда вы его сумеете добыть.

Наконец они отстали от него. Выкупались в речке, которая у брода была мелкой, чистой, с каменистым дном, и, обсушившись на солнышке, почувствовали себя освеженными, хотя ушибы и царапины еще болели, и, конечно, они проголодались. Перейдя вброд на тот берег (хоббит ехал у кого-то на спине), путешественники зашагали по высокой зеленой траве вдоль раскидистых дубов и высоких вязов.

— А почему скала называется Каррок? — спросил Бильбо, шедший теперь рядом с волшебником.

— Он называет ее Каррок, потому что так ему хочется.

— Кто называет?

— Некто, о ком я говорил. Очень важная персона. Прошу, будьте с ним вежливы. Пожалуй, я буду представлять вас постепенно, по двое. И не вздумайте его раздражать, а то бог знает, что может получиться. Предупреждаю — он очень вспыльчив и прямо-таки ужасен, когда сердится, но в хорошем настроении вполне мил.

Гномы, услышав, о чем волшебник толкует с Бильбо, столпились вокруг них.

— И к такой личности вы нас ведете? Разве вы не могли подыскать кого-нибудь подороже? И нельзя ли объяснить попонятней? — забросали они его вопросами.

— Именно к такой! Нет, не мог! Я и так объяснил достаточно понятно, — сердито ответил волшебник. — Если непременно желаете знать, его имя Беорн. Он меняет шкуры.

— Как! меховщик? Который делает из кролика котика, когда не удается превратить его в белку? — спросил Бильбо.

— Боже милостивый, ну конечно, естественно, само собой разумеется — нет! — вскричал Гэндальф. — Сделайте одолжение, мистер Бэггинс, не говорите глупостей. И потом, заклинаю тебя всеми чудесами света, Бильбо, не упоминай ты больше слова «меховщик», пока находишься в радиусе ста миль от его дома! Чтобы никаких таких слов, как «меховая накидка, муфта, меховой капюшон, меховое одеяло» и тому подобное! Да, он меняет шкуры, но свои собственные! Он является то в облике громадного черного медведя, то в облике громадного могучего черноволосого человека с большими ручищами и большой бородой. Одни говорят, будто он — медведь из старинного и знаменитого рода черных медведей, живших в горах, пока не пришли великаны. Другие говорят, будто он потомок людей, живших в горах до тех пор, пока там не завелся Смог и другие драконы и пока с севера не пожаловали гоблины. Не знаю, конечно, но мне кажется, что правильное второе предположение. Вовсяком случае, на нем нет никаких чар, кроме своих собственных. Живет он в дубовой роще в просторном деревянном доме, держит скот и лошадей, которые не менее чудесны, чем он. Они на него работают и разговаривают с ним. Он их не ест и на диких животных тоже не охотится. Он держит ульи, бесчисленные ульи с большими злыми пчелами, и питается главным образом сливками и медом. В обличье медведя он скитается далеко от дома. Однажды я застал его сидящим в одиночестве на вершине Каррока ночью; он смотрел, как луна садится на Туманные Горы, и бормотал на медвежьем языке: «Придет день, все они сгинут, и тогда я вернусь назад». Потому-то я и думаю, что некогда он пришел с гор.

Бильбо и гномам нашлось теперь над чем поразмыслить, так что они замолчали и перестали приставать с расспросами к Гэндальфу. Они брели и брели, то вверх, то под уклон. Припекало. Бильбо до того

проголодался, что охотно поел бы желудей, если бы они уже созрели и падали на землю.

Наконец во второй половине дня они заметили, что цветы стали расти так, как будто их нарочно посеяли. Каждый сорт отдельно. Особенно много было клевера — целые моря красного клевера, короткого белого, сладко пахнущего медом, розового. В воздухе стояло сплошное жужжание и гудение. Повсюду трудились пчелы. И какие! Крупнее шершней. Бильбо в жизни ничего похожего не видел.

«Такая ужалит, — подумал он, — так я вдвое распухну!»

— Уже близко, — сказал Гэндальф. — Начались пчелиные угодья.

Вскоре показалась гряда могучих древних дубов, а за ними — высокая живая колючая изгородь, через которую не пролезть и не увидеть, что за ней.

— Вам лучше обождать здесь, — сказал волшебник. — Когда позову или свистну, следуйте за мной. Но только помните — парами, с промежутком в пять минут. Бомбур у нас самый толстый, он сойдет за двоих и будет последним. Пойдемте, мистер Бэггинс! Где-то тут должны быть ворота.

С этими словами волшебник двинуться вдоль изгороди, забрав с собой оробевшего Бильбо.

Вскоре они увидели высокие и широкие ворота, а за ними — сад и низкие деревянные постройки: несколько бревенчатых с соломенными крышами амбаров, конюшен и сараев и длинный низкий жилой дом. С южной, внутренней, стороны высокой изгороди рядами стояли бесчисленные островерхие ульи, крытые соломой. В воздухе слышался неслышимый гул гигантских пчел, которые беспрестанно влетали в ульи и вылетали оттуда, вползали и выползали.

Волшебник и хоббит толкнули тяжелые скрипучие ворота и пошли по широкой дорожке к дому. Прямо по траве к ним подбежали рысцей холеные гладкие лошадки с очень умными мордами, внимательно посмотрели на вошедших и ускакали к строениям.

— Они доложат ему о приходе чужих, — промолвил Гэндальф.

Наконец путь им преградил дом, который вместе с двумя пристройками образовывал двор. Посредине двора лежал ствол большого дуба, подле валялись отрубленные сучья. Тут же стоял громадный человек с густой черной бородой и черными волосами, с могучими голыми руками и ногами. На нем была шерстяная туника до колен, он опирался на громадный топор. Лошадки стояли рядом, уткнув морды ему в плечо.

— Ух! Вот они! — сказал человек лошадям. — На вид не страшные, ступайте! — Он громко захохотал. — Кто вы такие и что вам надо? — спросил он нелюбезно. Он возвышался над Гэндальфом, как скала. Что же касается Бильбо, то он свободно прошел бы у человека под ногами, даже не задев головой края серой туники.

— Я — Гэндальф! — заявил волшебник.

— Первый раз слышу! — пробурчал человек. — А это что за фиголька? — спросил он, насупив черные мохнатые брови и наклоняясь, чтобы разглядеть хоббита.

— Это мистер Бэггинс, хоббит безупречной репутации, из очень хорошей семьи, — ответил Гэндальф.

Бильбо поклонился. Шляпы он снять не мог, ибо не имел ее.

— Я волшебник, — продолжал Гэндальф. — Разумеется, я о вас слышал. Вы не знаете меня, но, может быть, знаете моего кузена Радагаста? Он живет близ южной границы Черного Леса.

— Как же, славный малый, хоть и волшебник. Одно время я с ним частовиделся. Ладно, теперь я знаю, кто вы или за кого вы себя выдаете. Что вам надо?

— Сказать по правде, мы потеряли наши пожитки, заблудились и очень нуждаемся в помощи или хотя бы в добром совете. Дело в том, что в горах нам досталось от гоблинов.

— Го-облинов? — переспросил человек уже менее нелюбезным тоном. — Ого, значит, вы им попались в лапы? А зачем, спрашивается, вы к ним полезли?

— Это получилось нечаянно. Они застигли нас врасплох во время ночлега в горах. Мы совершали переход из западного края в здешний. Но это долгая история.

— Тогда проходите в дом и расскажите хоть часть, коли на это не уйдет целый день, — сказал человек, открывая дверь внутрь.

Следуя за ним, Гэндальф и Бильбо очутились в просторном холле, где посредине был сложен очаг. Несмотря на летнюю пору, пылали поленья, и дым поднимался кверху к почерневшим балкам, ища выхода в крыше. Они миновали этот темноватый зал, освещенный лишь огнем очага да светом, падавшим через потолочную дыру, и вышли через небольшую дверку на веранду, стоящую на деревянных сваях. Обращенная на юг, она еще хранила дневное тепло, солнце пронизывало ее косыми лучами и золотым дождем падало в сад, заросший цветами до самых ступенек веранды.

Они сели на деревянные скамьи; Гэндальф приступил к рассказу, а Бильбо раскачивал коротенькими ножками, не достававшими до полу, поглядывал на цветы в саду и гадал, как они называются, — половины из них он никогда раньше не видал.

— Я шел в горах с одним-двумя друзьями... — начал волшебник.

— Одним-двумя? Я вижу только одного, да и того еле могу разглядеть, — прервал его Беорн.

— По правде говоря, мне не хотелось вам мешать, я боялся, что вы заняты. Если позволите, я подам сигнал.

— Подавайте, так и быть.

Гэндальф пронзительно свистнул, и тут же Торин и Дори показались из-за угла дома на садовой дорожке, а через минуту стояли перед ними и низко кланялись.

— Вы хотел сказать — с одним-тремя! — заметил Беорн. — Это уже не хоббиты, а гномы!

— Торин Оукеншильд, к вашим услугам! Дори, к вашим услугам! — проговорили оба гнома, снова кланяясь.

— Спасибо, я в ваших услугах не нуждаюсь, — ответил Беорн. — Зато вы, видно, нуждаетесь в моих. Я не очень-то долгоблiviaю гномов. Но коли вы и вправду Торин, сын Трейна, внук Трора, а ваш спутник вполне порядочный гном, и вы враги гоблинов и не замышляете никаких каверз в моих владениях... кстати, как вы здесь очутились?

— Они шли в земли своих отцов, что лежат к востоку за Черным Лесом, — вставил Гэндальф. — Мы по чистой случайности оказались в ваших владениях. Мы переходили Верхний Перевал и думали попасть на дорогу, проходящую южнее ваших земель. И тут на нас напали злые гоблины. Об этом я и собирался вам рассказать.

— Ну, так и рассказывайте, — нетерпеливо сказал Беорн, не отличавшийся вежливостью.

— Разразилась страшная гроза. Каменные великаны перебрасывались обломками скал, поэтому мы укрылись в пещере — я, хоббит и еще несколько гномов...

— По-вашему, два — это несколько?

— Нет, конечно. Но нас было больше...

— Куда же они подевались? Убиты, съедены, вернулись домой?

— Н-нет. Они, очевидно, постеснялись явиться все сразу, когда я свистнул. Видите ли, мы просто боимся быть вам в тягость.

— Давайте свистите! Раз уж все равно навязались в гости, так одним-двумя больше — погоды не делает, — проворчал Беорн.

Гэндальф опять свистнул — и в то же мгновение перед ними предстали Нори и Ори.

— Вот это да! — сказал Беорн. — Быстро, ничего не скажешь. Где вы прятались, у Гэндальфа в табакерке? Пожалуйте сюда.

— Нори, к вашим услугам, Ори, к ва... — начали они, но Беорн их прервал:

— Благодарствую. Когда ваши услуги понадобятся, я их сам попрошу. Садитесь и давайте продолжать, а то не успеем дослушать историю до ужина.

— Как только мы заснули, — продолжал Гэндальф, — щель в задней стене пещеры раздвинулась, оттуда выскочили гоблины и схватили хоббита, гномов и вереницу наших пони...

— Вереницу? Да вы что — бродячий цирк? Или везли с собой горы поклажи? Или для вас шестеро значит вереница?

— Нет, нет! По правде говоря, с нами было больше шести пони, так как нас тоже было больше... ага, вот еще двое.

В эту минуту появились Балин и Двалин и поклонились так низко, что вымели бородами каменный пол. Громадный человек нахмурился, но гномы до того старались быть вежливыми, так кивали, кланялись, перегибались в пояснице и махали перед его коленями своими капюшонами с истинно гномовской вежливостью, что Беорн перестал хмуриться и отрывисто расхохотался. Уж очень они были смешные!

— И в самом деле, цирк, — сказал он. — Входите, господа весельчаки, входите. Как ваши имена? Услуги мне сейчас не нужны, только имена. Садитесь и перестаньте так суетиться.

— Балин и Двалин, — ответили гномы, не смея обидеться, и, опешив, сели прямо на пол.

— Дальше! — приказал Беорн волшебнику.

— На чем я остановился? Ах, да. Меня не схватили. Я убил парочку гоблинов вспышкой из посоха...

— Славно! — вставил Беорн. — Значит, иногда и волшебник может на что-то пригодиться.

— ...и проскользнул в трещину, когда она закрывалась. Я последовал за ними в главный зал, где толпились гоблины — Верховный Гоблин с тридцатью или сорока вооруженными стражниками. Я подумал: «Если бы даже гномы не были скованы вместе — что может поделаться дюжина против такой уймы?»

— Дюжина? В первый раз слышу, чтобы восемь называлось дюжиной. Или у вас в табакерке есть еще кто-то в запасе?

— Да, вот еще одна пара, Фили и Кили, — проговорил Гэндальф, когда перед ними возникли эти двое и принялись улыбаться и кланяться.

— Хватит, хватит, — оборвал их Беорн. — Сядьте и молчите! Продолжайте, Гэндальф!

И Гэндальф продолжал, пока не дошел до схватки во мраке у нижних ворот и до того ужасного момента, когда обнаружилось, что потерялся мистер Бэггинс. «Мы пересчитали друг друга, и выяснилось, что хоббита нет. Нас осталось всего четырнадцать».

— Четырнадцать?! Значит, от десяти отнять один будет четырнадцать? Это что-то новенькое! Вы хотите сказать «девять», или же мне представили не всех членов отряда.

— Да, разумеется, вы еще не видели Ойна и Глойна. А-а-а, вот и они. Вы извините их за лишнее беспокойство?

— Ладно. Пускай идут! Скорей входите и садитесь! Послушайте, Гэндальф, все равно получается так: вы, десять гномов и хоббит, который потерялся. Итого двенадцать, а не четырнадцать. Может, волшебники считают не так, как люди? Но сейчас-то уж, пожалуйста, продолжайте.

Беорн старался не показывать виду, как его заинтересовала эта история. Встарь он знал именно ту часть гор, о которой шла речь. Он кивал головой и одобрительно ворчал, слушая про то, как нашелся хоббит, как они катились по каменной круче, и про волчью стаю в лесу.

Когда Гэндальф дошел до того места, как они залезли на деревья, а волки расселись под ними, Беорн встал и зашагал взад и вперед, бормоча:

— Меня бы туда! Они бы у меня не отделались фейерверком!

— Ну, что ж, — Гэндальф, очень довольный тем, что рассказ производит впечатление, — я сделал все, что мог. И вот мы сидим на деревьях, волки беснуются внизу — и тут с гор являются гоблины и видят нас. Они завопили от восторга и запели издевательские песни: «Пятнадцать птиц...»

— Боже милостивый! — простонал Беорн. — Не уверяйте меня, будто гоблины не умеют считать. Умеют. Двенадцать не пятнадцать, и они это отлично знают.

— Я тоже. Там еще были Бифур и Бофур. Просто я не осмелился представить их раньше. Вот они.

При этих словах появился Бифур и Бофур.

— И я! — выпалил Бомбур, с пыхтением догоняя предыдущую пару. Он был очень толстый и к тому же рассердился, что его оставили на конец, поэтому очень запыхался. Он отказался выжидать пять минут и прибежал сразу.

— Ну, вот, теперь вас действительно пятнадцать, а раз гоблины умеют считать, то, значит, столько и сидело на деревьях. Можете наконец закончить ваш рассказ без помех.

Только тут мистер Бэггинс понял, как умно поступил Гэндальф. Перерывы подогревали любопытство Беорна, а постепенный рассказ Гэндальфа помешал Беорну прогнать гномов сразу, как подозрительных попрошаек. Беорн избегал приглашать к себе в дом гостей. Друзей у него было мало, жили они довольно далеко от него, и он никогда не принимал больше двух друзей за один раз. А тут на его веранде собралось целых пятнадцать незнакомцев!

К тому времени, когда волшебник закончил рассказ о том, как их спасли орлы и перенесли на скалу Каррок, солнце село за Туманные Горы и в саду пролегли длинные тени.

— Отличный рассказ! — сказал Беорн. — Давненько такого не слышал. Может, вы все и сочиняете, но рассказ заслуживает ужина. Хотите есть?

— Да, очень! — ответили гости хором. — Большое спасибо!

В холле теперь совсем стемнело. Беорн хлопнул в ладоши, и вбежали четыре красивейших белых пони и несколько рослых серых собак. Беорн что-то сказал на непонятном языке, состоявшем из звуков, которые издают звери. Послушные животные вышли и снова вернулись, неся в пасти по факелу. Они зажгли факелы от пламени очага и воткнули их в подсвечники, прикрепленные на столбах, окружавших очаг. Собаки, когда хотели, стояли на задних лапах и держали в передних все, что нужно. Они ловко доставали доски и козлы, прислоненные к стене, и расставляли перед очагом.

Потом послышалось «бя-бя-а-а» — и вбежало несколько белоснежных овец под предводительством большого угольно-черного барана. Одна овца держала во рту белую скатерть с вышитыми по углам фигурами животных, другие несли на своих широких спинах подносы с чашами и деревянными тарелками, ножами и деревянными ложками. Собаки быстро разложили все это на столах. Столы были такие низкие, что даже Бильбо удобно было сидеть. Пони придвинул к торцу стола две скамеечки с широкими плетеными сиденьями на коротких толстых ножках — для Гэндальфа и Торина, а на дальнем конце поставил большой черный, тоже невысокий и тоже с плетеным сиденьем стул для Беорна. Беорн сел и вытянул свои толстые ноги далеко под стол. Веро-

ятно, сиденья, как и столы, нарочно сделали низкими, чтобы чудесным животным, служившим Беорну, ловко было сидеть. Ну, а на что же уселись остальные? О них тоже позаботились. Пони прикатали круглые, как барабаны, колоды, гладко отесанные и отполированные и удобные даже для Бильбо. Скоро все разместились за столом во главе с Беорном. В холле, наверное, давно не бывало такого многочисленного скопища.

И тут начался ужин или обед (назовите, как хотите), какого они не видали с тех пор, как покинули Последний Домашний Приют. Вокруг трепетало пламя факелов и очага, а на столе горели две высокие красные восковые свечи. Пока гости насыщались, Беорн развлекал их, рассказывая своим густым раскатистым голосом истории про дикие земли и особенно про темный, полный опасностей лес, который простирался далеко на Север и на Юг и преграждал путь на Восток, — про ужасный Черный Лес.

Гномы слушали и качали головами, так как знали, что скоро им предстоит проникнуть в глубину Черного Леса и что после Туманных Гор лес этот — самое опасное из препятствий, подстерегающих их на пути к цитадели дракона. Поев, они тоже принялись рассказывать истории, но Беорн был сонный и слушал невнимательно. Гномы тараторили про золото, серебро и драгоценности, про кузнечное ремесло, а Беорна такие вещи мало интересовали: в холле не было ни одного золотого или серебряного предмета и, кроме ножей, ничего металлического.

Гномы долго еще сидели за столом и пили мед из деревянных чаш. Снаружи совсем стемнело. В огонь подбросили поленьев, факелы загасили, языки пламени плясали перед ними, а вокруг возвышались столбы, и верхушки их уходили вверх в темноту, как у деревьев в лесу. Может быть, тут было замешано волшебство, только Бильбо слышался шорох листвы в стропилах и уханье совы. Потом он начал клевать носом, голоса стали затихать, удаляться... и вдруг он вздрогнул и проснулся.

Проснулся оттого, что входная дверь закрипела и хлопнула. Беорн исчез. Гномы сидели на полу перед очагом, скрестив ноги, и пели песню. Вот некоторые куплеты, но не все, их было гораздо больше, и пели гномы долго-долго:

Дул ветер, мрачный и сырой,
И вереск гнулся под горой.
Смешала тень и ночь и день
Угрюмой сумрачной порой.

Дул ветер с темных стылых гор,
Под ним стонал окрестный бор.
Скрипел, стонал, во тьме шуршал
Листвы тревожный разговор.

Дул ветер прямо на восток,
И лес промок, и лес продрог.

Кустарник стыл, и в небе плыл
Лохматых туч густой поток.

Дул ветер прямо к той горе,
Где прячется дракон в норе,
Где сизый дым плывет над ним
И тает в лунном серебре.

Бильбо опять задремал. Внезапно поднялся Гэндальф.

— Пора спать, — сказал он, — пора нам, но не Беорну. Здесь в холле мы можем спать спокойно, ничего не боясь, но, предупреждая, помните о том, что посоветовал нам Беорн на прощанье: ни в коем случае не выходите из дому до восхода солнца, а то вам придется плохо.

Бильбо увидел, что у боковой стены, между ней и столбами, им уже постелили на низком помосте. Для Бильбо приготовили соломенный тюфячок и шерстяные одеяльца. Он свернулся калачиком и с удовольствием закутался в одеяла, несмотря на летнюю пору. Огонь затухал. Бильбо заснул. Среди ночи он проснулся: в очаге тлели угли, гномы и Гэндальф дышали ровно и, видимо, крепко спали. Луна теперь стояла высоко и заглядывала в дыру в потолке, на полу лежало пятно лунного света. Снаружи слышалось ворчание и какой-то шум, будто за дверями ворочался большой зверь. Бильбо подумал: не Беорн ли там в медвежьем обличье и не съест ли он их? Потом он закутался в одеяло с головой и, несмотря на свои страхи, снова уснул.

Когда он проснулся окончательно, было уже позднее утро. Кто-то из гномов споткнулся о Бильбо и брякнулся на пол. То был Бофур. Когда Бильбо открыл глаза, он ворчал и сердился.

— Вставай, лежебока, а то завтрак не достанется.

Бильбо вскочил как встрепанный.

— Завтрак? — закричал он. — Где?

— Большая часть у нас в желудках, — отозвались гномы, бродившие по холлу, — а то, что осталось, — на веранде. Мы с восхода ищем Беорна и не можем найти. Зато нашли на веранде накрытый к завтраку стол.

— А где Гэндальф? — спросил Бильбо, выскакивая на веранду.

— Где-то шатается, — ответили ему.

Волшебник не возвращался до вечера. Только на закате он вошел в комнату, где ужинали хоббит и гномы. Опять им подавали чудесные звери. Беорна не было ни слышно, ни видно с прошлого вечера, и гномы недоумевали.

— Где же наш хозяин? И где вы пропадали целый день? — закричали все при виде Гэндальфа.

— Отвечаю на вопросы по порядку, и то после ужина! У меня с утра ни кусочка во рту не было.

Наконец Гэндальф отодвинул тарелку и кувшин (он съел целых два хлеба, намазанных маслом, медом и сметаной, и выпил по крайней мере литр медового напитка) и достал трубку.

— Сперва отвечу на второй вопрос, — проговорил он. — Бог ты мой! Это помещение прямо создано для того, чтобы пускать кольца дыма!

Они еще долго не могли ничего из него вытянуть, так как он увлекся пусканием колец: колечки у него облетали вокруг столбов, меняли форму и окраску, наконец погнались друг за другом и вылетели в потолочную дыру.

— Я разбирался в медвежьих следах, — ответил наконец Гэндальф. — Сегодня ночью тут, видимо, гостила уйма медведей. Я сразу понял, что Беорн один не мог натоптать столько следов, и притом следов самой различной величины. Я бы сказал, что всю ночь до рассвета здесь плясали медведи — мелкие и крупные, средние и великаны. Они сошлись со всех сторон, кроме одной: никто не пришел с запада, с гор. И туда ведут следы только одного медведя. Я дошел по ним до скалы Каррок, там они спустились в реку, а на тот берег я уже не стал перебираться — река там чересчур глубокая и течение сильное. Следы на той стороне уходили прямо в сосновые леса на восточном склоне Туманных Гор, где у нас произошла такая миленькая встреча с варгами. Таким образом, я, кажется, ответил и на первый вопрос, — закончил Гэндальф.

Бильбо показалось, будто он понимает, к чему клонит волшебник.

— Как же быть, если он приведет сюда варгов и гоблинов? — воскликнул он. — Нас всех перебьют! Вы же раньше говорили, что он с ними не дружит!

— Ну так что? И сейчас говорю. Не болтай глупостей. Иди-ка лучше спать, а то голова у тебя уже плохо варит.

Хоббит и впрямь чувствовал себя разбитым, и ему оставалось только лечь спать. Он уснул под пение гномов. Засыпая, он по-прежнему думал о Беорне; ему приснилось, что сотни черных медведей медленно и тяжело кружатся в пляске при лунном свете. Он проснулся среди ночи, когда все спали, и услышал то же шарканье, сопенье и ворчанье за дверью, что и предыдущей ночью.

Наутро их разбудил сам Беорн.

— А, так вы еще тут? — сказал он. Он приподнял хоббита за шиворот и засмеялся: — Я вижу, ты еще не съеден варгами, гоблинами и злыми медведями! — И самым неуважительным образом ткнул мистера Бэггинса в живот: — Наш пончик опять отъелся на сдобе и меде. Пойдем, добавим еще!

И все пошли с ним завтракать. На этот раз Беорн был в прекрасном расположении духа и очень смешил их разными забавными историями. Им не пришлось долго гадать, где он пропадал и почему так любезен, — он скоро сам им рассказал. Он совершил поход за реку в горы и, надо заметить, обернулся замечательно быстро. Побывав на обгорелой волчьей поляне, он убедился, что по крайней мере часть рассказанного гномами — правда. Он поймал в лесу варга и гоблина и узнал от них, что патрули гоблинов вместе с варгами еще разыскивают гномов. Их очень озлобила смерть Верховного Гоблина и обожженный нос вожака волков, а также гибель многих главных варгов от пожара, устроенного волшебником. Они затевали набег на земли, лежащие вблизи Туман-

ный Гор, чтобы поймать гномов и отомстить людям и всем существам в округе, укрывающим, как они подозревали, гномов.

— Рассказ ваш был отменный, — заключил Беорн, — но теперь, когда я убедился в его правдивости, он мне еще больше по душе. Я предлагаю вам любую помощь, какая в моих силах. Жили бы вы, как я, на краю Черного Леса, вы бы тоже никому не верили на слово. После такого случая я буду лучше относиться ко всем гномам. Надо же, убили Верховного Гоблина, самого Верховного Гоблина! — И он рассмеялся свирепым смехом.

— А что вы сделали с гоблином и варгом? — полюбопытствовал Бильбо.

— Идите посмотрите! — ответил Беорн, и они последовали за ним. На воротах торчала голова гоблина, а тут же за воротами на дереве была прибита шкура волка. Беорна страшно было иметь врагом. Но им-то он был теперь друг, и Гэндальф почел за лучшее откровенно рассказать ему всю историю и цель их путешествия.

Вот какую помощь пообещал Беорн. Он предоставит каждому гному пони, а Гэндальфу лошадь, чтобы им добраться до леса. Он даст в дорогу провизии, которой при умелой экономии хватит на несколько недель. Провизия будет легкой и удобной для перевозки — орехи, мука, запечатанные кувшины с сушеными фруктами, глиняные горшочки с медом и особого приготовления кексы, которые очень долго сохраняют свои питательные свойства. Достаточно съесть кусочек такого кекса, и у тебя хватит сил надолго. Только Беорн знал секрет их приготовления: в них входил мед, как почти во всю его пищу. Были эти кексы вкусны, хотя и вызвали жажду. Он предупредил, что воду везти с собой не надо, так как всю дорогу до леса будут попадаться ручьи и источники.

— Но путь через Черный Лес будет трудным, опасным и неизведанным, — сказал Беорн. — Ни воды, ни пищи там не добудешь. Орехи еще не созрели, а кроме орехов, там не растет ничего съедобного. Все живые существа в лесу — злые, злобные, скверные и дикие. Я дам вам мехи для воды, луки и стрелы. Но не думаю, чтобы в Черном Лесу нашлась какая-нибудь подходящая дичь и питье. Тропу пересекает Черный Ручей с сильным течением. Не вздумайте в нем купаться или пить из него: я слышал, что он заколдован и напускает сонливость, забывчивость. Не стоит стрелять в дичь, а то, погнавшись за добычей, в сумраке леса можно потерять тропинку, этого же делать ни под каким видом нельзя. Вот и все мои советы. В лесу я уже ничем вам помочь не смогу, рассчитывайте на свою удачу, на собственную храбрость и на те припасы, которые я вам даю с собой. На границе леса прошу отослать домой всех пони и лошадь. Желаю успеха. Мой дом всегда открыт для вас, если вам случится возвращаться этой дорогой.

Они его, естественно, поблагодарили, отвесили множество поклонов, подметая пол капюшонами, произнести неоднократно «к вашим услугам, о господин просторных деревянных чертогов!». Но на душе у них скребли кошки от его зловещих слов. До них наконец дошло, что

путешествие их опаснее, чем они воображали, и даже если они преодолеют все трудности, в конце пути их ждет дракон.

Все утро они провели в сборах. В полдень они поели с Беорном в последний раз, сели на своих новых скакунов и, попрощавшись с хозяином, выехали за ворота. Покинув его владения, обнесенные высокой изгородью, они взяли к северу, а потом повернули на северо-запад. Следуя совету Беорна, они пренебрегли главной лесной дорогой, проходившей по южной границе его владений. Беорн предупредил их, что этой дорогой теперь часто пользуются гоблины, а сама дорога, как он слышал, на востоке сильно заросла и упирается в непроходимые болота. В нескольких же днях езды к северу от Каррока прячется тропинка, мало кому известная, которая ведет через Черный Лес прямо к Одинокой Горе.

— Гоблины, — заключил Беорн, — не посмеют пересечь реку ближе, чем за сотню миль от Каррока и моего дома — ночью он недурно охраняется. Но на вашем месте я бы поспешил: если они устроят набег скоро, то успеют перейти реку к югу и прочешут весь этот край леса, чтобы отрезать вам путь. А варги, надо сказать, бегают быстрее, чем пони. Итак, отправляйтесь скорее!

Они скакали молча, выбирая почву помягче или покрытую травой; слева темнели горы, впереди придвигалась линия деревьев, окаймлявших реку. Солнце до самого вечера золотило луга.

Как-то трудно было все время помнить о гоблинах и погоне, и, отъехав на несколько миль от дома Беорна, они снова принялись болтать, петь и перестали думать про темную лесную дорогу, поджидавшую их впереди. Вечером, когда стало смеркаться и на фоне заката засверкали вершины, путешественники остановились на ночлег и выставили караульных. Но спали беспокойно, и во сне им слышался вой волков и крики гоблинов.

Утро предвещало погожий день. По земле стлался белый туман, воздух был прохладный, но вскоре на востоке встало красное солнце, туман рассеялся, и не успели еще тени укоротиться, как путники снова отправились в путь. Они ехали уже два дня, но ничего и никого не видели, кроме травы и цветов, птиц и одиноких деревьев, да изредка благородных оленей, которые паслись или дремали в тени рощиц. На третий вечер они так торопились скорее достичь въезда в лес, что не останавливались до самой ночи и даже некоторое время ехали ночью при луне. В сумерках Бильбо то слева, то справа чудились неясные очертания большого медведя, кравшегося в том же направлении. Но когда он сказал об этом Гэндальфу, тот ответил только:

— Ш-ш! Не обращай внимания!

На следующий день они выехали до рассвета. Как только рассвело, они увидели черную мрачную стену леса, который словно выступал им навстречу или поджидал их. Дорога пошла вверх; хоббиту почудилось, будто их обступает тишина. Голоса птиц слышались все реже. Не стало оленей, даже кролики пропали. В середине дня они достигли кромки Черного Леса и спешили, чтобы отдохнуть под нависшими ветками

первых деревьев. Стволы были толстые, узловатые, ветки искривленные, листья длинные и темные. Плющ обвивал деревья и стлался по земле.

— Ну, вот и Черный Лес! — сказал Гэндальф. — Самый большой лес в северном краю. Как он на ваш взгляд? Теперь придется отослать назад чудных пони.

Гномы недовольно заворчали, но Гэндальф посоветовал вести себя осмотрительнее.

— Беорн не так далеко, как вы умаете, и вообще надо обещания выполнять. Беорн — опасный враг. У мистера Бэггинса глаза получше ваших: он свидетель, что каждую ночь с наступлением темноты рядом появлялся большой медведь или сидел поодаль и наблюдал при свете луны за нашим лагерем. Он не только охранял вас и следил, туда ли вы едете, но и присматривал за своими пони. Беорн вам друг, но своих животных он любит, как родных детей. Вы даже не представляете, какое одолжение он вам сделал, разрешив ехать на своих пони так далеко и так быстро.

— А как насчет лошади? — спросил Торин. — Вы, кажется, не упомянули, что вы ее отсылаете.

— Я и не отсылаю.

— Как же ваше обещание?

— Это мое дело. Я не отсылаю лошадь оттого, что возвращаюсь на ней сам!

Так они услышали, что Гэндальф собирается бросить их на опушке Черного Леса, и пришли в отчаяние. Но как его ни убеждали, решения он не переменил.

— Обо всем этом мы договорились на Карроке, — возразил он. — Спорить бессмысленно. Как я уже говорил, меня ждут неотложные дела на Юге. Я и так из-за вас опаздываю. Может быть, мы еще встретимся до конца приключения, а может быть, и нет. Это зависит от того, насколько вы удачливы, отважны и сообразительны. Я посылаю с вами мистера Бэггинса, ведь я вам не раз говорил, что он не так прост, как вы думаете. Скоро вы в этом убедитесь. Так что не унывай, Бильбо, не хмурься! Не унывайте, Торин и К^о! Экспедицию затеяли вы сами. Думайте все время о сокровищах, которые вас ждут, и выбросьте из головы лес и дракона! По крайней мере — до завтрашнего утра!

Наутро он повторил то же самое. Пришлось им наполнить мехи водой из прозрачного родника, бившего у самого входа в лес, и расседлать пони. Поклажу они поделили между собой поровну, но Бильбо счел свою долю невыносимо тяжелой, ему совсем не улыбалось тащить тюк на спине много миль.

— Не волнуйтесь, — утешил его Торин. — Тюк облегчает слишком скоро, еще захотите, чтобы мешки стали тяжелее, когда провизия начнет подходить к концу.

Наконец они простились со своими пони и повернули их головами к дому. Те весело затрусили обратно, явно радуясь тому, что оставляют позади мрак Черного Леса. Бильбо мог бы поклясться, что в ту минуту,

как пони повернули к дому, от леса отделилась темная фигура, схожая с медвежью, и пустилась за ними вслед.

— До свиданья! — сказал Гэндальф Торину. — Всем, всем до свиданья! Идите через лес прямо, не сходите с тропы, а то вряд ли найдете ее снова и вряд ли выйдете из Черного Леса. В таком случае ни мне, ни кому другому вас больше не видать.

— А нам обязательно идти через лес? — простонал хоббит.

— Да, обязательно! — отрезал волшебник. — Или вы идете насквозь через лес, или откажитесь от сокровищ. Да я и не позволю вам теперь пойти на попятный, мистер Бэггинс. Мне стыдно за вас! Как вы можете даже думать так? Теперь вы отвечаете передо мной за всех гномов.

— Нет, нет! — начал оправдываться Бильбо. — Вы меня не так поняли. Я хотел сказать — нет ли дороги в обход?

— Есть, если тебе хочется топать лишние двести миль к Северу, а потом вдвое больше к Югу. Нет, уж лучше держитесь лесной тропы, не падайте духом, уповайте на будущее, и, если вам невероятно повезет, вы, может быть, и выйдете в один прекрасный день из леса и увидите впереди Длинное Болото, а за ним — возвышающуюся на Востоке Одинокую Гору, где живет старина Смог. Будем надеяться, что он вас не ждет.

— Утешили, нечего сказать, — буркнул Торин. — До свиданья! Не хотите идти с нами, так лучше уж поезжайте. Хватит разговоров!

— Тогда до свиданья, и пусть свидание состоится! — произнес Гэндальф и, повернув лошадь, поехал на Запад. Но он не мог утерпеть, чтобы не сказать самых последних напутственных слов. Он повернулся и приставил ладони ко рту.

— До свида-а-анья! Пожа-а-алуйста, остро-о-о-ожней! Не сходи-и-ите с тропы-ы! — донеслось до них еле слышно.

Затем Гэндальф пустил лошадь галопом и скрылся из виду.

— До свиданья, до свиданья, скатертью дорога! — проворчали гномы, сердясь еще больше оттого, что отъезд Гэндальфа их ужасно огорчил. Предстояла самая опасная часть путешествия. Каждый взвалил на плечи тяжелый тюк и кожаный мешок с водой, потом они повернулись спиной к солнечному свету и вступили в Черный Лес.

8. Пауки и мухи

Они вошли в лес, словно в мрачный туннель, пройдя гуськом под аркой, которую образовывали два высоких дерева, склонившихся друг к другу, — такие старые и настолько задушенные плющом, что на ветках лишь кое-где виднелись побуревшие листочки. Вскоре дневной свет остался у входа в лес, далеко позади, словно яркая светящаяся дырочка. Узкая тропинка вилась между стволами. Тишина сделалась столь глубокой, что звук шагов гулко отдавался в лесу и казалось, деревья нагибаются и прислушиваются.

Когда глаза их привыкли к полумраку, они стали кое-что различать по сторонам в темно-зеленом сумраке. Иногда тоненькому солнечному лучику удавалось прорваться сквозь листву и спутанные ветки. Но это было редко, а потом и вовсе прекратилось.

В лесу прыгали черные белки. Зоркие и любопытные глаза Бильбо, освоившись в темноте, подмечали, как, вильнув пушистым хвостом, белки удирали с тропинки и прятались за стволы. В подлеске, в плотных слоях сухих листьев слышались шорох, возня, шныряние и ворчание. Но кто издавал все эти звуки, Бильбоне мог разглядеть. Что было самое противное — так это паутина: густая, необыкновенно толстая, она протягивалась от дерева к дереву, оплетала нижние ветки по обе стороны тропы. Тропу паутина не пересекала нигде, по волшебной ли причине или по какой другой — неизвестно.

Прошло немного времени, и они возненавидели лес так же горячо, как ненавидели гоблинские туннели; им казалось, что из него уже никогда не выберется.

Под лесной полог не проникало ни единого дуновения чистого воздуха, там навсегда застыли духота, темнота и тишина. Даже гномов это угнетало, хотя они и привыкли работать в шахтах и подолгу жили под землей. А уж хоббит — даром что жил в норке — любил проводить летние дни на воздухе и теперь совсем задыхался.

Хуже всего было ночью. Тьма становилась непроглядной, и это не преувеличение — они действительно ничего не видели. Нет, пожалуй, неправда, что ничего: они видели чьи-то глаза. Ночью в окружающей тьме начинали вспыхивать огоньки, на путников нацеливались пары глаз — желтые, красные, зеленые, — потом исчезали и возникали уже в другом месте. Порой огоньки сверкали откуда-то сверху, с веток, и это было очень страшно. Но больше всего Бильбо не нравились отвратительные, бледные, выпуклые глаза. «Как у насекомых, — думал он, — только что-то чересчур большие».

Ночью они не мерзли, но все же сначала пытались поддерживать сторожевой костер. Вскоре, однако, пришлось от костров отказаться, так как стоило зажечь огонь — и из темноты на путешественников со всех сторон начинали пялиться сотни и сотни глаз, хотя сами обладатели глаз оставались невидимыми. Что еще хуже — огонь привлекал тысячи серых и черных мотыльков, подчас величииной с ладонь; они вились и трепыхались у самого лица. Мотыльки надоедали невыносимо, равно как и огромные черные, как вакса, летучие мыши. Пришлось по ночам дремать в сплошной, наводящей жуть тьме.

Все это, как казалось хоббиту, продолжалось целую вечность. Он всегда хотел есть, потому что теперь приходилось экономить продукты. Дни следовали за днями, а лес ничуть не менялся, и путники встревожились. Запасы провизии иссякали. Гномы попробовали стрелять белок и потратили уйму стрел, но сбили лишь одну. Когда ее зажарили, она оказалась несъедобной, и белок оставили в покое.

Их мучила жажда, так как запасы воды убывали, а им пока не попало ни одного источника или ручейка. Так все и шло, пока однаж-

ды дорогу им не преградил поток, неширокий, но быстрый, казавшийся тоже черным. Хорошо, что Беорн предостерег их, а то они непременно напились бы воды и наполнили бы пустые мехи. А теперь они задумались, как перейти поток, не входя в воду. Когда-то тут, видно, пролегли деревянные мостки, но сейчас от них остались лишь обломанные столбики у самого берега.

Бильбо встал на колени и, взглядевшись в черноту, вдруг воскликнул:

— У того берега лодка! Что бы ей быть на нашей стороне!

— Как вы думаете, далеко она? — спросил Торин. Гномы уже убедились, что у Бильбо самые зоркие глаза.

— Совсем недалеко. Метрах в десяти, не больше.

— Всего десять метров! Я думал, тут по крайней мере двадцать пять! Что делать, я теперь не так хорошо вижу, как сто лет назад. Впрочем, десять или двадцать пять — какая разница? Нам все равно не перепрыгнуть ручей, а плыть или идти вброд опасно.

— Умеет кто-нибудь забрасывать веревку?

— Что толку? Даже если удалось бы зацепить лодку, она наверняка привязана.

— По-моему, нет, — сказал Бильбо, — но в такой темноте не разглядишь.

— Дори самый сильный, но Фи́ли самый молодой, и глаза у него лучше видят, — сказал Торин. — Фи́ли, подойди сюда, видишь ты лодку, о которой говорит мистер Бэггинс?

Фи́ли долго всматривался и, наконец разглядев лодку, определил, как мог, расстояние. Ему принесли веревку, самую длинную из взятых с собой, и привязали к ее концу большой железный крюк — из тех, которыми пристегивали тюки к ремням, когда несли их на спине. Фи́ли взял крюк в руку, покачал его на ладони и швырнул через поток.

Крюк плюхнулся в воду!

— Недолет! — заметил Бильбо, следивший за процедурой. — Еще полметра, и он бы зацепился за лодку. Попробуй еще раз. Думаю, что, если ты и дотронешься до мокрой веревки, чары тебе не повредят.

Фи́ли вытянул веревку и взялся за крюк, но проделал это с большой опаской. Вторично он зашвырнул веревку дальше.

— Спокойно! — сказал Бильбо. — Ты закинул крюк за дальний борт. Тяни полегоньку.

Фи́ли стал медленно тянуть, и вскоре Бильбо сказал:

— Осторожней! Крюк лежит на борту, надо, чтобы он не соскользнул.

Крюк зацепился за борт, веревка натянулась, Фи́ли тащил и тащил, но безрезультатно. Ему на помощь пришел Кили, потом Ойн и Глойн. Они тянули изо всех сил и вдруг все разом хлопнулись навзничь. Но Бильбо был начеку, он перехватил у них веревку и задержал палкой черную лодочку, которую быстро понесло течением.

— Помогите! — закричал Бильбо, и подоспевший на крик Балин схватил лодку за корму.

— Значит, все-таки она была привязана, — сказал Балин, глядя на обрывок фалиня*, прикрепленный к лодке. — Удачный рывок, друзья, и удачно, что наша веревка оказалась крепче.

— Кто поплывет первый? — спросил Бильбо.

— Я, — ответил Торин, — и со мной вы, Фили и Балин. Больше в лодке никто не поместится. Затем Кили, Ойн, Глойн и Дори, потом Ори, Нори, Бифур и Бофур. И последними — Двалин и Бомбур.

— Всегда я последний, мне надоело, — запротестовал Бомбур. — Пусть сегодня кто-нибудь другой будет последним.

— А зачем ты такой толстый? Вот и плыви, когда в лодке меньше груза. И не вздумай ворчать и оспаривать приказания, а то с тобой произойдет что-нибудь скверное.

— Тут нет весел. Как же перебраться на другой берег? — поинтересовался хоббит.

— Дайте мне еще одну веревку и еще крючок, — попросил Фили. Привязав крюк к веревке, он закинул ее в темноту как можно дальше и выше. Крюк не свалился вниз — следовательно, застрял в ветвях.

— Залезайте, — скомандовал Фили, — кто-нибудь будет тянуть за веревку, которая в ветвях, а кто-нибудь из оставшихся пусть держит первую веревку. Когда мы переправимся на тот берег, тяните лодку обратно.

Таким образом, они все благополучно переправились через заколдованный поток. Только что Двалин вылез из лодки на берег с мотком веревки в руках, а Бомбур (кстати, не престававший ворчать) собирался последовать за ним, как вдруг действительно произошло нечто скверное. Впереди на тропке послышался бешеный стук копыт, из темноты возник силуэт мчащегося оленя. Олень врезался в отряд гномов, раскидал их в разные стороны и взвился в воздух. Он перемахнул через поток одним прыжком, но... ему не удалось достичь того берега невредимым. Торин, едва ступив первым на противоположный берег, натянул лук и вложил стрелу на тот случай, если поблизости притаился хозяин лодки. Торин был единственный, кто удержался на ногах и сохранил присутствие духа; теперь он уверенно и метко послал стрелу в оленя. Приземлившись, животное пошатнулось, его поглотила тьма леса, послышался звук спотыкающихся копыт, потом все стихло.

Только все хотели воздать хвалу меткому стрелку, как послышался отчаянный возглас Бильбо:

— Бомбур в воде! Бомбур тонет!

Мечты об оленине вышибло у них из головы. Увы! То была правда. Когда олень вылетел из лесу и опрокинул Бомбура, толстяк стоял на суше только одной ногой. Падая, Бомбур нечаянно отпихнул лодку от берега, попытался ухватиться за скользкие корни, руки у него сорвались, он плюхнулся в воду, а лодку закрутило и унесло по течению.

Все кинулись к ручью и увидели над водой капюшон Бомбура. Они быстро кинули ему веревку с крючком и вытянули его на сушу. Бомбур,

---

* Веревка, которой шлюпка привязывается к судну или пристани.

естественно, промок насквозь, и это было еще ничего, но вот беда: он спал, сжимая веревку в руке, да так крепко, что руку не могли разжать. Он продолжал спать, несмотря на все попытки его разбудить.

Они все еще стояли над ним, проклиная его неуклюжесть и свою невезучесть и оплакивая утрату лодки, лишенные теперь всякой возможности подобрать убитого оленя, как вдруг в отдалении послышались звуки рога и лай собак. Неожиданно впереди на тропе показалась белая лань, настолько же ослепительно белоснежная, насколько олень был черен. Прежде чем Торин успел предостерегающе крикнуть, гномы вскочили и выстрелили из луков. Ни одна стрела не попала в цель. Лань повернулась и исчезла среди деревьев так же бесшумно, как появилась, и гномы напрасно продолжали пускать стрелы ей вслед.

— Стойте! Перестаньте! — закричал Торин, но поздно: гномы в возбуждении расстреляли последние стрелы. И теперь подаренные Беорном луки стали бесполезны.

Уныние охватило всю компанию, и в последующие дни оно еще усилилось. После заколдованного ручья тропа вилась точно так же, лес был все тот же. Если бы они знали о лесе побольше, то догадались бы, что приближаются к восточной опушке леса и еще немного терпения и отваги — и они выйдут в более редкий лес, куда проникает солнце. Но они не догадывались. К тому же они попеременно несли тяжелого Бомбура — четверо тащили его, а остальные несли их поклажу. Не полегчай тюки за последние дни, им бы нипочем не справиться. Но даже тяжелые тюки лучше тяжелого Бомбура. Толстяк, к сожалению, не заменял собой мешков с едой. Настал день, когда у них почти не осталось ни пищи, ни питья. В лесу ничего не росло — лишь губки на деревьях да растения с бледными листьями и неприятным запахом.

Через четыре дня после того, как они переправились через поток, начался сплошной буковый лес. Путники сперва обрадовались этой перемене: пропал подлесок, темнота перестала быть такой густой, освещение сделалось зеленоватым. Однако светились лишь бесконечные ряды прямых серых стволов, возвышающихся, словно колонны в громадном сумеречном зале. Появился ветерок, зашелестела листва, но и шелест был какой-то печальный. Сверху слетали листья, напоминая о том, что приближается осень. Под ногами шуршал сухой ковер, накопившийся от прежних осеней.

Два дня спустя они заметили, что тропа пошла под уклон, и скоро оказались в ложбине, заросшей могучими дубами.

— Да кончится когда-нибудь этот проклятый лес?! — проговорил Торин. — Кто-то должен залезть на дерево, просунуть голову сквозь листву и оглядеться. Надо выбрать самое высокое дерево у самой тропы.

Конечно, под «кто-то» разумелся Бильбо. Выбор пал на него потому, что забираться — так уж забираться на самую верхушку, а для этого надо быть очень легким, чтобы выдержали тонкие ветки. Несчастный мистер Бэггинс был не большой мастак лазать по деревьям, но делать нечего — его подсадили на нижние ветки исполинского дуба, росшего на обочине, и хочешь не хочешь, а пришлось карабкаться вверх. Бильбо

продирался сквозь густые сучья, ветки хлопали его по лицу, кололи глаза, он перепачкался зеленым и черным о старую кору, много раз чуть не сорвался и наконец, преодолев самый трудный участок, где буквально не за что было ухватиться, долез до верха. А пока лез — только и думал, есть ли на дереве пауки и удастся ли ему спуститься вниз, не свалившись.

Наконец голова его оказалась над лиственной крышей. Свет ослепил Бильбо. Снизу его окликали гномы, но он ничего не отвечал и, зажмурившись, только крепче вцеплялся в ветки. Солнце сверкало так ярко, что он долго не мог открыть глаза, когда же открыл, то увидел море темной зелени, колышущейся на ветру. Бильбо долго наслаждался ветерком, ласкавшим ему лицо и волосы. Наконец крики гномов, которые там, внизу, буквально лопались от нетерпения, напомнили ему о деле. Он стал оглядываться по сторонам, но сколько ни гляди — кругом было сплошное море зелени.

На самом-то деле, как я уже говорил, до опушки леса оставалось недалеко. Будь Бильбо посознательнее, он бы понял, что высокое дерево, на котором он сидел, росло на дне широкой впадины, и с верхушки невозможно было заглянуть за край этой большой чаши и увидеть, как далеко простирается лес. Но Бильбо этого не понял, и поэтому полез вниз в совершенном отчаянии. Исцарапанный, потный, несчастный, он спустился во мрак леса и долго не мог ничего различить вокруг. Его отчет поверг и остальных в отчаяние.

— Лес нигде, нигде не кончается. Что нам делать? Какой толк было посылать хоббита? — восклицали они, как будто Бильбо был виноват во всем.

В этот вечер они доели последние крохи, а проснувшись наутро, опять ощутили грызущий голод. Лил дождь и уже просачивался кое-где через густой полог леса. Во рту у них пересохло от жажды, но дождь не принес облегчения — не будешь же стоять, высунув язык, и ждать, когда на язык упадет капля. Единственное утешение им неожиданно доставил Бомбур!

Он вдруг проснулся, сел и задумчиво поскреб затылок. Он никак не мог взять в толк, где он и почему такой голодный: он забыл все, что происходило после пирушки в доме хоббита в то майское утро. Немалых трудов им стоило убедить его, что было так, как они рассказывают.

Услыхав, что есть нечего, он горько заплакал.

— Зачем я только проснулся! — воскликнул он. — Я видел такие прекрасные сны! Мне снилось, будто я бреду по лесу вроде этого, на деревьях горят факелы, с веток свисают фонари, на земле пылают костры. В лесу идет пир, идет и не кончается. Лесной король сидит в короне из листьев, все распевают веселые песни, а уж какие там блюда и напитки! Я просто описать не могу.

— Тем лучше, — сказал Торин. — Раз ты не способен говорить ни о чем другом, кроме еды, то лучше помолчи. Нам и так от тебя одни неприятности. Если б ты сейчас не проснулся, мы оставили бы тебя в

лесу, и смотри тогда свои дурацкие сны. Думаешь, легко тебя тащить после такого долгого поста?

Что им оставалось делать? Они затащили потуже кушаки на тощих животах, взвалили на плечи тюки и поплелись дальше по тропинке, даже не надеясь выйти живыми из леса. Они брели весь день из последних сил, да еще Бомбур непрерывно стонал и жаловался, что ноги у него подкашиваются и он сейчас ляжет и уснет.

Вдруг Балин, шедший впереди, воскликнул:

— Что это? Между деревьями мелькнул огонек!

Они остановились и стали всматриваться. И в самом деле: вдали мелькнул красный огонек, потом еще и еще. Путники торопились вперед, нимало не задумываясь — а вдруг это гоблины или тролли. Вскоре они разобрали, что это свет от множества факелов и костров.

— Сны-то мои сбываются, — пропыхтел Бомбур, еле поспевавший сзади. Он хотел бежать прямо туда, но остальные не забыли предостережений чародея и Беорна.

Они долго спорили и наконец решили выслать двух разведчиков — пусть подползут поближе к огням и постараются что-нибудь выяснить. Но тут опять вышла заминка: никому не улыбалось заблудиться и навсегда потерять своих товарищей. Под конец голод поборол благоразумие: не в силах более слушать, как Бомбур расписывает яства на лесном пире, они все вместе покинули тропу и углубились в лес. Проблуждав некоторое время между стволами, перебираясь ощупью от дерева к дереву, они наконец увидели ярко освещенную, расчищенную и выровненную полянку. Там было полно народу — ни дать ни взять, эльфы! Одетые в зеленую и коричневую одежду, они сидели на пнях вокруг костра. Позади них на деревьях торчали факелы, но что самое замечательное — они ели, пили и веселились.

Аромат жареного мяса был так притягателен, что путники, не сговариваясь, выпрямились во весь рост и шагнули сквозь кусты на полянку, одержимые одним желанием — выпросить поесть. Но едва они ступили в круг, как все огни погасли, словно по мановению волшебной палочки, кто-то из эльфов поддал ногой поленья, взвился сноп сверкающих искр, и костер потух. Путники очутились в беспросветной тьме и долго не могли отыскать друг друга. Проблуждав во мраке, налетая на деревья, хватаясь за стволы, спотыкаясь о пни, аукая во весь голос и наверняка перебудив всех обитателей леса на много километров вокруг, они наконец ухитрились собраться и на ощупь пересчитать друг друга. К этому времени они совершенно запутались, где дорожка, и безнадежно заблудились, во всяком случае — до утра.

Оставалось только лечь спать, не сходя с места. Прележали они недолго. Бильбо только-только задремал, как вдруг Дори, стоявший на часах, громко шепнул:

— Опять огоньки. Больше, чем прежде.

Они опять вскочили и бросились в ту сторону, где ясно слышались голоса и смех. Но едва они приблизились к кострам, повторилось то же самое, что и в предыдущий раз.

Пришлось опять лечь спать.

Но история с огнями на этом не кончилась. Когда время зашло далеко за полночь, их разбудил Кили:

— Вон там целый пожар — костры, факелы; слышите — поют, играют на арфах!

Они послушали-послушали и, не в состоянии преодолеть искушения, снова встали и пошли. Результат оказался самый плачевный. Этот пир был еще пышнее, еще роскошнее прежних, во главе пирующих сидел лесной король в венке из листьев на золотоволосой голове, точно король из бомбуровского сна. Эльфы передавали по кругу чаши, одни играли на арфах, другие пели. В их блестящие волосы были вплетены цветы, драгоценные камни сверкали у них на воротниках и кушаках, лица и голоса были исполнены веселья. Песни были такие звонкие и прекрасные, что Торин выступил на середину круга...

Поющие умолкли на полуслове, настала мертвая тишина; все огни погасли, на месте костров поднялись столбы черного дыма, зола и пепел запылили гномам глаза. Лес снова наполнился их криками и воплями.

Бильбо бегал кругом и звал, звал:

— Дори, Нори, Ори, Ойн, Глойн, Фили, Кили, Бомбур, Бифур, Двалин, Балин, Торин Оукеншильд!

Те, невидимые в темноте, делали то же самое, добавляя еще «Бильбо!». Но постепенно крики гномов стали затихать, удаляться, потом, как показалось хоббиту, превратились в вопли о помощи, потом все стихло, и Бильбо остался один в полной тишине и темноте.

То был один из самых скверных моментов в его жизни. Бильбо довольно быстро решил, что до утраделать ничего не надо: бессмысленно блуждать во мраке по лесу и выбиваться из сил, не имея никакой надежды на завтрак, чтобы их восстановить. Бильбо сел, прислонился спиной к дереву и, в который раз, стал вспоминать свою далекую норку, прекрасные кладовые. Он погрузился в мечты о беконе, яйцах и жареном хлебе, как вдруг почувствовал чье-то прикосновение. К его руке прижалась какая-то крепкая липкая веревка, а когда он попытался встать, сразу упал, так как ноги его оказались спутаны той же гадостью.

И вдруг из-за спины у него появился здоровенный паук. Он-то и начал обматывать Бильбо паутиной, пока тот дремал. Бильбо видел его глаза, чувствовал, как притрагиваются мохнатые лапы; паук трудился на совесть, опутывая и опутывая Бильбо своими мерзкими нитями. Хорошо, что Бильбо вовремя очнулся, — еще минута, и он бы уже не смог шевельнуться. И тогда паук впрыснул бы ему яд, как проделывают с мухами обыкновенные пауки. Бильбо стал отчаянно отбиваться от гадкой твари кулаками и вдруг вспомнил про кинжал. Как только он выхватил его, паук отпрыгнул назад, а Бильбо тем временем перерубил нити, опутывавшие ноги. Теперь настал его черед нападать, и он накинулся на паука. Если бы паук знал, что ему грозит, он бы пустился наутек сразу, но он явно не привык к «добыче» с таким жалом, и Бильбо успел нанести ему удар кинжалом в голову. Паук заскакал, заплясал,

дико задергал лапами, и тогда Бильбо уложил его вторым ударом. Но тут же упал сам и надолго потерял сознание.

Когда он пришел в себя, его окружал обычный тусклый дневной полумрак. Паук лежал рядом мертвый, клинок кинжала был в черных пятнах. Убить гигантского паука в темноте, в одиночку, без помощи волшебника, гномов или кого бы то ни было — это, я вам скажу, было неслыханное событие в жизни мистера Бэггинса. Он почувствовал себя совсем другим — более храбрым и беспощадным. Он вытер кинжал о траву и вложил в ножны.

— Отныне я буду называть тебя Жалом, — сказал он клинку.

Затем он отправился на разведку. В лесу царило безмолвие. Прежде всего следовало разыскать друзей; далеко уйти они не могли, разве что их взяли в плен эльфы или кто-нибудь похуже. Бильбо понимал, что кричать тут небезопасно, поэтому долго стоял на месте и раздумывал, в какой стороне тропа и куда двинуться на поиски гномов.

«Зачем мы не послушались советов Беорна и Гэндальфа! — сокрушался он. — А теперь мы так все запутали. «Мы»! Хорошо, если «мы», а то одному так страшно!»

Наконец он припомнил, откуда неслись ночью крики о помощи; к счастью (а оно ему сопутствовало с рождения), он определил это более или менее правильно и тут же стал красться в том направлении. Как я уже не раз говорил, хоббиты, как никто, умеют бесшумно ступать по лесу; кроме того, Бильбо надел кольцо.

Он осторожно крался до тех пор, пока не различил впереди клубок черноты, слишком густой даже для Черного Леса, — словно клочок темной ночи, который забыл рессеяться с наступлением дня. Подобравшись ближе, он понял, что это паутина, намотанная в несколько слоев. И тут он увидел над собой пауков: гигантские, страшные-престрашные, они сидели на ветвях. Бильбо задрожал: кольцо кольцом, а вдруг они его почуют? Стоя за деревом, он некоторое время наблюдал их в тишине и покое леса и вдруг понял, что отвратительные твари разговаривают друг с другом! Голоса их походили на тоненький скрип и свист, но он разобрал слова. Они говорили про гномов!

— Жаркая была схватка, но дело того стоило, — сказал один. — Ну и жесткая у них шкура, зато внутри они наверняка сочные.

— Да, да, повисят немножко — еще вкуснее станут, — подхватил другой.

— Не передержите их, — подал голос третий, — чтоб не засохли, а то что-то худоваты. Видно, плохо питались последнее время.

— Убейте их сейчас, говорю вам, — просвистел четвертый, — а потом пусть повисят дохлые.

— Да они и так уже дохлые, поверьте мне, — возразил первый.

— Ничего не дохлые. Сейчас один крутился — видно, очухался. Идем — покажу.

И толстый паук быстро побежал к ветке, с которой рядком свисала дюжина больших свертков. Только тут Бильбо заметил их в тени дерева

и ужаснулся: из свертков торчали — где гномова нога, где нос, где кончик бороды, а где капюшон.

Паук направился к самому толстому из свертков.

«Должно быть, бедняга Бомбур», — подумал Бильбо.

Паук сильно ущипнул Бомбура за кончик носа. Бомбур был явно жив. Раздался приглушенный вопль, и торчащая нога метко лягнула паука. Послышался звук, как будто ударили по выдохшемуся футбольному мячу; взбешенный паук свалился с ветки, но вовремя ухватился за собственную нить.

Остальные расхохотались.

— Ты прав, — сказали они, — завтрак жив-здоров и лягается.

— Сейчас перестанет, — злобно прошипел паук и полез вверх.

Бильбо понял, что настал момент действовать. Добраться до пауков он не мог, стрелять было нечем. Оглядевшись, он увидел углубление — очевидно, русло пересохшего ручья, — где валялось много камней. Бильбо недурно метал камни. Недолго думая, он подобрал гладкий, как яйцо, камень, очень удобно легший в ладонь. Мальчиком Бильбо много упражнялся, швыряя камни в разные предметы, так что кролики, белки и птицы разбегались и разлетались без оглядки, едва завидев, как он наклоняется. Став взрослым, он много времени отдавал метанию колец, дротики, стрельбе по пруту, игре в кегли, шары и другим тихим играм метательного и швыртельного свойства. Бильбо вообще много чего умел помимо того, что пускал кольца дыма, загадывал загадки и стряпал. Просто мне некогда было рассказать об этом раньше. И сейчас тоже некогда. Пока он подбирал камни, паук долез до Бомбура, и через секунд тому бы несдобровать. И тут Бильбо бросил камень. Бац! — камень ударил паука по макушке, и паук без чувств шлепнулся с дерева на землю, задрал лапы.

Второй камень со свистом прорвал большую паутину и наповал сразил паука, сидевшего в центре. В колонии пауков поднялась паника, и на время, могу вас уверить, они и думать забыли про гномов. Видеть Бильбо они не могли. Но сообразили, с какой стороны летят камни. С молниеносной быстротой они помчались по веткам, выбрасывая нити во всех направлениях. Пространство наполнилось смертоносными ка-челями.

Но Бильбо уже перебежал на другое место. Ему захотелось раздра-нить пауков, раззадорить, как следует разозлить. Когда к месту, где он раньше стоял, сбежалось штук пятьдесят пауков, Бильбо принялся швырять в них камнями, а потом, приплясывая между деревьями, запел песню, чтобы привлечь внимание пауков, а также гномов:

Жирный паук
Взгромоздился на сук
И не видит меня
Среди белого дня.

Эй, старый дурак,
Я подам тебе знак,

Паутину бросай
И меня догоняй!

Может, и не слишком складная дразнилка, но не забывайте — он сочинил ее сам, экспромтом, в самый неподходящий момент. Песенка свое дело сделала: пока он пел, кидался камнями и топал ногами, буквально все пауки бросились к нему. Одни спрыгнули и бежали по земле, другие мчались по веткам и, раскачиваясь, перепрыгивали с дерева на дерево, третьи перекидывали новые нити через темное пространство. Пауки оказались гораздо проворнее, чем Бильбо ожидал. Очень уж они разозлились. Во-первых, им не понравились камни, во-вторых, пауки терпеть не могут, когда им говорят «жирный паук», ну, а уж «старый дурак» и подавно обидно всякому!

Бильбо бросился на новое место, но пауки разбежались теперь по всей поляне и быстренько начали плести паутины между стволами. Очевидно, замысел их был таков: очень скоро хоббит неминуемо очутится в западне — и путь ему будет отрезан. Но, окруженный со всех сторон охотящимися на него насекомыми, Бильбо нашел в себе мужество затянуть еще одну песенку:

Паутины вьется нить,
Мне готовят сети,
Но меня им не скрутить
Ни за что на свете.

Вот я, вот! Вам везет,
Слушайте, глядите!
Пауки, дураки,
Ну-ка, догоните!

Тут он повернулся и увидел, что последний свободный промежуток между двумя высокими деревьями тоже затянут паутиной, но, по счастью, не настоящей густой сеткой, а отдельными толстыми нитями, наспех протянутыми туда-сюда. Бильбо вытащил кинжал, перерубил их и с пением побежал дальше.

Пауки заметили кинжал и, хотя вряд ли поняли, что это такое, всей оравой погнались за хоббитом по земле и по ветвям; их мохнатые лапы мелькали, челюсти щелкали, глаза вылезали из орбит, пауки задыхались от ярости.

Бильбо забежал далеко в глубь леса, потом совершенно бесшумно прокрался обратно, а пауки помчались дальше в том же направлении.

Времени у Бильбо было в обрез: скоро обескураженные пауки, потеряв его, вернутся к гномам. До этого он должен успеть спасти своих друзей. Самое трудное влезть на ту длинную ветвь, на которой болтаются свертки. Сомневаюсь, чтобы он справился, если бы с ветки не свисала липкая нить, неосторожно оставленная каким-то пауком. Бильбо взобрался по ней наверх, обдирая кожу с ладоней, и столкнулся нос к носу со старым толстым противным пауком, караулившим пленников. Он занимался тем, что время от времени щипал их, чтобы распознать,

который сочнее, и как раз думал угоститься до возвращения остальных, как вдруг мистер Бэггинс без долгих размышлений пырнул его кинжалом, и паук шлепнулся с дерева мертвый.

Следующей задачей было освободить ближайшего гнома. Но как? Разрубить нить, на которой тот висит? Несчастный свалится на землю с большой высоты. Бильбо дополз до первого свертка, качая ветку, отчего бедные гномы запрыгали и задержались. «Фили или Кили, — подумал Бильбо, увидев кончик голубого капюшона. — Скорей всего — Фили», — решил он, разглядев длинный острый нос, торчавший из свертка. Перегнувшись вперед, Бильбо ухитрился перерезать почти все крепкие липкие нити, опутавшие Фили, и тот, брыкаясь, предстал его глазам. Боюсь, что Бильбо, не удержавшись, расхохотался при виде того, как Фили дергал затекшими руками и ногами и плясал на нити, державшей его подмышками, точь-в-точь как игрушечный плясунчик.

Наконец Фили с помощью Бильбо взобрался на ветку и тут показал себя с лучшей стороны — помог хоббиту освобождать остальных, хотя чувствовал себя прескверно: его мучило от паучьего яда и от того, что он провисел полдня и полночи, вращаясь вокруг своей оси и дыша только носом. Ему далеко не сразу удалось содрать клейкую паутину с ресниц и бровей, а бороду — ту и вовсе потом пришлось местами выстричь. Итак, вдвоем они принялись подтягивать на ветку каждого гнома по очереди и высвобождать из коконов. Всем было так же худо, как Фили, а тем, у кого нос был короче или кто получил большую дозу яда, и того хуже.

Таким путем они освободили Кили, Бифура, Бофура, Дори и Нори. Бедняга Бомбурдо того был измучен (его, как самого толстого, щипали чаще других), что скатился с ветки, хлопнулся на землю, на кучу листьев, и остался лежать без движения. Но пятеро гномов все еще болтались на конце ветки, когда начали возвращаться пауки, расщипавшие пуще прежнего.

Бильбо сразу перебежал по ветке и начал отгонять кинжалом пауков, лезущих наверх. Но, освобождая Фили, он снял кольцо, а надеть забыл, так что пауки теперь увидели его и засвистели, брызгая слюной:

— Мы тебя видим, змееныш! Мы тебя высосем, так что от тебя только кости до кожа останутся! Ух! У него Жало! Пускай, все равно мы до него доберемся, повисит у нас вниз головой денек два!

Тем временем освобожденные гномы трудились, перерубая ножами нити на оставшихся пленниках. Еще немного — и все будут свободны.

Но что дальше? Пауки изловили их довольно легко, но то ночью, в темноте, нападая врасплох. На этот раз дело пахло смертным боем!

— Вниз! Спускайтесь! — закричал Бильбо гномам. — Не сидите там, вас сейчас поймут сетями!

Пауки густым потоком карабкались по соседним деревьям и ползли по веткам над головой у гномов.

Гномы мигом попрыгали или попадали вниз — все одиннадцать, одной кучей. Они еле стояли на ногах от слабости. Теперь все очутились на земле, считая толстяка Бомбура, которого подпирали с боков его

кузены — Бифур и Бофур. Бильбо прыгал вокруг, размахивая своим Жалом, а сотни разъяренный пауков пялили на них глаза со всех сторон — сбоку, сверху, снизу. Положение казалось безнадежным.

И тут начался бой! У одних гномов были с собой ножи, у других — палки, кругом валялись камни, а у Бильбо был эльфовский кинжал. Они раз за разом отбивали атаки пауков и многих перебили. Но долго так продолжаться не могло.

Бильбо совсем умаялся, из гномов только четверо стояли твердо на ногах, пауки неминуемо одолели бы всех, как обессилевших мух.

Бильбо, ломавшему себе голову над тем, как быть дальше, оставалось только выдать гномам тайну своего кольца. Жаль, но делать нечего.

— Сейчас я исчезну, — сказал он. — Постараюсь отвлечь пауков на себя, а вы держитесь все вместе и прорывайтесь в противоположном направлении, влево, приблизительно туда, где мы видели костры эльфов.

Он с большим трудом втолковал им это — до того они обалдели от болтания в воздухе, от криков, от бросания камней и размахивания палками.

Мешкать было нельзя: пауки окружали их все теснее. Бильбо надел кольцо и, к великому изумлению гномов, мгновенно исчез.

Сразу же между деревьями справа послышалось: «жирный паук», «старый дурак». Это привело пауков в замешательство. Они остановились. Некоторые побежали на голос. Слова «старый дурак» совершенно вывели их из себя, они просто потеряли голову. Балин, быстрее других смекнувший, в чем состоит план Бильбо, повел гномов в наступление. Гномы сгрудились плотной кучкой, посылая град камней, отогнали пауков и прорвались сквозь их заслон.

В противоположной стороне пение и крики внезапно прекратились. Молясь, чтобы Бильбо не схватили, гномы продвигались вперед. Слишком медленно! Они измучились и уже еле-еле ковыляли, а пауки шли по пятам. То и дело гномам приходилось оборачиваться и отражать врага. Многие пауки бежали по веткам у них над головой, выбрасывая длинные клейкие нити.

Дело оборачивалось совсем плохо, как вдруг снова возник Бильбо и неожиданно напал на пауков сбоку.

— Бегите дальше! — прокричал он. — Я их задержу!

И он задержал их! Он метался взад и вперед, перерубая нити, кромсая лапы, протыкая толстые тела! Пауки раздувались от бешенства, шипели и плевались, изрыгали страшные проклятия, но Жало внушало им такой страх, что они не осмеливались подходить близко. Никакие проклятия не помогали — добыча медленно, но верно ускользала от них.

Страшный бой длился долго — наверное, не один час. Наконец, когда Бильбо почувствовал, что ему больше не поднять руки, не сделать ни одного удара, преследователи вдруг оставили их в покое и, обманутые в своих ожиданиях, отправились восвояси, в свой темный угол леса.

И тут гномы заметили, что находятся на краю поляны, где раньше горели костры эльфов. Им пришло в голову, что здесь сохранилось доброе волшебство и паукам оно не по вкусу. Здесь путники могли отдохнуть и отдышаться.

Так они и сделали. Но отдышавшись, пристали к Бильбо с расспросами — главное, как он ухитрился исчезнуть. История с кольцом так их заинтересовала, что они забыли про все на свете. Балин потребовал заново пересказать происшествие с Голлумом, загадки и вообще все с самого начала, но так, чтобы кольцо заняло свое надлежащее место. Вскоре свет стал меркнуть, и тогда посыпались другие вопросы: где они? Где тропа? Где взять еды? Что делать дальше? Все эти вопросы они задавали теперь Бильбо и явно ждали ответа от него. Как видите, они резко переменили свое мнение о мистере Бэггинсе и (как и предрекал Гэндальф) прониклись к нему уважением. Теперь они не ворчали на него — они ждали, что Бильбо предложит какой-нибудь потрясающий план. Они прекрасно понимали, что, если бы не хоббит, их бы уже не было в живых, поэтому благодарили его еще и еще. Кое-кто даже поклонился ему до земли, но от слабости не удержался на ногах и ткнулся носом в землю.

История кольца несколько не уронила его в их мнению: они поняли, что кроме везения и кольца, у него еще есть смекалка и без нее ничего бы не вышло. Они до того расхваливали Бильбо, что он и впрямь почувствовал себя настоящим искателем приключений, а найдись что поесть, он стал бы еще храбрее.

Но поесть было нечего. Бильбо думал и думал, как отыскать потерянную тропу, но его усталая голова отказывалась соображать. Он просто сидел, уставившись на нескончаемые ряды деревьев. Все примолкли, закрыли глаза, но Балин долго еще посмеивался и бормотал:

— Голлум! А я-то думал! Вот, значит, как он прошмыгнул у меня под носом! Теперь понятно! Ах, вы «просто крались, крались и подкрались», мистер Бэггинс? Вы «потеряли кучу пуговиц» в дверях? Ах ты, старый хитрец, хитрец, хи... хи... — Тут Балин тоже заснул.

И вокруг надолго воцарилась тишина.

Внезапно Двалин открыл глаза и огляделся.

— А где же Торин? — спросил он.

Вот ужас-то! Их и в самом деле было только тринадцать: двенадцать гномов и хоббит. Куда девался Торин? Какая его постигла участь? Заколдовали его или съели лесные чудовища? Содрогаясь от ужаса, гномы и Бильбо лежали, пока не заснули беспокойным сном. Их мучили кошмары. Вечер перешел в ночь. И тут мы на время оставим их, пока они спят, усталые, измученные, даже не выставив караульных.

У Торина была несколько другая судьба. Торин, шагнув вперед к костру, пал, как одурманенный. Крики заблудившихся гномов, вопли, когда их схватили и опутали пауки, звуки сражения на следующий день — ничего этого Торин не слышал. Потом его подобрали лесные эльфы, связали и унесли с собой.

Да, разумеется, пирующие были лесными эльфами. Существа они были не злые, но с недоверием относились к чужим и всегда соблюдали крайнюю осторожность. Они были не так мудры, как высшие эльфы, но тоже умели искусно колдовать и были более коварны. Ведь большинство из них, в том числе их родственники с гор и холмов, происходили от древних племен, не посещавших славного Волшебного царства. А вот солнечные эльфы, морские эльфы и подземные эльфы жили и воспитывались в том царстве годами, становясь все прекраснее, мудрее и учнее, и потом, возвратившись в Большой Мир, свое колдовское искусство употребляли на сотворение невиданной красоты. Лесные эльфы иногда появлялись в сумерках, в промежутках между заходом солнца и восходом луны, но предпочитали ночь и звезды. Они бродили по густым лесам, каких в наше время совсем не осталось. Селились они на краю леса; откуда проще выезжать в поля на охоту, скакать верхом или просто бегать на просторе при лунном или звездном свете. После прихода людей они еще больше пристрастились к сумеркам и мраку. Но все-таки они оставались эльфами, а эльфы — Добрый Народ.

В большой пещере у восточной границы Черного Леса жил могущественный король лесных эльфов. Перед громадными каменными дверями протекала река, сбегавшая с лесистых холмов, и дальше впадала в болота, расположенные у подножия гор. Эта большая пещера под землей состояла из многочисленных залов и ходов, от нее ответвлялось множество мелких пещерок. И пещера, и коридоры были куда светлее и веселее гоблиньих, совсем не такие глубокие и не такие опасные. Подданные короля, вообще-то говоря, жили и охотились по большей части на открытом воздухе, в лесах. Жили они на земле и на деревьях, из всех деревьев больше любили буковые. Пещера же была королевским дворцом, сокровищницей и крепостью при нападении врагов. Там же находились и темницы для пленных, куда и потащили Торина, с которым обращались не слишком вежливо, так как гномов здесь не жаловали. В старину у эльфов даже случались войны с гномами, которых они обвиняли в краже эльфовских сокровищ. Справедливость требует сказать, что гномы объясняли это по-иному — они, мол, взяли то, что им принадлежало. Король эльфов когда-то заказал им драгоценные украшения, дав для этого золото и серебро, а потом отказался платить за работу. И тогда гномы, не получив платы, оставили украшения у себя. У могущественного короля эльфов и в самом деле была слабость — он был скуповат. Сокровищница его ломилась от золота, серебра и алмазов, но он хотел еще и еще, чтобы сравняться в богатстве с прежними властелинами эльфов. Его народ не добывал руду, не обрабатывал металлы и драгоценные камни, не торговал и не возделывал землю. Любой гном это знал. Но Торин и его предки не имели никакого отношения к той старой распре между эльфами и гномами. Поэтому, когда с него сняли чары и он проснулся, он был возмущен их обращением. И решил, что из него не вытянут ни одного слова про золото и драгоценности.

Король устремил на Тори́на суровый взгляд и стал его расспрашивать, но Тори́н на все отвечал только одно: он умирает от голода.

— Зачем ты и твои спутники трижды нападали на мой народ во время пира?

— Мы не нападали, — отвечал Тори́н, — мы хотели попросить еды, ибо умирали от голода.

— Где сейчас твои друзья? Что они делают?

— Не знаю, вероятно, умирают от голода в лесу.

— Что вы делали в лесу?

— Искали пищу и питье, ибо умирали от голода.

— А что вам там понадобилось? — вконец рассердившись, спросил король.

Но Тори́н стиснул губы и не пожелал отвечать.

— Отлично! — сказал король. — Уведите его и держите в подземелье, пока не скажет правды! Пусть сидит хоть сто лет!

Эльфы связали Тори́на ремнями и заперли в одну из самых дальних темниц с крепкой деревянной дверью. Ему дали вдоволь еды и питья, пусть и не очень изысканных, — ведь лесные эльфы не гоблины, и даже со злейшими врагами они обращались вполне сносно. Только к гигантским паукам были беспощадны.

Бедный Тори́н лежал в королевской темнице. Поев хлеба, мяса и попив воды, он теперь невольно испытывал чувство благодарности. Потом он вспомнил про своих горемычных друзей. Ему недолго пришлось ломать себе голову над тем, что с ними стряслось, — очень скоро он все узнал. Но об этом рассказывается в следующей главе, где пойдет речь о новом приключении, в котором хоббит снова показал, на что способен.

9. В бочках — на волю

На другой день после битвы с пауками Бильбо и гномы сделали последнюю отчаянную попытку выбраться из леса. Они поднялись и, пошатываясь, побрели в ту сторону, где, по мнению восьми друзей из тринадцати, проходила тропа. Но им не довелось узнать, кто был прав. Тусклый день начинал переходить в темный вечер, и вдруг кругом засветились сотни ярких факелов, словно сотни красных звезд. Из темноты выпрыгнули лесные эльфы с луками и копьями и закричали им: «Стой!»

О том, чтобы сопротивляться, не приходилось и думать. Даже если бы гномы и не обессилели до такой степени, все равно их единственное оружие — ножи — не шло в сравнение со стрелами эльфов: эльфы попадали в птичий глаз в полной темноте. Поэтому путники сели и стали ждать. Все, кроме Бильбо: он надел кольцо и быстро отступил в сторонку. Потому-то, когда эльфы связали и выстроили гномов длинной цепочкой и пересчитали их, хоббит остался несосчитанным.

И шагов его эльфы также не расслышали, когда он трусил позади всей вереницы. Гномам завязали глаза. Бильбо еле поспевал за ними, так как эльфы подгоняли гномов безжалостно, не обращая внимания на то, что пленники устали и ослабели. Король велел им спешить, и они спешили.

Внезапно идущие впереди остановились, и хоббит нагнал эльфов, как раз когда те ступили на мост. Под мостом стремительно неслась темная река, мост упирался в ворота, закрывавшие вход в огромную пещеру, которая уходила в глубь крутого холма, поросшего лесом. Высокие буки спускались по склону до самого берега, так что корни их омывались водой.

По этому-то мосту и погнали пленников, но Бильбо несколько замешкался. Уж очень ему не понравился зияющий вход в пещеру. В последнюю минуту он все-таки решил не бросать друзей одних и только-только проскочил вслед за последним эльфом, как ворота с лязгом захлопнулись.

Войдя внутрь и шагая по гулким, извилистым переходам, освещенным красным светом факелов, эльфы затянули песню.

Коридоры тут были не такие, как под горой гоблинов, — покороче, прорыты не так глубоко под землей и потому менее душные. В просторном зале с колоннами, вырубленными прямо в скале, на резном деревянном кресле восседал король эльфов. На голове у него красовалась корона из ягод и красных листьев, ибо уже наступила осень. Весной он обычно носил корону из лесных цветов. В руке он держал резной дубовый посох.

К нему подвели пленников. Он посмотрел на них с неприязнью, но велел развязать их, увидев, как они изранены и измучены.

— Тем более что веревки больше не нужны, — добавил король. — Кто сюда попал, тому не убежать через волшебные ворота.

Он долго и дотошно расспрашивал гномов — куда они направляются, откуда и зачем. Но добился от них не больше, чем от Торина: гномы были сердиты и держались, прямо скажем, невежливо.

— Что мы тебе сделали, о король? — заявил Балин, который был теперь за старшего. — Разве преступление — заблудиться в лесу, проголодаться, попасть в паутину к паукам? Разве пауки — твои домашние животные, что ты так разгневался?

От таких вопросов король, естественно, рассердился еще больше и ответил:

— Да, без спроса шататься по моим владениям — преступление. В лесу вы трижды нападали на моих подданных и взбудоражили пауков криками и буйством. После того переполоха, который вы учинили, я имею полное право знать, что привело вас сюда. Не ответите сразу — я продержу вас в тюрьме до тех пор, пока не научитесь уму-разуму и вежливости!

Король приказал посадить каждого гнома в отдельную камеру, дать всем поесть и попить, но не выпускать, пока хоть один из них не заговорит. Но он им не открыл, что Торин тоже у него в плену.

Обнаружил это Бильбо.

Бедный мистер Бэггинс! Как уныло тянулось время, пока он жил здесь совсем один, прячась, не смея ни на минуту снять кольцо, почти не смыкая глаз, даже когда удавалось забиться в самый дальний, темный уголок. От нечего делать он принялся бродить по королевскому дворцу. Ворота запирались волшебным образом, но Бильбо все-таки ухитрился выскользнуть наружу. Лесные эльфы иногда выезжали гурьбой на охоту или по своим лесным делам или же отправлялись в земли, лежащие на Востоке. Если Бильбо проявлял достаточную прыть, то проскакивал вслед за эльфами. Это был опасный трюк, несколько раз его чуть не защемило воротами, когда они с грохотом захлопывались вслед за эльфами. Затесаться в их толпу Бильбо боялся, зная, что тень его видна, хотя при свете факелов она была тоненькая и колеблющаяся. Боялся он и того, что на него нечаянно натолкнутся.

В выходе из дворца все равно не было никакого толку: бросить товарищей он не хотел, да, собственно, без них и не знал, куда деваться. Он не мог все время держаться подле охотников и свободно следовать за ними, поэтому так и не нашел пути из лесу.

Страшась заблудиться, уныло бродил он неподалеку от ворот и поджидал okazji, чтобы вернуться под землю. Охотник он был никудышный, поэтому в лесу всегда голодал, зато во дворце таскал еду со стола, когда поблизости никого не было, или из кладовых, так что голодным не оставался.

«Точно вор, который вынужден изо дня в день грабить один и тот же дом, — думал Бильбо. — Вот когда началось самое скучное, самое тоскливое приключение в нашем утомительном неуютном походе! Очутиться бы сейчас у себя дома, у теплого очага, и чтобы лампа горела!» Как ему хотелось призвать на помощь волшебника, но об этом нечего было и мечтать. Наконец он понял следующее: если здесь кто-нибудь что-нибудь и сделает, то только мистер Бэггинс, один, без посторонней помощи.

Недели через две своей подпольной жизни, следя и следуя за стражниками, то есть шпионя за ними при каждом удобном случае, Бильбо выведал, где заперт каждый гном. Он разыскал все двенадцать камер в разных местах дворца и постарался изучить дорогу к ним. Каково же было его удивление, когда однажды он подслушал разговор двух стражников и узнал, что в тюрьме (в особо тайном месте) содержится еще один гном.

Он, конечно, сразу догадался, что это Торин, и вскоре догадка его подтвердилась. Преодолев множество трудностей, он ухитрился пробраться к камере и, пока поблизости никого не было, перекинулся несколькими словами с предводителем гномов.

Торин так настрадался в одиночестве, что уже не находил сил сердиться на свои злоключения и даже начал подумывать, не рассказать ли королю про сокровища и про цель похода (видите, до какой степени он был подавлен). Когда он услышал голосок Бильбо под дверью, то не поверил своим ушам. Впрочем, он быстро убедил себя в том, что не

ошибается, подошел к двери, и они долго шептались через замочную скважину.

После этого Бильбо украдкой передал каждому гному приказ Торина — а именно, что их предводитель Торин тут, с ними, и ни один не должен выдавать королю цель их поисков, пока Торин не отдаст такого распоряжения. Как видите, Торин воспрянул духом, выслушав, как хоббит спасал гномов от пауков. Он опять решил пока не откупаться от короля и посулить ему сокровища лишь в крайнем случае, когда не останется никаких надежд спастись другим способом. Иначе говоря, если глубокоуважаемый мистер Бэггинс-невидимка (а хоббит очень высоко вознесся во мнении Торина) не сумеет придумать какой-нибудь выход.

Бильбо, однако, был настроен далеко не так радужно. Ему совсем не нравилось, что на него возлагают такие надежды.

Бильбо ломал-ломал себе голову над новой проблемой, так что чуть совсем не разломал ее, но блестящих идей что-то не рождалось. Кольцо-невидимка — вещь, конечно, прекрасная, но его не наденешь на четырнадцать пальцев сразу. Впрочем, как вы догадываетесь, в конце концов Бильбо спас своих друзей, и вот каким образом.

Слоняясь, как всегда, по дворцу, Бильбо совал нос во все щели и однажды обнаружил чрезвычайно интересную штуку. Большие ворота не были единственным входом в пещеру! В одном месте под дворцом протекал поток, впадавший дальше к Востоку в реку Лесную. Там, где подземный поток вытекал из горы, имелся шлюз. Каменная крыша здесь почти касалась поверхности воды, с крыши опускали до самого дна решетку, чтобы никто не попал этим путем внутрь или наружу. Но решетку частенько поднимали, так как через шлюз проходила оживленная речная торговля.

Если бы кто-нибудь проник этим путем, то очутился бы в темном канале с грубо обтесанными стенками, уводившем в самую сердцевину горы. Там, где река проходила под пещерами, каменный потолок был прорублен и люк, находившийся в королевских погребях, закрыт большой дубовой крышкой.

В погребях стояли бочки — видимо-невидимо. Лесные эльфы, и в особенности их король, обожали вино, а виноград в этих краях не рос. Вино и некоторые другие товары ввозили от родичей с Юга или из еще более дальних мест, где занимались виноградарством.

Прячась за бочонками, Бильбо обнаружил крышку люка и узнал о ее назначении. Он стал наведываться туда почаще, подслушивал болтовню королевских слуг и вскоре выяснил, что вино и прочие товары доставляются по реке или сушей от Долгого Озера. Оказывается, на озере до сих пор благополучно жили люди, построившие город на сваях прямо в воде, чтобы предохранить себя от врагов. Из Озерного города бочки во дворец эльфов доставлялись по реке Лесной. Их скрепляли друг с другом наподобие плота и с помощью шестов или весел пригоняли вверх по течению. Иногда их грузили на баржи. Пустые же бочонки эльфы бросали в люк, поднимали решетку шлюза, и бочонки, подхва-

ченные потоком, выплывали на речной простор; они плыли себе, покачиваясь, по течению, пока их не прибывало к мыску у восточной оконечности Черного Леса. Там их собирали в кучу, связывали вместе и сплавляли дальше в Озерный город, стоявший у того места, где река Лесная впадала в Долгое озеро.

Бильбо потратил немало дней, размышляя о шлюзе и обдумывая, нельзя ли использовать его для побега. И наконец у него начал созревать отчаянный план.

Как-то вечером пленникам понесли ужин. Стражники затопали по коридору, унося факелы. Бильбо остался в темноте и тут услышал, как главный дворецкий желает начальнику стражи доброй ночи.

— А ну-ка, зайдите ко мне, — добавил он, — отведайте винца, его только что привезли. Сегодня вечером нам придется потрудиться — очистить погреба от пустых бочек, так что надо сперва выпить, чтоб работа спорилась.

— С удовольствием, — смеясь, отозвался начальник стражи. — Попробуем, годится ли оно для королевского стола. Сегодня во дворце пир, было бы негоже подавать наверх кислятину!

Услыхав это, Бильбо задрожал от волнения: он понял, что ему подвернулся случай привести в исполнение свой замысел.

Он шел за эльфами по пятам, пока они не вошли в небольшое подвальное помещение. Тут они сели за стол, на котором стояли две большие кружки, начали пить и весело смеяться.

Бильбо неслыханно повезло! Обычно лесных эльфов не так-то просто напоить — вино должно быть очень крепким. Но это новое вино было, очевидно, высшего качества. Оно предназначалось лишь для королевских пиров, его пили небольшими кубками, а не такими кружками, какие стояли на столе у главного дворецкого.

Скоро начальник стражи начал клевать носом, потом уронил голову на стол и захрапел. Дворецкий, не замечая, что его собутыльник спит, некоторое время продолжал болтать и смеяться, потом голова его тоже склонилась на стол — и он крепко заснул. Тут-то в комнатку и прокрался хоббит. Через минуту начальник стражи остался без ключей, а Бильбо бесшумно бежал по коридорам к камерам. Тяжеленная связка ключей оттягивала ему руки, время от времени ключи звякали и брякали, и несмотря на то, что на пальце у него было кольцо, сердце в груди замирало.

Сперва он отпер камеру Балина и, как только гном вышел, опять ее запер. Можете себе представить, как обрадовался и удивился Балин, как тут же начал задавать вопросы про то, что затеял Бильбо, и вообще про все, про все.

— Некогда, некогда! — ответил хоббит. — Иди за мной без разговоров! Мы должны держаться вместе и бежать все вместе, это наш последний и единственный шанс. Если нас поймают, один Бог знает, куда засадит вас король, да еще закует по рукам и ногам. Не спорь, сделай милость!

Бильбо перебегал от двери к двери, пока его свита не разрослась до двенадцати душ. Шли гномы шумно — было темно, к тому же после стольких дней тюремного заключения ноги слушались их плохо. У Бильбо екало сердце каждый раз, как кто-нибудь из них налетал в темноте на соседа или ворчал себе под нос. «Проклятые гномы, опять устраивают тарарам!» — волновался хоббит.

Но все прошло хорошо, стражников они не встретили. В этот вечер в лесах и в дворцовых залах пировали по поводу осеннего праздника. Поэтому почти все эльфы беспечно веселились.

Наконец после долгих блужданий они добрались до темницы Торина, которая находилась в дальнем конце дворца, очень глубоко и, по счастью, недалеко от погребов.

— Клянусь честью, — проговорил Торин, когда Бильбо шепотом велел ему выйти и он разглядел в темноте фигуры своих друзей, — Гэндальф был прав, как всегда. Я вижу, вы взломщик на славу. Мы все перед вами в неоплатном долгу. Что же дальше?

Настал момент разъяснить план, но Бильбо совсем не был уверен в том, как к нему отнесутся гномы. Опасения его оправдались. Гномы были ужасно недовольны и громко запротестовали, невзирая на свое крайне опасное положение.

— Мы непременно разобьемся вдребезги, набьем себе шишек и под конец утонем! — заворчали они. — Мы думали, у тебя действительно стоящий план! Нечего было красть ключи и открывать камеры. Нет, это бредовая идея!

— Ну что же, — сказал Бильбо, расстроенный и раздосадованный, — отправляйтесь по своим камерам, если вам так нравится. Я вас опять запру, сидите себе, придумывайте план получше. Но предупреждаю: вряд ли мне выпадет другой такой случай завладеть ключами, даже если у меня возникнет такое желание.

Тут они опомнились и приутихи. Им, разумеется, оставалось делать только то, что предлагал Бильбо, другого выхода не было. Пришлось красться вслед за хоббитом вниз, в нижние погреба.

Они миновали открытую дверь, там все еще, блаженно улыбаясь, крепко спали начальник стражи и дворецкий. Королевское вино навевает приятные сны. Но какое будет выражение лица у начальника стражи на следующий день! Добросердечный Бильбо остороженько прицепил ему ключи к поясу. «Может, ему не так попадет, — подумал мистер Бэггинс. — Он, в сущности, не злой и с пленниками обращался вполне сносно. То-то он удивится! Решит, наверное, что мы прошли через запертые двери с помощью колдовства. Прошли! Нет еще, для этого надо действовать, и быстро!»

Балина поставили караулить начальника стражи и дворецкого и, если те очнутся, подать знак. Остальные отправились в соседний погреб с люком. Нельзя было терять ни минуты. Бочонки уже стояли приготовленные посреди погреба. Винные негодились, так как их днища было трудно вышибить, не наделав шума, и еще труднее закрыть.

Но были там и другие бочки, в которых поставляли масло, яблоки и еще всякую всячину. Скоро нашлось тринадцать сносных бочек — по числу гномов. Некоторые оказались даже слишком просторны, и, залезая в них, гномы с тревогой подумали, как их будет трясти и швырять. Бильбо расстарался, добыв соломы и еще чего-то мягкого, и устроил гномов с наивозможным комфортом.

Наконец двенадцать гномов были благополучно упакованы. Больше всего хлопот доставил Торин — он вертелся и крутился в своем бочонке и ворчал, как пес, укладывающийся спать в тесной конуре. Балин тоже напоследок поднял шум по поводу недостаточного числа отдушин и утверждал, что задыхается, когда и крышка-то еще не была наложена. Бильбо со всей тщательностью заткнул щели, приладил крышки и теперь, оставшись в одиночестве, лихорадочно суетился, dokonчивая упаковку.

Он волновался не зря. Едва успел он прикрыть крышкой Балина (который был последним), как послышались голоса и замелькал свет. В погреб ввалились эльфы, заливаясь смехом, разговаривая и напевая обрывки песен. Они оставили веселый пиршественный стол в одном из верхних залов и хотели как можно скорее вернуться назад.

— Где же старина Гэлион, где дворецкий? — воскликнул один. — Что-то я не видел его за столом. Он должен быть тут.

— Задам я старому копуше, коли запоздает, — подхватил другой. — У меня нет никакого желания торчать тут, когда наверху идет веселье!

— Ха-ха-ха! — раздался хохот. — Старый каналья спит носом в кружку! Они тут с приятелем капитаном уже напировались.

— Тряхни его! Буди! — нетерпеливо закричали остальные.

Гэлиону очень не понравилось, что его трясут и будят, а тем более потешаются над ним.

— Это вы опоздали, — пробурчал он. — Я вас тут ждал без конца, а вы там напились и забыли про ваши обязанности. Неудивительно, что я заснул от усталости.

— А никто и не удивляется, — подхватили они, — причина-то рядом, в кружке! Дай-ка нам глотнуть твоего снотворного, а уж тогда приступим к работе. Тюремщика будить не станем. Он уже свое получил.

Все они хлебнули по очереди винца и развеселились еще больше. Но соображать не перестали.

— Помилуй, Гэлион! — закричали они, взявшись за бочонки. — Ты так рано начал пировать, что в голове у тебя все перепуталось. Ты приготовил нам полные бочки вместо пустых.

— Делайте свое дело! — рявкнул дворецкий. — Полные! С пьяных глаз чего не покажется. Те самые бочки и есть, какие надо. Сбрасывайте, говорю!

— Ладно, ладно, — согласились они, подкатывая бочонки к люку. — Тебе отвечать, коли бочонки с лучшим королевским маслом и вином достанутся людям с озера.

Катите бочки
Во весь дух,
Столкните в речку -
Плюх-плюх-плюх! -

запели они, подкатывая с грохотом бочки к люку и сбрасывая одну за другой в темную дыру. Одни бочки были действительно пустые, другие — с гномами, все они летели вниз и хлопались с громким всплеском в воду, иногда падали одна на другую, стукались о стенки туннеля, сталкивались и, крутясь и подсакивая, уносились по течению.

И в эту минуту Бильбо вдруг осознал, какой допустил промах. Возможно, вы давно заметили слабое место в его замысле и посмеиваетесь над Бильбо. Хорошо вам смеяться, но еще неизвестно, как вели бы себя вы на его месте. Да, сам он не успел залезть в бочку, а если бы и успел, все равно некому было его упаковать и закрыть крышкой. Казалось, на этот раз он бесповоротно теряет друзей и до конца жизни будет шнырять по пещерам и воровать. Если бы даже ему удалось убежать через главные ворота, едва ли он нашел бы гномов. Как добраться сушей туда, куда выносит бочонки, он не знал. И что будет теперь с его друзьями? Ведь он не успел открыть им все, что подслушал, им неизвестно, как он собирается поступить, покинув границы леса.

Наконец к люку подкатили последний бочонок! В отчаянии и полной растерянности бедняга Бильбо обхватил его руками и полетел вместе с ним вниз. Бух! Он хлопнулся в холодную темную воду, и бочонок накрыл его сверху.

Он вынырнул, фыркая и отплеываясь, и уцепился за обшивку, точно крыса, но сколько ни старался, не мог вскарабкаться вверх — бочонок всякий раз перевертывался и окунал его. Бочонок был пустой и плыл, словно пробка. Уши у Бильбо были залиты водой, но он все еще слышал пение эльфов:

Эй, плывите полным ходом
В лес, откуда все вы родом,
В час, когда придет рассвет,
Отправляйтесь солнцу вслед.

Внезапно с гулким стуком крышка люка захлопнулась, голоса стихли. Бильбо очутился в темном туннеле и поплыл в ледяной воде один-одинешенек — ведь друзей, законопаченных в бочках, все равно что нет.

Вскоре впереди замаячило серое пятно. Бильбо услышал скрип поднимаемых решеток и увидел, что очутился в гуще подпрыгивающих, толкущихся бочонков и бочек, которые теснились под сводом, стремясь вырваться на свободу, в открытую реку. Бильбо, как мог, увертывался, чтобы его не задавило и не расплющило. Наконец давка прекратилась, бочки начали разбегаться в стороны и постепенно, по одной, выплывать из-под каменной арки на свет. И тут Бильбо порадовался, что не сумел оседлать бочку: у самого выхода между бочкой и низким сводом не оставалось места даже для хоббита.

Они поплыли по реке под нависающими ветвями деревьев, которые росли по берегам. «Интересно, — думал Бильбо, — каково там гномам? Много ли воды набралось в бочки через щели?» Те бочки, которые сидели в воде глубже, очевидно, и содержали гномов. «Только бы крышки держались плотно!» — беспокоился он. Но скоро забыл и думать о гномах — ему стало не до них. Он приспособился держать голову над водой, но замерз ужасно и боялся, что долго так не выдержит — либо замерзнет насмерть, либо разожмутся пальцы — и он утонет.

Счастье опять улыбнулось ему: крутящимся течением к берегу пригнало несколько бочек, в том числе и бочонок Бильбо. Они застряли там, зацепившись за невидимую корягу. Бильбо воспользовался передышкой и перебрался на верх своего бочонка, пока тот упирался в соседние бочки. Там он растянулся, раскинув руки и ноги, чтобы удерживать равновесие. Ветер дул резкий, но все же был не такой холодный, как вода. Немного погодя бочки отцепились, опять выплыли на середину реки и, вертясь, поплыли дальше. Как и предполагал Бильбо, удержаться на бочке оказалось неимоверно трудно. К счастью, Бильбо был легкий, а бочка большая и тяжелая, к тому же через щели внутри набралось порядочно воды. И все-таки Бильбо чувствовал себя так же уютно, как если бы ехал верхом без уздечки и стремян на пузатом пони, который все время норовит повалиться по траве.

Таким вот способом мистер Бэггинс достиг наконец места, где деревья по обоим берегам поредили и сквозь них проглянуло светлое небо. Река вдруг расширилась и слилась с Лесной, быстро бежавшей прочь от королевского дворца. Деревья больше на затеняли тусклой глади, и на ее скользящей поверхности плясали прерывистые отражения облаков и звезд. Потом быстрые воды Лесной прибили всю ватагу бочонков и бочек к северному берегу, где течением вымыло широкую бухту. Сюда-то на отлогий берег, покрытый галькой, вынесло большую часть бочонков, но несколько штук сперва ударились о выступающую каменную грядку.

На берегу уже стояли люди. Ловко и быстро они согнали баграми бочки в кучу на отмель, пересчитали, потом обвязали веревкой и оставили до утра. Бедные гномы! Бильбо повезло больше. Он соскользнул с бочки в воду, вышел на берег и бросился к домишкам, которые замесили вдалеке от реки. Теперь он не колебался, когда представлялась возможность поужинать без приглашения, он уже привык пробавляться чужим. Он по горькому опыту знал, что значит быть по-настоящему голодным. Между деревьями мелькало пламя костра, притягивая к себе Бильбо, мокрого, дрожащего, в изодранной одежде.

Не будем подробно останавливаться на том, как он провел ночь, — нам некогда, мы приближаемся к концу их путешествия на Восток и к последнему, самому важному приключению. Естественно, сперва волшебное кольцо ему, как всегда, помогло, но потом его выдали мокрые следы и лужицы, которые он оставлял, когда шел или сидел. К тому же у него разыгрался насморк, и он, как ни старался удержаться, все время громогласно чихал. Вскоре в деревушке поднялась суматоха. Тогда

Бильбо удрал в лес и унес каравай хлеба, кожаную флягу с вином и пирог, которые ему не принадлежали. Пришлось скоротать остаток ночи мокрым, вдали от костра, зато фляга помогла ему согреться, и он даже подремал немного на опавших листьях, хотя пора была осенняя и погода промозглая.

Проснулся он оттого, что удивительно громко чихнул. Был серый рассвет, около реки стоял веселый шум. Там сооружали плот из бочек, эльфы-плотовщики собирались сплавлять их вниз к Озерному городу. Бильбо снова чихнул. С него больше не капало, но он совершенно продрог. Окоченевшие ноги плохо ему повиновались, но все же он доковылял до берега и влез на груды бочонков, никем не замеченный в общей суете. Солнце еще не взошло, так что Бильбо не отбрасывал тени, и, к счастью, долго не чихал. Багры заработали. Эльфы, стоявшие на мелководе, принялись отпихивать бочки, плот заскрипел и закачался.

— Что-то нынче тяжеленьки! — ворчали эльфы. — И сидят слишком глубоко. В них точно что-то есть. Если бы приплыли днем, мы бы в них заглянули.

— Некогда! — прокричал плотовщик. — Толкайте!

И бочки наконец стронулись с места, сначала медленно, потом эльфы, стоявшие на каменном мысу с шестами, оттолкнули их еще разок, и бочки поплыли быстрее, быстрее, выскочили на середину реки, и их понесло к озеру.

10. Радужный прием

По мере того как они плыли дальше, становилось светлее и теплее. В скором времени река сделала поворот, обогнав круто поднимавшийся слева уступ, у подножия которого билась и бурлила вода, берега сгладились, деревья пропали из виду, и перед Бильбо открылась такая картина: впереди широко расстилалась низина, вся изрезанная ручейками, сотней извилистых ручейков, на которые распадалась здесь река; вода стояла в болотах и заводях, испещренных островками. Но посредине равнины по-прежнему упорно струилась сильная быстрая река. А вдалеке, уходя темной вершиной в растрепанное облако, вздымалась Гора! Отсюда не видны были ее соседки и холмистые подступы к ней. Гора вздымалась одиноко и глядела поверх болот на лес. Вот она — Одинокая Гора! Долгий путь прошел Бильбо, много претерпел опасных приключений ради того, чтобы увидеть Гору. И как же она ему теперь не понравилась!

Из разговоров плотовщиков Бильбо узнал, что все сухопутные дороги с востока к Черному Лесу заглохли; что с той поры, как в горах обитали гномы, землетрясения изменили весь край. Болота и трясины разрастались, тропинки исчезали, всадники и пешие — тоже, если пытались отыскать дорогу среди топей. Тропы через Черный Лес, которой воспользовались гномы по совету Беорна, на своем восточном

конец одичала. Только река предоставляла пока что единственный надежный путь от северного края Черного Леса до равнины под сенью Горы.

Так что, сами видите, Бильбо удачно напал на единственную приличную дорогу. Если бы он знал, что весть об их побеге достигла ушей Гэндальфа, находившегося в ту пору очень далеко, и тот, обеспокоенный их судьбой, заканчивает свои другие дела и собирается розыскивать Торины и Ко, ему это доставило бы большое утешение. Но Бильбо, дрожащий на бочке, ничего не ведал. Он знал лишь, что река никак не кончается, что он смертельно голоден, схватил страшнейший насморк и что ему не нравится зловещий вид Горы, которая по мере приближения явно смотрит на него все более неодобрительно и угрожающе.

Скоро, однако, река повернула к Югу, Гора осталась в стороне, к концу дня берега сделались скалистыми, и река, собрав воедино все свои разбежавшиеся веточки, превратилась в могучий, стремительный и глубокий поток.

Солнце уже село, когда, сделав еще один крутой поворот, река влилась в Долгое Озеро. Долгое Озеро! Бильбо думало, что только в море бывает столько воды. Оно было такое широкое, что противоположные берега казались далекими-далекими, и такое длинное, что его северного конца вообще не было видно. Только зная карту, Бильбо помнил, что там, вдалеке, где мерцают звезды Большой Медведицы, из Дейла в озеро сбегает река Быстротечная и вместе с Лесной заполняет бывшую горную долину. На южном конце озера вода спадала водопадом, и обе реки спешили дальше, уже вместе, в неведомые земли. В вечерней тишине грохот водопада раздавался, словно отдаленный рокот грома.

Близ устья Лесной стоял странный город, о котором упоминали эльфы в королевских погребках. Его выстроили не на суше (хотя и на берегу виднелись кое-какие строения), а прямо на озере. От сильного течения впадавшей здесь реки его защищал скалистый мыс. Широкий деревянный мост вел с берега к высоким прочным сваям, на которых расположился деревянный город. Оживленный, деловой, этот город все еще преуспевал, занимаясь торговлей; товары доставлялись сюда по реке с Юга до водопадов, оттуда их переправляли в город сушей. Но в прежние славные времена, когда на Севере процветал Дейл, Озерный город был еще богаче, еще могущественнее, чем теперь, имел целую флотилию лодок, для того чтобы грузить золото и вооруженных воинов. В те времена случались войны и совершались деяния, память о которых осталась лишь в легендах. Груды развалин прежнего большого города виднелись в воде у берега, когда озеро в засуху мелело.

Многое уже забылось, хотя люди и пели старые песни про гномов — хозяев Горы, про королей Трора и Трейна из рода Дьюрина, про появление дракона и гибель властителей Дейла. В песнях пелось и про то, как в один прекрасный день Трор и Трейн вернутся, и тогда золото потечет рекой из ворот Горы, весь край огласится новыми песнями и

радостным смехом. Но легенда легендой, а дела делами, и будничная жизнь текла своим чередом.

Едва на озере завидели плот, как от свай отделились лодки, плотовщиков окликнули, те бросили веревки, на лодках заработали весла, плот стянули с быстрины и отвели за высокий мыс в залив. Там его пришвартовали к мосту. Вскоре должны были прибыть люди с Юга и одни бочки забрать с собой, а другие набить снадью, чтобы их опять доставили вверх по реке во дворец лесных эльфов. Покамест бочки остались качаться на воде, а плотовщики и лодочники отправились пировать в Озерный город.

То-то они удивились бы, увидев, что творилось на берегу после их ухода, когда стемнело. Прежде всего Бильбо отрезал веревки, выкатил одну бочку на сушу и вскрыл ее. Послышались стоны — и оттуда вылез гном в самом жалком виде. В свалявшейся бороде застряла мокрая солома, все тело так затекло и болело и так он был избит и исколочен, что еле удержался на ногах. Он побрел по мелкой воде к берегу и там сразу же со стоном повалился на песок. У него был вид, как у голодного пса, которого привязали в будке и забыли на неделю. То был Торин, и узнать его вы смогли бы только по золотой цепи и бывшему небесно-голубому, а теперь грязному и рваному капюшону с потускневшей серебряной кистью. Далеко не сразу он стал мало-мальски вежливо разговаривать с хоббитом.

— Ну что — живой вы или нет? — спросил наконец Бильбо довольно-таки сердито. Он, видно, забыл, что сам-то успел один раз сытно поесть, все время свободно двигал руками и ногами и вволю дышал. — Не на свободе вы, что ли? Если хотите есть и намерены продолжать вашу дурацкую затею (да, да, вашу, а не мою), то похлопайте себя руками, разотрите ноги и постарайтесь помочь мне вынуть остальных, пока есть время!

Торин, конечно, внял голосу рассудка, с крихтением поднялся и с грехом пополам помог хоббиту. Нелегко было им в темноте, копошась в холодной воде, распознать, в которых бочках сидят гномы. На стук и окрик отзывались только шестеро. Их откупорили и помогли им выбраться на берег, и они тут же повалились со стонами и охами на песок. Их до того промочило, скрючило и избило, что они не могли как следует прочувствовать своего избавления и испытывать благодарнось к избавителю.

Двалин и Балин пострадали больше всех, и ждать от них помощи было бесполезно. Бифур и Бофур были посуше и поцелее, но тем не менее легли на песок и не пожелали ничего делать. Фили и Кили, будучи помоложе и упакованные тщательнее в маленьких бочонках с большим количеством соломы, вылезли в довольно благополучном виде; они отделались всего несколькими синяками, а затекшие руки и ноги скоро отошли.

— Ну, на всю жизнь нанюхался яблок! — проговорил Фили. — В бочке стоял такой яблочный дух... Без конца вдыхать запах яблок,

когда не можешь шевельнуться, когда промерз до костей и тебя мутит от голода — есть от чего сойти с ума. Я бы сейчас ел и ел что угодно, не останавливаясь, но яблока в рот не возьму.

Фи́ли и Ки́ли охотно взялись помогать, и вскоре оставшихся гномов вытащили на берег. Толстяк Бомбур то ли спал, то ли был без сознания. Дори, Нори, Ори, Ойн и Глойн наглотались воды и были чуть живы; их пришлось перенести на берег на руках.

— Итак, мы собрались вместе! — промолвил Торин. — Видимо, мы должны благодарить за это судьбу и мистера Бэггинса. Он безусловно заслужил нашу благодарность, хотя и жаль, что он не подготовил более удобный способ транспортировки. Тем не менее еще раз к вашим услугам, мистер Бэггинс. По-настоящему мы почувствуем благодарность, когда поедем и придем в себя. А пока — что делать дальше?

— Предлагаю идти в Озерный город, — ответил Бильбо. — Что же еще?

Ничего другого на оставалось, и, покинув остальных на берегу, Торин, Фи́ли, Ки́ли и хоббит направились вдоль озера к мосту. В начале моста стояли часовые, но они караулили не слишком бдительно, так как давно уже не было повода для беспокойства. Если не считать отдельных перебранок с лесными эльфами по поводу пошлины на пользование рекой, они были с ними в добрых отношениях. Больше поблизости никто не жил. Некоторые из молодых и вообще сомневались в существовании дракона и подсмеивались над дедками и бабками, которые утверждали, будто видали в молодости дракона, летавшего над городом. Неудивительно, что стражники пили и веселились у очага в караулке и не слышали, как вскрывали бочки, не слышали шагов четырех лазутчиков. Они просто остолбенели, когда вошел Торин Оукеншильд.

— Кто ты такой, чего тебе надо? — завопили они, вскакивая и хватаясь за оружие.

— Я — Торин, сын Трейна, внук Трора, король Под Горой! — горделиво ответил гном, и в эту минуту он и выглядел как король, несмотря на порванную одежду и выпачканный капюшон. Золото сверкало у него на воротнике и кушаке, глаза горели глубоким таинственным огнем. — Я вернулся. Я хочу видеть вашего бургомистра.

Стражники пришли в неопишуемое волнение. Те, кто поглупее, выбежали из караулки, как будто ожидали увидеть текущее по реке золото. Капитан выступил вперед.

— А эти кто? — спросил он, указывая на Фи́ли, Ки́ли и Бильбо.

— Сыновья дочери моего отца, — ответил Торин, — Фи́ли и Ки́ли из рода Дьюрина. А это мистер Бэггинс, прибывший с нами с Запада.

— Если вы пришли с миром, положите оружие! — потребовал капитан.

— У нас его нет, — ответил Торин, и то была почти правда. Ножи у гномов лесные эльфы отобрали, Оркрест — тоже. У Бильбо, правда, оставался кинжал, но, как всегда, спрятанный под одеждой, и Бильбо промолчал. — К чему оружие нам, кто воротился в свое королевство,

как было предсказано встарь. Да мы и не могли бы сражаться против столь многих. Отведите нас к вашему бургомистру.

— Он на пиру, — возразил капитан.

— Тем более ведите! — взорвался Фили, которому эти церемонии надоели. — Мы устали, хотим есть после долгой дороги, среди нас больные. Поторاپливайтесь, а то как бы вам не попало от вашего бургомистра.

— Хорошо, следуйте за мной, — согласился наконец капитан и в сопровождении шести солдат повел их по мосту, в ворота и на главную площадь. Площадь, собственно, тоже была водой, и вокруг нее кольцом стояли на высоких сваях дома побольше. Потом они прошли по деревянной набережной, с которой вниз к воде спускались лестницы с многочисленными ступеньками. В одном самом большом доме (то была ратуша) сияли огни и раздавался гул голосов. Они вошли внутрь и остановились, ослепленные светом, глядя на длинные столы и сидящих за ними людей.

— Я — Торин, сын Трейна, внук Трора, король Под Горой! Я вернулся! — воскликнул Торин в самых дверях, чтобы опередить капитана.

Все повскакивали с мест. Бургомистр тоже встал с кресла. Но никто не был удивлен больше, чем плотовщики-эльфы, сидевшие в дальнем конце зала. Они столпились у стола, за которым сидел бургомистр, и закричали:

— Это пленники нашего короля, они сбежали из тюрьмы. Эти бродяги не желали объяснить, кто они такие и зачем шныряют в лесу и пугают наших эльфов.

— Правда это? — спросил бургомистр. Честно говоря, он не очень-то поверил в возвращение короля Под Горой (если таковой вообще существовал).

— Правда то, что нас незаконно схватили и по приказу короля эльфов заточили в темницу без всякого повода с нашей стороны. Мы совершали путешествие в свою страну, — ответил Торин. — Но никакие замки и никакие засовы не воспрепятствуют возвращению короля, предсказанному встарь. Насколько мне известно, ваш город не входит в царство лесных эльфов. Я говорю с бургомистром Озерного города, а не с плотовщиками короля эльфов.

Бургомистр заколебался и вопросительно оглядел пирующих. Король эльфов считался могущественным правителем в этих краях. Бургомистр не хотел с ним ссориться, к тому же не придавал большого значения старым песням. Его интересовали торговля, пошлины, грузы, золото, в них он понимал толк, благодаря чему и занимал свой теперешний пост. Но остальные были другого мнения, и вопрос быстро решился помимо бургомистра. Новость распространилась с быстротой пожара. В ратуше и снаружи раздавались приветственные возгласы, с набережной слышался топот бегущих ног. Кто-то затащил старую песню, в которой говорилось про возвращение короля Под Горой (то, что

вернулся не сам Трор, а внук, их не смущало), ее подхватили, и она раскатилась над озером:

Король всех гор окрестных,
Пещер, ручьев и скал,
Вернулся наконец-то
И править нами стал.

Опять в его короне
Сапфиры заблестят,
Куплеты старых песен
Повсюду зазвучат.

Зашелестят деревья,
И травы запоют,
И золотые реки
В долины побегут.

Сверкнут в траве озера,
И зацветет земля,
И кончатся раздоры
С приходом короля.

Вот такие были в ней слова, только она была гораздо длиннее и смешивалась с криками, звуками арф и скрипок. Поистине такого волнения в городе не помнил даже старейший из старцев. Лесные эльфы тоже дивились происходящему и немного испугались. Они ведь не знали, каким образом сбежал Торин, и начинали думать, что их король совершил серьезную ошибку. Что касается бургомистра, то он почел за лучшее прислушаться к гласу народа и хотя бы на время притвориться, будто верит Торину и его рассказам. Он уступил ему свое большое кресло и усадил Фили и Кили рядом с Торином на почетные места. Даже Бильбо отвели место за головным столом, и в общей сумятице никто не попросил у него объяснить, откуда он-то взялся (ведь о нем в песнях не было ни одного самого отдаленного намека).

Вскоре в город при всеобщем ликовании привели остальных гномов; ушибы и царапины им перевязали, их накормили, предоставили квартиры и ублажили самым восхитительным и исчерпывающим образом. Торуна с компанией поселили в большом доме, дали им лодки и гребцов, целыми днями перед их домом толпился народ и распевал песни: стоило кому-нибудь из гномов высунуть нос на улицу, его радостно приветствовали. Песни пелись главным образом старые, но попадались и совсем новые, в которых с уверенностью говорилось про близкую гибель дракона и про то, как по реке в Озерный город вот-вот потянутся суда с дорогими подарками. Вдохновителем этих новых песен был сам бургомистр, но они не привели гномов в особый восторг.

Тем временем они жили в довольстве, отъелись, потолстели и набрались сил. Собственно, через неделю они вполне оправились, нарядились в новую одежду из превосходной материи, каждый в свои цвета,

бороды их были расчесаны и ухожена, гномы выступали важно, а Торин ходил с таким гордым видом, будто уже отвоевал свое королевство и изрубил Смога на мелкие кусочки.

Вот тут-то, как он и прочил Бильбо, благодарность и уважение гномов к маленькому хоббиту стали расти с каждым днем. Никто больше не ворчал, не сетовал. Они пили за его здоровье, хлопали по спине и вообще всячески его обхаживали. Что было очень кстати, так как Бильбо находился далеко не в лучшем настроении. Он не мог забыть зловещего вида Горы, не переставал думать о драконе и, кроме того, был жестоко простужен. Три дня подряд он чихал и кашлял, сидел дома, а когда стал выходить, то все равно его речи на банкетах ограничивались словами «бде очень бдиядно».

Тем временем лесные эльфы приплыли с грузами домой и произвели сенсацию во дворце своим сообщением. Я так и не знаю, что случилось с начальником стражи и главным дворецким. Никто из гномов во время своего пребывания в Озерном городе, естественно, ни слова не проронил о ключах и о бочках, и Бильбо ни разу не надел кольца. Но кое-какие догадки у эльфов возникли, хотя мистер Бэггинс по-прежнему оставался для них загадкой. Как бы то ни было, король знал теперь, зачем пожаловали сюда гномы, и сказал себе: «Так, так! Посмотрим! Все равно без моего ведома через Черный Лес им не провезти никаких сокровищ. Но скорее всего они плохо кончат, и поделом им!» Король несколько не верил в то, что гномы захотят сразаться и сумеют победить такого опытного дракона, как Сmog, и сильно подозревал, что они скорее всего предпримут попытку взлома. Это свидетельствует о его проницательности, которой не хватило людям из Озерного города, хотя, как мы увидим в конце, король не совсем был прав. Послав своих шпионов на озеро и дальше — настолько близко к Горе, насколько позволял страх перед драконом, — он стал ждать.

К концу второй недели Торин начал собираться в путь. Пока энтузиазм жителей не остыл, надо было заручиться их помощью. Тянуть было опасно. Он обратился к бургомистру и его советникам и объявил, что ему и его спутникам пора продолжать поход.

Тут впервые за все время бургомистр удивился и немножко струхнул. И задумался — а вдруг Торин и в самом деле потомок прежних королей. Ему и в голову не приходило, что гномы откажутся идти на Смога. Он думал, что они обманщики, которых рано или поздно разоблачат и прогонят. Он ошибался. Ведь Торин действительно был внуком короля Под Горой, а на что не отважится родовитый гном, если он задумал отомстить или вернуть свою собственность.

Но бургомистр и обрадовался, что гномы уходят. Содержать их было накладно: жизнь при них превратилась в сплошной затянувшийся праздник, а дела стали. «Пусть себе идут, сунутся к Смогу — посмотрим, как он их встретит!» — подумал он. Авслух сказал:

— Ну разумеется, о Торин, сын Трейна, внук Трора! Ты просто обязан отобрать свои сокровища. Час, который предсказывали старики,

настал. Чем можем — тем вам поможем, но и вы уж отблагодарите нас, когда отвоюете королевство.

И вот в холодный осенний день, когда дул резкий ветер и с деревьев слетали листья, три большие лодки покинули Озерный город, увозя гребцов, гномов, мистера Бэггинса и большие запасы продовольствия. Бургомистр и его советники вышли на ступени ратуши, чтобы пожелать им счастливого пути. Жители города пели им вслед песни. На воду упали некрашенные весла, лодки двинулись на Север. Наступил последний этап долгого путешествия.

И единственный, кто был удручен и несчастлив, это Бильбо.

11. На пороге

За два дня они пересекли Долгое Озеро и вышли в реку Быстротечную. Теперь Одинокая Гора возвышалась прямо перед ними. Против течения плыть было трудно. К концу третьего дня, проделав несколько миль вверх по реке, они причалили к левому, западному берегу и высадились на сушу. Здесь их ждали посланные раньше люди и пони с провизией и всем необходимым. Гномы, сколько могли, навьючили на пони, остальное сложили в палатку. Люди из Озерного города, пригнавшие пони, не согласились переночевать так близко к Горе даже одну ночь.

— Подождем, когда сбудутся песни! — сказали они.

В этой дикой местности легче было поверить в дракона, чем в Ториана. Охранять запасы в палатке в сущности не требовалось, так как край был необитаемый. Поэтому свита покинула их и пустилась в обратный путь.

Наши путники провели тревожную ночь и несколько приуныли. На следующий день они сели на пони и продолжали путь. Балин и Бильбо, ехавшие сзади, вели на поводу двух пони, нагруженных тяжелой поклажей; остальные прокладывали впереди тропу, ибо дорог не было. Они взяли к северо-западу от Быстротечной и все приближались к большому отрогу Одинокой Горы, выступавшему им навстречу. Путешествие совершалось в тишине и безмолвии. Кончились смех, звуки арфы и пение; гордые надежды, зашевелившиеся было у них в душе, пока они внимали на озере старинным песням, угасли, место их заступил безысходный мрак. Они знали, что путешествие подходит к концу и конец может оказаться ужасным. Природа вокруг сделалась скудной и унылой, краски потускнели, тогда как, по словам Торина, в былые времена отличались свежестью и разнообразием. Трава поредела, исчезли деревья и кусты — от них остались почерневшие корявые пни. Путники достигли Драконова Запустения, и достигли на исходе года. Они подъехали к самому подножию Горы, не встретив ничего угрожающего. Гора высилась прямо над ними, темная и жуткая. Они разбили лагерь на западном склоне большого отрога, кончавшегося бугром, который назывался Вороньей Высотой. Там когда-то находился сторо-

жевой пост, но туда они пока не осмелились подняться — уж слишком это было оголенное место.

Прежде чем искать на западной стороне Горы потайную дверь, Торин выслал отряд разведчиков исследовать южный склон, где должны были находиться Главные ворота. Для этой цели он выбрал Балина, Фили с Кили и Бильбо. Те пробрались вдоль серых молчаливых утесов к подножию Вороньей Высоты. Там река Быстротечная, сделав широкую петлю по долине, где некогда стоял Дейл, уходила от Горы в сторону озера, бурная и шумливая, как все горные реки. Берега ее, голые и скалистые, обрывались в поток. Глядя сверху через узкую реку, которая пенилась и бурлила между валунов, они увидели в широкой долине темнеющие руины крепостных стен, башен и старинных домов.

— Вот все, что осталось от города Дейл, — промолвил Балин. — Склоны горы когда-то зеленели лесами, долина была изобильна и отрадна для глаз, в городе раздавался звон колоколов.

Голос Балина звучал печально, лицо помрачнело: он сопровождал Торина в тот день, когда появился дракон.

Идти дальше они не рискнули, а обогнули отрог и, спрятавшись за большим камнем, высунули головы: они увидели черное отверстие в высокой стене — Главные ворота. Оттуда выбегала река Быстротечная и оттуда же вырывались пар и черный дым. Вокруг все было неподвижно, двигались лишь пар, вода, да изредка проносилась мрачная злоедающая ворона. Тишину нарушал лишь шум потока, бегущего по камням, да хриплое карканье. Балин содрогнулся.

— Вернемся! — сказал он. — Здесь нам делать нечего. Очень мне не нравятся эти противные птицы, они смахивают на вражеских лазутчиков.

— А дракон, значит, жив, сидит где-то под горой, если судить по дыму, — вставил хоббит.

— Скорее всего ты прав, хотя дым еще ничего не доказывает, — возразил Балин. — Если бы даже дракон улетел или притаился где-нибудь на одном из склонов, подкарауливая добычу, дым и пар, наверное, все равно выходили бы наружу. Гора изнутри, вероятно, заполнена его зловонными испарениями.

Подавленные, стараясь не шуметь, возвращались они в лагерь под карканье ворон. Еще так недавно, в июне, они гостили в прекрасном доме Элронда; сейчас только-только начиналась осень, но казалось, что прошла целая вечность. Они очутились в безлюдном, заброшенном месте, без всякой надежды на помощь. Путешествие их закончилось, но до конца приключения было по-прежнему далеко, а мужества и выдержки могло хватить лишь ненадолго.

Как ни странно, у мистера Бэггинса их осталось больше, чем у других. Он часто брал у Торина карту и рассматривал ее, вдумываясь в значение рун и лунных букв. Именно он заставил гномов начать опасные поиски потайной двери на западных склонах. Они перенесли лагерь в длинную узкую долину, укрывшуюся за низкими отрогами. На этом западном склоне было меньше следов разбойничьих набегов

дракона, даже сохранилось немного травы для их пони. Из этого нового лагеря, всегда закрытого тенью Горы, день за днем, разбившись на отряды, они выходили на поиски. Если верить карте, где-то здесь высоко по склону пряталась потайная дверь. День за днем они возвращались в лагерь не солоно хлебавши.

И вдруг совершенно неожиданно они нашли то, что искали. Однажды Фили, Кили и хоббит прошли в конец узкой долины и копошились там среди камней. Около полудня, заглянув за большой, торчащий, точно столб, обломок скалы, Бильбо увидел нечто вроде грубых ступеней. Он подозревал двух гномов, и они в волнении начали подниматься втроем по ступенькам, которые вывели их на тропку, местами пропадавшую, местами все-таки заметную, и так по ней пришли на гребень южного отрога, а оттуда — на узкий выступ, огибавший Гору. Поглядев вниз, они увидели, что прямо под ними лежит лагерь. Осторожно поднимаясь по скале, они прошли гуськом по узкому выступу, свернули за угол и очутились на небольшой укромной площадке, заросшей травой. Вход на нее снизу, от лагеря, виден не был. Скала, к которой примыкала площадка, была совершенно гладкая и ровная, точно сложенная камешком. Ни трещин, ни стыков, ничего похожего на косяки, притолоку или порог, никаких следов засова, щеколды или скважины — и однако они не сомневались, что перед ними та самая дверь.

Они колотили по ней, толкали, пихали и наваливались на нее, умоляли открыться, произносили обрывки заклинаний, отворяющих двери, — скала оставалась неподвижной. Наконец, выбившись из сил, они растянулись на траве, а когда за вечерело, начали спускаться вниз.

В ту ночь в лагере не утихало возбуждение. Наутро все покинули лагерь, оставив Бофура и Бомбура караулить пони и те припасы, что они захватили с реки. Остальные, пройдя долину, взобрались по найденной накануне тропе на узкий выступ. Там было не пронести тюков — тропинка обрывалась с одной стороны вниз на глубину пятидесяти метров. Зато каждый гном обмотал вокруг пояса веревку. Они благополучно достигли травянистой ниши, там, наверху, устроили новый лагерь и подняли на веревках из нижнего все необходимое. Таким же способом они потом опускали друг друга, чтобы обменяться новостями с караульными или сменить Бофура. Бомбур ни под каким видом не желал подняться наверх — ни на веревках, ни по тропе.

— Я не муха, чтобы порхать над обрывом, — отвечал он. — Закружится голова, наступлю себе на бороду, и опять вас станет тринадцать. А веревки меня не выдержат.

Как вы увидите позже, веревки, к счастью для него, выдержали...

Тем временем друзья обследовали выступ дальше и обнаружили тропинку, которая вела наверх. Но далеко уходить побоялись, да и не видели надобности. На вершине царила тишина, лишь ветер шуршал в трещинах. Они разговаривали тихо, не пели, не перекликались — опасность подстерегала повсюду. Те, что возились с дверью, пока ничего не добились. В нетерпении они махнули рукой на руны и лунные буквы и без усталости пытались определить на глаз, где именно на гладкой

поверхности скалы прячется дверь. Они привезли из Озерного города кирки и другие инструменты и сперва попробовали применить их. Но при первом же ударе о скалу рукоятки раскололись, чуть не повыдергав им руки из плеч, стальные части сломались или погнулись, точно свинцовые. Гномы поняли, что их навыки в горном деле бессильны против чар, которые заперли эту дверь. Они испугались и того шума, который сами же наделали: каждый удар усиливался эхом.

Бильбо до смерти надоело сидеть на пороге. То есть никакого порога, разумеется, не было, просто гномы в шутку называли так травянистый пятачок; они припомнили Бильбо его слова, сказанные ох как давно, когда к нему в норку нагрянули нежданные гости. Он тогда сказал, что они посидят на пороге и что-нибудь придумают. И вот теперь они сидели и сидели, думали и думали или бесцельно топтались поблизости, и лица их все вытягивались и вытягивались.

Они было воспрянули духом, обнаружив тропу, но теперь совсем приуныли. И все же не хотели сдаться и уйти ни с чем. Теперь и хоббит был не бодрее других. Он ничего не делал, только сидел, прислонившись к скале, и глядел на запад, поверх отрогов, поверх широких просторов, за черную стену Черного Леса, туда, где ему все мерещились Туманные горы. Если его спрашивали, что он делает, хоббит отвечал:

— Вы же говорили, что мое дело сидеть на пороге и думать, как попасть внутрь, вот я и думаю.

Но подозреваю, что он думал не столько о деле, сколько о той стране, что лежала в голубой дали, о тихой родной стране и о своей хоббичьей норке под Холмом.

В траве посредине площадки лежал серый камень. Бильбо обычно сидел, уныло уставившись на него или следя за большими улитками. Тем, видно, нравилась укромная площадка, прохладные стены, и они медленно ползали про ним, с удовольствием присасываясь к камню.

— Завтра пойдет последняя неделя осени, — сказало однажды Торин.

— А за ней придет зима, — добавил Бифур.

— И наступит следующий год, — закончил Двалин, — и бороды у нас будут расти, пока не свесятся со скалы до самой долины, а здесь по-прежнему ничего не произойдет. Чем только занимается наш Взломщик? Раз у него есть кольцо-невидимка, — значит, теперь с него и спрос больше, вполне мог бы пройти в Главные ворота и разведать, как и что.

Бильбо услышал его слова (гномы находились наверху, как раз над нишей) и подумал: «Боже милостивый, так вот что они придумали! Несчастный я несчастный, вечно я должен вызволять их из неприятностей, во всяком случае, после отъезда волшебника. Что же мне делать? Так я и знал, что в конце меня ждет что-то совершенно ужасное. Нет, я просто не в состоянии видеть еще раз ту злосчастную долину Дейла. А дымящиеся ворота чего стоят!...»

Он так расстроился, что ночью почти не сомкнул глаз. На следующий день гномы разбрелись кто куда; одни, спустившись вниз, совершали моцион на пони, другие лазали по склону. Весь день Бильбо в унынии просидел в нише, глядя на камень или вдаль через узкий

проход. У него было странное чувство, будто он чего-то ждет. «Может, волшебник вдруг объявится», — думал он.

Когда он поднимал голову, то видел кусок дальнего леса. Вот солнце повернуло на запад — и на лес легло желтое пятно, как будто солнце осветило последнюю осеннюю листву. Вскоре большой оранжевый шар скатился к горизонту. Бильбо увидел довольно высоко над краем земли еле заметный бледный узенький серп новорожденной луны. В тот же момент он услышал у себя за спиной резкое щелканье. Он обернулся: на сером камне сидел большущий дрозд, угольно-черный, с бледно-желтой грудкой, пестревшей темными точками. Щелк! Дрозд схватил улитку и ударил ею об камень. Щелк! Щелк!

И вдруг Бильбо осенило! Забыв про осторожность, стоя на самом краю карниза, он стал громко звать гномов и махать руками. Гномы, спотыкаясь о камни, бросились к нему, недоумевая, что случилось.

Бильбо быстро все объяснил. Все замолчали: хоббит стоял у серого камня, гномы нетерпеливо ждали. Солнце спускалось все ниже, и надежды их таяли. Солнце село в полосу багровых облаков и скрылось. Гномы застонали, но Бильбо по-прежнему стоял не двигаясь. Узенький серп начал спускаться к горизонту. Стало темнеть. И вдруг, когда все уже совсем отчаялись, сквозь просвет в облаках прорвался красный луч. Он проник через узкий проход в нишу и упал на гладкую поверхность скалы. Дрозд, который, склонив голову набок, тоже следил за ним со своего насеста бусинками глаз, вдруг застрекотал. От стены с треском отскочил каменный осколок. На высоте трех футов от земли, в том месте, куда упал луч, в скале вдруг появилась дырочка.

Испугавшись, как бы не пропустить момент, гномы кинулись к скале и навалились на нее — она не подавалась.

— Ключ! Ключ! — крикнул Бильбо. — Где Торин?

Подбежал Торин.

— Ключ! — закричал ему Бильбо. — Который был при карте! Скорее, а то будет поздно!

Торин выхватил ключ, висевший у него на груди, и вставил в дырочку. Ключ подошел! Торин повернул его. Дзинь! Луч пропал, луна исчезла, небо почернело.

Они опять нажали на дверь, и часть стены медленно-медленно отошла. Появились длинные прямые щели. Очертилась дверь в пять футов вышиной и в три шириной и беззвучно и тяжело распахнулась внутрь. Из глубины, словно пар, выплыла темнота, глазам их предстала глубокая зияющая чернота — разверстый вход в глубь Горы.

12. Что ждало их внутри

Гномы долго стояли перед дверью и спорили, и наконец Торин произнес речь:

— Настало время для того, чтобы высокочтимый мистер Бэггинс, проявивший себя за долгое время пути как превосходный компаньон,

как хоббит, исполненный отваги и находчивости, поражающими несообразностью с его небольшим ростом, и, если я могу так выразиться, наделенный запасом удачливости, который превышает обычный, отпущенный судьбой... Настало, повторяю, время для того, чтобы он оказал нам услугу, ради которой его включили в нашу Компанию, и заработал обещанную долю.

Вы уже знакомы со стилем Торина в исключительно важных случаях, поэтому не буду пересказывать его речь дословно. Он распространялся еще довольно долго. Случай был действительно важный, но хоббитом овладело нетерпение. Он тоже достаточно хорошо изучил Торина и сразу сообразил, к чему тот клонит.

— Если от меня ждут, чтобы я первым вошел в потайную дверь, о Торин Оукеншильд, сын Трейна, да удлинится бесконечно твоя борода, — сказал Бильбо с раздражением, — то так и скажите! Я мог бы, конечно, отказаться. И так я уже вызволял вас дважды, а это в сделку не входило, так что кое-какую награду я уже заслужил. Но, как говаривал мой отец, «третий раз за все платит». И, пожалуй, я не откажусь. Я теперь больше верю в свою счастливую звезду, чем в былые времена (он имел в виду прошлую весну, перед тем как покинул родной дом, но ему казалось, что то было тысячу лет назад). Ладно, чтобы отвязаться, я согласен заглянуть туда разок. Кто составит мне компанию?

Он не ожидал, что раздастся хор добровольцев, поэтому и не был разочарован. Фили и Кили явно чувствовали себя неловко и переминались с ноги на ногу. Все остальные даже и не скрывали своего нежелания присоединиться к Бильбо — все, кроме старого Балина, вечного караульного, который очень привязался к хоббиту. Он сказал, что во всяком случае зайдет внутрь и, может быть, даже сделает с десяток шагов, чтобы в крайнем случае было кому позвать на помощь.

Что я могу сказать гномам в оправдание? Что они были намерены щедро заплатить Бильбо за его услуги. Раз они взяли его специально для того, чтобы он делал за них трудную работу, то и не возражали, чтобы он ее сделал, коли сам не против. Но они непременно выручили бы его из беды, как поступили уже в начале путешествия при встрече с троллями, когда у них еще не было никаких причин быть ему благодарными. Что правда, то правда: гномы не герои, а расчетливый народ, превыше всего ставящий деньги; попадают гномы хитрые и коварные и вообще дрянные. Но есть и вполне порядочные, вроде Торина с Компанией, только не надо ждать от них слишком многого.

На бледном небе, запятнанном черными облаками, показались звезды. Хоббит юркнул в заколдованную дверь. Идти внутри Горы оказалось делом несложным. Это вам не гоблинские низкие туннели и не корявые подземные ходы в пещере лесных эльфов. Коридор в Горе был сделан гномами в расцвете их могущества и мастерства: прямой, как по линейке, с гладким полом и гладкими стенками, он шел под уклон ровно и плавно, куда-то в таинственную черноту.

Через короткое время Балин пожелал Бильбо удачи и остался стоять посреди туннеля, откуда еще виднелись неясные очертания двери и,

из-за особого устройства туннеля, шелестящий шепот гномов слышался совсем близко. Затем Бильбо надел кольцо и стал красться по туннелю вглубь и вниз. Напуганный преувеличенно громкими отголосками эха, он превзошел себя самого в бесшумности и осторожности. Он дрожал от страха, но на физиономии у него были написаны решимость и суровость. Ведь он был далеко не тот хоббит, который выбежал когда-то без носового платка из Бэг-Энда. Он обходился без платка уже целую вечность. Проверив, на месте ли кинжал, он затанул кушак и продолжал путь.

«Вот оно, Бильбо Бэггинс, — сказал он себе. — Ты по собственной воле увяз в этом деле с головой, вот теперь и расплачивайся за свою глупость. Какой же я идиот! — твердил в нем отнюдь не туковский голос. — На что мне сдались сокровища дракона? Если бы я мог проснуться и очутиться не в этом проклятом туннеле, а в своей прихожей! Да пускай бы сокровища оставались здесь на века вечные!»

Поскольку это был не сон, то он и не проснулся, а продолжал идти вперед да вперед. Наконец очертания двери исчезли, Бильбо остался совсем один. Вскоре сделалось жарковато. «Может, жар идет из глубины? Я вижу впереди яркое зарево», — подумал он.

Так оно и было. Красный свет разгорался все ярче, и в туннеле становилось положительно жарко. Над Бильбо начали проплывать клочья пара, окутывать его. Бильбо обливался потом, ему слышался какой-то булькающий, пульсирующий шум, похожий на клочкотание большого котла, кипящего на огне, и одновременно на мурлыканье гигантской кошки. Вскоре Бильбо безошибочно узнал храп крупного зверя. Впереди, в красном зареве кто-то спал. Бильбо на момент приостановился. Но только на момент — и сразу двинулся дальше. Это был самый мужественный поступок в его жизни. Бильбо одержал настоящую победу над самим собой перед лицом неведомой опасности, подстерегающей его впереди. Итак, после короткой остановки Бильбо двинулся дальше. Вообразите себе теперь такую картину: Бильбо доходит до конца туннеля, до отверстия приблизительно той же величины и формы, что наружная дверь, заглядывает туда; перед ним открывается сокровищница древних гномов — самая нижняя пещера у основания Горы. Там темно, границ огромной пещеры не видно, можно лишь догадываться о ее величине; вблизи же на каменном полу огненная громада. И эта громада — Смог!

Исполинский золотисто-красный дракон лежал и крепко спал. Из пасти и из ноздрей вырывался дребезжащий звук и струйки дыма, но пламени он сейчас не извергал. Под его туловищем, под лапами и толстым свернутым хвостом, со всех сторон от него, скрывая пол, высились груды драгоценностей: золото в слитках, золотые изделия, самоцветы, драгоценные камни в оправе, жемчуг и серебро, отливающее красным в этом багровом свете.

Смог спал на боку, сложив крылья, подобно громадной летучей мыши; хоббит видел снизу его длинный живот, в который вдавлились драгоценные камни и золото от долгого лежания на богатом ложе. На

ближайшей к нему стене смутно поблескивали кольчуги, шлемы, топоры, мечи и копья, на полу рядами стояли большие кувшины и сосуды, вмещавшие несметные богатства.

Сказать, что у Бильбо захватило дух, будет слишком слабо. С тех пор как люди исказили язык эльфов, которому научились в эпоху, когда мир был несказанно прекрасен, не найдется слов, чтобы выразить все удивление и восхищение Бильбо. Он и раньше слышал рассказы и песни про сокровищницы драконов, но не мог представить себе их великолепия, да и страсть гномов к золоту была ему чужда. Но сейчас душа его прониклась восторгом; словно околдованный, он застыл на месте, забыв про страшного стража.

Он глядел и глядел и не мог оторваться, потом, словно его влекла какая-то сила, прокрался к куче сокровищ. Над его головой спал дракон, страшный и грозный даже во сне. Бильбо схватил большую чашу с двумя ручками, такую тяжелую, что еле поднял ее, и со страхом бросил взгляд вверх. Смог шевельнул крылом, расправил когти, храп зазвучал по-иному...

Бильбо ринулся к выходу. Но дракон пока не проснулся, просто теперь ему снился другой сон. Маленький хоббит мчался по длинному туннелю. Сердце его стучало, ноги тряслись, он сжимал чашу и мысленно твердил: «Ай да я! Теперь они увидят! Так, значит, я больше смахиваю на бакалейщика, чем на Взломщика? Пусть-ка попробуют повторить это!»

Но никто и не думал этого повторять. Балин был счастлив видеть хоббита живым, изумлен и ничуть не меньше восхищен. Он взял Бильбо на руки и вынес наружу. Была ночь, облака застилали звезды, Бильбо лежал с закрытыми глазами, переводил дух и наслаждался свежим воздухом, не замечая, как взволнованные гномы хвалят его, хлопают по спине и обещают услуги всех членов своих семей из поколения в поколение.

Гномы все еще передавали из рук в руки чашу и с воодушевлением обсуждали, как обретут в недалеком будущем все свои сокровища.

Вдруг внутри Горы послышался глухой раскат грома, как будто рокотал потухший вулкан, надумавший опять извергаться. Они прикрыли дверь и заложили щель камнем, чтобы дверь не захлопнулась, но из глубины Горы доносился страшный грохот, рев и топот, так что скала под ними сотрясалась.

Гномы сразу забыли свое самонадеянное бахвальство и съежились от страха. Упускать из виду Смога было рано. Если живешь бок о бок с драконом, изволь с ним считаться. Драконы не умеют найти применение своему богатству, зато, как правило, знают каждую вещь наперечет. Смог не был исключением из правила. Беспокойный сон (в нем самым неприятным образом фигурировал какой-то мелкорослый воин невиданной отваги, обладатель страшного меча) сменился дремотой, потом дракон вдруг пробудился. В пещере пахло чем-то незнакомым. Может быть, запах принесло в ту дыру? Хоть и маленькая, она всегда слегка тревожила Смога. Он уставился на нее с подозрением. Отчего он

не завалил ее давным-давно? В последнее время ему даже чудилось доносившееся оттуда слабое постукивание. Он поднял голову и втянул воздух. И тут заметил, что исчезла чаша.

Воры! Пожар! Убийство! Такого не случалось еще ни разу с тех пор, как он поселился в Горе! Ярость его не поддается описанию; такую ярость испытывают лишь купающиеся в роскоши богачи, если у них внезапно пропадет вещь, которой они обладают давно, но которая не понадобилась им ни разу в жизни. Смог изрыгнул пламя, пещера наполнилась дымом, гора зашаталась. Он попытался засунуть голову в дыру, потом заревел что было мочи и, втянув шею, помчался вон из логова по просторным туннелям горного дворца к Главным воротам. В голове у него сидела одна мысль: обшарить всю гору, изловить вора, растерзать и растоптать его! Смог вылетел из ворот, вода в реке зашипела, со свистом поднялся пар; разбрызгивая огонь, Смог взмыл в воздух и приземлился на вершине Горы, окруженный языками зеленого и алого пламени. Гномы услышали страшный шум его крыльев и вжались в стену, надеясь спрятаться от драконьих глаз, высматривающих врага.

Все они неминуемо погибли бы, если бы опять-таки не Бильбо.

— Скорей! — шепотом приказал он. — За дверь! В туннель! Здесь оставаться нельзя!

Только они хотели нырнуть внутрь горы, как вдруг Бифур закричал:

— Мои братья! Бомбур и Бофур! Мы забыли про них, они внизу в долине!

— Они погибнут, и наши пони тоже, мы останемся без припасов! — застонали остальные гномы. — Мы ничего не можем поделать!

— Вздор! — оборвал их Торин. К нему вернулось прежнее достоинство. — Мы не можем их бросить! Внутрь войдут мистер Бэггинс, Балин, а также Фили и Кили — все сразу дракону не достанутся. Остальные... где веревки? Живей!

Вероятно, за все время похода в такую передрыгу они еще не попадали. Наверху по горным ущельям гулко гремел рев взбешенного дракона. В любой момент он мог слететь вниз, изрыгая пламя, или облететь Гору и застать их в тот момент, когда они бешено тянули веревки на краю обрыва. Бофур успел подняться, все было тихо. Потом показался Бомбур, он пыхтел и отдувался, веревки скрипели, но вокруг было по-прежнему тихо. Потом втащили инструменты и мешки с провизией... И тут разразилась гроза! Послышался резкий свист крыльев. Верхушки скал тронул красный отсвет. То был Смог.

Они едва успели нырнуть в туннель и втащить свои мешки, как из-за Горы вывернулся дракон; крылья его издавали дикий свист, подобный завыванию ветра, пламя лизало склон Горы. Огненное дыхание спалило траву перед дверью, проникло в приоткрытую дверь и обожгло гномов. Дрожащее пламя взметнулось вверх, черные тени скал заплесали. Потом снова воцарилась темнота. Внизу пони заржали от страха,

разорвали веревки и в панике усаkali. Дракон ринулся за ними вдогонку.

— Только мы их и видели! — проговорил Торин. — Если Смог заметит кого, спасения нет. Тут нам суждено и остаться, разве только у вас возникнет охота вернуться к реке по открытому пространству на глазах у Смога.

Такая перспектива никого не прельстила. Они отползли подальше от входа и лежали так, пока в приоткрытую дверь не заглянул бледный рассвет. Они дрожали всем телом, хотя внутри было тепло и душно. В течение ночи они несколько раз слышали то нарастающий, то затихающий рев дракона, облетавшего Гору.

Увидев пони и следы лагеря, дракон, конечно, догадался, что с реки и озера кто-то приходил, и теперь раз за разом прочесывал склон Горы с той стороны, где стояли пони. Но каменную дверь он не заметил, а укрomная терраска не пропускала в туннель палящее пламя. Тщетно дракон обыскивал гору, наконец к рассвету злоба его остыла — и он отправился на свое золотое ложеспать и набираться сил. Грабежа он на забыл и не простил бы даже через тысячу лет, когда время обратило бы его самого в обуглившийся камень, но он мог позволить себе ждать. Неторопливо заполз он в свое логово и прикрыл глаза.

С наступлением утра страх у гномов немного рассеялся. Они поняли, что подобного рода происшествия неизбежны, когда имеешь дело с таким грозным и коварным хранителем сокровищ, и пока рано отказываться от задуманного. Все равно им, как справедливо сказал Торин, пока не уйти отсюда. Пони их пропали или были съедены, требовалось выждать, пока Смог ослабит свою бдительность, а они наберутся смелости двинуться в обратный путь пешком. Хорошо еще, что они спасли часть продуктов и могли протянуть некоторое время.

Они долго обсуждали, как быть, но не придумали никакого способа избавиться от Смога. Бильбо так и подмывало упрекнуть гномов за то, что с самого начала эта проблема была слабым местом в их замыслах. Но тут, как свойственно попавшим в безвыходное положение, гномы принялись брюзжать и укорять хоббита за то, что поначалу им так понравилось — а именно, что он унес чашу и слишком рано разозлил Смога.

— А что еще прикажете делать взломщику? — сердито огрызнулся Бильбо. — Меня нанимали не драконов убивать — это дело воинов, а красть сокровища. Я положил такое начало, какое мог. А вы ожидали, что я приволоку на спине все богатство Трора? Уж кому жаловаться, так это мне. Вам надо было захватить с собой пятьсот взломщиков, а не одного. Дедушка ваш, конечно, заслуживает всяческих похвал, но вы-то не подумали ознакомить меня с размерами его богатства. Чтобы вынести все сокровища наверх, мне понадобилась бы не одна сотня лет, и то если бы я был в пятьдесят раз больше, а Смог — кроткий, как ягненок.

После этого гномы извинились перед Бильбо.

— Что же вы предлагаете, мистер Бэггинс? — учтиво осведомился Торин.

— Если вы спрашиваете про то, как вынести сокровища, то пока не представляю. Несомненно, это зависит от того, насколько удачный оборот примут наши дела и удастся ли избавиться от Смога. Вообще-то избавляться от драконов — не моя специальность, но я постараюсь сделать все от меня зависящее. Лично я не надеюсь ни на что и хотел бы только добраться живым до дома.

— Ну, до этого еще далеко. Что нам делать сегодня, сейчас?

— Хорошо, если хотите знать мое мнение, то мы должны сидеть, где сидим. Днем мы, вероятно, сможем выходить на воздух. А вскоре, возможно, рискнем послать кого-нибудь вниз к складу — пополнить наши запасы. Но помните: к ночи все должны возвращаться в туннель. А теперь я предлагаю вам следующее. У меня есть кольцо. Сегодня же днем, когда Смог, вернее всего, заснет, я проберусь туда. Быть может, что-нибудь произойдет новенькое. «У всякого дракона есть слабое место», — говаривал мой отец, но думаю, что он основывался не на личном опыте.

Гномы, само собой разумеется, с энтузиазмом приняли его предложение. Они уже очень уважали маленького Бильбо. К полудню он был готов ко второй вылазке в логово дракона. Если бы он знал побольше о драконах и их коварстве, то, может, и не был бы так уверен в себе и не рассчитывал заставить Смога спать.

Снаружи сияло солнце, но в туннеле было темно, как ночью. Полоска света из прикрытой двери вскоре пропала. Столь бесшумны были шаги Бильбо, что беззвучнее мог быть лишь дымок на слабом ветру. Он уже поздравлял себя, подходя к дальнему концу туннеля. Оттуда еле виднелся свет.

«Старина Смог устал, спит, — подумал Бильбо. — Видеть он меня не может, слышать тоже. Не унывай, Бильбо!» Он не знали же забыл об остром нюхе драконов. Кроме того, у них имеется весьма неудобное свойство — спать с приоткрытыми глазами, если что-то возбуждает их подозрение.

Бильбо заглянул в пещеру. Смог, казалось, крепко спал и лежал, как мертвый, в темноте, потушив свое пламя, даже дымок не вырывался из ноздрей. Бильбо только хотел спустить ногу на пол, как вдруг из-под опущенного века драконова левого глаза блеснул тоненький красноватый луч. Смог только притворялся, что спит! Он наблюдал за входом! Бильбо отпрянул и еще раз благословил судьбу за кольцо. И тут Смог заговорил:

— Ага, пожаловал вор! Я тебя чую, я слышу твое дыхание. Милости прошу, бери еще, тут всего вдоволь, не стесняйся!

Однако Бильбо был не таким уж невеждой по части драконов. Если Смог думал заманить его внутрь, то он просчитался.

— Спасибо, о Смог Ужасный! — ответил он. — Я пришел не за подарками. Я просто хотел взглянуть, так ли ты огромен и страшен, как рассказывают. Я не очень верил сказкам.

— И как ты меня находишь? — спросил дракон, невольно польщенный, хотя и не поверил ни одному слову Бильбо.

— Поистине песни и сказки далеки от действительности, о Смог, Приносящий погибель, — ответил Бильбо.

— Для вора и лжеца ты очень воспитан, — заметил дракон. — Ты, оказывается, знаешь мое имя, но мне твой запах что-то незнаком. Кто ты такой и откуда?

— Я из-под Холма; мой путь лежал через горы, под горами и по воздуху. Я тот, кого никто не видит.

— Это-то я и сам вижу, — ответил Смог. — Но вряд ли это твое настоящее имя.

— Я — Разгадывающий загадки и Разрубающий паутину, я — Жалаящая Муха. Меня избрали для счастливого числа.

— Прелестные прозвища! — фыркнул дракон. — Но счастливое число не всегда выигрывает.

— Я тот, кто живыми хоронит друзей, топит их и достает живыми из воды. Я тот, кто невредимым выходит из костра, из воды, из-под земли.

— Что-то с трудом верится, — усмехнулся дракон.

— Я — друг медведей и гость орлов. Находящий кольца, Приносящий счастье, Ездок на бочках, — продолжал Бильбо, очень довольный своими загадками.

— Это уже лучше! — одобрил Смог. — Но не очень-то увлекайся! Придержи свое воображение.

Разговаривать с драконами нужно именно так, когда не хочешь раскрыть свое настоящее имя (что весьма благоразумно) и не хочешь разозлить их прямым отказом (что тоже весьма благоразумно). Никакой дракон не устоит перед соблазном поговорить загадками и потратить время на их разгадывание. Смог не все понял (в отличие от вас, вам-то известны все приключения Бильбо), но кое-что сообразил и, довольный, посмеялся в своей гнусной душе.

«Так я и подозревал, — подумал он. — Ясно, люди с озера задумали какую-то гадость. Презренные торговцы бочками, чтоб мне быть ящерицей! Я не заглядывал туда целую вечность, но теперь я ими займусь!»

— Отлично, Ездок на бочках! — сказал он вслух. — Может быть, Бочкой звали твоего пони? Он действительно был довольно жирный. Видно, ты не всю дорогу сюда проделал по воздуху и пешком. Должен тебе доложить, прошлой ночью я съел шестерых пони и скоро поймаю и съем остальных. В оплату за вкусный ужин я дам тебе полезный совет: не водись с гномами, тебе же лучше будет.

— С гномами? — переспросил Бильбо, притворяясь удивленным.

— Нечего притворяться! — обрезал его Смог. — Кто-кто, а уж я знаю запах и вкус гномов. Как будто я могу съесть пони из-под гнома и не учуять запаха! Ты плохо кончишь, Вор на бочках, если будешь знаться с гномами. Так им и передай от моего имени.

Он скрыл от Бильбо, что одного запаха — запаха хоббита — он не разобрал, так как никогда с ним раньше не сталкивался, и теперь был немало озадачен.

— Ну что, хорошие денежки получил вчера за мою чашу? — продолжал дракон. — Ну, скажи честно? Как, ровно ничего?! Очень на них похоже. Они, стало быть, прячутся за твоей спиной, а ты за них отдувайся, тащи у меня все, что плохо лежит? И чего ты из кожи лезешь? Тебе пообещали приличный куш? И не мечтай! Радуйся, если ноги унесешь.

Бильбо стало очень и очень не по себе. Каждый раз, как луч драконова глаза, шаривший по пещере, попадал на него, он трясся от страха и его охватывало безотчетное желание выскочить на середину пещеры, снять кольцо и во всем признаться Смогу. Словом, драконовы чары начинали на него действовать. Собрав все свое мужество, Бильбо ответил:

— Тебе известно не все, о Смог Могущественный: не только золото привело нас сюда.

— Ха-ха-ха! — расхохотался Смог. — Вот и проговорился! Нас! Скажи уж прямо «нас четырнадцать», мистер Счастливое Число! Рад слышать, что у вас есть и другие дела в наших краях. Тогда, может быть, у вас еще не все потеряно. А тебе не приходило в голову, что украсть золото ты, может, и украл бы понемножку, лет этак за сто или больше, но далеко ли унес бы его? К чему оно на горе? Или в лесу? Силы небесные! Ты ни разу не задумался, прибыльное ли это дело? Четырнадцатая часть — сколько тебе обещали? А как доставить ее? А стоимость перевозки? А сколько уйдет на вооруженную охрану и налоги?

И Смог громко хохотал. Душа у него была злобная и низкая; он знал, что его догадка недалека от истины. Но предполагал, что все это затеи людей с озера и большая часть добычи оседает в Озерном городе, который в дни его молодости назывался Эсгарот.

Трудно поверить, но бедный Бильбо действительно был огорошен. До сих пор все его помыслы и силы сосредоточивались на том, как бы добраться до Горы и найти вход. Он ни разу не задумался над тем, как вынести сокровища из Горы, а уж тем более как доставить в Бэг-Энд Под Холмом свою долю. Сейчас у него возникло нехорошее подозрение: а что, если гномы знают об этом важном моменте и втихомолку посмеиваются над Бильбо? Вот какое действие оказывают на неопытных драконовы речи. Конечно, Бильбо следовало бы остеречься, но уж очень деспотичной натурой был Смог.

— Я тебе вот что скажу, — Бильбо сделал попытку не поддаваться дракону и остаться верным своим друзьям, — мысль о золоте пришла нам в голову не сразу. Мы прибыли сюда над горами и под горами, по воде и по воздуху для МЕСТИ. Ведь не можешь же ты не сознавать, о Смог безмерно богатый, что твое богатство создало тебе много врагов?

Тут Смог опять расхохотался, но как!.. От этого сокрушительного хохота Бильбо бросило на землю, а далеко наверху гномы прижались

друг к другу, решив, что хоббиту пришел безвременный и ужасный конец.

— Мечь! — фыркнул Смог, и глаза его загорелись ярким огнем, озарившим пещеру от пола до потолка, словно молния. — Мечь! Король Под Горой давно умер, а куда подевались его родственнички? Что-то я не вижу, чтобы они рвались в бой, чтобы свести со мной счеты. Властелин Дейла Гирион умер, его народ я пожрал, как волк овец, а где сыновья его сыновей? Они и близко не смеют подойти. Я убиваю, когда захочу, никто не дерзает сопротивляться. Всех воинов прошлого я уничтожил, а нынче такие не рождаются. Тогда я еще был молод и слаб, теперь я стар и могуч, могуч! — злорадно торжествовал дракон. — Моя броня вдесятеро крепче щитов, мои зубы — мечи, когти — копья, удар хвоста подобен удару молнии, крылья несут с быстротой урагана, мое дыхание — смерть!

— Я слышал, — пискнул перепуганный Бильбо, — что драконы мягче снизу, а именно в области... в области груди. Но у особы, столь основательно защищенной, все, конечно, продумано.

— Твои сведения устарели, Вор во тьме, — отрезал Смог. — Сверху и снизу я покрыт броней из железных чешуй и твердых драгоценных камней. Никакой клинок не пронзит меня.

— Я мог бы сам об этом догадаться, — ответил Бильбо. — Поистине не найдется равного Смогу Непроницаемому. Кто еще обладает столь великолепным жилетом из бриллиантов?!

— Да, такой жилет в самом деле большая редкость, — подтвердил Смог, как это ни глупо, весьма довольный. Откуда ему было знать, что хоббит уже в прошлый раз успел заметить его редкостный наряд и теперь мечтал рассмотреть его поближе, имея на то свои причины.

Дракон перекатился на спину.

— Смотри! — приказал он. — Что скажешь?

— Потрясающе! Восхитительно! Безупречно! Ослепительно! — восклицал Бильбо, думая про себя в то же время: «Старый болван! Да у тебя слева на груди дырка, голое тело торчит, как улитка из раковины!»

Высмотрев, что хотел, мистер Бэггинс решил поскорее убраться подобру-поздорову.

— Ну, не буду дольше задерживать Ваше Великолепие, — сказал он, — и лишать вас столь необходимого отдыха. Пони не так-то легко ловятся. И взломщики тоже, — съязвил он напоследок, стремглав удирая по туннелю.

Он напрасно не удержался от насмешки: как ни быстро бежал хоббит, дракон успел просунуть в отверстие свою ужасную морду и пустить ему вдогонку огненную струю. К счастью, вся голова целиком не пролезла, но пламя и пар из ноздрей обожгли Бильбо, так что он мчался, спотыкаясь, точно слепой, от страха и боли. Он так был доволен собой, доволен тем, как умно вел беседу со Смогом, что увлекся и допустил в конце ошибку. Этот случай отрезвил его. «Неразумно смеяться над живым драконом!» — сказал он себе, и впоследствии фраза стала его

любимой поговоркой, а потом и известной пословицей. «Приключение еще далеко не кончено», — добавил он. И это тоже была чистая правда.

День уже склонялся к вечеру, когда наконец хоббит выбрался из туннеля и свалился на «пороге» в обмороке. Гномы привели его в чувство и смазали ожоги особой мазью, хранившейся у Торина. Но долго еще у него на затылке и на пятках не росла шерсть. Пока Бильбо приходил в себя, друзья всячески старались его ободрить. Они жаждали услышать рассказ о Смоге, особенно о том, почему тот устроил такой страшный шум и каким образом уцелел Бильбо.

Но хоббит впал в состояние нервное и озабоченное, и мало что удалось из него вытянуть. Пока они разговаривали, рядом на скале все время сидел старый дрозд и, склонив голову набок, прислушивался. Можете себе представить, в каком дурном настроении был Бильбо, если он схватил камень и запустил в дрозда. Тот отлетел, но сразу же вернулся обратно.

— Противная птица! — в сердцах вскричал Бильбо. — Не нравится она мне, по-моему, она нас подслушивает.

— Оставьте его в покое, — остановил его Торин. — Дрозды — птицы порядочные и дружелюбные; этот дрозд очень стар, быть может, он — последний из старинной породы дроздов, которые жили в этих местах и ели из рук моего отца и деда. Порода их была долговечной и волшебной. А вдруг он тоже из тех, что жили тогда, лет двести тому назад? Жители Дэйла научились понимать их язык и посылать как гонцов в Озерный город и в другие места.

— Ну, так у меня найдутся кое-какие новости для Озерного города, — мрачно заметил Бильбо. — Только вряд ли там будет кому понимать язык дроздов.

— Как? Что случилось? — закричали наперебой гномы. — Рассказывай же!

И Бильбо пересказал разговор с драконом и признался, что его мучает ужасная мысль — что дракон сделал свои выводы из его загадок.

— По-моему, он догадался, что мы попали сюда через Озерный город и пользовались помощью его жителей. У меня есть предчувствие, что следующую атаку он предпримет в том направлении. И дернуло меня болтнуть про езду на бочках!

— Ничего, ничего! Что сделано, того не воротишь. Да и потом, я слышал, что в разговорах с драконом трудно не допустить ошибки, — ободряюще сказал Балин, которому очень хотелось утешить хоббита. — Если хочешь знать, то, на мой взгляд, ты очень неплохо вышел из положения — выяснил кое-что очень полезное и остался жив, а этим мало кто может похвастаться, кому довелось перемолвиться с драконом. Нам, возможно, еще очень пригодится прореха на бриллиантовом жилете старого ящера.

Его слова сообщили разговору новое направление, и все принялись обсуждать, как убивали драконов в жизни и в сказках, разного рода колющие и режущие удары, удары снизу, сбоку и сверху, всякие приемы, уловки и военные хитрости.

В продолжение разговоров Бильбо глядел на удлиняющиеся тени, и его тоска и дурные предчувствия все усиливались.

Наконец он прервал гномов:

— Я убежден, что оставаться здесь весьма небезопасно, да и какой смысл сидеть тут? Свежую траву дракон сжег, уже ночь, холодно. Я могу поклясться, что дракон налетит на наше укрытие еще раз. Смог знает теперь, как я проник в его логово, и, уж будьте уверены, догадается, куда ведет туннель. Он разнесет вдребезги наш склон, чтобы отрезать нам доступ внутрь. А если при этом раздавит нас, что ж, тем больше порадуется.

— Какие мрачные мысли, мистер Бэггинс! — сказал Торин. — Почему же Смог не заделал ближний к себе конец туннеля, если не хочет нас допускать? Мы бы услышали, если бы он его закрыл.

— Не знаю, не знаю. Наверное, сперва хотел меня заманить туда во второй раз, а теперь отложил на после ночной охоты или не хочет портить свою спальню. Не спорьте, прошу вас. Смог может вылететь в любую минуту. Единственное наше спасение — забраться поглубже в туннель и закрыть дверь.

Он говорил так горячо, что гномы послушались его, зашли внутрь, но медлили захлопнуть дверь. Им это казалось безрассудным: кто знает, удастся ли открыть ее снова изнутри, а оказаться запертыми в помещении, откуда один выход — через логово дракона, им очень не хотелось. Тем более что и снаружи, и внутри все было тихо. Они долго сидели недалеко от полуоткрытой двери и продолжали беседовать. Разговор зашел о гадких намеках дракона относительно гномов. Лучше бы Бильбо никогда их не слышал! Как хотелось ему верить сейчас гномам, которые клялись, будто действительно не задумывались о том времени, когда отнимут у дракона сокровища.

— Мы знали раньше, что попытка наша будет рискованной, — объяснил Торин, — знаем и теперь. Но я уверен, что у нас будет достаточно времени обдумать, как поступить дальше, после того как мы завладеем богатствами. Что касается вашей доли, мистер Бэггинс, то, уверяю вас, мы бесконечно вам благодарны, и вы сами отберете для себя, что захотите, как только будет что делить. Я понимаю вашу беспокойство по поводу доставки, допускаю, что проблема сложна, ибо с течением времени здешние края не стали безопаснее, скорее наоборот, но мы вам непременно поможем и возьмем на себя часть расходов по перевозке золота. Хотите верьте, хотите нет!

Здесь разговор обратился на сами сокровища и на отдельные вещи, которые запомнили Торин и Балин. Сохранились ли в целости копья, изготовленные для армий великого короля Бледортина, давно уже умершего? Копья с трижды закаленными наконечниками и древками, искусно украшенными золотом, — их так и не успели передать королю и получить за них плату. Щиты, выкованные для давно погибших воинов. Большой золотой кубок Трора, с двумя ручками, чеканкой и резьбой, изображавшими птиц и цветы; глаза у птиц и лепестки у цветов были из драгоценных камней. Кольчуги, позолоченные и посе-

ребренные и непробиваемые. Ожерелье властелина Дейла, Гириона, из пятисот ярко-зеленых изумрудов, которое он отдал гномам в уплату за сработанную ими кольчугу для старшего сына, — никогда никто не носил подобной кольчуги из мелких колец чистого серебра, крепостью вдвое превышающей стальную. Но прекраснее всего был громадный алмаз, который гномы когда-то нашли под Горой, в самой глубине, и назвали Сердце Горы, Аркенстон Трейна.

— Аркенстон, Аркенстон! — повторял Торин, задумчиво опершись подбородком о колени. — Словно шар с тысячью граней. При свете очага он сверкал, как вода на солнце, как снег в сиянии звезд, как роса в лунную ночь.

Бильбо слушал все эти разговоры вполуха. Колдовская притягательная сила сокровищ уже не действовала на него. Он сидел ближе всех к двери и ловил малейшие звуки снаружи и из глубины туннеля.

По мере того как тьма сгушалась, Бильбо нервничал все больше.

— Закройте дверь! — умолял он. — Мне все время чудится дракон, мне страшно. Тишина пугает меня больше, чем вчерашний грохот. Закройте дверь, пока не поздно!

Что-то в его голосе заставило гномов внять его просьбе. Торин, очнувшись от грез, встал и откинул ногой камень, не дававший двери закрыться. Что-то щелкнуло. Скважина на двери исчезла. Они были заперты в Горе навсегда!

И как нельзя более вовремя! Едва успели они отойти чуть подальше от входа, как страшный удар обрушился на склон Горы, точно в нее ударили стенобитные орудия из цельного дуба, раскачиваемые руками великанов. Скала загудела, стены в туннеле затрещали, камни посыпались им на головы. Что произошло бы, если бы дверь не закрыли, боюсь и вообразить. Они бросились в глубь туннеля, радуясь, что пока живы, слыша позади себя рев и громоханье. В ярости Смог разносил скалы, дробил камни бешеными ударами своего огромного хвоста; терраска, опаленная трава, камень, где сидел дрозд, стены, покрытые улитками, узкий выступ превратились в кашу, на долину обрушилась лавина обломков.

Смог, оказывается, украдкой выбрался из логова, тихо поднялся в воздух и затем медленно и тяжело, как чудовищная ворона, полетел вокруг Горы, думая поймать врасплох кого-то или что-то на западной стороне и найти дыру, через которую пролез вор. Когда он никого не нашел и не увидел дыры там, где рассчитывал, то впал в дикую ярость и начал крушить ненавистный склон.

Разрядив таким образом свою злобу, Смог немного утихомирился и решил, что с этой стороны беспокоить его больше не станут. Теперь оставалось осуществить еще одну месть.

— Ездок на бочках! — фыркнул он. — Прибыл по воде — значит, приплыл по реке. Запах его мне незнаком, но если он и не с озера, то все равно обошелся без их помощи. Они еще меня увидят и запомнят, кто настоящий король Под Горой!

Дракон взмыл в пламени и дыму в небо и устремился на юг, к реке Быстротечной.

13. Пока хозяина не было дома

Тем временем гномы сидели в беспросветной темноте. Со всех сторон их обступила мертвая тишина. Ели они мало и мало разговаривали. Время шло, но они не знали — день сейчас или ночь и сколько прошло суток. Они боялись шевельнуться, так как в туннеле громко отдавалось эхо от их возни и голосов. Они засыпали и просыпались в той же нескончаемой темноте и тишине. Просидев там, как им казалось, много дней, они начали задыхаться от недостатка воздуха, в голове у них мутилось. Дольше выносить такую жизнь они не могли. Кажется, они обрадовались бы даже звукам, говорящим о возвращении дракона. В тишине им чудилось, будто Смог подстраивает какую-то новую каверзу. И потом, не могли же они сидеть так вечно.

Наконец Торин не выдержал:

— Попробуем открыть дверь. Я просто умру без свежего воздуха. Пусть лучше Смог меня уничтожит там наверху, чем задохнуться здесь.

Кто-то из гномов встал и ощупью добрался до того места, где прежде была дверь. Но выяснилось, что верхний конец туннеля завалило обломками скалы. Ключ и волшебство были отныне бессильны открыть ее.

— Мы попались! — вырвался у них вопль. — Конец! Тут мы и умрем!

Почему-то как раз, когда отчаяние гномов достигло предела, Бильбо почувствовал, что у него стало легче на сердце, как будто какую-то тяжесть убрали у него из-под жилета.

— Ну, ну! — ободряюще сказал он. — «Пока жив — надейся!» — говорил мой отец. Помните, третий раз за все платит. Я, так и быть, спущусь вниз. Дважды я побывал там, зная, что меня ждет дракон, рискну и в третий. Во всяком случае, единственный выход наружу ведет вниз. И на этот раз вам придется следовать за мной.

Они согласились — что им еще оставалось? Торин первый шагнул к Бильбо.

— Теперь осторожней, — прошептал хоббит, — соблюдайте полную тишину! Может, там и нет Смога, а может, и есть. Не будем рисковать зря.

Они шли и шли. Гномы, естественно, не могли красться с беззвучностью хоббита, они всячески пытели, шаркали ногами, а эхо многократно усиливало пытенье и шарканье. Бильбо не раз замирал на месте и со страхом прислушивался, но снизу не доносилось ни звука. Когда до нижней дыры оставалось, насколько он мог судить, не очень далеко, он надел кольцо и обогнал гномов. В кольце не было большой необходимости — и без него все были невидимы, ибо чернота стояла

сплошная. Настолько сплошная, что хоббит не заметил, как вышел из туннеля; он уперся рукой о пустоту... и кубарем полетел в яму.

Он лежал лицом вниз, затаив дыхание, не смея шелохнуться. Ничего не произошло. Когда он медленно поднял голову, то далеко и высоко над собой увидел белесое пятно, отнюдь не похожее на красный свет, исходивший от дракона. Однако в яме стоял густой тяжелый драконий запах.

Наконец мистер Бильбо Бэггинс не мог дольше выносить неизвестность.

— Будь ты проклят, старый ящер! — пропищал он громко. — Хватит играть в прятки! Освети меня и потом сожри, если поймаешь!

В невидимом зале отозвалось лишь слабое эхо.

Бильбо поднялся и тогда сообразил, что не знает, в какую сторону шагнуть. «Интересно, чем занят Смог? — подумал он. — Сегодня днем (или вечером?) его явно нет дома. Если Ойн и Глойн не потеряли трут и кремь, можно выбить огня и оглядеться. А там, может быть, что-нибудь и произойдет».

— Огня! — закричал он. — Кто даст огня?!

Гномы, разумеется, переполошились, когда Бильбо со стуком провалился в яму, и сбились в кучу недалеко от выхода.

— Ш-ш-ш! — зашипели они, услышав его голос.

Хоббит таким образом обнаружил, в какой стороне, но далеко не сразу ему удалось добиться от них толка. Только когда Бильбо затопал ногами и пронзительно закричал: «Огня! Огня!» — Торин сдался и послал Ойна и Глойна за трутом и кремнем на другой конец туннеля.

Через некоторое время замелькал огонь: показался Ойн с небольшим факелом в руке, Глойн нес еще несколько штук под мышкой. Бильбо проворно подбежал к дыре и схватил факел. Но не смог уговорить гномов зажечь остальные факелы и присоединиться к нему. Как обстоятельно пояснил Торин, мистер Бэггинс все еще оставался официальным Взломщиком и Разведчиком. Если он считал нужным с риском для своей жизни зажечь огонь — его дело. Они же подождут его доклада, не покидая туннеля. Гномы уселись около дыры и стали наблюдать за Бильбо.

Они увидели, как маленькая темная фигурка пересекла пещеру, держа над собой факел. Пока Бильбо был близко, они видели при свете факела поблескивание золота и слышали позвякивание, когда хоббит спотыкался о какой-нибудь золотой предмет. Потом огонек стал удаляться, заплесал где-то выше, выше — это Бильбо карабкался на груды сокровищ. Вскоре он очутился на самой верхушке и продолжал бродить взад и вперед. Они увидели, что он на мгновение наклонился, но не поняли зачем.

А наклонился он из-за Аркенстона, Сердца Горы! Бильбо сразу узнал его из описания Торин, да и не могло быть на всем свете двух таких алмазов, даже в другой такой же несравненной сокровищнице. Это и был тот белый блеск, который притягивал Бильбо наверх. Посте-

пенно пятно превратилось в светящийся белый шар. Сейчас шар мерцал разноцветными искрами, так как свет факела играл на его гранях. Наконец шар очутился прямо перед хоббитом, и у того перехватило дыхание. Величайшее из сокровищ светилось собственным светом, исходящим изнутри, и в то же время, граненное и отшлифованное гномами, выкопавшими его в незапамятные времена, вбирало в себя свет извне и преломляло его десятками тысяч белых сверкающих граней, и это белое свечение переливалось всеми цветами радуги. Рука Бильбо, повинувшись таинственной силе, потянулась к Аркенстону и взяла его. Его коротеньким пальчиком было не сомкнуть вокруг большого и тяжелого камня, но Бильбо ухитрился поднять его и, закрыв глаза, сунул в карман.

«Вот теперь я настоящий вор, — подумал он. — Разумеется, я скажу про него гномам... в свое время. Они ведь говорили, что я могу выбирать свою долю сам. Я бы выбрал Аркенстон, а они пускай забирают все остальное». Но все же на душе у него было как-то беспокойно, он словно чувствовал, что речь тогда шла не об Аркенстоне и что из-за него у Бильбо еще выйдут большие неприятности.

Он двинулся дальше, спустился с другой стороны кучи, свет его факела скрылся. Но вскоре гномы опять увидели его вдалеке: Бильбо пересекал пещеру. Наконец он дошел до больших дверей, на него повеяло свежим воздухом, но струя воздуха чуть не загасила факел. Он робко выглянул за дверь и различил очертания просторных коридоров и начало широкой лестницы, уходящей вверх, во тьму. Но по-прежнему никаких признаков дракона не заметил. Только Бильбо хотел повернуть назад, как что-то черное пронеслось мимо его лица и даже слегка задело. Бильбо вскрикнул, споткнулся и шлепнулся на землю. Факел упал и потух.

«Кажется, просто летучая мышь, — растерянно пробормотал Бильбо. — Что же теперь делать? Где тут восток, где юг, север или запад?»

— Торин, Балин! Ойн, Глойн! Фили, Кили! — заорал он во все горло, но в черном необъятном пространстве голосок его прозвучал тоненько и еле слышно. — Свет погас! Кто-нибудь! Сюда, помогите!

Куда вдруг девалась его храбрость?

До гномов донеслись слабые возгласы хоббита, но разобрали они только «помогите!».

— Что такое стряслось? — недоуменно произнес Торин. — Дело, очевидно, не в драконе, а то бы хоббит перестал уже кричать.

Они подождали немножко и прислушались, но никаких звуков, кроме далеких воплей Бильбо, не услышали.

— Кто-нибудь, зажгите еще факел! — приказал Торин. — Делать нечего, придется идти на помощь нашему Взломщику.

— Пора наконец и нам помочь ему, — отозвался Балин. — Я пойду с удовольствием. Тем более что сейчас, по-моему, опасность нам не грозит.

Глойн зажег несколько факелов, гномы один за другим вылезли из туннеля и, держась за стену, поспешили на крики. Очень скоро они

наткнулись на Бильбо, который тоже пробирался им навстречу. Едва заведя мерцание факелов, он сразу взял себя в руки.

— Испугался летучей мыши, и погас факел, только и всего! — объяснил он.

Они вздохнули с облегчением, но тут же начали ворчать, недовольные тем, что испугались зря. Что бы они сказали, если бы он показал им в эту минуту Аркенстон, прямо и не знаю. Но достаточно им было, проходя мимо, мельком заметить блеск сокровищ, как сердца у них запыхало главной страстью. А когда в сердце гнома, пусть даже самого почтенного, зажигается страсть к золоту и драгоценным камням, он становится отважным, а иногда даже свирепым.

Поэтому дальше уговаривать гномов не пришлось. Они так и рвались осмотреть пещеру. Каждый схватил по горящему факелу, и они начали обходить зал вокруг, забыв про страх и осторожность. Они стали громко разговаривать, перекликаться, показывать друг другу разные вещи, некоторые выуживали из кучи или снимали со стены. Они подносили драгоценности к глазам, рассматривали на свет, ощупывали и ласкали, подбирали драгоценные камни и распахивали их по карманам, а что унести не могли, то со вздохом роняли обратно, пропуская сквозь пальцы. Торин в этом отношении мало чем отличался от остальных. Притом он метался из стороны в сторону и что-то искал, искал и не мог найти. Искал он Аркенстон, но пока никому ничего не говорил о нем.

Гномы снимали со стен кольчуги и оружие и надели на себя. Как царственно выглядел сейчас Торин, облаченный в золотую чешуйчатую кольчугу, в поясе, затканном алыми рубинами, держащий в руке топор с серебряной рукоятью!

— Мистер Бэггинс! — окликнул он. — Получайте первую награду в счет вашей доли! Сбросьте старый плащ и наденьте вот это!

И он накинул на Бильбо небольшую кольчужку, сплетенную в давние времена для какого-нибудь принца эльфов. К этой кольчуге из серебряной стали, называемой у эльфов митрил, полагался пояс из жемчугов и хрусталя. На голову хоббиту надели легкий шлем из тисненой кожи, укрепленный изнутри стальными обручами и усаженный по краю мелкими алмазами.

«Я чувствую себя великолепно, — подумал Бильбо. — Но вид у меня, должно быть, очень нелепый. То-то потешались бы надо мной дома, Под Холмом. А все-таки жалко, что тут нет зеркала!»

Мистер Бэггинс в отличие от гномов не потерял головы при виде богатств и устоял перед их чарами. Гномы все еще рылись в сокровищнице, но Бильбо прискучило это занятие.

— Торин! — воскликнул он. — Что дальше? Мы вооружились, но разве оружие и доспехи помогали когда-либо против Смога Ужасного? Сокровища еще не отвоеваны. Нам пока важно не золото, а выход отсюда. Мы и так слишком долго испытываем судьбу!

— Вы правы! — отозвался Торин, опомнившись. — Идемте. Теперь я поведу вас. И за тысячу лет я не забыл бы ходов во дворце.

Он созвал гномов, и, подняв факелы над головой, они вышли все вместе через высокие двери, с тоской оглядываясь назад.

Сверкающие кольчуги они опять прикрыли старыми плащами, а блестящие шлемы — истрепанными капюшонами. Они шли за Торинном, словно цепочка огоньков в темноте, то и дело настораживаясь — не слышно ли дракона. Хотя все кругом пострадало от времени или было покорежено, испорчено и перепачкано влетающим и вылетающим чудовищем, Торин узнавал каждый коридор, каждый поворот. Они карабкались по длинным лестницам, поворачивали, спускались по гулким переходам, снова делали поворот и снова взбирались по ступеням вверх. Ступени были гладкие, выбиты прямо в скале, широкие, удобные. Все выше и выше поднимались гномы, но нигде не встречали ни единого признака живой души, лишь тени воровски разбегались в стороны с приближением факелов, трепетавших на сквозняке. Ступени при всем их удобстве не были приспособлены для хоббитовских коротеньких ног. Бильбо уже выдохся и чувствовал, что еще немного — и он не сможет сделать ни шагу. И тут вдруг потолок взметнулся вверх, на недостижимую для факелов высоту. Откуда-то сверху проглянул тусклый луч, воздух сделался чище. Слабый свет забрезжил впереди, в широких, наполовину обгоревших дверях, которые криво висели на петлях.

— Это главный зал Трора, — промолвил Торин, — здесь устраивались пиршества и собирался королевский совет. Отсюда уже недалеко до Главных ворот.

Они прошли через бывший зал: там гнили столы, истлевали обугленные перевернутые стулья и скамейки; на полу вперемежку с бутылками, чашами, сломанными кубками из рогов валялись в пыли черепа и кости. Они прошли еще одни двери и еще одни, и вдруг ушей их коснулось журчание воды, и свет из тусклого сделался более ярким.

— Здесь берет начало река Быстротечная, — сказал Торин. — Она приведет нас к Главным воротам.

Из темной дыры в скале выбегал бурливый поток и струился по узкому стоку, выдолбленному в камне искусными руками старинных мастеров. Рядом шла мощеная дорога, такая широкая, что по ней могло пройти много людей в ряд. Друзья бросились по ней, обогнули выступ, и — о чудо! — в глаза им хлынул дневной свет. Перед ними выросла высокая арка, почерневшая, ободранная, но со следами старинной резьбы. Туманное солнце посылало между отрогами Горы бледные лучи, которые золотили порог. Стайка летучих мышей, потревоженных дымом факелов, вихрем пронеслась у них над головой. Путники испуганно рванулись вперед и поскользнулись на камнях, сглаженных и покрытых слизью оттого, что по ним постоянно проползал дракон. Река дальше бежала в сторону долины свободно, шумно пенясь. Они побросали ненужные теперь факелы на землю и застыли, глазам своим не веря: они вышли за Главные ворота и перед ними расстилалась долина, где прежде стоял Дейл.

— Да! — произнес Бильбо. — Вот уж не ожидал, что доведется глядеть из этих ворот. Никогда с большим удовольствием не любовался я солнцем и не ощущал на своем лице ветра. Бр-р-р! Однако и холодный же ветрище!

И в самом деле, дул резкий безжалостный восточный ветер, предвещая зиму. Обвивая отроги Горы, он влетал в долину и завывал между скал. Путники так долго парились в глубине жарких драконовых пещер, что теперь на открытом воздухе их била дрожь.

Внезапно Бильбо ощутил помимо усталости еще и зверский голод.

— Сейчас, судя по всему, позднее утро, — сказал он, — а значит, и время завтрака, если найдется, что поесть. Но я не уверен, что главный вход в пещеру Смога — самое безопасное место для этой цели. Нельзя ли найти местечко поспокойней?

— Правильно! — подхватил Балин. — Я, пожалуй, знаю такое местечко: старый сторожевой пост на юго-западном конце Горы.

— А далеко ли оно? — осведомился хоббит.

— Часов пять ходьбы. Идти будет трудно, предупреждаю. Дорога от ворот по левому берегу реки вся разбита. Зато посмотрите сюда! Река перед руинами Дейла сворачивает к востоку. Так когда-то был мост, он вел к лестнице, круто поднимавшейся на высокий правый берег. Оттуда мы попадем на дорогу к Вороньей Высоте. Там же есть, или была, тропа, ответвлявшаяся от дороги в сторону поста. Даже если сохранились ступеньки, взобраться туда — дело нелегкое.

— Силы небесные! — простонал хоббит. — Опять идти, опять куда-то лезть, и даже позавтракать не дадут! Интересно, сколько завтраков, обедов и ужинов мы пропустили, пока сидели в этой мерзкой норе без часов и вне времени?

Вообще говоря, с той минуты, как дракон разгромил волшебную дверь, прошло две ночи и один день, и худо-бедно, а кое-какая еда была, но Бильбо совершенно потерял счет времени, и для него что одна ночь, что целая неделя было все едино.

— Да что вы! — засмеялся Торин (он опять повеселел и позвякивал драгоценными камешками в карманах). — Это мой-то дворец вы называете мерзкой норой! Погодите, вот ужó его приберут, почистят и отделают заново!

— Что произойдет только после смерти Смога, — хмуро проворчал Бильбо. — Кстати, где он? Я бы отдал вкусный завтрак за то, чтобы знать это. Надеюсь, он не на вершине горы — сидит и любителю на нас сверху?

Идея эта вызвала большой переполох, и гномы быстро согласились с Бильбо и Балином.

— Надо уходить отсюда, — сказал Дори. — Я все время спиной ощущаю его взгляд.

— Как здесь холодно и неприятно, — вставил Бомбур. — От жажды тут не умрешь — вода рядом, а вот пищи я что-то не вижу. Дракону тут, наверное, всегда голодно.

— Пошли! Пошли! — закричали остальные. — Скорее на тропу Балина!

Справа от скалы дороги не оказалось совсем. Они стали пробираться между валунами по левому берегу реки. Запустение, безлюдье снова отрезвили даже Торина. Мост, о котором вспоминал Балин, давно обвалился, камни его, точно простые валуны, загромождали мелкий шумный поток. Они без труда одолели брод и по старинным ступеням вскарабкались на высокий берег. Короткое время спустя они напали на старую дорогу и скоро пришли в глубокую ложину, укрытую среди скал. Там они немного передохнули, позавтракали сухарником и запили его водой. (Если хотите знать, что такое сухарник, то могу лишь сказать, что в основе его были сухари, не портился он фактически бесконечно, считался питательным, но отнюдь не замечательным, ибо представлял интерес только с точки зрения упражнения челюстей. Жители Озерного города приготавливали его специально для длинных путешествий.)

Затем они двинулись дальше. Дорога ушла от реки в сторону, и теперь неуклонно стал приближаться южный отрог Горы. Наконец они ступили на горную тропу, которая круто пошла вверх. Медленно и долго тащились путники друг за другом и вот во второй половине дня дотащились до вершины гребня и увидели, как на западе садится холодное осеннее солнце.

Они нашли площадку, обрывавшуюся с трех сторон вниз, а с четвертой ограниченную скалой, в которой имелась дыра наподобие двери. С площадки открывался широкий обзор на Восток, Юг и Запад.

— Здесь, — сказал Балин, — в былые времена всегда стояли часовые. Дверь эта ведет в вырубленную в скале комнату, заменявшую караульное помещение. Вокруг Горы было несколько таких постов, но во времена нашего благоденствия в них не было особой надобности, и наши часовые, вероятно, распустились и утратили бдительность, в противном случае мы задолго до катастрофы услышали бы о появлении в нашем краю дракона и все могло обернуться по-другому. Мы можем укрыться здесь и видеть многое, оставаясь невидимыми.

— Какой смысл, коли нас уже заметили, когда мы поднимались, — возразил Дори, который непрерывно бросал взгляды вверх, словно ожидал увидеть там Смога, взгромоздившегося на вершину, как ворона на колокольню.

— Ничего другого не остается, — ответил Торин. — Больше мы сегодня пройти не сможем.

— Мудрые слова! — воскликнул Бильбо, бросаясь на землю.

В караульном помещении поместилось бы сколько угодно народу; в задней стене был выход в еще одну комнатку, лучше защищенную от наружного холода. Видно, сюда не заглядывали за время владычества Смога даже дикие звери. Путники сложили там свою поклажу, одни сразу же легли и заснули, другие уселись около наружной двери и принялись обсуждать дальнейшие действия. О чем бы они ни заговаривали, каждый раз возвращались к одному и тому же вопросу: где Смог?

Они обратили взор на Запад и не увидели там никого, на Востоке — тоже, на Юге не было никаких признаков дракона, но там роились стаи птиц. Путешественники глядели в ту сторону и гадали: что бы это значило? Уже появились первые мерцающие холодным блеском звезды, а они так ни до чего и не додумались.

14. Огонь и вода

А теперь, если вы, как и гномы, хотите узнать новости о Смоге, вернемся на два дня назад, когда он разнес склон с потайной дверью и в бешенстве улетел.

Был вечер. Жители Озерного города Эсгарота сидели по домам, испугавшись сильнейшего ветра и промозглого воздуха, но несколько человек все же прогуливались по набережным и любовались звездами, отражавшимися на глади озера. Одинокую Гору всегда заслоняли от глаз невысокие холмы на дальнем конце озера, между которыми с севера сбегала Быстротечная. Лишь остроконечную вершину видели жители, и то в ясную погоду, но они редко глядели в ту сторону, потому что даже в утреннем свете Гора казалась зловещей и мрачной. Сейчас ее скрывала ночная тьма.

Внезапно вершина озарилась каким-то светом. Но только на миг.

— Смотрите, — сказал один из прогуливавшихся. — Опять свет! И прошлой ночью караульные тоже видели там огни с полночи до рассвета; огни то появлялись, то гасли. Что-то там творится неладное.

— Может, король Под Горой кует золото, — заметил другой. — Он уже давно отправился на Север. Пору уже начать песням сбываться.

— Какой еще король? — пробурчал угрюмый голос. — Помяните мое слово, пламя изрыгает ворюга дракон, единственный король Под Горой, которого мы знаем.

— Вечно ты предсказываешь плохое, — возмутились соседи. — То наводнение, то мор на рыбу! Хоть бы раз придумал что-нибудь повеселее!

Вдруг между холмами мелькнул яркий свет и позолотил северный конец озера.

— Король Под Горой! — закричали все. — «Золотые реки в долину побегут!» С гор течет золотая река!

Всюду распахнулись окна, послышался топот бегущих ног. Опять поднялось всеобщее ликование, но обладатель угрюмого голоса бросился бегом к бургомистру.

— Дракон! Летит дракон! Провалиться мне на этом месте! — закричал он. — Рубите мосты! К оружию! К оружию!

Раздались звуки трубы, прозвучал военный сигнал, эхо разнеслось в скалистых берегах. Ликование прекратилось, радость сменилась страхом. Вот как получилось, что дракон не застал город врасплох.

Вскоре озерные жители увидели красную искру, которая неслась в их сторону, разгораясь и увеличиваясь с каждой секундой, — так вели-

ка была скорость полета дракона. Тут уж и самым глупым пришлось признать, что пророчества сбылись как-то не так. Времени у них оставалось немного. Все сосуды в городе наполнили водой, все воины вооружились, каждую стрелу и каждый дротик привели в готовность, мост разобрали и уничтожили. Едва успели закончить приготовления, как послышался нарастающий рев, озеро, взбудораженное могучими взмахами крыльев дракона, заходило красными волнами.

Под крики и возгласы людей Смог ринулся вниз, прямо на мост — и, озадаченный, приостановился. Мост исчез, люди сгрудились на остrove, со всех сторон окруженные водой — чересчур глубокой, темной и холодной. Если бы Смог нырнул в озеро, поднялся бы такой дым и пар, что туман покрыл бы сушу на несколько дней. Но озеро было сильнее Смога, оно быстро затушило бы его. С ревом устремился Смог к городу. Туча черных стрел взлетела вверх, стрелы застучали и защелкали по его броне, подожженные его дыханием деревки с шипением падали в озеро. Никакой фейерверк не мог сравниться с этим ночным зрелищем. Услышав свист стрел, пронзительный звук труб, дракон совершенно обезумел от ярости. Уже давным-давно никто не осмеливался дать ему отпор. Никто и сейчас не посмел бы, если бы не человек с угрюмым голосом — Бэрд было его имя; он бегал назад и вперед, подбадривая стрелков, уговаривая бургомистра сражаться до последней стрелы.

Пламя вырывалось из пасти дракона. Он кружил над городом, освещая озеро; деревья на берегах пламенели, как медь, как кровь, а у подножий их метались черные тени. Потом дракон упал вниз навстречу урагану стрел, не помня себя от злобы, желая одного: поджечь город. Соломенные крыши, деревянные балки запылали сразу, хотя перед прилетом дракона их пропитали водой. Сотни рук всякий раз окатывали водой то место, куда падала искра. Опять закружил над городом дракон. Взмах хвоста — и крыша ратуши рассыпалась, в ночное небо запрыгали языки непокорного пламени. Еще и еще кидался вниз Смог — и дом за домом загорался и рушился. Ни одна стрела не могла остановить дракона, ни одна не причинила ему вреда больше, чем какая-нибудь болотная муха.

Со всех сторон люди прыгали в воду. Женщин и детей собрали на лодках посредине рыночной площади. В озеро побросали оружие. Плач и стон стояли в городе. Еще недавно там раздавались веселые песни про гномов, теперь гномов проклинали. Бургомистр уже направился украдкой к своей большой позолоченной лодке, намереваясь в суматохе скрыться. Вскоре опустевший город неизбежно должен был сгореть — и на поверхности озера не осталось бы никаких следов.

Об этом и мечтал дракон. Пусть их рассаживаются по лодкам, думал он, наплевать. Славно будет поохотиться за ними, когда они поплывут, а то и так перемерут с голоду. А попробуют сунуться на сушу — он будет тут как тут. Теперь он подожжет прибрежные леса, спалит посевы и пастбища. Давно от так не развлекался, как сейчас, устраивая травлю целого города.

Но среди горящих руин засела группа лучников. Капитаном их был Бэрд, тот самый воин с угрюмым голосом и угрюмым лицом, которого приятели обвиняли в том, что он вечно предсказывает наводнения и мор на рыбу. Но при этом они прекрасно знали, что он человек отважный и достойный. Он был дальним потомком Гириона, властителя Дейла, чьи жена и сын спаслись когда-то из руин Дейла по реке Быстротечной. Сейчас он стрелял из большого тисового лука до тех пор, пока не расстрелял все стрелы, кроме одной. К нему уже подбиралось пламя пожара. Товарищи оставили его одного. Он натянул лук в последний раз.

Внезапно из темноты выпорхнула и бесстрашно села ему на плечо птица. Бэрд вздрогнул от неожиданности, но то был всего лишь старый дрозд. Он нагнулся к уху Бэрда и застрекотал. Бэрд подивился тому, что понимает птичий язык, но ведь он был родом из старинного города Дейла.

— Погоди! — сказал ему дрозд. — Встает луна. Отыщи темное пятно на груди Смога, когда он будет пролетать над тобой!

Бэрд молчал в изумлении, а дрозд тем временем рассказал ему о том, что увидел и услышал на Горе.

Тогда Бэрд изо всех сил натянул лук. Дракон опять летал над городом, на этот раз очень низко; на востоке в это время поднялась луна и посеребрила широко раскинутые крылья дракона.

— Стрела моя! — сказал воин. — Черная стрела! Я берег тебя до последней минуты. Ты никогда еще меня не подвела, всегда я находил тебя и забирал обратно. Я получил тебя от отца, а он — от своих предков. Если ты в самом деле вышла из кузницы истинного короля Под Горой, то лети теперь вперед и бей метко!

Дракон ринулся вниз, и в тот миг, когда он снижался, лунный свет заиграл на его брюхе, засверкал разноцветными лучами на драгоценных камнях. Но одно место оставалось темным. Запела тетива, черная стрела просвистела в воздухе и угодила прямо в темное пятно на груди дракона. Она вошла глубоко, вся целиком — зазубренный наконечник, древко и перья. С пронзительным ревом, который оглушил людей, повалил деревья и расщепил камни, Смог подпрыгнул в воздухе, перевернулся и рухнул вниз.

Он рухнул прямо на город. Корчась в предсмертных судорогах, он разметал горящий город, искры и угли полетели во все стороны. Озеро закипело, густой пар внезапно забелел в темноте. Раздалось шипение, вихрем закрутилась воронка на поверхности озера — и все стихло. Так пришел конец Смогу и Эсгароту.

Но Бэрд уцелел.

Все выше поднималась луна на небосводе, холодный ветер завывал все громче. Он скрутил белый туман жгутами, погнал на запад и там разодрал в клочья и развеял над болотами вблизи Черного Леса. Тогда на поверхности озера стали видны многочисленные черные точки — лодки. Ветер донес с озера голоса жителей Эсгарота, оплакивавших свой город, добро, разрушенные дома. Если бы в то время они способны

были думать о чем-либо, кроме своих несчастий, то поняли бы, что должны благодарить судьбу: три четверти населения города все-таки остались живы, леса, поля, пастбища, скот и большая часть лодок уцелели, а дракон был мертв. Но до их сознания еще не дошел смысл последнего события.

Опечаленные, замерзшие, собрались они вместе на берегу озера, и гнев их обратился на бургомистра, который сбежал из Эсгарота тогда, когда другие были еще готовы стойко защищать город.

— У него, может, и подходящая голова для торговых дел, особенно если речь идет о его собственных, — ворчали они, — но в опасную минуту на него полагаться нельзя.

И они принялись восхвалять отвагу Бэрда, его последний замечательный выстрел.

— Был бы он жив, мы бы сделали его королем. Увы! Он погиб, Бэрд, потомок Гириона, застреливший дракона!

При этих словах из темноты возникла высокая фигура. С человека стекала вода, темные волосы свисали ему на лицо и на плечи, глаза горели неистовым огнем.

— Бэрд не погиб! — вскричал он. — Он нырнул глубоко в озеро, когда на Эсгарот упал бездыханный враг. Я Бэрд, потомок Гириона, победитель дракона!

— Король Бэрд! Король Бэрд! — раздались возгласы, а бургомистр заскрежетал зубами.

— Гирион был властителем Дейла, а не королем Эсгарота, — сказал он. — В Озерном городе бургомистров всегда выбирали из числа старейших и мудрых, а не из простых воинов. Пусть Бэрд отправляется в свое королевство, Дейл теперь свободен благодаря его же доблести, ничто не мешает его возвращению. Кто хочет, может уходить с ним, если считает холодные камни под сенью Горы лучше зеленых берегов озера. Благоразумные останутся здесь и будут отстраивать свой город, а потом наслаждаться покоем и изобилием.

— Хотим короля Бэрда! — продолжал кричать народ. — Хватит с нас торговцев!

— Да здравствует стрелок, долой денежные мешки! — подхватили все, и эхо отозвалось на берегу.

— Кто я такой, чтобы недооценивать стрелка Бэрда, — вкрадчиво продолжал бургомистр (Бэрд стоял теперь рядом с ним). — Сегодня он заслужил выдающееся место в списке благодетелей нашего города. Он достоин того, чтобы о нем слагали бессмертные песни. Но почему же, мой народ, — бургомистр выпрямился во весь рост и возвысил голос, — почему вы обвиняете во всем меня? За какую вину хотите вы меня прогнать? Кто пробудил дракона от спячки, я вас спрашиваю? Кто получил от нас дорогие дары и щедрую помощь и заставил вас поверить, будто старые предания начинают сбываться? Кто сыграл на нашей доверчивости и воспламенил наше воображение? И какое же золото прислали они по реке нам в награду? Огонь и погибель! С кого нам

требовать возмещения наших убытков, помощи нашим вдовам и детям?

Как вы видите, бургомистр недаром занимал свой пост. В результате его слов народ забыл и думать про нового короля и обратил свое негодование на Торина с Компанией. Со всех сторон послышались гневные выкрики и угрозы, и многие из тех, кто прежде громче всех пел старинные песни, теперь громче всех кричали, что гномы нарочно наслали на них дракона.

— Неразумные люди! — проговорил Бэрд. — К чему тратить слова и гнев на тех несчастных? Они, без сомнения, погибли в огне первыми, еще раньше, чем Смог напал на нас.

И в эту минуту ему вспомнилось то баснословное богатство, которое теперь никому не принадлежало и никем не охранялось, и он умолк. Бэрд задумался над словами бургомистра о восстановлении Дейла, представил, как снова зазвонят золотые колокола. Только бы найти приверженцев и работников!

И тогда он снова заговорил:

— Сейчас не время ссориться, бургомистр, не время заниматься сменой власти. Надо делать дело. Пока еще я служу вам, хотя настанет час — и я, быть может, и вправду подамся на Север с теми, кто хочет последовать за мной.

И он пошел присмотреть за устройством лагеря и оказать помощь больным и раненым. Бургомистр же остался сидеть на земле и, нахмурившись, смотрел ему вслед. Он был себе на уме и поэтому больше не стал ничего говорить, только громко приказал принести огня и еды.

Куда ни подходил Бэрд, всюду он слышал пробежавший, точно огонь в лесу, разговор о безмерных сокровищах, которые никто теперь не охраняет. Говорили о том, что можно будет возместить все свои потери и, сверх того, разбогатеть и свободно покупать предметы роскоши на Юге. Мечты эти помогли им перенести бедственное положение, помогли коротать холодную горестную ночь. Кров удалось соорудить не для всех (у бургомистра он, конечно, был), еды не хватало (даже у бургомистра кончились запасы). Многие в эту ночь простудились или заболели с горя и вскоре умерли. И в последующие месяцы многие болели и страдали от голода.

Тем временем Бэрд взялся руководить людьми, отдавал приказы по собственному усмотрению, но всегда от имени бургомистра. Нелегко было управлять людьми, строить им жилье, принимать меры для их защиты. Большинство, возможно, не перенесло бы зимы, если бы не подоспела подмога. Бэрд первым делом послал гонцов вверх по реке — просить помощи у короля лесных эльфы. Гонцы встретили войско эльфы на полдороге, хотя прошло всего три дня, как убили дракона.

Король лесных эльфов услышал о том, что случилось, от собственных гонцов и от птиц, дружески относившихся к эльфам. Великое волнение поднялось среди всего крылатого племени, обитавшего по соседству с Драконовым Запустением. Несметные стаи кружили в воздухе, быстрокрылые гонцы сновали по всему небу. Над лесом, где жили

эльфы, стояли свист, щебет и стрекотанье. Новость распространилась и над Черным лесом: «Смог умер!» Листва шелестела, всюду настораживались уши. Весть докатилась до сосновых лесов Туманных Гор. Ее услышал Беорн в своем бревенчатом доме, и гоблины засовещались в пещерах.

— Боюсь, что больше мы не услышим о Торине Оукеншильде, — сказал король лесных эльфов. — Уж лучше бы он оставался моим пленником. Но, как говорится, и самый дурной ветер приносит добрую весть.

Ведь он тоже никогда не забывал легенды о богатствах Трора. Вот почему гонцы Бэрда встретили короля, когда тот со множеством копьеносцев и лучников двигался в их сторону. Над ними тучей летели вороны, думавшие, что надвигается война, какой в здешних краях не бывало вот уже много-много лет.

Услышав о просьбе Бэрда помочь ему, король сжалился над озерными жителями, ибо эльфы — народ хороший и доброжелательный, и изменил свой маршрут, хотя сперва направлялся прямо к Горе. Он поспешил вниз по реке к Долгому Озеру. Поскольку эльфы не располагали достаточным числом лодок и плотов, войску пришлось избрать медленный путь пешком, но большой запас провианта король послал водой. Эльфы — народ быстроногий, и хотя они отвыкли от ненадежных болотистых земель, лежавших между лесом и озером, переход совершили быстро. Уже через пять дней после смерти дракона они подошли к берегам озера и увидели руины города. Как и следовало ожидать, их встретили с восторгом, жители и бургомистр согласились заключить любую сделку с королем эльфов в обмен на помощь.

Скоро план действий был готов. Вместе с женщинами и детьми, стариками и больными на озере остался бургомистр, а также некоторые мастеровые люди и искусные эльфы. Они остались валить деревья и вылавливать бревна, спущенные из леса по реке. Потом они принялись строить вдоль берега хижину, чтобы расселить людей на зиму. По распоряжению бургомистра и под его надзором начали составлять план нового города, который должен был стать еще красивее и больше прежнего, но не на старом участке озера, а дальше к северу.

Жители озера отныне испытывали страх перед местом, где лежал мертвый дракон. Не вернуться ему было больше на свое золотое ложе, он застыл на дне, как страшное каменное изваяние. И сотни лет спустя громадные кости белели на мелководье в тихую погоду среди руин старого города. Редко кто осмеливался проплывать в лодке над этим проклятым местом, и уж никто не решался нырнуть там, чтобы подобрать драгоценные камни, выпавшие из его знаменитого панциря.

Остальные же мужчины, кто был еще не стар и крепок, и почти все войско эльфов отправились походом к горе.

Итак, на одиннадцатый день после гибели города головная часть войска прошла через каменные ворота в конце озера и ступила на безлюдную землю.

15. Тучи собираются

Вернемся теперь к Бильбо и гномам. Они дежурили по очереди всю ночь до утра, однако не заметили и не услышали ничего подозрительного. Но днем гуще прежнего стали собираться птицы. Они летели стаями с юга, а воронье, издавна жившее в окрестностях Горы, кружило над ней и не переставая кричало.

— Происходит что-то странное, — сказал Торин. — Время осенних перелетов уже прошло, да и птицы все местные — скворцы, зяблики. А там вдали я вижу стервятников, питающихся мертвечиной, они словно ждут битвы.

Бильбо вдруг протянул руку.

— Смотрите, старый дрозд повернулся! Значит, он спасся, когда Смог расплющил наш склон. Но улитки вряд ли уцелели.

И в самом деле, дрозд подлетел к ним, уселся на камень, забил крылышками и застрекотал. Потом склонил голову набок и прислушался, потом снова застрекотал и снова склонил голову набок.

— По-моему, он что-то пытается нам сказать, — предположил Балин, — но я не могу разобрать — что. Дрозды тараторят чересчур быстро и непонятно. А ты разбираешь, что он говорит, Бэггинс?

— Н-не все, — ответил Бильбо, который не понял ровно ничего. — По-моему, старичок очень взволнован.

— Что бы ему быть вороном! — заметил Балин.

— А мне казалось, ты ворон недолюбливаешь. В прошлый раз ты от них прямо шарahalся.

— Так то вороны! И к тому же противные грубиянки подозрительного вида. Ты слышал, как они нас обзывали! Нет, вороны совсем другое. Народ Трора когда-то очень дружил с ними, они приносили нам тайные сведения, а в награду получали от нас всякие блестящие вещицы, которые с удовольствием прятали у себя в гнездах. Они живут долго, память у них прекрасная, и все, что знают и помнят, они передают своим детям. В молодости я знал многих воронов. Ведь и эту высоту когда-то называли Вороньей потому, что здесь над караульным помещением жила знаменитая мудрая пара воронов — старый Карк и его жена. Не думаю, однако, чтобы кто-нибудь из этой древней породы остался в живых.

Едва он замолчал, старый дрозд издал громкий крик и немедленно улетел.

— Мы его не понимаем, — сказал Балин, — но он-то, уверен, понимает нас. Следи внимательно, сейчас что-то будет.

Немного погодя послышалось хлопанье крыльев, вернулся дрозд, и не один, а вместе с дряхлым-предряхлым вороном. Почти слепой, с лысой головой, огромный ворон еле передвигался. Опустившись на площадку, он медленно, с трудом скакнул к Торину.

— О Торин, сын Трейна, и Балин, сын Фандина, — прокаркал он (и на этот раз Бильбо все понял, так как ворон говорил человеческим, а не птичьим языком). — Я — Роак, сын Карка. Карк умер, ты знал его

когда-то. Сто пятьдесят три года протекло с тех пор, как я вылупился из яйца, но я помню все, что рассказывал отец. Ныне я предводитель больших воронов, живущих в окрестностях Горы. Нас мало, но зато мы помним прежнего короля Под Горой. Большинство моих подданных сейчас отсутствует, ибо с юга дошли великие новости — одни доставят тебе радость, другие огорчат. Смотри! Птицы собираются к Горе и к Дейлу со всех сторон, ибо распространилась весть, что Смог умер!

— Умер? Умер? — наперебой закричали гномы. — Так, значит, мы зря боялись, сокровища теперь наши! — Они вскочили и запрыгали от восторга.

— Да, он мертв, — ответил Роак. — Дрозд, да не выпадут никогда его перья, видел, как погиб Смог, а ему можно верить. Смог пал в битве с жителями Эсгарота три ночи назад с восходом луны.

Не сразу удалось Торину успокоить гномов и убедить их выслушать ворона до конца. Описав битву, престарелый ворон продолжал:

— Такова радостная весть, Торин Оукеншильд. Возвращайся в свои чертоги без страха, сокровища до поры до времени твои. До поры до времени, потому что сюда стягиваются не только птицы. Слух о смерти стража сокровищ прокатился повсюду, а легенда о богатствах Трора не устарела от того, что ее рассказывали без конца. Многие мечтают о том, что им тоже достанется часть добычи. Сюда уже движется войско эльфов, и с ними — стервятники, рассчитывающие на бой и кровопролитие. Озерные жители ропшут и причину своих бедствий видят в гномах. Они остались без крова, многие умерли. Смог разрушил их город, поэтому они тоже думают возместить свои убытки за счет ваших сокровищ, независимо от того — живы вы или погибли. Пусть ваша мудрость подскажет, какой выбрать путь. Послушайте моего совета: не доверяйте бургомистру Озерного города, больше заслуживает доверия тот, кто застрелил дракона. Зовут его Бэрд, он из Дейла, потомок Гириона. Человек он угрюмый, но верный. Нам бы очень хотелось стать очевидцами мира между гномами, людьми и эльфами. Но мир будет стоять вам немало золота. Я кончил.

И тут Торин дал волю своему гневу:

— Спасибо тебе, Роак, сын Карка. Тебя и твое племя мы, разумеется, не забудем. Но пока мы живы, никаким ворами и насильникам не отнять у нас золото. Если хочешь заслужить нашу благодарность, приноси нам известия о тех, кто будет приближаться к Горе. И еще будет у меня к тебе просьба: если есть среди вас молодые с сильными крыльями, пошли гонцов к моей родне в северные горы, пусть расскажут о наших бедах. Главное — добраться до моего двоюродного брата Дейна, что живет в Железных Холмах, не так далеко отсюда, у него много опытных воинов. Пусть поспешит нам на помощь!

— Не знаю, к хорошему или плохому приведет твое решение, — прокаркал Роак, — но я сделаю, как ты просишь.

И он тяжело полетел прочь.

— Назад, в Гору! — воскликнул Торин. — Времени у нас в обрез!

— А еда нужна позарез! — подхватил Бильбо, всегда мыслящий практично. Он считал, что с гибелью дракона приключение их по существу закончено (в чем сильно ошибался). Он отдал бы почти всю свою часть добычи, лишь бы мирно уладить эту историю.

— Назад, в Гору! — повторили хором гномы, как будто и не слышали слов Бильбо. Пришлось последовать за ними.

У гномов оставалось в запасе несколько дней. Они еще раз исследовали пещеры и установили, что войти можно только через Главные ворота, все же остальные отверстия, ведущие в Гору (кроме потайной двери), давно завалены Смогом, и от них не осталось и следа. Поэтому гномы усердно взялись укреплять главный вход и прокладывать к нему новую тропу. Внутри нашлось сколько угодно лопат, топоров и молотков, оставшихся от старинных рудокопов и плотников, а во всех этих видах работ гномы по-прежнему не знали себе равных.

Пока они трудились, вороны постоянно приносили им вести. Так, гномы узнали, что король эльфов повернул к озеру, — значит, время еще есть. Выяснилась еще одна приятная новость: у эльфов убежали несколько пони и сейчас бродили сами по себе на берегах Быстротечной недалеко от бывшего лагеря гномов, где сохранились кое-какие запасы провизии. Ворон отвел туда Фили и Кили, они поймали пони и привезли на них все, что смогли.

Прошло четыре дня, и наконец гномы услышали, что объединенные армии жителей Озерного города и эльфов подходят к Горе. За эти дни надежды их укрепились: еды должно было хватить на несколько недель (главную пищу, разумеется, составлял сухарник, порядком им надоевший, но даже сухарник лучше, чем ничего); они успели поставить перед воротами каменную стену сухой кладки, высокую и толстую. В стене они оставили смотровые дырки, через которые могли и стрелять, но входа не сделали. Они вылезали наружу и влезали внутрь по приставным лестницам, а материалы втаскивали на веревках. Под новой стеной они прорезали низкую арку для выбегавшего потока, а дальше так раскопали узкое русло, что между горой и обрывом, с которого поток падал к Дейлу водопадом, образовался широкий водоем. Добраться до ворот теперь можно было только вплавь или по узкому выступу вдоль скалы. Пони он повели к ступеням, шедшим от старого моста вверх, сняли с них поклажу и отослали их без седоков на юг, к хозяевам.

Наконец однажды ночью в долине вспыхнули огни — множество огней, словно там зажгли костры и факелы.

— Они пришли! — воскликнул Балин. — Лагерь огромный. Должно быть, они вошли в долину в сумерках.

В ту ночь гномы спали мало. Едва рассвело, они увидели из-за стены группу воинов. Воины медленно взбирались наверх. Скоро гномы разглядели вооруженных людей у озера и стрелков-эльфов. Те влезли на обломки скал и оказались на уровне водопада. И удивились же они,

увидев перед собой водоем и вместо ворот — стену, сложенную из свежеобтесанных камней!

Они остановились, переговариваясь, показывая руками, и в эту минуту их громким голосом окликнул Торин:

— Кто вы такие? Почему вы пришли к воротам короля Под Горой вооруженные, словно желая войны? Чего вы хотите?

Ему ничего не ответили. Одни повернули назад сразу, другие еще некоторое время разглядывали укрепления, потом последовали за первыми. В тот же день они перенесли лагерь и укрыли его между отрогами Горы. Среди скал зазвучали голоса и песни, чего не бывало уже давно. Эльфы заиграли на арфах, послышались дивные мелодии. И со звуками музыки холодный воздух словно согрелся, и до гномов донесся слабый аромат лесных цветов, как будто сейчас была не глубокая осень, а весна.

Бильбо нестерпимо захотелось сбежать из суровой крепости, спуститься вниз, присоединиться к веселому пиру у костров. У гномов помоложе тоже дрогнули сердца: лучше бы, мол, все шло по-иному, забормотали они, лучше бы дружить с этими весельчаками. Но Торин насупился и бросил на них сердитый взгляд. Тогда гномы вынесли арфы и прочие музыкальные инструменты, найденные в сокровищнице, и заиграли и запели, желая умиловить Торуна. Но их песня была непохожа на песни эльфов и больше походила на ту первую, которую гномы пели когда-то в хоббичьей норке:

Король законный занял трон,
В суровой битве пал дракон,
И всякий враг погибнет так —
Об этом заявляет он.

Ковали чаши мастера
Из золота и серебра,
Граня алмаз, рубин, топаз,
Они трудились до утра.

Былого мастерства секрет:
В корону врезать самоцвет,
Всадить в эфес звезду с небес
И в ожерелье — лунный свет.

Свободны здешние края,
Еды здесь много и питья.
Вперед, вперед, Лесной Народ,
Ведь королю нужны друзья.

Во все края наш зов таков:
В пещеры прежние, домой!
Лесной Народ, король вас ждет,
Воздаст вам щедрою рукой.

Король законный занял трон,
В суровой битве пал дракон,
И всякий враг погибнет так —
Об этом заявляет он.

Песня и впрямь понравилась Торину, он оттаял, повеселел и принялся прикидывать, через какое время Дейндостигнет Одинокую Горы, если выступил из Железных Холмов сразу же, как получил весть от брата. Бильбо расстроился, услышав песню и последующий разговор, — уж очень они ему показались воинственными.

На другое утро гномы увидели отряд копыеносцев, пересекавших реку и поднимавшихся по долине. Они несли зеленое знамя короля эльфов и голубое знамя Озерного города. Вскоре они очутились прямо перед стеной, закрывавшей ворота.

И снова их окликнул Торин громким голосом:

— Кто вы, пришедшие с оружием в руках к воротам Торина, сына Трейна, короля Под Горой?

На сей раз он получил ответ. Высокий темноволосый человек с хмурым лицом выступил вперед.

— Приветствую тебя, Торин! Зачем ты укрылся там, точно разбойник в берлоге? Мы с тобой пока не враги, мы не чаяли видеть вас в живых и теперь радуемся. А раз уж вы живы, то у нас есть о чем потолковать и посоветаться.

— Кто ты и о чем нам совещаться?

— Я — Бэрд, от моей руки погиб дракон. Я освободил твое богатство. Разве это тебя не касается? Кроме того, я — прямой наследник Гириона из Дейла, в твоей сокровищнице найдется немало драгоценных украшений, украденных когда-то Смогом из этого города. Разве не стоит об этом потолковать? Далее, в последней битве Смог разрушил дома жителей Эсгарота, а я пока что служу их бургомистру. От его имени я спрошу тебя: неужели нет в тебе сочувствия к чужому горю и страданиям? Тебе помогли в трудную минуту, а ты в ответ навлек на них погибель, хотя и не намеренно.

Что же, сказано было справедливо и честно, хотя тоном гордым и угрюмым. Бильбо думал, что Торин признает законность сказанного. (О том, что это он, он один обнаружил уязвимое место дракона, никто никогда не вспомнил. Да он этого и не ждал). Но Бильбо не принял во внимание власть золота и характер гномов. Долгие часы провел Торин в сокровищнице, и алчность крепко завладела им. Главным образом он разыскивал Аркенстон, но при этом замечал и другие чудесные вещи, с которыми связаны были воспоминания о трудах и печалях его народа.

— Самый главный и каверзный вопрос ты приберег на конец, — ответил Торин. — Никто не имеет права посягать на сокровища моего народа, ибо Смог, укравший их, лишил в свое время мой народ крова, а кого и жизни. Сокровища не принадлежали дракону, и теперь с их помощью не искупить его злодеяний. Стоимость товаров и полученную от жителей озера помощь мы честно возместим. Но ничего, слышите, ничего не дадим, если нам будут угрожать силой. Пока у наших дверей стоит вооруженное войско, мы взираем на вас как на врагов и грабителей.

лей. Я тоже, в свою очередь, спрошу вас: а какую часть сокровищ отдали бы нашему клану вы, если бы нашли нас мертвыми?

— Вопрос обоснованный, — ответил Бэрд, — но вы не погибли, а мы не грабители. И ведь кроме прав, есть еще просто жалость, которую богатый может испытывать к нуждающимся, если те отнеслись к нему дружески, когда он бедствовал. Притом другие мои вопросы остались без ответа.

— Повторяю, я не намерен вести переговоры с вооруженными воинами, осаждающими мои ворота. А тем более с эльфами, к которым я не питаю добрых чувств. Наши переговоры их не касаются. Ступайте отсюда, пока в вас не полетели стрелы! Захотите опять говорить со мной — сперва отошлите войско эльфов обратно в лес, где им место, тогда и возвращайтесь, но без оружия!

— Король эльфов — мой друг, он поддержал озерных жителей в тяжелое время и сделал это по чистой дружбе, бескорыстно, — возразил Бэрд. — Мы дадим вам срок одуматься. Образумьтесь к нашему приходу!

С этими словами Бэрд повернул назад, и отряд спустился в лагерь.

Не прошло и нескольких часов, как снова явился отряд, вперед выступили трубачи, и один из них, протрубив, объявил:

— От имени Эсгарота и Леса мы взываем к Торину Оукеншильду, сыну Трейна, именуящему себя королем Под Горой! Мы предлагаем ему выполнить представленные ему требования или же отныне считаем его своим заклятым врагом! Он обязан передать одну двенадцатую часть богатств Бэрду как убийце дракона и наследнику Гириона. Из этой части Бэрд выделит в помощь Эсгароту, сколько найдет нужным. Но если Торин ищет дружбы и уважения соседей, как было в обычае у его отцов в старину, то сам внесет от себя долю для поддержки жителей озера.

В ответ Торин схватил лук и пустил стрелу в глашатая. Стрела вонзилась в щит и затрепетала.

— Если таков твой ответ, — прокричал глашатай, — то мы объявляем Гору осажденной. Вы не покинете ее до тех пор, пока не призовете нас для перемирия и переговоров. Мы не поднимем на вас оружия, но и не выпустим оттуда. Сидите на своем золоте и ешьте его, коли охота!

На этом гонцы быстро удалились, и гномы остались обдумывать свое положение. Торин впал в такую мрачность, что никто не посмел бы ему перечить, если бы и захотел, но в том-то и горе, что большинство гномов держалось одного с ним мнения, за исключением разве толстяка Бомлура, Фили и Кили. Бильбо, разумеется, не одобрил нового поворота событий. Ему и так давно опостылела Гора, а тут еще предстояло сидеть в осаде! Это было слишком!

«Вся Гора изнутри провоняла драконом, — ворчал он себе под нос, — тошнит от этого запаха. И сухарник уже не лезет в горло».

16. Ночной вор

Дни тянулись медленно и скучно. Гномы убивали время, раскладывая сокровища по кучкам и приводя их в порядок. Торин наконец завел разговор об Аркенстоне Трейна и убедительно попросил своих спутников обшарить все углы.

— Аркенстон моего отца, — сказал он, — один дороже золотой реки, а для меня он и вовсе не имеет цены. Из всего богатства именно его я предназначаю для себя и жестоко отомщу всякому, кто найдет его и утаит.

Бильбо слышал его слова и очень испугался: что будет, если камень найдут? Он спрятал его в узелок с тряпьем, который клал себе под голову вместо подушки. Но промолчал, потому что по мере того, как скука становилась все невыносимее, в голове его постепенно зрел план.

Все шло без изменений, как вдруг вороны принесли новость, что Дейн с пятью сотнями гномов вышел из Железных Холмов и дня через два будет в Дейле.

— Боюсь, им не подойти к Горенезамеченными, — закончил Роак. — Как бы не завязался бой в долине. Не нравится мне это. Народ они, конечно, решительный, но едва ли им под силу справиться с войском, которое вас осаждает. А если и справятся, то что ожидает вас? По пятам за ними идут зима и снег. Чем вы будете кормиться без поддержки и расположения соседей? Дракона не стало, но как бы сокровища не принесли вам смерть!

Но вразумить Торуна было невозможно.

— Зима и мороз пощиплют людей и эльфов тоже, — возразил он. — Они, может быть, не вынесут жизни в необитаемом крае. Как навалются на них мои родственники и нажмет зима, так они поневоле заговорят по-другому.

В эту ночь Бильбо решился. Ночь была безлунная, небо черное. Как только полностью стемнело, Бильбо отошел в угол задней комнаты и вытащил из узелка веревку и Аркенстон, завернутый в тряпицу. Потом вылез на верхушку стены. Там дежурил Бомбур.

— Здорово холодно! — сказал Бомбур.

— А внутри довольно тепло, — заметил Бильбо.

— Еще бы. Но мне еще стоять до двенадцати ночи, — пробурчал толстяк. — Скверная вышла история. Упаси бог, чтобы я осуждал Торуна, да растет его борода беспредельно, а только он всегда был упрямец и не отличался гибкостью.

— Сгибкостью и у меня сейчас неважно, — заметил Бильбо. — Ноги совершенно одеревенели, я оттоптал их на каменных лестницах и в коридорах. Дорого я дал бы за то, чтобы походить по мягкой травке.

— А я бы дорого дал за глоток чего-нибудь крепкого, за сытный ужин да за мягкую постель!

— К сожалению, пока осада продолжается, не могу тебе этого предложить. Но зато могу предложить вот что: уже давно я не стоял на часах

и с удовольствием за тебя подежурю, если хочешь. Все равно мне сегодня не спится.

— Ты хороший товарищ, Бильбо Бэггинс, я с радостью соглашаюсь. Если что заметишь, не забудь — сперва разбуди меня! Я лягу недалеко от двери, слева от входа.

— Ступай, ступай, — сказал Бильбо. — Я разбужу тебя в полночь, а ты разбудишь следующего часового.

Едва Бомбур ушел, Бильбо надел кольцо, привязал веревку, перелез через стену и начал спускаться вниз. Впереди у него было пять часов. Бомбур будет спать, он мог спать в любое время, после приключений в Черном Лесу он все мечтал увидеть те же прекрасные сны. Остальные трудились, и вряд ли кому-то из гномов, даже Фили и Кили, могло прийти в голову выйти на стену не в свое дежурство.

Темнота стояла полная, дорога была незнакома. Наконец Бильбо умудрился добраться до излучины, и оставалось перейти вброд, чтобы выйти прямо к лагерю. Поток в этом месте был неглубокий, но широкий, и маленький хоббит с трудом перебрался в темноте на другую сторону. Он был почти уже на том берегу, как вдруг оступился на скользком камне и с шумом шлепнулся в холодную воду. Только он выбрался на сушу, дрожа от холода и отплевываясь, как подбежали эльфы с фонарями и стали шарить между камнями.

— Нет, это не рыба! — сказал один. — Тут прячется шпион. Прикройте фонари, а то ему они помогут больше, чем нам, если он — забавное маленькое существо, слуга гномов.

— Слуга, вот еще! — в негодовании фыркнул Бильбо — и тут же громко чихнул. Эльфы немедленно кинулись на звук.

— Светите сюда! — окликнул их Бильбо. — Тут я, тут! — Он стянул кольцо с пальца и выглянул из-за вала.

Эльфы мигом оправились от изумления и схватили его.

— Кто ты? Гномовский хоббит? Что ты тут делаешь? Почему наши часовые тебя не заметили? — забросали они Бильбо вопросами.

— Я — мистер Бильбо Бэггинс, — ответил он с достоинством, — спутник Торина. Я хорошо знаю вашего короля в лицо, но он, вероятно, не знает, как выгляжу я. Меня наверняка помнит Бэрд, и его-то я и хочу видеть.

— Вот как! — сказали эльфы. — А какое у вас к нему дело?

— Какое бы ни было, любезные эльфы, оно касается только меня. Если есть у вас желание вернуться в родные леса, а не сидеть вечно в этом унылом холодном месте, ведите меня поскорее к костру, чтобы я обсох, а потом дайте поговорить с начальниками. Только скорее. Я могу провести здесь не больше двух часов.

Вот как случилось, что часа через два после побега Бильбо сидел у жаркого костра перед большой палаткой, а рядом, с любопытством глядя на него, сидели король лесных эльфов и Бэрд. Хоббит в доспехах, сделанных руками эльфов, завернутый в старое одеяло, — такое зрелище увидишь не каждый день.

— Знаете, право, — Бильбо говорил самым своим деловым тоном, — создалось совершенно невыносимое положение. Я лично крайне устал от всей этой истории. Я хочу домой, на запад, там жители гораздо благоразумнее. Но, понимаете, у меня в этом деле свой интерес — четырнадцатая доля, как гласит письмо, к счастью, я его сохранил. — И он достал из кармана своей старой куртки, надетой поверх кольчуги, смятое, сложенное во много раз письмо Торина, найденное им на каминной полочке под часами. — Четырнадцатая часть общего дохода, — продолжал он. — Лично я готов внимательно рассмотреть ваши притязания и вычестить из целого справедливо причитающуюся вам сумму и только потом заявить право на свою долю. Но вы не знаете Торина Оукеншильда. Уверяю вас, он так и будет сидеть на куче золота, пока не умрет с голоду, если вы отсюда не уйдете.

— Ну и пусть! — отозвался Бэрд. — Такому безмозглому упрямцу туда и дорога.

— Совершенно верно, — продолжал Бильбо. — Я вас понимаю. Но, с другой стороны, зима приближается, скоро тут будет и снег, и мороз. Продовольствия будет не хватать, даже эльфам придется туго. Возникнут и другие трудности. Вы не слыхали про Дейна и гномов с Железных Холмов?

— Слыхали когда-то. А какое они имеют к нам отношение? — спросил король.

— Так я и думал. Значит, у меня есть кое-какие сведения, которых нет у вас. Дейн, должен вам сообщить, находится в двух днях перехода отсюда, с ним по крайней мере пятьсот свирепых гномов; многие из них опытные воины, участвовали в ужасной войне гномов с гоблинами, вы несомненно о ней слыхали. Когда они дойдут сюда, начнутся большие неприятности.

— Зачем ты нам все это рассказываешь? — сурово спросил Бэрд. — Ты предаешь твоих друзей или запугиваешь нас?

— Дорогой Бэрд! — пропищал Бильбо. — Не спеши с выводами! В жизни не встречал таких подозрительных людей! Просто я пытаюсь избавиться от неприятностей всех заинтересованных лиц. Теперь я сделаю вам предложение.

— Послушаем! — отозвались король и Бэрд.

— Вернее, посмотрим! — поправил хоббит. — Вот! — И он вынул из тряпицы Аркенстон.

Сам король эльфов, чьи глаза привыкли взирать на красивые вещи, был поражен. Даже Бэрд молча дивился камню.словно шар, наполненный лунным светом, висел он перед ними в сети, сотканной из сверкания снежинок.

— Это Аркенстон Трейна, — пояснил Бильбо, — Сердце Горы. И сердце Торина. Для него камень ценнее золотой реки. Отдаю его вам. Он поможет вам вести переговоры. — И Бильбо не без сожаления протянул чудесный камень Бэрду. Тот, как зачарованный, уставился на Аркенстон в своей руке.

— Но как он достался тебе и почему ты отдаешь его, как свой? — спросил он, оторвав с усилием взор от камня.

— Н-ну, — смущенно ответил хоббит, — он не совсем мой, но я... понимаете, я готов не требовать своей доли. Может, я и Взломщик, со стороны виднее, я лично себя таковым никогда не считал, но Взломщик более или менее честный. Сейчас я возвращаюсь назад, и пусть гномы делают со мной, что хотят. Надеюсь, камень принесет вам пользу.

Король эльфов посмотрел на Бильбо, как на диковину.

— Бильбо Бэггинс! — сказал он. — Ты более достоин носить королевские доспехи эльфов, чем многие из тех, на ком они сидят лучше. Но что-то я сомневаюсь, чтобы Торин Оукеншильд думал так же! Пожалуй, я все-таки лучше знаком с гномами, чем ты. Вот мой совет: оставайся с нами, тут тебе будут оказаны почет и гостеприимство.

— Спасибо, спасибо большое, — ответил Бильбо и поклонился. — Я думаю, негоже было бы покинуть друзей сейчас, после того как мы столько пережили вместе. Да и я обещал старине Бомбуру разбудить его в двенадцать ночи!

Сколько ни уговаривали его, он не остался, тогда с ним послали провожатых, и король с Бэрдом на прощанье отдали ему честь.

Когда Бильбо проходил через лагерь, какой-то старик, сидевший у дверей одной из палаток, закутавшись в темный плащ, встал и подошел к нему.

— Отличный поступок, мистер Бэггинс! — сказал он, хлопая Бильбо по спине. — Прост-прост, а всегда выкинет что-нибудь неожиданное!

Это был Гэндальф!

Впервые за много дней Бильбо пришел в восторг. Но когда он тут же хотел расспросить волшебника, тот остановил его:

— Все в свое время! Если не ошибаюсь, события идут к концу. Тебе сейчас придется солоно, но не унывай! Может, ты и выкрутишься. Вас всех ожидают такие новости, о которых даже вороны не слыхали. Доброй ночи!

Озадаченный, но в то же время приободренный, Бильбо поспешил дальше. Его привели к безопасному броду и благополучно доставили сухим на другой берег; тут он распростился с эльфами и стал карабкаться вверх к воротам. Им вдруг овладела безмерная усталость, но все-таки он влез по веревке на стену еще до полуночи. Веревка, слава богу, висела там, где он ее оставил. Он отвязал ее, спрятал, а потом уселся на стене и задумался: что же произойдет дальше? На душе у него было тревожно.

В двенадцать он разбудил Бомбура, потом свернулся в уголке калачиком и, не слушая благодарностей толстяка (он сознавал, что не очень-то их заслужил), крепко заснул, выбросив из головы все заботы. И, скажем по секрету, он видел во сне яичницу с беконом.

17. Гроза разразилась

На другое утро спозаранку в лагере раздались звуки труб. Вскоре на узкой тропе показался гонец. На некотором расстоянии от стены он остановился, окликнул гномов и спросил, согласен ли Торин выслушать новых послов, — есть новости, и обстоятельства переменились.

— Вероятно, подходит Дейн! — сказал Торин своим сподвижникам. — Они прослышали о его приближении. Я так и думал, что настроение у них живо переменится. Пусть придут в небольшом количестве, без оружия, и я выслушаю их! — крикнул он посланцу.

Около полудня снова заколыхались знамена Леса и Озера. Приблизилось двадцать человек. В начале узкой тропы они положили мечи и копья и приблизились к воротам. Гномы с удивлением увидели Бэрда и короля эльфов, впереди которых выступал какой-то старик в плаще и капюшоне, несший в руках деревянную шкатулку, окованную железом.

— Приветствую тебя, Торин, — произнес Бэрд. — Ты не передумал?

— Мое решение не меняется оттого, что несколько раз взойшло и село солнце, — ответил Торин. — Ты пришел задавать мне пустые вопросы? Я вижу, войско эльфов не отослано домой, как я велел! Ты пришел зря. Пока они тут, я отказываюсь вести переговоры.

— Так, значит, не существует ничего, за что бы ты отдал часть твоего золота?

— Ничего такого, что можешь предложить ты.

— А что скажешь об Аркенстоне Трейна? — спросил Бэрд, и в тот же миг старик откинул крышку шкатулки и поднял вверх драгоценный камень. Камень сверкнул ярким белым блеском. От изумления у Торина отнялся язык. Долгое время все молчали.

Наконец Торин заговорил, и голос его звучал хрипло от сдерживаемой злобы:

— Этот камень принадлежал моему отцу, он мой. Почему я должен выкупать свою собственность? — Любопытство взяло верх, и он, не удержавшись, спросил: — Как попала к вам в руки святыня нашего королевского рода? Правда, вора́м не задают таких вопросов.

— Мы не воры, — возразил Бэрд. — То, что принадлежит тебе, мы отдадим в обмен на наше.

— Как он попал к вам, я спрашиваю? — с нарастающим гневом закричал Торин.

— Я дал! — пискнул до смерти перепуганный Бильбо, выглядывая из-за стены.

— Ты? Ты? — завопил Торин, поворачиваясь к хоббиту и хватая его обеими руками. — Жалкий хоббит! Ах ты... Взломщик паршивый! — От возмущения Торин не находил слов и тряхнул бедного Бильбо, как щенка. — Клянусь бородой Дьюрина! Хотел бы я увидеть сейчас Гэндальфа! Будь он проклят за то, что подсунул нам тебя! Пусть отсохнет его борода! А тебя я сброшу со скалы! — И Торин поднял Бильбо вверх.

— Остановись! Твое желание исполнилось! — произнес чей-то голос. Старик со шкатулкой скинул плащ и капюшон. — Гэндальф тут! И кажется, как раз вовремя. Вам не нравится мой Взломщик — что делать, но, пожалуйста, не калечьте его! Поставьте его и послушайте сперва, что он скажет.

— Да вы все тут сговорились — зарычал Торин и неохотно поставил Бильбо на стену. — Никогда больше не буду иметь дело с волшебниками и их приятелями. Что ты можешь сказать в свое оправдание, ты, крысиное отродье?

— Ай-ай-ай, как все это неприятно! — сказал Бильбо. — Может быть, вы помните, что разрешили мне самому выбрать свою четырнадцатую часть? Возможно, я принял ваше разрешение чересчур буквально, мне говорили, что гномы порой любезнее на словах, чем на деле. Правда, было время, когда вы, смею думать, считали, что я вам принес кое-какую пользу. Крысиное отродье... Нет, вы слышали? Так это и есть благодарность за услуги, которую вы мне обещали, Торин, от себя и от вашей семьи? Считайте, что я распорядился своей долей, как хотел, и покончим с этим!

— Так я и сделаю, — мрачно отозвался Торин. — Я покончу с тобой все отношения. Смотри не попадайся мне больше! — Он повернулся и крикнул вниз через стену: — Меня предали! Расчет был верный: я не могу не выкупить Аркенстон, сокровище нашего рода. За него я отдаю четырнадцатую часть богатства серебром и золотом. На это уйдет доля изменника, пусть он убирается с этой наградой, а вы там делите ее, как знаете. Ему перепадет немного, не сомневаюсь. Забирайте его, коли хотите, чтобы он остался жив. Я расстаюсь с ним без сожалений.

— Спускайся к своим друзьям, — буркнул он, обращаясь к Бильбо, — а не то я тебя сброшу.

— А как же золото и серебро? — спросил Бильбо.

— Отдадим своим чередом, когда управимся. Спускайся!

— Пока не будет выкупа, камень останется у нас! — воскликнул Бэрд.

— Для короля Под Горой вы ведете себя не слишком красиво, — проговорил Гэндальф. — Но все еще может перемениться.

— Вот именно, — подтвердил угрожающе Торин; и так велика была власть богатства над его душой, что он уже прикидывал, как бы с помощью Дейна захватить Аркенстон и не уплатить обещанный выкуп.

Бильбо спустился по веревке со стены, и в награду за все труды ему досталась лишь кольчуга, подаренная раньше Торин. Многие гномы не могли смотреть ему в глаза от стыда и искренне жалели, что Бильбо изгнан с позором.

— До свиданья! — крикнул им Бильбо. — Может, мы еще встретимся как друзья.

— Прочь! — рявкнул Торин. — На тебе кольчуга, сделанная руками гномов, она слишком хороша для тебя. Стрелой ее не пробьешь, но если ты сейчас же не уберешься, я тебе ноги прострелю, жалкая тварь! Скорей!

— Не торопись! — сказал Бэрд. — Мы даем вам время до завтрашнего утра. В полдень мы вернемся и проверим, приготовлен ли выкуп за камень. Если все будет без обмана, уйдем мы и уйдет войско эльфов. А теперь до свиданья!

Они ушли к себе в лагерь, а Торин немедленно послал гонцов Роака к Дейну, велел пересказать, что здесь произошло, и поторопить его.

Прошел день, миновала ночь. Наутро ветер переменился, было пасмурно и мрачно. На рассвете в лагере людей и эльфов поднялся переполох: скороходы донесли, что из-за восточного отрога показалось войско. То был Дейн. Он шел без привала всю ночь и потому прибыл раньше, чем ожидали. На каждом его воине была длинная стальная кольчуга до колен, на ногах — поножи из тонкой и гибкой металлической сетки; только подданные Дейна владели секретом ее выделки. Гномы вообще необычайно сильны и выносливы для своего роста, но воины Дейна выделялись особенной силой. В руках они держали тяжелые двуручные боевые мотыги, сверх того у каждого на боку висел короткий широкий меч, а за спиной — круглый щит. Бороды у них были расчесаны надвое, заплетены и заткнуты за пояс. Шлемы были железные, башмаки тоже железные, а лица — суровые.

Затрубили трубы, призывая к оружию людей и эльфов. Армия гномов приближалась с поразительной быстротой; они остановились между рекой и восточным отрогом, после чего несколько воинов перешли реку и, не доходя до лагеря, положили на землю оружие и подняли кверху руки в знак мирных намерений. Бэрд сам вышел им навстречу, и Бильбо с ним.

— Нас послал Дейн, сын Нейна, — сказали гномы. — Услыхав, что возродилось прежнее королевство, мы поторопились соединиться с нашими родственниками. А кто вы такие? Зачем вы стоите под укрепленными стенами, словно враги?

Если передать эти приличествующие случаю старомодно учтивые слова простым языком, то они означали: «Вам тут делать нечего. Мы все равно пройдем дальше, так что посторонитесь, или будем драться». Гномы хотели протиснуться между Горой и излучиной реки, так как этот узкий перешеек выглядел наименее защищенным.

Бэрд, естественно, отказался пропустить гномов к Горе. Он твердо решил сперва дожидаться золота и серебра в обмен на Аркенстон; он не верил, чтобы Торин исполнил свое обещание после того, как получит столь значительное и воинственное подкрепление. Новоприбывшие доставили бы в крепость большой запас продовольствия, ибо воины Дейна, несмотря на быстроту перехода, несли на спинах громадные тюки. Тогда осажденные выдержали бы многонедельную осаду, а тем временем подросли бы новые и новые гномы, так как родственников у Торино сохранилось много. Гномы могли также открыть другие входы и поставить там охрану, и тогда осаждающим пришлось бы буквально окружить Гору со всех сторон, а на это у них не хватило бы народу.

Бэрд совершенно правильно угадал замыслы гномов (недаром летали взад-вперед между Торином и Дейном вороны). Но путь гномам был

пока прегражден, поэтому как они ни горячились, а пришлось послам удалиться, бранясь себе в бороды. Бэрд сразу же послал к воротам своих гонцов, но никакого выкупа они там не обнаружили. Более того, в них полетели из-за стены стрелы и они в испуге повернули обратно. В лагере у людей и эльфов поднялась суматоха, как перед боем. Гномы Дейна уже наступали вдоль восточного берега реки.

— Простофили, — усмехнулся Бэрд, — так близко подойти под самую Гору! Они ничего не смыслят в наземной войне, привыкли воевать в рудниках. С их правого фланга у нас спрятано в скалах много лучников и копьеносцев. Говорят, кольчуги у гномов хороши, но мы это проверим. Мы нападём на них сейчас, сразу с обеих сторон, пока они не опомнились.

Но король эльфов промолвил:

— Нет, ради золота я не стану торопиться начинать битву. Гномы все равно не минуют нас, и что бы они ни затеяли, мы сразу заметим. Будем надеяться, что примирение еще возможно. Если же, к несчастью, дело дойдет до схватки, что ж, на нашей стороне численный перевес.

Король, однако, не принял в расчет характера гномов. Сознание, что Аркенстон в руках у осаждающих, лишало их покоя. Они уловили колебания Бэрда и его друзей и решили нанести удар немедленно. Внезапно, без всякого предупреждения они молча пошли в атаку. Запели луки, засвистели стрелы. Бой начался!

И вдруг, еще внезапнее, наступила тьма! Небо закрыла черная туча. Поднялся ураган и принес раскаты грома (и это накануне зимы!), молния осветила вершину Горы. А ниже грозовой тучи появилась еще одна — черный вихрь, мчавшийся к Горе не по ветру, а с севера, будто туча из птиц, настолько сплошная, что просвета между крыльями не было.

— Стойте! — закричал вдруг Гэндальф, он встал между наступающими гномами и рядами людей и эльфов и поднял руки. — Стойте! — повторил он громовым и грозным голосом, и посох его сверкнул, как молния. — Грядет ужас! Увы, скорее, чем я думал. Близятся гоблины! С ними Больг, чьего отца Азога ты убил в рудниках Морайи, о Дейн! Смотрите! Над армией гоблинов несутся летучие мыши. Гоблины скачут на варгах, и варги у них в свите!

Смятение охватило изумленных воинов. Тьма все сгущалась. Гномы с ужасом глядели в небо. У эльфов из груди вырвался стон.

— Сюда! — закричал Гэндальф. — Мы еще успеем держать совет. Пусть Дейн, сын Нейна, придет к нам.

Так началась битва, которой никто не ожидал, ее назвали потом битвой пяти армий. Страшно вспомнить о ней! На одной стороне были гоблины и чудовищные варги, на другой — эльфы, люди и гномы.

История этой битвы такова. С момента смерти Верховного Гоблина враждебность его племени к гномам переросла в смертельную ненависть. Гонцы засновали между их городами, колониями, крепостями;

гоблины решили овладеть всем Севером. Тайным образом собирали они сведения; под всеми горами ковалось оружие, вооружались армии. Потом гоблины двинулись в поход. Они шли под землей, туннелями, либо под покровом ночи. И наконец в глубине большой горы Ганабад, где была их столица, собралось невиданное войско. Гоблины задумали дожидаться грозы и напасть на гномов врасплох. Здесь они услышали весть о гибели Смога и обрадовались. Ночь за ночью бежали они между гор по пятам за Дейном и внезапно появились у Горы. Никто, даже вóроны не ведали об их нашествии. Что было известно Гэндальфу, нельзя сказать, но, во всяком случае, столь внезапное нападение явилось и для него неожиданностью. На совете Гэндальф, король эльфов, Бэрд и Дейн выработали следующий план: гоблины — всеобщие враги, с их приходом распри должны быть забыты. Единственный способ — заманить гоблинов в долину между отрогами Горы, а самим засесть наверху. Но если часть войска гоблины перебросят через Гору, окружив ее со всех сторон, то союзники пропали, так как тогда гоблины атакуют их и с тыла и сверху. Гроза пронеслась, гром укатился на юго-восток, но туча летучих мышей опускалась все ниже, кружилась у них над головой, закрывая свет и наполняя сердца страхом.

— К Горе! — закричал Бэрд. — Займем места, пока есть время!

На южном отроге по всему склону стояли эльфы, на восточном — люди и гномы. Бэрд с отрядом наиболее проворных людей и эльфов взобрался на гребень восточного отрога, чтобы обозревать северную сторону. О ужас! Окрестности Горы почернели от полчищ врагов. Через минуту передние гоблины обогнули отрог и хлынули в долину. То были лучшие наездники среди гоблинов, их вой и визг раздирали уши. Отряд храбрецов из войска Бэрда встал у них на пути, пытаясь отвлечь их. Потом люди разбежались в стороны, но многие были убиты. Как и надеялся Гэндальф, гоблины, разозленные неожиданным сопротивлением, сосредоточились позади авангарда и теперь в ярости кинулись в долину. Их багрово-черных знамен было не сосчитать, гоблины неслись беспорядочным и буйным потоком.

Страшная то была битва. Самое опасное из приключений Бильбо, которым впоследствии он больше всего гордился и которое с удовольствием вспоминал, хотя роль его тогда была весьма незначительна. Собственно говоря, он с самого начала надел кольцо и исчез из виду, не избавившись, однако, полностью от опасности. Волшебное кольцо не спасает в полной мере в случае нападения гоблинов и не отвращает летящие стрелы и копья. Зато оно все-таки помогает выскальзывать из-под ног, и голова ваша не становится избранной мишенью какого-нибудь ретивого гоблина, желающего снести своим мечом именно ее. Снести ее могут только случайно.

Первыми бросились в атаку эльфы. Их воодушевляла ожесточенная холодная ненависть к гоблинам. Так сильна была их злоба, что копья и мечи в их руках светились во тьме холодным сиянием. Когда вражеское войско столпилось в долине, эльфы выпустили в них ливень стрел.

Вслед за стрелами полетели тысячи копий. Гоблины оглушающе выли. Скалы почернели от гоблинской крови.

Едва гоблины оправились от натиска эльфов, в долине прокатился рокочущий рев. С возгласами «Морайя!» и «Дейн!» выскочили с другой стороны гномы Железных Холмов, потрясая боевыми мотыгами, а за ними выбежали воины Озерного города с длинными мечами.

Паника охватила гоблинов. Они повернулись навстречу новому врагу, и тогда эльфы снова бросились в атаку в удесытеренном количестве. Многие гоблины уже ударились в бегство вдоль реки, чтобы избежать ловушки, варги уже стали кидаться на своих седоков, разрывая трупы и раненых. Уже победа, казалось, близка, как вдруг сверху раздались новые клики. Гоблины действительно взобрались на Гору с обратной стороны и теперь бешеным потоком струились по склонам вниз, не обращая внимания на тех из своих, кто с воем срывался в пропасть. Гоблины хотели атаковать отроги сверху, от ворот. На каждый отрог вели тропы с главной Горы; людей, эльфов и гномов Дейна не хватало, они не могли перерезать каждую тропу. Надежда на победу померкла. Удалось отразить лишь первый натиск черной лавины.

День давно перевалил за половину. Гоблины снова собрались в долине. Туда уже примчались хищные варги и с ними гвардия Больга — гоблины громадных размеров со стальными кривыми саблями. Грозное небо все темнело. По-прежнему большие летучие мыши кружили над головами эльфов и людей и впивались в раненых, как вампиры. Бэрд изо всех сил защищал восточный отрог, но постепенно и он начал отступать. А эльфов вместе с королем загнали к самому сторожевому посту на Вороньей Высоте.

Вдруг послышался громкий клич, из ворот раздался звук трубы. Они забыли про Торуна! Часть стены, разбитая ломом, свалилась в водоем. Из пролома выскочили король Под Горой и его соратники. Куда девались их плащи и капюшоны?! Их заменили сверкающие доспехи. Глаза гномов горели красным огнем. В сумерках золотые доспехи Торин светились, как будто раскаленный металл на углях.

Гоблины, засевшие на Горе, начали сбрасывать на них камни, но гномы продолжали спускаться, прыгая с уступа на уступ. Так они сбежали по склону в долину и вступили в бой. Варги и всадники падали мертвыми или обращались в бегство под их натиском. Торин с бешеной силой размахивал мечом, и казалось, что он неуязвим.

— Ко мне! Ко мне, эльфы и люди! Ко мне, мои родичи! — зывал он, и голос его гудел в долине, как рог.

К нему на помощь бросились гномы Дейна. Туда же вниз сбежали с отрогов многие люди, и Бэрд не смог удержать их. С другой стороны появились копыеносцы эльфов. Гоблинов опять разбили, долина покрылась черными горами отвратительных трупов. Варгов отогнали, Торин теснил мечом гвардию Больга, но не мог же он пронзить все ряды сразу. Уже много полегло людей, и гномов, и прекрасных эльфов, которые могли бы жить да жить в своих лесах. По мере того как долина расширялась, атака Торуна ослабевала. Соратников его было слишком

мало, фланги не защищены. Скоро варги перешли в атаку, и гномам Торина пришлось образовать кольцо, ибо со всех сторон их окружили гоблины и волки. Гвардия Больша с воим устремилась на наших гномов, точно волны на песчаный остров. Друзья уже не могли им помочь, так как с Горы сыпались все новые полчища гоблинов, и повсюду людей и эльфов медленно одолевали.

На эту картину с горестью взирал Бильбо. Он занял позицию на Вороньей Высоте вместе с эльфами, отчасти потому, что оттуда было больше шансов спастись, а отчасти (как подсказывала ему туковская часть его сознания) потому, что в неизбежной последней схватке он предпочитал защищать короля эльфов. Гэндальф, кстатисказать, тоже сидел рядышком на земле, погруженный в глубокое раздумье, очевидно собираясь устроить под конец какой-то последний волшебный взрыв.

«Теперь уже недолго осталось, — думал Бильбо. — Как только гоблины захватят ворота, так мы все будем перебиты или взяты в плен. Как подумаешь, сколько пришлось всего перенести зря, так, право, плакать хочется. По мне, лучше бы старина Смог продолжал лежать на проклятых сокровищах, все равно они теперь достанутся этим гнусным тварям. Бедный толстяк Бомбур, бедные Балин, Фили и Кили, и Бэрд тоже, и озерные жители, и веселые эльфы — все они погибнут! Горе мне! Много я слышал песен про битвы, и так выходило, будто и поражение может приносить славу. А на самом деле все это очень неприятно, чтобы не сказать печально. Как бы мне хотелось очутиться где-нибудь подальше!» Ветер вдруг разогнал тучи, запад перерезала красная полоса заката. Бильбо обернулся на свет, у него вырвался громкий возглас, сердце часто забилося — на фоне светлой полосы он увидел темные летящие тени.

— Орлы! Орлы! — закричал он. — Приближаются орлы!

Глаза редко подводили Бильбо. В самом деле, это летели орлы, ряд за рядом, несчетное войско, должно быть, собранное со всех гнезд Севера.

— Орлы! Орлы! — Бильбо прыгал и размахивал руками. Видеть его эльфы не могли, но слышали. Они подхватили крик, и голоса их разнеслись по всей долине. — Орлы! — еще раз крикнул Бильбо, но тут камень, брошенный сверху, ударил его по шлему, Бильбо рухнул на землю и больше ничего не видел и не слышал.

18. Обратный путь

Когда Бильбо пришел в себя, вокруг не было буквально ни души. Он лежал на плоских камнях Вороньей Высоты. Стоял безоблачный холодный день. Бильбо окоченел, весь дрожал, но голова у него горела.

— Что произошло? — спросил он себя. — К числу павших героев меня как будто пока не отнесешь. Хотя еще не все потеряно.

С трудом, преодолевая боль, он приподнялся и сел. Поглядев вниз, он не увидел в долине живых гоблинов. Голова его начала понемножку

проясниться, ему показалось, что там ходят эльфы. Он протер глаза. Лагерь людей и эльфов стоял на прежнем месте. Около Главных ворот было заметно какое-то шевеление — кажется, гномы разбирали стену. Но тишина стояла мертвая — ни песен, ни весело перекликающихся голосов. В воздухе нависла скорбь.

— Все-таки, пожалуй, это победа! — сказал Бильбо, ощупывая ноющую голову. — И унылая, однако, это вещь.

Вдруг из-за края обрыва показалась голова карабкающегося вверх человека; тот направлялся в сторону Бильбо.

— Эй! — закричал Бильбо слабым голосом. — Эй, что нового?

— Что за голос раздается среди камней? — Человек остановился, озираясь вокруг.

И тут Бильбо вспомнил про кольцо! «Тьфу ты, — подумал он. — Быть невидимкой, оказывается, тоже не всегда выгодно. Если бы не кольцо, я, наверное, провел бы ночь в тепле и уюте».

— Это я, Бильбо Бэггинс, спутник Торина! — закричал он, срывая кольцо.

— Удачно, что я тебя нашел! — сказал человек, шагнув к нему. — Я уже давно тебя ищу. Тебя причислили бы к убитым, если бы не волшебник: он уверял, будто в последний раз слышал твой голос именно тут. Ты сильно ранен?

— Кажется, только садануло по голове, — ответил Бильбо. — Хорошо, на мне шлем и череп у меня крепкий. Но все равно я чувствую слабость, и ноги как соломенные.

— Я отнесу тебя в лагерь, — сказал человек и с легкостью поднял его на руки.

Человек шел уверенно и быстро. Спустя короткое время он уже поставил Бильбо на землю перед палаткой. В дверях стоял Гэндальф с рукой на перевязи! Даже волшебник — и тот был ранен, а что говорить о других — в войске почти не осталось не пострадавших.

Увидев Бильбо, старик очень обрадовался.

— Бэггинс! — воскликнул он. — Вот так сюрприз! Все-таки жив! Ну и рад же я! Я уж боялся, что даже тебе изменило счастье. Страшная вышла история, чуть все не кончилось крахом. Но о конце я тебе потом расскажу. Сейчас идем! — Тон его вдруг сделался серьезным. — Тебя ждут, — добавил он и ввел хоббита в палатку. — Торин! — сказал он, входя. — Я привел его.

Да, там лежал Торин Оукеншильд, весь израненный; пробитая кольчуга и зазубренный топор валялись рядом на полу. Торин поднял голову.

— Прощай, добрый вор, — сказал он. — Я ухожу в чертоги ожидания к моим праотцам до той поры, когда мир изменится к лучшему. Я оставляю все золото и серебро, так как там, куда я ухожу, оно мало ценится. Я хочу проститься с тобой по-хорошему и взять обратно свои слова, произнесенные тогда у ворот, и загладить свои поступки.

Бильбо, опечаленный, преклонил колено.

— Прощай, король Под Горой! — сказал он. — Никакие горы золота не заменят нам тебя и не возместят этой утраты. Но я все-таки рад, что разделял с тобой опасности, — не всякому Бэггинсу доставалась честь участвовать в таком приключении.

— Это не так! — возразил Торин. — В тебе хорошего больше, чем ты думаешь, недаром ты родился в доброжелательном краю. Доля отваги, доля мудрости, сочетающихся в меру. Если бы наш брат побольше ценил вкусную пищу, застолье и песни и поменьше золото, то в мире было бы куда веселее. Но какой этот мир ни есть — печальный или веселый — а я его покидаю. Прощай!

И Бильбо пошел прочь, сел один в уголке, завернулся в одеяло и, верите или нет, заплакал. Он плакал так, что глаза покраснели и голос охрип. У него была добрая душа, у Бильбо Бэггинса. Прошло немало времени, пока он решился отпустить самую пустячную шутку. «Какая удача, — сказал он себе, — что я очнулся тогда, когда очнулся. Лучше бы, конечно, Торин остался жить, но я рад, что мы расстались добрыми друзьями. Ты олух, Бильбо Бэггинс, такую ты заварил кашу с этим камнем — и все зря: тебе так и не удалось купить мир и спокойствие, все равно битва состоялась. Но уж в этом ты не виноват».

Обо всем, что происходило после того, как его оглушили, он узнал позднее от волшебника. Услыхав рассказ Гэндальфа, он огорчился больше, чем порадовался. Он устал, ему отчаянно хотелось домой. Но с этим приходилось подождать, поэтому пока что я расскажу о свершившихся событиях.

Орлы давно заподозрили, что гоблины сколачивают войско. Перемещение гоблинов в горах не ускользнуло от их зорких глаз. Тогда и они тоже собрались во главе с предводителем орлов в Туманных горах. Наконец, почуяв, что идет битва, они в мгновение ока перенеслись вместе с ураганом в долину. Именно они прогнали гоблинов со склонов горы вниз прямо в гущу их врагов или посбрасывали в пропасть. Орлы быстро очистили Одинокую Гору, и тогда эльфы и люди спустились с отрогов в долину и вступили в бой.

Но даже и вместе с орлами их все равно было меньше, чем гоблинов. И тут, когда уже отчаяние овладело защитниками Горы, появился сам Беорн — никто не знал, откуда он взялся. Он пришел один, в обличье медведя, такой свирепый, что казался громаднее обычного. Рев его был громче грохота барабанов и пушек, он расшвыривал волков и гоблинов направо и налево, точно перышки. Он напал на них с тыла и прорвался сквозь их заслон. Гномы все еще бились на круглом невысоком холме. Там Беорн остановился, подобрал Торуна, пронзенного вражескими копьями, и вынес его из боя.

Потом быстро вернулся и с удвоенной яростью напал на врагов; никто не мог ему сопротивляться, никакое оружие его не брало. Он разметал гвардию Больга, повалил его самого и растоптал. Ужас охватил гоблинов, и они бросились врассыпную. Люди, эльфы и гномы, воодушевленные поддержкой Беорна, воспрянули духом и погнались

за гоблинами. Не давая им скрыться, они одних загнали в реку Быстротечную, других — в болота у реки Лесной. В болотах и погибла большая часть гоблинского войска, а те, кто успел добраться до царства лесных эльфов, были убиты там же или затащены в Черный Лес, где и затерялись в дебрях. В песнях потом пелось, что в тот день погибло три четверти всех гоблинов Севера и что горы много лет подряд наслаждались покоем.

Победа была закреплена еще до наступления ночи, но, когда Бильбо вернулся в лагерь, погоня продолжалась, и в долине оставались главным образом тяжелораненные.

— А где орлы? — спросил Бильбо у Гэндальфа вечером, лежа под несколькими одеялами.

— Одни участвуют в погоне, большинство вернулись в свои гнезда. Они на захотели оставаться здесь и улетели с рассветом. Дейн одарил их предводителя золотом и поклялся им в вечной дружбе.

— Жалко. То есть жалко, что они улетели, я бы их с удовольствием повидал, — сонным голосом произнес Бильбо. — Может, я увижу их на обратном пути? Скоро мне можно будет отправиться домой?

— Когда пожелаешь, — ответил Гэндальф.

Но в действительности прошло еще несколько дней, прежде чем Бильбо пустился в обратный путь. Сперва они похоронили Торина. Его закопали глубоко под Горой, и Бэрд положил ему на грудь Аркенстон.

— Пусть камень хранится здесь, пока стоит Гора! — произнес он. — Да принесет он счастье его народу, который будет жить здесь отныне!

На могиле король эльфов оставил Оркрест, меч эльфов, отобранный у Торина в плену. В песнях говорится, будто меч светился в темноте, если приближались враги, поэтому на крепость гномов никто не мог напасть врасплох. Теперь здесь поселился Дейн, сын Нейна, и теперь он стал королем Под Горой, и со временем еще много гномов собралось у его трона. Из двенадцати спутников Торина осталось десять: храбрые и верные Фили и Кили погибли, прикрывая своими щитами и телами Торина, ибо он приходился им родным дядей. Десятеро остались с Дейном, и Дейн распорядился богатством по совести.

Само собой разумеется, уже речи не было о том, чтобы разделить сокровища, как было задумано, поровну между Балином, Двалином, Дори, Нори и Ори, Ойном и Глойном, Бифуром, Бофуром и Бомбуром и Бильбо. Но Бэрд получил четырнадцатую часть всего серебра и золота в слитках и в изделиях. Дейн сказал при этом:

— Мы сдержим обещание, данное покойным, ведь и он теперь владеет своим Аркенстоном.

Даже и четырнадцатая часть оказалась баснословным богатством, больше богатств любого из смертных королей. Из этой части Бэрд послал много золота бургомистру Озерного города и щедро одарил своих друзей и сподвижников. Королю эльфов он подарил изумруды Гириона, самую любимую свою драгоценность, которая только что вернулась к нему.

А Бильбо он сказал:

— Золото и серебро столько же твое, сколько мое, хотя старый договор и утратил силу, — столь многие принимали участие в завоевании и спасении сокровищ. Ты отказался от права на свою долю, однако я бы не хотел, чтобы сбылись прежние слова Торина, в которых он потом раскаялся. Если помнишь, он сказал, будто бы мы поскупимся. Тебя я бы как раз вознаградил щедрее, чем других.

— Ты очень добр, — ответил Бильбо, — но, честное слово, мне так легче. Ведь если бы я повез домой кучу золота, дорогой не обойтись бы без войн и смертоубийств. А что бы я стал делать с золотом дома? Нет, пусть уж лучше остается в твоих руках.

В конце концов Бильбо согласился взять две небольшие шкатулки, одну с серебром, другую с золотом — сколько мог увезти пони.

— Может, с этим я кое-как и управлюсь, — добавил Бильбо.

Настало наконец время проститься с друзьями.

— Прощай, Балин! — сказал он. — Прощай, Двалин, прощайте, Дори, Нори, Ори, Ойн, Глойн, Бифур, Бофур и Бомбур! Пусть никогда не поредеют ваши бороды! — И, обернувшись к Горе, добавил: — Прощай, Торин Оукеншильд! Прощайте, Фили и Кили! Пусть никогда не изгладится память о вас!

Гномы, провожавшие его за ворота, низко поклонились, но не могли вымолвить ни слова от волнения.

— До свидания, счастливый путь, куда бы он ни лежал, — выговорил наконец Балин. — Если вздумаешь навестить нас, когда дворец наш снова станет прекрасным, то какой мы грандиозный пир устроим!

— Если вы когда-нибудь будете проходить мимо моего дома, — сказал Бильбо, — входите не стучась. Чай подается в четыре, но милости прошу во всякое время.

И он отвернулся.

Войско эльфов пустилось в обратный путь. Оно, как ни грустно, сильно уменьшилось, но оставшиеся все равно радовались: дракон был мертв, гоблины разбиты; эльфы мечтали о весне, которая шла на смену зиме.

Гэндальф и Бильбо ехали позади короля эльфов, а рядом с ними шагал Беорн в облике человека, всю дорогу смеялся и громко пел. Так они ехали, пока не доехали до границ Черного Леса. Тут пришлось сделать привал, так как волшебник и Бильбо не захотели входить в лес, как ни уговаривал их король погостить у него во дворце. Гэндальф и Бильбо решили обогнуть лес с севера, пройдя по пустынной местности, лежавшей между лесом и Серыми горами. Дорога была, конечно, длинной и скучной, но теперь, без гоблинов, здесь казалось безопасней, чем на темных тропах в гуще Черного Леса. К тому же с ними шел Беорн.

— Прощай, король эльфов! — сказал Гэндальф. — Да будет весел ваш зеленый лес, мир еще достаточно молод! Желаю веселья всему вашему народу!

— Прощай, Гэндальф! — ответил король. — Желаю тебе и впредь сваливаться как снег на голову, когда ты нужнее всего. Чем чаще ты будешь гостем в моем дворце, тем мне приятнее!

— Прошу вас, — проговорил Бильбо, запинаясь и переминаясь с ноги на ногу, — примите от меня подарок! — И он протянул королю серебряное с жемчугом ожерелье, которое поднес ему на прощанье Дейн.

— Чем же я заслужил такой дар, о хоббит? — спросил король.

— Э-э-э, я думаю... мне кажется... — промямлил в смущении Бильбо, — я... э-э-э... обязан вам за ваше... м-м-м... гостеприимство. И Взломщикам свойственно чувство благодарности. Я выпил много вашего вина и съел много вашего хлеба.

— Я принимаю твой дар, о Бильбо Щедрый! — торжественно произнес король. — Причисляю тебя к друзьям эльфов и благословляю. Да не укоротится твоя тень, иначе воровство станет слишком легким делом. Прощай!

Эльфы повернули к лесу, а Бильбо тронулся в долгий обратный путь. В пути им встретилось немало трудностей и разных приключений. Все-таки дикая местность осталась дикой. В те дни, кроме гоблинов, там водилось много всякой нечисти. Но на этот раз Бильбо хорошо охраняли и вели правильной дорогой; с ним шли волшебник и Беорн, и Бильбо ни разу не подвергался настоящей опасности. К середине зимы они добрались до дома Беорна и остались погостить. Святки прошли весело, отовсюду по приглашению Беорна сошлось множество гостей. Гоблины Туманных Гор больше их не беспокоили: после поражения они притихли и попрятались в глубочайшие норы. Варги покинули леса, и люди теперь путешествовали без опаски. Беорн стал предводителем в тех местах и управлял Диким Краем. Говорят, что его потомки в течение многих поколений владели умением превращаться в медведей. Попадались среди них и нехорошие, злые люди, но большинство душой походило на Беорна, хотя были меньше ростом и не такие сильные. При них последних гоблинов выгнали из Туманных Гор, и по соседству с Диким Краем воцарились мир и покой.

Уже настала прекрасная и теплая весна, светило яркое солнце, когда Бильбо и Гэндальф простились с Беорном. Как ни скучал Бильбо по родному дому, но дом Беорна покидал с сожалением, ибо цветы в саду Беорна весной не уступали чудесным цветам в разгар лета.

Они вышли на дорогу и скоро достигли того перевала, где когда-то попали в лапы гоблинов. На сей раз на перевал они взошли утром и, оглянувшись, увидели землю, освещенную неярким утренним солнцем. Там, далеко на горизонте, еле виднелась Одинокая Гора. На ее главной вершине поблескивал нарастающий снег.

— Вот и снег после огня, — проговорил Бильбо, — и даже драконам приходит конец. — И он повернулся спиной к Горе, как бы ставя точку в конце своего путешествия. Туковское в нем выдыхалось с каждым днем, а бэггинсовское брало верх. — Сейчас я хочу одного: как можно скорее очутиться в собственном кресле!

19. Последняя глава

Было первое мая, когда наши путешественники добрались до края долины Ривенделл, где стоял Последний (а с этой стороны — первый) Домашний Приют. Опять был вечер, пони устали, особенно тот, что вез поклажу. Оба всадника нуждались в отдыхе. Спускаясь по крутой тропинке, Бильбо услышал пение эльфов среди деревьев, как будто они так и не переставали петь с их отъезда. Едва всадники очутились на нижней прогалине, эльфы запели песню, очень похожую на прежнюю:

Нет больше дракона,
Нет огненной пасти,
Низвергнут он с трона,
Конец его власти.
Оружье ржавеет,
И рушатся троны,
Богатство скудеет,
Тускнеют короны —
А листья порхают,
Укрытые тенью,
А воды сверкают,
И слышится пенье:
Тра-та, тра-та-та-та,
В долину, ребя-та!

Алмазов светлее
Горят в небе звезды,
На лунной аллее
Серебряный воздух.
Огонь пышет, братцы,
Как золота слитки!
Зачем же скитаться?
От странствий — убытки.
Тра-та, тра-та-та-та!
Останьтесь, ребята!
В какие вы дали
Спешите так поздно?
Брести вы устали,
Мигают вам звезды,
Уймись отныне,
Кончайте скитаться!
Ведь эльфы в долине
Вас просят остаться.
Тра-та, тра-та-та-та,
Останьтесь, ребя-та,
Тра-та!
Тра-та-та-та!
Ха-ха!

Потом эльфы выступили из-за деревьев, поздоровались и провели Бильбо с волшебником через мост к дому Элронда. Там путников приняли радушно и попросили рассказать об их приключениях. Рассказывал Гэндальф, так как сонный Бильбо помалкивал. В большинстве приключений он участвовал сам, и он-то и сообщил волшебнику

многое, пока они ехали. Но время от времени, услышав что-нибудь новое, Бильбо открывал глаза и прислушивался.

Так он узнал, почему Гэндальф отсутствовал: он принимал участие в большом совете добрых волшебников, занимающихся белой магией и в этой области весьма сведущих. Им наконец удалось выгнать Некроманта из его мрачного пристанища на южной окраине Черного Леса.

— Отныне, — добавил Гэндальф, — лес делается менее опасным, а Север надолго освободится от его злой власти. Но было бы спокойнее, если бы его совсем изгнали из мира, в котором мы живем.

— Лучшего и желать нельзя, — подтвердил Элронд, — но боюсь, что произойдет это еще не в наше время, да и вообще не скоро.

За рассказом о путешествии последовали другие рассказы, потом еще и еще — о былом и о новых событиях, и о том, чего вовсе не бывало, и наконец голова Бильбо свесилась на грудь, и он сладко уснул.

Проснулся он в белоснежной постели, луна глядела прямо в открытое окно. Снизу, от ручья доносились звонкие голоса эльфов:

Эй, песенку эту затынем мы хором,
Пусть ветер порхает по травам дозором,
Пусть в лунном свете все тени короче,
Пусть звезды сверкают на куполе ночи.

Пляшите, пляшите, гоните тревоги,
В траве шелестите, крылатые ноги.
Пусть воды речные звеня протекают,
Мы праздник веселый отпразднуем в мае.

Одарим усталого путника снами,
Пусть себе дремлет в лесу рядом с нами,
Под голову — травы, пусть спит он, счастливый,
Баюкай его, серебристая Ива.

Умолкни, Сосна, не буди его, Ясень,
Пусть сон его будет спокоен и ясен,
Пусть в светлые сны не врываются звуки,
Дубы, не скрипите, умолкните, Буки!

— Одно слово — Веселый Народ! — сказал Бильбо, высовывая голову в окно. — Какой же час ночи? Право, ваша колыбельная и пьяного гоблина разбудит! Впрочем, благодарю вас за нее.

— А твой храп разбудит и дракона за тридевять земель! — возразили ему со смехом. — Но мы тоже тебя благодарим. Приближается рассвет, а спишь ты с вечера.

— Поспать в доме Элронда — великое дело, — отозвался Бильбо, — но я бы хотел еще и выспаться в нем. Доброй ночи еще раз, мои прекрасные друзья! — И Бильбо опять бросился на постель и проснулся лишь поздним утром.

Усталость его скоро прошла, и он не раз плясал и перекидывался шутками с эльфами рано утром и поздно ночью. Но даже жизнь в долине эльфов не могла его удержать, его все время тянуло домой.

Поэтому через неделю он простился с Элрондом, с великим трудом уговорил его принять подарки и поехал с Гэндальфом дальше.

Как только они выехали из долины, небо потемнело, поднялся ветер и полил дождь.

— В мае не соскучишься! — сказал Бильбо, пряча лицо от хлеставшего дождя. — Что же, легенды остались позади, мы возвращаемся домой. Наверное, это первая весточка о доме.

— Дорога впереди еще длинная, — заметил Гэндальф.

— Но зато она ведет только к дому и никуда больше, — ответил Бильбо.

Они доехали до реки, отмечавшей границу Дикого Края, и спустились с крутого берега к знакомому броду. Вода в реке поднялась, так как снега таяли и дождь лил день-деньской. Они кое-как переправились на другую сторону и поспешили вперед, ибо уже вечерело. Путешествие повторялось в обратном порядке — за тем исключением, что компания была меньше, настроение грустнее и не было троллей.

По дороге Бильбо то и дело узнавал места и вспоминал, что тут или там произошло год назад и что при этом говорилось (ему казалось, что прошло десять лет). Конечно же, он сразу заметил место, где пони убежал в реку, а они свернули с дороги и пережили пренеприятные приключения с Томом, Бертом и Биллом.

Невдалеке от дороги Гэндальф и Бильбо откопали спрятанное ими год назад золото троллей.

— Мне и так до конца жизни хватит, — сказал Бильбо. — Лучше ты возьми его, Гэндальф. Уж кто-кто, а ты найдешь ему применение.

— Найти-то найду! — ответил Гэндальф. — Но я за справедливый дележ. Кто знает, может быть, тебе понадобится золота гораздо больше, чем ты думаешь.

Они положили золото в мешки и взвалили на пони, чем те остались очень недовольны. После этого продвижение их сильно замедлилось, так как большую часть пути пришлось брести пешком. Но зато как приятно было ступать по мягкой зеленой траве! Хоббит шел и наслаждался и утирал пот красным шелковым платком. Но не своим — из его запаса ни один не уцелел, и этот платок дал ему займы Элронд, ибо с июнем пришло лето, а с ним — зной.

Поскольку все на свете имеет конец, и наша повесть тоже, то настал день, когда они завидели местность, где Бильбо родился и вырос, где каждый холмик и каждое дерево были знакомы ему как свои пять пальцев. С бугра он увидел вдалеке родной Холм и вдруг остановился и произнес:

Дорога вдаль и вдаль ведет,
Через вершины серых скал —
К норе, где солнце не сверкнет,
К ручью, что моря не видал.
По снегу зимних холодов
И по цветам июньских дней,
По шелку травяных ковров
И по суровости камней.

Дорога вдаль и вдаль ведет,
Под солнцем или под луной,
Но голос сердца позовет —
И возвращаешься домой.
Молчишь, глядишь, глядишь кругом,
И на лугу увидишь ты
Знакомый с детства отчий дом,
Холмы, деревья и цветы.

Гэндальф покосился на него.

— Бильбо, дорогой! — сказал он. — Что с тобой? Я тебя не узнаю!

Они перешли через мост, миновали мельницу на реке и оказались у дома мистера Бэггинса.

— Боже милостивый! Что происходит?! — воскликнул Бильбо в изумлении.

У дверей толпилась масса народу, самого разного — солидного и несолидного; все входили и выходили и, как с досадой отметил Бильбо, даже ног не вытирали о коврик.

Впрочем, его удивление нельзя сравнить с их удивлением. Дело в том, что он вернулся в разгар аукциона. На калитке висело большой объявление, черным по белому гласившее, что 22 июня господа Грабб, Грабб и Бэрроуз будут продавать с аукциона имущество покойного Бильбо Бэггинса, эсквайра, из Бэг-Энда Под Холмом, графство Хоббитон; распродажа состоится ровно в десять утра. Сейчас почти подошло время ленча, и большая часть вещей была распродана за различную цену, а вернее сказать, за бесценок, как нередко водится на аукционах. Родственники Бильбо, Саквиль-Бэггинсы, как раз занимались тем, что измеряли комнаты, желая проверить, уместится ли тут их собственная мебель. Словом, Бильбо был признан пропавшим без вести, и не все обрадовались, когда оказалось, что он жив и здоров.

Возвращение мистера Бильбо Бэггинса вызвало большой переполох как Под Холмом, так и За Холмом и По Ту Сторону Реки. Интерес к этому событию спал далеко не сразу. Юридическая волокита продолжалась еще несколько лет. Много утекло воды, прежде чем мистера Бэггинса признали живым. Тех, кто на распродаже купил вещи по дешевке, пришлось убеждать в этом особенно долго. В конце концов, чтобы сэкономить время, Бильбо откупил обратно большую часть собственной мебели. Но его серебряные ложечки так и пропали безвозвратно. Откровенно говоря, он подозревал, что это дело рук Саквиль-Бэггинсов. Что касается этих родственников, то они так и не согласились считать вернувшегося Бэггинса подлинным и относились к нему недружелюбно. Уж очень им хотелось жить в его славной норке.

Кроме того, Бильбо обнаружил, что потерял не только серебряные ложечки — он потерял репутацию. Правда, всю свою жизнь он оставался другом эльфов, его посещали гномы, волшебники и тому подобные личности, но он перестал считаться почтенным хоббитом. В Хоббитоне он слыл «тронутым», другого мнения придерживались только его племянники и племянницы по туковской линии, но и то взрослые не одобряли их дружбы с Бильбо.

Должен честно сказать, что его это ни капли не волновало. Он был вполне доволен жизнью, чайник у него на очаге пел еще музыкальнее, чем прежде, в безмятежные дни, до эры Незванных Гостей. Кинжал он повесил над камином. Кольчугу растянул в прихожей, а впоследствии подарил музею. Золото и серебро разошлись главным образом на подарки (что до некоторой степени объясняет привязанность к нему племянников и племянниц). Волшебное кольцо он хранил в глубокой тайне и пользовался им, когда приходили неприятные посетители.

Он пристрастился писать стихи и ходить в гости к эльфам. Многие соседи покачивали головами, вертели пальцами у лба и говорили: «Бедняга Бэггинс!» Мало кто верил рассказам о его приключениях. Но Бильбо, несмотря ни на что, чувствовал себя счастливым до конца жизни, а жизнь его была на редкость долгой.

Однажды осенним вечером несколько лет спустя после путешествия Бильбо сидел в кабинете и писал мемуары. Он думал назвать их «Туда и обратно. Странствия хоббита». Вдруг в дверь позвонили, вошел Гэндальф и с ним гном — не кто иной, как Балин!

— Входите! Входите! — закричал Бильбо. Они уселись в кресла у камина. Балин заметил, что жилет на мистере Бэггинсе стал не в пример богаче, чем раньше, с настоящими золотыми пуговицами. А Бильбо заметил, что борода у Балина удлинилась еще на несколько дюймов. И на нем роскошный пояс, расшитый драгоценными камнями.

Они, естественно, предались воспоминаниям. Бильбо спросил, как поживают Под Горой и вокруг нее. Выяснилось, что живут все как нельзя лучше. Бэрд выстроил город Дейл заново, и туда собрались люди с озера, с юга и запада; долину возделывают, и она опять сделалась плодородной. Места Запустения весной изобилуют цветами и птицами, осенью славятся плодами и праздничными пирами. Озерный город тоже восстановили, и теперь он опять разбогател, и по реке Быстротечной вверх и вниз снуют лодки с товарами. Эльфы, гномы и люди живут в большой дружбе.

Старый бургомистр кончил плохо. Бэрд дал ему много золота для жителей Озерного города, но так как бургомистр принадлежал к тому сорту людей, кто легко подхватывает заразу, то он и заболел драконовой болезнью, забрал почти все золото, сбежал в Дикий Край и там умер от голода.

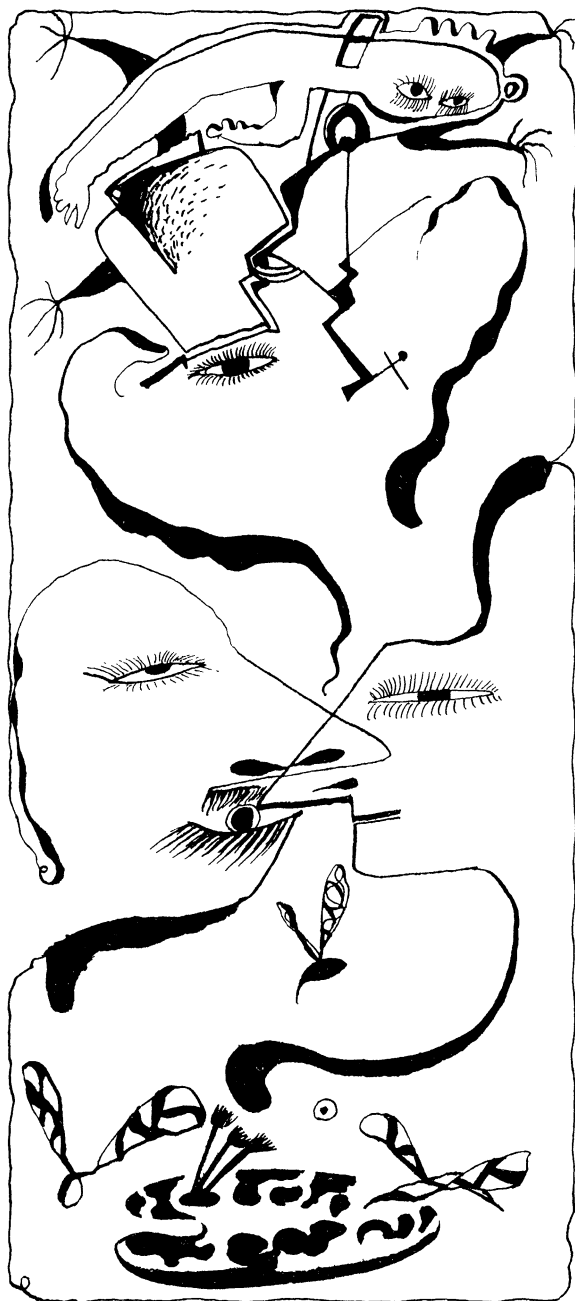
— Новый бургомистр ведет себя умнее, — закончил Балин, — и пользуется большой популярностью. Ему, естественно, вменяется в заслугу нынешнее процветание. В новых песнях уже поется про то, как при нем, наконец, потекли золотые реки.

— Так, значит, в каком-то смысле старинные пророчества сбылись? — заметил Бильбо.

— Конечно! — ответил Гэндальф. — Почему бы им не сбыться? Ты, надеюсь, не утратил веры в пророчества оттого, что сам помогал их осуществлять? Не думаешь же ты всерьез, будто всякий раз ты выходил сухим из воды просто так, благодаря твоей счастливой звезде? Право

же, все складывалось так удачно не только ради твоего спасения. Спору нет, мистер Бэггинс, личность вы превосходная, и я вас очень люблю, — тут он добродушно улыбнулся маленькому хоббиту, — но не забывайте, пожалуйста, что мир огромен, а вы персона не столь уж крупная!

— Ну и прекрасно! — засмеялся Бильбо. — Зато у меня отличный табачок! — И протянул волшебнику табакерку.

Лист работы Мелкина

Leaf by Niggle
1947

Перевод С. Кошелева

Жил-был однажды маленький человек по имени Мелкин, которому предстояло совершить дальнейшее путешествие. Ехать он не хотел, да и вообще вся эта история была ему не по душе. Но деваться было некуда. Со сборами, он, однако, не спешил.

Мелкин был художником. Правда, больших высот он не достиг, отчасти потому, что у него было много других дел. Выполнял он их вполне сносно, когда не удавалось отвертеться. А отвертеться удавалось очень уж редко: законы в его стране держали народ в строгости. Были и другие помехи. Во-первых, он иногда предавался праздности — попросту говоря, ничего не делал. А во-вторых, был он по-своему мягкосердечным. Время от времени помогал по мелочам своему соседу, хромоногому мистеру Прихотту. Случалось, приходили к нему и люди, которые жили подальше, просили о помощи — он и им не отказывал. А затем Мелкин вспоминал о путешествии и начинал без особого рвения упаковывать вещи. Тут уж времени на живопись оставалось совсем мало.

У Мелкина было несколько начатых картин, но чересчур громоздких, так что со своими невеликими способностями он вряд ли мог их закончить. Он принадлежал к тем художникам, которые, например, листья пишут лучше, чем деревья. Мелкин, бывало, подолгу работал над одним листом, стараясь запечатлеть форму и блеск, и шелковистость, и сверкающую каплю росы, катящуюся по желобку. И все же ему хотелось изобразить целое дерево, чтобы все листья были одинаковыми и вместе с тем разными.

Особенно не давал ему покоя одна картина. Началось все с листа, трепещущего на ветру, — но лист висел на ветке, а там появился и ствол — и дерево стало расти и цепляться за землю фантастически-причудливыми корнями. Прилетали и садились на сучья странные птицы — ими тоже следовало заняться. А потом вокруг дерева начал разворачиваться пейзаж. Окрестности поросли лесом, вдали виднелись горы, припорошенные снегом. Мелкин и думать забыл про остальные картины; а иные он просто взял и приставил с боков к большой картине с деревом и горами. Получился такой громадный холст, что пришлось Мелкину раздобыть стремянку. Картина помещалась в специально построенном высоком сарае — раньше он на этом месте сажал картошку.

Мелкину никак не удавалось избавиться от своего добросердечия. «Характера у меня не хватает», — говорил он себе (а подразумевал: «Вот бы не заниматься чужими заботами!»). Но тут как раз вышло так, что его долго никто серьезно не тревожил. «Будь что будет, но уж эту картину, мою настоящую картину, я обязательно допишу, а потом, так и быть, отправлюсь в путешествие, пропади оно пропадом», — думал Мелкин. Ему было ясно, что нельзя без конца откладывать отъезд. Увеличивать картину еще больше не было никакой возможности — настало время ее заканчивать.

Как-то раз Мелкин, отойдя подальше, долго озирает свою работу. Честно говоря, картина его совершенно не удовлетворяла и все-таки

казалась очень красивой — единственной по-настоящему прекрасной картиной в мире. В эту минуту Мелкину больше всего было бы по душе, если бы в сарай вошел его двойник, хлопнул Мелкина по плечу и сказал бы: «Великолепно! Вот это мастер! Замысел совершенно ясен. Продолжай работать, а об остальном не тревожься. Мы устроим тебе государственный пенсион, так что будь спокоен».

Увы, государственного пенсионера не было. И одно Мелкину было ясно: чтобы довести дело до конца, надо бросить все дела, забыть обо все и работать, упорно работать. Он закатал рукава и несколько дней пытался ни на что не обращать внимания. Но тут, как на грех, на него салилась целая куча забот. Вдруг оказалось, что дом требует ремонта; понадобилось ехать в город и сидеть в суде (Мелкин был присяжным); мистер Прихотт слег — приступ подагры; и, в довершение всего, гости сыпались как из рога изобилия. Была весна, и они не прочь были бесплатно пообедать на природе, а герой наш обитал в прелестном домике не очень близко от города. Да он сам же и пригласил их еще зимой, когда их приезд не казался ему помехой. Конечно, лишь немногие из них знали о его картине; сомневаюсь, чтобы они придавали ей большое значение. Картина, если уж говорить правду, была не бог весть что, хотя некоторые детали, возможно, и были удачны. Во всяком случае, дерево вышло странное. Единственное в своем роде. То же можно сказать и о самом Мелкине, хотя, с другой стороны, он был совершенно обыкновенным и даже глуповатым человеком.

Наконец, время у Мелкина стало на вес золота. Городские знакомые вспомнили, что ему предстоит нелегкое путешествие, и кое-кто спросил себя, до каких же пор можно откладывать отъезд. Они прикидывали, кому достанется его домик, и будет ли новый хозяин лучше ухаживать за садом.

Пришла осень, дождливая и ветреная. Стоя на стремянке в холодном сарае, художник пытался запечатлеть на холсте отблеск заходящего солнца на заснеженной вершине горы, слева от дерева. Он знал, что срок истекает — может быть, придется отчалить в самом начале будущего года. Кое-где в углах холста он успел только наметить то, что собирался написать.

В дверь постучали.

— Войдите! — резко отозвался Мелкин, поспешно слезая со стремянки. Крутя в пальцах кисть, он взглянул на посетителя. Это был Прихотт, его единственный сосед, других поблизости не было. Несмотря на это, Прихотт не очень нравился Мелкину, во-первых, потому, что чуть что, бежал к нему и требовал помощи, а во-вторых, терпеть не мог живописи. Зато он весьма критически относился к манере Мелкина ухаживать за садом. Причем замечал главным образом сорняки и небуканные листья, когда же ему случалось бросить взгляд на картины (что бывало редко), он видел только серые и зеленые пятна и ровно никакого смысла в них не находил.

— Ну, Прихотт, что стряслось? — спросил Мелкин.

— Мне совестно вас отрывать, — сказал Прихотт, даже не взглянув на картину. — Вы, конечно, очень заняты.

Мелкин и сам хотел сказать что-нибудь в этом духе, но не решился и коротко ответил:

— Да.

— Но мне больше не к кому обратиться! — пожаловался Прихотт.

— Ну конечно, — вздохнул Мелкин. Это был достаточно громкий вздох, чтобы сосед его услышал. — Чем я могу вам помочь?

— Жена уже несколько дней хворает, и я начинаю тревожиться, — сказал Прихотт. — А тут еще такой ветер. С крыши валится черепица, в спальню льется вода. По-моему, нужно вызвать доктора. И кого-нибудь, чтобы сделали ремонт. Только когда их еще дождешься. Вот я и подумал — может, у вас найдутся доски и парусина или холст: я бы залатал крышу и продержался день-другой. — Вот тут-то он и перевел глаза на картину Мелкина.

— Бог ты мой! — воскликнул Мелкин. — Вот уж действительно не повезло. В такую погоду... Надеюсь, у вашей жены обычная простуда. Я загляну к вам через пару минут и помогу перенести больную вниз.

— Очень признателен, — холодно отвечал Прихотт. — Только это не простуда. У нее жар. Из-за простуды я бы не стал вас беспокоить. Кроме того, жена уже лежит внизу. Не с моей ногой бегать вверх-вниз по лестнице с подносами... Но я вижу, вы заняты. Извините, что побеспокоил. Просто я надеялся, что вы войдете в мое положение и выберете время съездить за доктором, а заодно и к строителям, раз уж у вас нет лишнего холста.

— Конечно, — проговорил Мелкин, хотя на сердце у него кошки скребли, — конечно, я мог бы съездить... Пожалуй, я съезжу, раз вы так тревожитесь. — Не то чтобы у него заговорила совесть, просто сердце было очень мягкое.

— Я тревожусь, я очень тревожусь, — подтвердил Прихотт. — Если бы не моя нога...

И пришлось Мелкину поехать. Положение, сами понимаете, было щекотливое. Прихотт жил рядом, а больше поблизости не было ни одной живой души. У Мелкина был велосипед, у Прихотта велосипеда не было. Не говоря уже о том, что этот Прихотт был хромым, причем настоящий хромым. Конечно, Мелкин еще не дописал картину, и об этом следовало бы подумать соседу. Однако сосед о картинах не думал, он вообще не интересовался живописью, и тут уж Мелкин ничего не мог поделать. «Проклятие!» — пробормотал он и вывел велосипед из-под навеса.

Было сыро, дул ветер, и дневной свет уже бледнел. «Сегодня мне больше не поработать», — подумал Мелкин. Сейчас, когда руки его сжимали руль, а ноги крутили педали, он совершенно ясно понял, увидел, как надо написать блестящие листья, за которыми поднималась вдали заснеженная гора. У него упало сердце, когда он подумал, что, может быть, не успеет перенести эту идею на холст.

Мелкин нашел доктора и оставил записку в строительной конторе. Контора уже закрывалась: все разошлись по домам. Мелкин промок до костей, и ему нездоровилось. Доктор явился по вызову не так быстро, как сам Мелкин откликнулся на просьбу Прихотта. Он прибыл лишь на следующий день — и очень кстати, потому что к этому времени в двух домах было уже два пациента. Мелкин лежал в постели с высокой температурой, и в голове его сплетались чудесные орнаменты из листьев и ветвей. Ему не стало лучше, когда он узнал, что у миссис Прихотт была легкая простуда и она уже встала на ноги. Он отвернулся к стене и зарылся лицом в листья.

Несколько дней он не поднимался. Ветер выл в трубе. Ветер продолжал разрушать крышу Прихотта, и у Мелкина на потолке тоже начало подтекать. Строители так и не приехали. Несколько дней Мелкину было все равно. Потом он выбрался из дому поискать какой-нибудь еды (жены у него не было). Прихотт не появлялся: у него разболелась нога. А его жена была занята тем, что вытирала лужи и выносила ведра с водой. Если бы ей понадобилось одолжить что-нибудь у Мелкина, она послала бы к нему Прихотта, несмотря на ногу. Но так как одалживать у художника было нечего, он ее не интересовал.

Примерно через неделю Мелкин, шатаясь, добрал до сарая. Он попробовал влезть на стремянку, но у него кружилась голова. Тогда он сел и уставился на картину. Но в этот день ему в голову не приходило ничего замечательного. Он мог бы написать песчаную пустыню на заднем плане, но и на это у него не хватало фантазии.

Однако назавтра Мелкину стало гораздо лучше. Он взобрался на лесенку и взялся за кисть. Тут раздался стук в дверь.

— Силы небесные! — возопил Мелкин. С таким же успехом он мог бы сказать: «Войдите!» — потому что дверь все равно отворилась. На этот раз вошел незнакомый, очень высокий мужчина.

— Здесь частная студия, — сказал Мелкин. — Я занят.

— Я — инспектор домов, — отвечал мужчина, подняв кверху удостоверение, чтобы Мелкину было видно со стремянки.

— Ах так! — проговорил художник.

— Дом вашего соседа в неудовлетворительном состоянии, — сказал инспектор.

— Знаю, — ответил Мелкин. — Я уже давно известил строителей, но они почему-то не явились. А потом я заболел.

— Понятно. Но теперь-то вы здоровы.

— Я не строитель. Прихотту следует обратиться с просьбой в муниципалитет, пусть пришлют аварийную службу.

— Служба занята более серьезными делами, — сказал инспектор. — Затопило долину, и многие семьи остались без крова. Вам бы следовало помочь соседу и сделать временный ремонт, чтобы повреждения не распространились и починка крыши не стала слишком дорогой. Здесь у вас масса материалов: холст, доски, водоотталкивающая краска...

— Где? — негодуя спросил Мелкин.

— Вот! — сказал инспектор, указывая на картину.

— Моя картина! — воскликнул художник.

— Ну и что? — возразил инспектор. — Домá важнее.

— Не могу же я... — но тут Мелкин замолчал, ибо в сарай вошел еще один человек. Он был так похож на инспектора, что казался его двойником: высокий, с головы до ног одетый в черное.

— Поехали! — произнес вошедший. — Я возница.

Мелкин, дрожа, слез со стремянки. Казалось, лихорадка вернулась к нему: его знобило, в голове все плыло.

— Возница? Возница? — забормотал он. — Чей возница?

— Ваш и вашего экипажа, — ответил незнакомец. — Экипаж заказан давно. Сегодня он, наконец, пришел — и ожидает вас. Пора, сами понимаете.

— Ну вот, — сказал инспектор. — Вам надо отправляться. Не очень-то, конечно, прилично уезжать, не доделав дела. Ну да ладно, теперь мы по крайней мере сможем воспользоваться этим холстом.

— Боже мой! — и бедный Мелкин разрыдался. — Ведь она... эта картина... еще не готова!

— Не готова? — удивился возница. — Во всяком случае, ваша работа над ней закончена. Пошли.

И Мелкин подчинился, понимая, что спорить бесполезно. Человек в черном не дал ему времени на сборы, сказав, что об этом надо было думать раньше, а теперь они опаздывают на поезд. Второпях Мелкин захватил в прихожей небольшую дорожную сумку. Позже оказалось, что в ней был только ящик с красками и альбом для эскизов — ни одежды, ни еды. Но на поезд они успели. Художник устал, ему хотелось спать, он плохо понимал, что происходит, когда его впихнули в купе. Он забыл, куда и зачем он едет. Почти сразу же поезд вошел в туннель.

Проснулся Мелкин на большой станции, за окном смутно рисовался вокзал.

По платформе шел носильщик, но выкрикивал он не название станции, а имя художника.

Мелкин торопливо выбрался из вагона и вдруг обнаружил, что забыл сумку. Он бросился назад, но поезд уже уходил.

— А, вот и вы! — сказал носильщик. — Наконец-то. Идите за мной. Как, вы без багажа? Придется вас направить в рабочий дом.

Мелкин снова почувствовал себя плохо и упал без чувств на платформу. Была вызвана карета скорой помощи, и приезжего отвезли в больницу рабочего дома.

Лечение ему совсем не понравилось. Его поили чем-то очень горьким. Санитары были молчаливые и недобрые, смотрели исподлобья, а кроме них его изредка навещал врач, очень суровый. Вообще больница сильно смахивала на тюрьму. В определенные часы Мелкину приходилось заниматься изнурительным трудом: он копал землю во дворе, сколачивал какие-то доски и красил их в один и тот же цвет. За ворота выходить не разрешалось. Вдобавок его заставляли время от времени сидеть в полной темноте, «чтобы он хорошенько подумал».

В такие минуты Мелкину вспоминалось прошлое. Лежа в темноте, он говорил себе одно и то же: «Как жаль, что я не зашел к Прихотту в первый день, когда начался ветер. Я ведь собирался. Тогда черепицу поправить ничего не стоило. Миссис Прихотт не простудилась бы, и я бы тоже не заболел. Ах, как жаль. У меня была бы в запасе еще целая неделя». Но постепенно он забыл, зачем ему нужна была эта неделя. Теперь его интересовала только больничная работа. Он прикидывал, сколько времени ему понадобится, чтобы перестлать пол, навесить дверь, починить ножку стола. Он стал нужным человеком, но, конечно, не по этой причине беднягу так долго держали в больнице. Врачи ждали, когда он поправится, — хотя подразумевали под этим совсем не то, что подразумеваем мы.

И вдруг все переменялось. У него отобрали плотницкую работу и заставили день за днем, с утра до ночи копать землю. Мелкин трудился, как вол, кожа на ладонях была содрана, спина болела, как переломленная. Наконец он почувствовал, что не сможет больше воткнуть лопату в землю. Никто не сказал ему спасибо. Немного позже появился врач.

— Достаточно! — произнес он. — Полный отдых... в темноте.

Лежа впотьмах, Мелкин принимал прописанный отдых. Ничего кроме усталости он не чувствовал и ни о чем не думал, и не мог бы сказать, сколько времени пролетело — часы или годы. Но вдруг он услышал незнакомые голоса: похоже было, что за стеной, в соседней комнате, заседает медицинская комиссия, а может, что-нибудь и похуже.

— Теперь дело Мелкина, — сказал чей-то голос, и был он еще суровей, чем голос врача.

Другой голос спросил:

— А что у него было не так? Что не в порядке у Мелкина? Сердце у него было на месте. И голова работала.

— Плохо работала, — возразил первый голос. — Сколько времени он потерял даром! Не подготовился к путешествию... Был вроде бы человеком не бедным, а сюда явился чуть ли не нагишом, так что пришлось поместить его в отделение для нищих бродяг... М-да, боюсь, что дела его не блестящи. Во всяком случае, отпускать его рано.

— Может быть, вы и правы, — отозвался второй голос, — но ведь он всего лишь человек. Маленький и слабый. Давайте заглянем еще раз в досье. По-моему, кое-что здесь говорит в его пользу. Например, есть сведения, что он был художником. Вы этого не знали? Разумеется, он не был великим художником, и все же ему удалось написать очень недурной Лист. Вот заключение экспертов... Он очень упорно работал и, заметьте, не был зазнайкой. Не воображал, что искусство освобождает его от обязанностей перед законом.

— Почему же он так часто его нарушал?

— Так-то оно так, но все-таки он откликался на многие просьбы...

— На немногие. Да и те называл «помехами». Потрудитесь внимательнее прочесть досье. Смотрите, как часто повторяется это слово

вперемежку с жалобами и глупыми проклятиями. Ему, видите ли, мешали! — сказал первый голос.

А ведь правда, подумал Мелкин, лежа в темноте. Ничего не скажешь. Просьбы людей действительно раздражали его.

— Что там еще? — спросил брезгливо первый голос.

— Тут есть еще дело некоего Прихотта, оно прибыло позже... Прихотт был соседом Мелкина, ни разу пальцем для него не пошевелил, а Мелкин ему помогал. И я хотел бы обратить ваше внимание на то, что в досье нет ни слова о том, чтобы когда-нибудь Мелкин ждал от него благодарности. Судя по всему, он вообще об этом не думал.

— М-да, пожалуй, это действительно смягчающее обстоятельство, — произнес первый голос. — Но не существенное! В сущности, Мелкин очень мало заботился об этом Прихотте. Все, что он делал для него, он потом просто выкидывал из головы как досадный эпизод.

— И последнее донесение, — сказал второй голос, — о поездке на велосипеде под дождем. Не знаю, как вы посмотрите на это, но, помо-ему, это было истинное самопожертвование. Ведь Мелкин знал, что ничего такого страшного с женой Прихотта не случилось, и знал, что рискует не закончить картину. И все-таки поехал.

— Ну еще бы, — проворчал первый голос, — ваша задача — истолковать любой, даже самый незначительный факт в пользу подозреваемого. Но что вы предлагаете?

— Я считаю, что пора перейти к курсу мягкого лечения, — ответил второй голос.

Мелкину, который с бьющимся сердцем слушал весь этот разговор, показалось, что никогда в жизни он не встречал такого великодушия. Слова «мягкое лечение» невидимый голос произнес так, словно речь шла о приглашении на королевский пир. И Мелкин устыдился. Словно его при всех громко похвалили, хотя ясно было, что он ничего такого не заслужил. Мелкин зарылся лицом в подушку.

Наступило молчание. Потом первый голос спросил над самым ухом у Мелкина:

— Слышал?

— Да, — прошептал Мелкин.

— Ну и что ты на это скажешь?

Мелкин сел на кровати.

— Не могли бы вы сказать мне что-нибудь о Прихотте? — спросил он. — Мне бы хотелось с ним повидаться. И, пожалуйста, не беспокойтесь насчет его отношения ко мне. Он был отличным соседом и очень дешево продавал мне прекрасную картошку. Я сэкономил массу времени.

— Дешево продавал картошку? Весьма приятно слышать, — заметил голос.

Вновь последовало молчание.

— Хорошо, согласен, — слышалось уже издали. — Переводите на следующий этап.

Проснувшись, Мелкин увидел, что ставни распахнуты и каморка залита солнечным светом. Вместо больничной пижамы на стуле лежала обычная одежда. После завтрака ему принесли железнодорожный билет.

— Можете отправляться, — сказал Мелкину врач. — Носильщик о вас позаботится. Всего хорошего.

Мелкин спустился к станции — ее сверкающая на солнце крыша виднелась невдалеке. Носильщик сразу его заметил.

— Вот сюда!

Багажа у Мелкина не было, довольный носильщик повел его на платформу, возле которой стоял свежевыкрашенный паровозик и прицепленный к нему единственный вагон. Все здесь было новеньким: рельсы сияли, шпалы под горячими лучами солнца остро пахли свежим дегтем. В вагоне было пусто.

— Куда идет поезд? — осведомился художник.

— По-моему, это просто пока никак не называется, — отозвался носильщик. — Но вы там не заблудитесь. — И, кивнув на прощание, захлопнул двери вагона.

Поезд тронулся. Пассажир смотрел в окно. Крошечный паровозик усердно пыхтел, пробираясь по извилистому ущелью с высокими зелеными стенами, над которыми лучилось голубое небо. Довольно скоро раздался свисток, заскрежетали тормоза, поезд остановился. Здесь не видно было даже платформы, должно быть, это был глухой полустанок. Узкая лесенка поднималась по заросшему травой склону. Наверху — изгородь с калиткой. А рядом с калиткой стоял его велосипед — по крайней мере очень похожий, и к рулю была привязана картонка с надписью: «Мелкин».

Мелкин толкнул калитку, сел на велосипед и покатил куда глаза глядят. Тропинка потерялась в густой траве, он колесил по зеленому лугу. Ему показалось, что где-то он уже видел эти места. Снова начался подъем. Солнце закрыла огромная тень. Мелкин поднял глаза — и едва не свалился с велосипеда.

Перед ним стояло дерево — его дерево, но законченное, если можно так говорить о живом дереве, с могучими ветвями и листьями, трепавшими под ветром. Как часто представлял себе Мелкин этот ветер, но так и не сумел запечатлеть его на холсте.

— Вот это дар! — проговорил Мелкин. Он говорил о своем искусстве, о картине — и все же употребил это слово в его буквальном значении.

Теперь он заметил и лес, и снежные вершины на горизонте. И все это выглядело не так, как он когда-то рисовал, а скорее так, как он себе это представлял.

Подумав, Мелкин направился к лесу. Обнаружилась странная вещь: лес был, конечно, вдали, «лес на заднем плане», — и в этом-то и заключалось его очарование, — и все-таки к нему можно было приблизиться, даже войти в него, и очарование не исчезало. Он и не подозревал, что можно войти в даль так, чтобы она не превращалась просто в окружающую местность. А теперь перед ним все время открывались

новые дали, двойные, тройные, четверные, и чем дальше, тем сильнее влекли к себе. Целая страна раскинулась вокруг, уместившись в одном лесу или, если хотите, на одной картине. И наконец, совсем далеко — горы. Они как будто стояли на месте и вместе с тем приближались. Они были близко и далеко. Казалось, горы оставались за пределами картины. Они связывали ее с чем-то другим, словно там, за деревьями, находилась другая страна — новая картина.

Мелкин озирали окрестности. Он вернулся к своему дереву, оно было закончено («и возница так говорил», — припомнил он), но вокруг, он заметил это, осталось несколько неубедительных мест. Следовало бы поработать над ними. Нет, не переделывать, а лишь довести работу до конца. Теперь он в точности знал, как это будет выглядеть.

Он сел на траву и погрузился в раздумье. Но в планах что-то не ладилось. Чего-то — или кого-то — не хватало.

— Ну, ясно! — вздохнул Мелкин. — Прихотт, вот кто мне нужен. Ему ведь известно многое, о чем я и понятия не имею. Мне нужна помощь, нужен добрый совет — как это я раньше о нем не подумал!

И в самом деле, в неглубокой ложбинке, не сразу бросавшейся в глаза, стоял с лопатой в руках его бывший сосед мистер Прихотт и растерянно смотрел по сторонам.

— Хэлло, Прихотт! — позвал Мелкин.

Прихотт вскинул лопату на плечо и, хромая, подошел к нему. Друзья не произнесли ни слова, только кивнули друг другу, как раньше, когда встречались на улице. Молча прикинули, где поставить домик и разбить сад, без чего, очевидно, обойтись было невозможно.

И скоро стало ясно, что теперь Мелкин лучше Прихотта умеет распоряжаться своим временем. Как ни странно, именно Мелкин увлекся домом и садом, что же касается Прихотта, то он бродил, посвистывая, по окрестностям, разглядывал деревья и особенно главное дерево.

Как-то раз Мелкин сажал живую изгородь, а Прихотт валялся на траве с желтым цветком в зубах. Давным-давно Мелкин изобразил множество таких цветов между корнями дерева. На лице мистера Прихотта блуждала блаженная улыбка.

— Чудесно, — проговорил он. — Спасибо, что замолвил за меня словечко. Честно говоря, я не заслужил, чтобы меня отправили сюда.

— Чепуха, — ответил Мелкин. — Ничего такого я не говорил. Во всяком случае, мои слова не имели значения.

— Еще как имели, — возразил Прихотт. — Без тебя я бы сюда ни за что не попал. Понимаешь, это все тот голос... ну, ты знаешь. Он сказал, что ты хочешь меня видеть. Так что я перед тобой в долгу.

— Нет. Ты в долгу перед ним. Мы оба перед ним в долгу, — сказал Мелкин.

Так они жили и работали вместе. Не знаю, как долго это продолжалось. Иногда они вместе пели песни. И вот пришло время, когда домик в ложбине, сад, лес, озеро — все на картине оказалось почти законченным, почти таким, каким ему надлежало быть. Большое дерево было все в цвету.

— Сегодня вечером закончим, — сказал Прихотт, вытирая пот со лба. — Кончим и как следует все посмотрим. Ты не прочь прогуляться?

На другой день они поднялись рано и шли целый день, пока не достигли Предела. Никакой особенной границы там не было — ни стены, ни забора, однако путники поняли, что дошли до края этой земли. Какой-то человек, похожий на пастуха, спускался с холма.

— Проводник не нужен? — спросил он.

Друзья переглянулись, и Мелкин почувствовал, что хочет и даже должен продолжать путь. Но Прихотт дальше идти не хотел.

— Мне надо дождаться жены, — сказал Прихотт. — По-моему, ее должны отправить к нам очень скоро... Уверен, что ей здесь понравится. Да, кстати, — обратился он к пастуху. — Как называется эта местность?

Пастух удивился.

— А вы разве не знаете? Это — Страна Мелкина, — сказал он с гордостью.

— Как? — воскликнул Прихотт. — Неужели все это придумал ты, Мелкин? Я и не подозревал, какой ты умный. Почему же ты молчал?

— Он давно пытался вам сказать, но вы не обращали внимания. Тогда у него был только холст и ящик с красками, а вы — или кто-то там еще, это не важно, — хотели этим холстом залатать крышу. Все это вокруг — это и есть то, что вы называли «мазней Мелкина».

— Но тогда все было совсем не похоже на настоящее, — пробормотал Прихотт.

— Да, это был только отблеск, — сказал пастух, — но вы могли бы уловить его, если бы захотели.

— Я сам виноват, — вмешался Мелкин. — Мне надо было тебе объяснить, но я сам не понимал, что делаю. Ну да ладно, теперь это неважно... Видишь ли, я должен идти. Может быть, мы еще встретимся. До свидания!

Он пожал Прихотту руку, — это была честная, крепкая рука. На минуту Мелкин оглянулся. Цветущее дерево сияло, как пламя. Птицы громко пели на ветвях. Мелкин рассмеялся, кивнул Прихотту и пошел за пастухом.

Ему предстоит узнать еще многое. Он научится пасти овец на небесных лугах. Он будет смотреть в огромное распахнутое небо и уходить все дальше, все выше подниматься к горам. А что будет потом, я не знаю. Маленький Мелкин в своем старом доме сумел угадать очертания гор — так они оказались на его картине. Но лишь те, кто поднялся в горы, могут сказать, какие они на самом деле и что лежит за ними.

— По-моему, глупый был человек, — заявил советник Томкинс. — Беспольный для общества.

— Смотря что вы понимаете под пользой, — заметил Аткинс, школьный учитель.

— Беспольный с практической и экономической точки зрения, — уточнил Томкинс. — Из него, может, и вышел бы толк, если бы вы, педагоги, знали свое дело. А вы, прошу прощения, ничего в нем не смыслите... Вот и получают такие Мелкины. Да, будь я начальством, я бы заставил его работать. Мыть посуду, что ли, или подметать улицу... А нет, так просто спровадил бы его подальше.

— Вы хотите сказать, что заставили бы его отправиться в путешествие раньше времени?

— Вот именно, в «путешествие», как вы изволите выражаться. На свалку!

— Вы полагаете, что живопись совершенно ненужная вещь?

— Нет, отчего же, и живопись может приносить пользу, — сказал советник Томкинс, — только не такая. Не эти листочки-цветочки. Верите ли, я у него как-то спросил, зачем они ему. А он отвечает, что они красивые. «Что красивое, — говорю, — органы питания и размножения у растений?» — «Да, — говорит, — органы питания и размножения». Представляете?

— Жаль его, — вздохнул Аткинс. — Он ничего не довел до конца. Помните тот большой холст, которым залатали крышу? Его потом тоже выбросили, но я вырезал кусочек. На память. Верхушка горы и часть дерева.

— О ком это вы? — вмешался Перкинс.

— Да был тут один... — буркнул Томкинс. — Бывший владелец этого дома.

— Мелкин? А я не знал, что он занимался живописью, — удивился Перкинс.

После этого имя Мелкина, кажется, ни разу не всплывало в разговорах. Впрочем, уголок картины сохранился. Краски пожухли, но один тщательно выписанный лист был хорошо виден. Аткинс вставил обрывок холста в рамку, а позднее даже передал в дар городскому музею. Здесь картина под названием «Лист работы неизвестного художника» долгие годы висела в темном углу. Мало кто обращал на нее внимание, да и вообще посетителей в музее было немного. Однажды музей сгорел. Никаких следов деятельности Мелкина с тех пор больше не осталось.

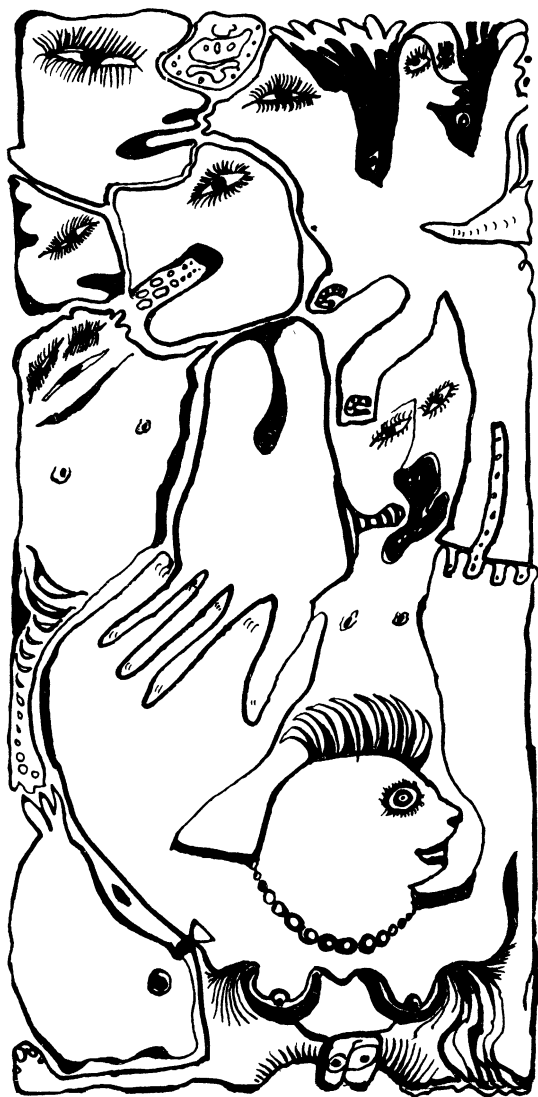
— В сущности, это отличное место для отдыха и восстановления здоровья, — сказал голос, тот, который был вторым. — Народ туда прямо валом валит.

— Вот как? — отозвался первый голос. — Но в таком случае следует присвоить этой местности подобающее название. Есть какие-нибудь предложения?

— Простите, но об этом уже позаботились. По крайней мере носильщик оповещает пассажиров только так: «Поезд в Страну Мелкина отправляется через десять минут!» Страна Мелкина. Я счел необходимым известить высшие инстанции.

— Что же они сказали?

— Они расхохотались. Расхохотались — да так, что отозвались горы!

Фермер Джайлс из Хэма
или, на простонародном языке,
Возвышенные и удивительные приключения
фермера Джайлса,
господина Ручного Ящера,
графа Ящерного
и короля Малого Королевства

Farmer Giles of Ham
1949

Перевод Г. Усовой

До наших дней дошли всего лишь немногочисленные отрывочные сведения об истории Малого Королевства; но, по чистой случайности, сохранились данные относительно его происхождения: вероятно, они скорее легендарные, чем достоверные, ибо эти данные, очевидно, представляют собой более позднюю компиляцию, изобилующую чудесами. Источник этой компиляции следует искать не в достоверных документах, но в народных песнях, на которые часто ссылается автор. Для него события, о которых он повествует, происходят в далеком прошлом, — тем не менее можно подумывать, что он сам жил на территории Малого Королевства. Он проявляет точное знание географии (хотя эта наука не является его сильной стороной), касающееся только данной страны, и в то же время оказывается в полном неведении относительно земель, лежащих к северу или к западу от нее.

Оправданием для перевода этой любопытной истории с весьма скудной латыни на современный язык Соединенного Королевства может служить то обстоятельство, что она дает некоторое представление о жизни Британии в темный период ее истории, не говоря уже о том, что она проливает свет на происхождение некоторых труднообъяснимых названий данной местности. Возможно, некоторые читатели найдут, что характер и приключения главного героя интересны сами по себе.

Границы Малого Королевства как во времени, так и в пространстве нелегко определить по тем скудным сведениям, которыми мы располагаем. С тех пор, как в Британии высадился Брут¹, здесь сменилось множество королей и царств. Разделение на Локрин, Камбр и Альбанак² было только первым из многих последующих переделов. Так что из-за пристрастия мелких государств к независимости, с одной стороны, и стремления королей постоянно расширять свои владения, с другой, многие годы проходили в частой смене войны и мира, радостей и горестей, — именно так рассказывают нам историки о царствовании короля Артура³. Это было время неуставленных границ, когда люди имели возможность внезапно возвыситься — или пасть, а менестрели располагали весьма богатым материалом для своих песен и полной энтузиазма аудиторией. Вот к этим-то давним годам, вероятно, после царствования короля Коля⁴, но до короля Артура и Семи Английских королевств⁵, нам следует отнести события, изложенные здесь; местом же действия является долина Темзы с экскурсом к северо-западу, к пределам Уэльса.

Столица Малого Королевства, очевидно, находилась, как и наша, в юго-восточной части, но протяженность его рубежей мы представляем себе смутно. Вероятно, они никогда не простирались далеко ни к западу по верхнему течению Темзы, ни к северу от Отмура; нельзя с уверенностью определить и восточную границу. В дошедших до нас отрывках легенды о Джордже, сыне Джайлса, и о его паже Суоветавридиусе⁶ (он

---

¹ См. комментарии.

же Суэт) имеются указания на то, что одно время аванпост против Среднего Королевства находился в Фартингоу. Но эта подробность не имеет никакого отношения к нашей истории, которая далее и предлагается читателю без изменений и без дальнейшего комментария, хотя пышный заголовок оригинала для удобства сокращен до простого: «Фермер Джайлс из Хэма».

* * *

Жил в средней части острова Британия человек, которого звали Эгидиус де Хэммо. Полностью его имя звучало так: Эгидиус Агенобарбус Юлиус Агрикола⁷ де Хэммо. Ведь в те давно прошедшие времена именами людей наделяли щедро, а остров еще был благополучно разделен на множество королевств. Время тогда тянулось медленно, а людей было меньше, поэтому большинство из них было чем-нибудь примечательно. Однако те годы давно миновали, и я в моем повествовании буду называть этого человека коротко, как это принято у простых людей. Итак, звали его фермер Джайлс из Хэма, и была у него рыжая борода. Жил он в деревне, но в те времена деревни еще сохраняли свою независимость, а их жители были люди гордые.

Была у фермера Джайлса собака. Звали ее Гарм. Собакам приходилось довольствоваться короткими именами, взятыми из местных наречий: книжную латынь приберегали для благородных. Гарм не владел даже вульгарной латынью, зато, как и большинство собак того времени, он умел пользоваться грубым простонародным языком, чтобы задиаться, хвастаться и подольщаться. Задирали он нищих и прохожих, которым случалось забрести на чужую землю; хвастал перед другими собаками, а подольщался и подлизывался к своему хозяину. Гарм гордился Джайлсом и в то же время боялся его: ведь фермер умел задиаться и хвастать еще почище.

Время тогда текло без всякой спешки или суеты. Ведь суета к делу не имеет никакого отношения. Люди спокойно делали свое дело, они успевали и потрудиться, и потолковать. А потолковать тогда было о чем, потому что памятные события случались часто. Но к моменту начала этой истории в Хэме давно уже не происходило никаких памятных событий. И это вполне устраивало фермера Джайлса: человек он был медлительный, поглощенный своими делами, привычки его давно устоялись. По его словам, у него был хлопот полон рот, он постоянно заботился о хлебе насущном, а вернее, о собственном удобстве и благополучии, как до него его отец. Гарм помогал хозяину. Никто из них и думать не думал о том большом мире, который простирался за их землями, за деревней и за ближайшим рынком.

А этот большой мир существовал. Неподалеку от деревни находился лес, а к западу и к северу располагались Дикие Горы и гибельные болота горной страны. Там происходило много удивительного, например, разгуливали великаны, грубые, неотесанные, а порой и опасные. Особенно один, который был больше и глупее остальных. Я не нашел в историче-

ских хрониках его имени, но это неважно. Был он громадный, разгуливал тяжелой поступью и всегда носил палку величиной с дерево. Вязы, попадавшие ему на пути, он приминал, точно высокую траву, дороги разрушал, сады опустошал: ведь его ножищи протаптывали ямы, глубокие, как колодцы. Наступит нечаянно на какой-нибудь дом — тут и дому конец. Куда бы он ни шел, он сокрушал все на своем пути, потому что голова его возвышалась над всеми крышами и ничуть не заботилась о том, что творят ноги. Кроме того, он страдал близорукостью и был туг на ухо. К счастью, жил он далеко, в Диком Краю, и лишь случайно забредал в населенные людьми земли. Далеко в горах стоял его полуразрушенный дом, но мало кто дружил с великаном — по причине его глухоты и глупости, да и великанов кругом было мало. Он имел обыкновение разгуливать сам по себе в Диких Горах и в безлюдных районах у их подножия.

Однажды в погожий летний денек этот великан вышел погулять. Он бесцельно бродил, производя в лесах великие разрушения. Вдруг он заметил, что солнце уже садится — значит, приближается время ужина. Тут-то он и обнаружил, что заблудился и попал в совершенно незнакомую местность. Он все шел и шел неведомо куда, пока совсем не стемнело. Тогда он присел и стал ждать, когда взойдет луна. Затем пошел дальше при лунном свете — большими шагами, потому что хотел скорее попасть домой. Там у него на огне был оставлен лучший медный котел, и великан боялся, что дно прогорит. Но горы остались позади, и он уже вступил в населенные людьми земли. Он бродил теперь в окрестностях фермы Эгидиуса Агенобарбуса Юлиуса Агриколы возле деревни, в просторечии называвшейся Хэм.

Ночь выдалась ясная. Коровы паслись в поле, а пес фермера убежал по своим делам. Гарм любил лунный свет и кроликов. У него, разумеется, и в мыслях не было, что великан тоже вышел на прогулку. Тогда он, конечно, имел бы основание уйти со двора без разрешения, но еще больше оснований у него было бы остаться дома и притаиться на кухне. Великан вступил на поле фермер Джайлса около двух часов ночи. Он сломал изгородь, стал топтать посевы и мять скошенную траву. За пять минут он навредил больше, чем королевская охота за пять дней.

Гарм услышал чью-то тяжелую поступь на берегу: ТОП... ТОП... ТОП — и помчался к западному склону пригорка, на котором стоял дом: он хотел узнать, что происходит. Вдруг он заметил великана, который шагал прямо через реку и наступил ногой на Галатею, любимую Джайлсову корову. Корова расплющилась, точно черный таракан под ногой фермера. Для Гарма это было уже слишком. Он взвыл от ужаса и стремглав бросился домой. Он даже позабыл, что бегал гулять без разрешения: примчался под окно хозяйской спальни, завыл и залаял. Ему долго не отвечали: не так-то легко было разбудить фермера Джайлса.

— Караул! Караул! — лаял Гарм.

Окно вдруг распахнулось, и оттуда вылетела пустая бутылка.

— У-у-у! — Пес привычно увернулся. — Караул! Караул!

Тут из окна высунулась голова фермера:

— Проклятый пес! Ты что это вытворяешь?

— Ничего, — ответил Гарм.

— Я тебе покажу — ничего! погоди, вот я утром шкуру с тебя спущу! — пригрозил фермер, захлопывая окно.

— Караул! Караул! — не унимался пес.

Джайлс снова высунулся из окна.

— Будешь еще шуметь — убью! — пообещал он. — Что это с тобой приключилось, дурак ты этакий?

— Со мной-то ничего, — отвечал пес, — а вот с тобой кое-что приключилось.

— Ты это о чем? — Джайлс несколько опешил, несмотря на всю свою ярость: никогда прежде Гарм с ним так дерзко не разговаривал.

— Великан по твоим полям бродит, громадный великан, прямо сюда идет, — сообщил пес. — Караул! Овец твоих топчет. На бедняжку Галатею наступил, и она теперь плоская, точно коврик у двери. Караул! Все твои изгороди сокрушил и вытаптывает твой урожай. Поживей — и смелей, хозяин, иначе у тебя ничего не останется! Кара-у-у-ул! — Гарм завыл.

— Заткнись! — Фермер захлопнул окно. — Господи боже! — сказал он про себя, весь дрожа, хотя ночь выдалась теплая.

— Ложись-ка снова спать, не будь дурнем, — посоветовала жена. — А утром утопи ты эту собаку. Собака лает — ветер носит, они что угодно наговорят, когда попадутся на бродяжничестве или на воровстве.

— Может, и так, Агата, — сказал он, — а может, и не так. Но что-то в поле действительно происходит, если Гарм собака, а не кролик. Очень уж он перепугался. С чего бы ему явиться сюда и поднять шум, ведь он мог тихонько прошмыгнуть через заднюю дверь, а утром получил бы свое молоко!

— Не трать времени на споры, — посоветовала жена. — Раз уж веришь псу, так выполняй его совет: поживей, да смелее!

— Сказать-то легче, чем сделать, — поежился фермер. Ведь он не совсем поверил Гарму, — не очень хочется верить в великанов среди ночи.

Но собственность есть собственность; и фермер Джайлс не особенно церемонился с теми немногими бродягами, которые забредали в его владения. Он натянул штаны, пошел на кухню и снял со стены мушкетон⁸. Вы, может, спросите, что это такое. Говорят, именно такой вопрос однажды задали четверым ученым клирикам из Оксенфорда⁹, и они, немного подумав, ответили: «Мушкетон — это короткоствольное ружье с широким раструбом, стреляет на небольшом расстоянии сразу несколькими пулями; из такого ружья можно попасть, не особенно тщательно прицеливаясь. (Ныне в цивилизованных странах вытеснен другими видами огнестрельного оружия.)»

Как бы то ни было, мушкетон фермера Джайлса действительно заканчивался широким раструбом, наподобие рога, а стрелял он не

пулями, но всем, чем только его ни заряжали. Однако мушкетон не поразил еще ни одной цели, потому что фермер заряжал его редко, а уж затвор и вовсе никогда не спускал. Страна эта не была еще цивилизована, и пока ничто не вытеснило мушкетона: только этот вид огнестрельного оружия там и имелся, да и то попадался редко. Люди предпочитали лук со стрелами, а порох чаще использовали для фейерверка.

Итак, фермер Джайлс снял со стены мушкетон и зарядил его порохом на тот случай, если понадобятся крайние меры, а в широкий конец напихал гвоздей, обрывков проволоки, глиняных черепков, костей, камешков и прочее. Потом натянул высокие сапоги, куртку — и вышел через огороды.

Луна висела низко-низко, он видел только длинные черные тени кустов и деревьев, но слышал ужасный топот. ТОП... ТОП... ТОП — доносилось со склона пригорка. Что бы ни говорила Агата, не хотелось ему действовать ни живей, ни смелей, но о своей собственности он тревожился гораздо больше, чем о своей шкуре. И вот, чувствуя странную пустоту в желудке, он направился к вершине пригорка.

Тут над пригорком показалось лицо великана, бледное в лунном свете, мерцающем в его огромных круглых глазах. Ноги его были еще далеко внизу, вытаптывая поля на склоне. Лунный свет бил великану в глаза, и он не замечал фермера, зато фермер Джайлс прекрасно его разглядел и перепугался до полусмерти. Не долго думая, он дернул затвор — и мушкетон с оглушительным треском разрядился. К счастью, он был более или менее нацелен в безобразное лицо великана. Вылетело все, чем фермер набил ствол: камешки, кости, черепки, обрывки проволоки, гвозди. Поскольку расстояние в самом деле было небольшим, то случайно, а не по воле фермера, много чего попало прямо в великана: один черепок угодил ему в глаз, а большой гвоздь проткнул нос.

— Проклятие! — воскликнул великан со свойственной ему грубостью. — Меня кто-то ужалил!

Выстрела он и не услышал (он же был глухой!), а вот гвоздь ему не понравился. Давно уже ни одно насекомое не могло прокусить его толстую кожу, но он слышал, что где-то на востоке, на болотах, водятся стрекозы, которые кусаются, точно клещи.

— Гнилая здесь местность, это точно, — сказал он. — Не пойду я сегодня дальше.

Он подобрал парочку овец, чтобы съесть их дома, и отправился назад через реку, огромными шагами двигаясь к западу. Теперь он нашел дорогу домой, но дно котла совсем прогорело.

А фермер Джайлс, которого выстрел опрокинул на землю, лежал на спине, глядя в небо, и ждал, что великан, проходя мимо, наступит на него. Но ничего подобного не случилось, и он услышал, как топот замирает вдали:

ТОП...

топ...

топ...

Тогда он поднялся, потер плечо и подобрал мушкетон. И вдруг услышал крики толпы, которая его приветствовала.

Оказалось, что большая часть населения Хэма смотрела в окна, а некоторые оделись и вышли (после того как великан удалился). Теперь они с криками взбегали на пригорок.

Как только жители деревни услышали ужасный топот великана, многие тут же поплотнее закутались в одеяла, а кое-кто залез под кровать. Но Гарм и гордился своим хозяином, и боялся его. Он считал, что хозяин в гневе и ужасен, и великолепен, и был убежден, что великан подумает то же самое. И когда он увидел, что Джайлс выходит из дому с мушкетом (как правило, это было признаком сильного гнева!), он с лаем помчался по деревне, крича:

— Вставайте! Вставайте! Выходите! Все выходите и посмотрите, какой великий человек мой хозяин! Сейчас он будет стрелять в великана за нарушение границ. Выходите!

Вершина пригорка была видна почти из всех домов. Когда над ней показалось лицо великана, все перепугались и затаили дыхание. Все думали, что это чересчур и что Джайлсу с великаном не справиться. Но тут прогремел выстрел, великан вдруг повернулся и зашагал прочь, а люди от изумления и радости громко закричали, приветствуя Джайлса. Гарм лаял так, что у него едва не оторвалась голова.

— Ура! — кричали все. — Великана проучили! Эгидиус ему показал! Теперь великан помрет — и поделом ему!

Снова все хором закричали «ура». И взяли себе на заметку, что Джайлсов мушкетон и в самом деле стреляет. В деревенских трактирах прежде обсуждали этот вопрос. Теперь же все стало ясно, и никто больше не осмеливался забредать на землю фермера Джайлса.

Когда опасность миновала, отдельные храбрецы отважились взобраться на пригорок и пожать руку фермеру Джайлсу. Кое-кто — священник, кузнец, мельник и еще два-три значительных лица — похлопал его по спине. Ему это не понравилось (плечо ведь сильно болело), но он счет себя обязанным пригласить их к себе. На кухне все уселись в кружок, пили за его здоровье и громко его расхваливали. Он не скрывал зевоту, но гости не обращали на это внимания, пока не кончилась выпивка. Когда выпили по второй, а фермер — третью, он окончательно почувствовал себя храбрецом, а когда все выпили по третьей (а Джайлс — пятую или шестую), он почувствовал себя именно таким смельчаком, каковым считал его Гарм. Расстались добрыми друзьями, фермер от души похлопал гостей по спине. Руки у него были большие, красные и сильные, так что он отыгрался.

На другой день он обнаружил, что, чем дальше распространяется слух о его подвиге, тем большим количеством подробностей он обрастает. Джайлс стал значительной фигурой в округе. К середине следую-

шей недели новость дошла до деревень, лежащих за двадцать миль вокруг. Он стал Героем Округи и находил это чрезвычайно приятным. В ближайший базарный день ему поднесли столько вина, что хоть лодку пускай, и он вернулся домой, распевая старинные песни о героях.

Наконец о событии прослышал сам король. В те счастливые времена столица этого государства (Среднего Королевства) была расположена примерно в двадцати лигах от Хэма, а при дворе, как правило, не больно обращали внимание на то, что происходит в захолустной провинции. Но столь скорое изгнание такого вредного великана стоило внимания и некоторой учтивости. И по прошествии надлежащего времени, месяца через три, к празднику святого Михаила¹⁰, король направил в Хэм послание, начертанное красными чернилами на белом пергаменте. В нем выражалось монаршее удовлетворение поведением «преданного нам подданного, нашего возлюбленного Эгидиуса Агенобарбуса Юлиуса Агриколы де Хэммо». Подпись была в виде красной кляксы, а ниже придворный писец вывел затейливым почерком: «Я, Август Бонифаций Аброзий Аурелиан, благочестивый и достоуважаемый государь, базилевс и повелитель среднего королевства, руку приложил»¹¹. К посланию была прикреплена большая красная печать, что говорило о несомненной подлинности документа. Большую радость доставил он Джайлсу, им восхищались все соседи, особенно когда обнаружилось, что каждого, кто желает полюбоваться этим документом, фермер охотно приглашал к столу и угощал на славу.

Еще лучше грамоты был присланный вместе с нею подарок. Король пожаловал фермеру пояса и длинный меч. Сказать по правде, сам король никогда этим мечом не пользовался. Он принадлежал королевской семье и с незапамятных времен висел в оружейной. Хранитель королевского оружия не мог сказать, как он туда попал и для чего предназначен. При дворе такие тяжелые мечи без украшений как раз вышли из моды, потому-то король и подумал, что для подарка неотесанному деревенщине он будет в самый раз. Фермер Джайлс был в восторге, а слава его сильно возросла.

Джайлса очень радовал такой поворот событий. И Гарма тоже. Пса так и не выпороли. Джайлс был, в общем, справедливый человек, в глубине души он отдавал должное Гарму, хотя никогда не говорил об этом вслух. Он все еще награждал собаку нелестными эпитетами и при случае швырял в Гарма тяжелые предметы, зато стал закрывать глаза на его самовольные отлучки. Теперь Гарм свободно бегал по полям. Дела у фермера пошли в гору, счастье ему улыбалось. Осень и начало зимы прошли благополучно. Все шло прекрасно, пока не явился дракон.

Ко времени описываемых событий драконы уже стали редкостью на острове. Вот уже много лет в Среднем Королевстве Августа Бонифация не встречали ни одного дракона. Конечно, к западу и к северу попадались топкие болота и ненаселенные горы, но они находились очень далеко. Некогда в тех местах обитало множество разных драконов, и они делали дальние набеги. Но в те времена Среднее Королевство

славилось отвагой королевских рыцарей, и было убито и тяжело ранено так много странствующих драконов, что остальные перестали летать в том направлении.

Еще остался обычай подавать королю драконий хвост на рождественский обед¹², ежегодно выбирали рыцаря для охоты на дракона. Предполагалось, что в день святого Николая он отправлялся на охоту¹³, а к рождеству возвращался с драконьим хвостом. Но уже много лет королевский повар готовил к рождеству поддельный драконий хвост: огромный торт из тертого миндаля с чешуей из жженого сахара. Под музыку скрипок и труб избранный рыцарь относил торт в праздничный зал. Поддельный драконий хвост съедали на сладкое после рождественского обеда, и все уверяли (чтобы сделать приятное повару), что на вкус он гораздо лучше настоящего.

Так обстояло дело, когда снова появился настоящий дракон. И все из-за того великана. После своего приключения он частенько разгуливал по горам, навещая живущих в разных местах родственников, — гораздо чаще, чем обычно, и много чаще, чем им этого хотелось. Дело в том, что он все пытался одолжить у кого-нибудь большой медный котел. Удавалось ему это или нет, но он усаживался и нескладно и нудно рассказывал о прекрасной стране, лежащей далеко на востоке, и обо всяких чудесах большого мира. Он ведь воображал себя великим и отважным путешественником.

— Прекрасная местность, — говорил он, — земля ровная, почва мягкая, массу еды можно раздобыть: повсюду, знаете ли, коровы да овцы, заметить их легко, если глядеть хорошенько.

— А как насчет людей? — спрашивали его.

— Ни одного я не видел, — отвечал он. — Ни одного рыцаря там не видать и не слышать, дорогие мои. Только возле реки какие-то мухи водятся — ужасно больно жалятся.

— Что ж ты туда не вернешься? — удивлялись родственники. — Там бы и остался!

— Недаром ведь говорится, что лучше всего дома, — отвечал он. — Но я, возможно, туда схожу, если будет настроение. Во всяком случае, я-то уже там побывал — этим ведь не каждый может похвастаться. А вот медный котел...

— Так где же они, эти богатые земли, — поспешно спрашивали у него, — где чудесные поля, изобилующие скотом, который никто не сторожит? Далеко ли?

— Да к востоку, — отвечал он, — вернее, к юго-востоку. Но добираться долго.

И тут же он давал такой преувеличенный отчет о пройденном тогда расстоянии, о преодоленных лесах, горах и лугах, что ни одному великану не хотелось отправляться в путь, ведь ни у кого не было таких длинных ног. Но слухи распространялись.

После теплогo лета наступила суровая зима. В горах стояли сильные морозы, с едой стало плохо. Разговоры стали громче. Вспоминали овец

и коров, пасущихся на сочных пастбищах. Драконы навестили уши. Они хотели есть, а слухи были заманчивы.

— Значит, рыцари — существа мифические, — рассуждали молодые неопытные драконы. — Мы всегда так и думали.

— Во всяком случае, попадают они, вероятно, редко, — рассуждали старые и мудрые, — они далеко, их мало и нечего их бояться.

Особенно действовали слухи на одного дракона. Звали его Хризофилакс Дайвз¹⁴, так как он принадлежал к древнему царскому роду и был очень богат. Он был хитер, любопытен, жаден, отлично вооружен — и не очень храбр. Однако он ничуть не боялся насекомых любых размеров и видов, кроме того, он здорово оголодал.

Так что в один прекрасный зимний день, примерно за неделю до Рождества, Хризофилакс расправил крылья и пустился в путь. Среди ночи он благополучно приземлился в самом центре королевства Августа Бонифация, государя и повелителя. За короткое время он натворил немало бед, круша и сжигая все на своем пути, пожирая овец, коров и лошадей.

Это происходило далеко от Хэма, но Гарм насмерть перепугался. Он как раз отправился в путешествие, воспользовавшись благосклонностью хозяина, и отважился ночевать далеко от дома. Он шел на привлекающий его запах вдоль лесного оврага и вдруг почуял за поворотом новый и тревожный запах: оказывается, он налетел прямо на хвост Хризофилакса Дайвза, который только что приземлился. Никогда еще ни одна собака не мчалась домой задрвав хвост с такой скоростью, как Гарм. Услышав его визг, дракон повернул голову и фыркнул, но Гарм был уже далеко. Он бежал всю ночь и поспел домой только к завтраку.

— Караул! Караул! — затыкал он у задней двери.

Джайлс услышал — и ему это не понравилось. Эти звуки напомнили ему о тех неожиданностях, которые могут случиться, когда все как будто идет хорошо.

— Жена,пусти-ка эту проклятую собаку, — приказал он, — и угоди ее палкой!

Гарм проковылял в кухню, глаза его сверкали, а язык свешивался набок.

— Караул! — воззвал он.

— Чем это ты занимался на этот раз? — спросил Джайлс, швыряя в него колбасой.

— Ничем, — запыхавшись отвечал Гарм, слишком взволнованный, чтобы воздать должное колбасе.

— Ты мне это прекрати, не то шкуру спущу, — пригрозил Джайлс.

— Ничего я плохого не делал. Ничего дурного не хотел, — заскулил пес. — Только я нечаянно на дракона наткнулся — и он меня напугал.

— На дракона? — Фермер даже пивом подавился. — Будь ты проклят, нечего совать свой нос куда не надо! Чего ради ты наткнулся на дракона в такое время года, когда у меня хлопот полон рот? Где хоть он был?

— Да к северу, за холмами, а потом еще дальше, за Стоячими Камнями, — отвечал пес.

— А, вон как далеко! — У фермера отлегло от сердца. — Слыхал я, что там водится нечисть, всякое в тех местах может приключиться. Пусть сами управляют. Не лезь ты ко мне с этими баснями, убирайся вон!

Гарм ушел — и разнес новость по всей деревне. Он не забыл отметить, что его хозяин ничуть не испугался:

— Совершенно спокойно продолжал себе завтракать!

Люди, стоя в дверях домов, с удовольствием обсуждали новость.

— Как это напоминает прежние времена! — говорили они. — И Рождество на носу. Как раз по сезону. Ну и доволен же будет король! На нынешнее Рождество он сможет полакомиться настоящим хвостом.

На другой день — опять новость. Оказывается, этот дракон необыкновенно крупный и свирепый. Громадные разрушения производит. Люди спрашивали друг у друга:

— А где же королевские рыцари?

Тот же вопрос уже задали другие. Посланцы деревень, более других пострадавших от нашествия Хризофилакса, шли к королю и спрашивали так громко, как только осмеливались:

— Государь, где же ваши рыцари?

Но рыцари ничего не предпринимали: ведь им официально не сообщали о появлении дракона. Так что король в соответствующей форме довел новость до их сведения и просил приступить к необходимым действиям при первой же возможности. Он страшно разгневался, убедившись, что они пока не видят ни малейшей возможности и откладывают действия со дня на день.

Однако оправдания рыцарей звучали вполне убедительно. Прежде всего — королевский повар, имевший привычку все делать заблаговременно, уже приготовил рождественский драконий хвост. Нехорошо было бы его обидеть, принеся в последний момент настоящий. Слуга он был весьма ценный.

— При чем тут хвост? Отрубить ему голову — и дело с концом! — недовольно кричали посланцы деревень.

Но вот наступило Рождество, и, к несчастью, на день святого Джона был назначен большой турнир¹⁵. На него пригласили рыцарей многих королевств, чтобы они сражались за ценный приз. Очевидно, неразумно было бы лишить рыцарей Среднего Королевства возможности испытать себя, отправив лучших бойцов на охоту за драконом до окончания турнира. А после турнира наступил новогодний праздник.

Но каждую ночь дракон все продвигался — и оказывался все ближе к Хэму. Накануне Нового года люди увидели вдалеке зарево. Дракон расположился в лесу, всего за десять миль, и лес полыхал веселым пламенем. Дракон ведь был довольно горячим, особенно под настроением.

Тут-то народ начал поглядывать на фермера Джайлса и шептаться у него за спиной. Ему стало здорово не по себе, но он все делал вид, будто ничего не замечает. На следующий день дракон продвинулся еще на несколько миль. Тогда фермер Джайлс сам заявил вслух, что королевские рыцари оскандалились.

— Хотел бы я знать, как они оправдают свое жалованье, — говорил он.

— Мы тоже хотели бы, — соглашались жители Хэма. А мельник добавил:

— Ведь некоторые и сейчас получают рыцарство за личные заслуги, я слышал. За примером недалеко ходить, наш славный Эгидиус — настоящий рыцарь. Разве король не прислал ему письмо, написанное красными буквами, и меч?

— Одного меча для рыцарства мало, — поспешно возразил Джайлс. — Посвятить еще должны, и всякое такое, я так понимаю. А у меня и без того хлопот полон рот.

— Не сомневаюсь, что король тебя посвятит, попросит только, — сказал мельник. — Попросим, пока не поздно!

— Ни в коем случае! — испугался фермер. — Не для меня всякие там эти посвящения. Я фермер и горжусь этим, простой честный человек, а честным людям, я слышал, плохо при дворе приходится. Это вам больше по вкусу, господин мельник!

Священник улыбнулся, но не возражению фермера, ведь Джайлс и мельник слыли кровными врагами и в своих спорах за словом в карман не лезли, как поговаривали в Хэме. Просто священнику кое-что пришлось в голову, и мысль эта ему понравилась, но вслух он пока ничего не сказал. Мельник не был так доволен, и он нахмурился.

— Конечно, простой, а может, и честный, — отпарировал он. — Но разве так уж необходимо являться ко двору и быть посвященным в рыцари, чтобы убить дракона? Кроме храбрости, ничего для этого не требуется, не далее как вчера я слышал, что Эгидиус это утверждал. Несомненно, храбрости у него не меньше, чем у любого рыцаря!

Народ кругом зашумел:

— Конечно! Ура в честь героя Хэма! Ура, ура, ура!

Тогда фермер Джайлс в крайнем смущении отправился домой. Оказывается, местную репутацию нужно поддерживать, а это иной раз нелегко. Он пнул ногой пса и спрятал меч в кухонный буфет. До того меч красовался над очагом.

На следующий день дракон добрался до деревни Кварцетум (по-проstonародному — Оукли¹⁶). Питался он не только овцами и коровами, проглотил не только двух-трех ребятишек, но и священника, который несколько необдуманно пытался убедить его свернуть с пути зла. Тут уж началась ужасная суматоха. Все население Хэма во главе со священником взобралось на пригорок и ожидало фермера Джайлса.

— Мы ждем тебя, — воззвали они, а сами стояли и глядели, пока лицо фермера не запылало ярче его рыжей бороды.

— Когда ты выступаешь? — спросили они.

— Ну, сегодня я уж точно не смогу, — отговаривался он. — Хлопот полон рот, а тут еще работник заболел. Я подумаю.

Все разошлись, а к вечеру поползли слухи, что дракон подобрался еще ближе, и народ вернулся.

— Мы за тобой, мастер Эгидиус, — позвали люди.

— Да вы что, — возразил он, — именно сейчас мне совсем не до того. Кобыла охромела, и овцы ягнятся. Потом видно будет.

Все опять разошлись, ворча и переглядываясь. Мельник ехидно посмеивался. Священник остался, и от него никак было не избавиться. Он напросился на ужин и все на что-то намекал. Даже спросил, где меч, и настойчиво попросил его показать.

А меч лежал себе на верхней полке буфета, коротковатой для него, и, как только фермер Джайлс взял его в руки, выскочил из ножен, а фермер выронил ножны, будто они обожгли ему руки. Священник так и вскочил, даже пиво опрокинул. Он осторожно поднял меч и попытался снова вложить его в ножны, но меч входил туда всего на какой-нибудь фут, и, как только священник снял руку с рукоятки, он снова выскочил.

— Господи Боже! Как странно! — воскликнул священник. Он хорошенько осмотрел и ножны, и клинок. Он ведь был человеком образованным: не то что фермер, который с трудом разбирает заглавные буквы унциального письма¹⁷ и не был уверен, что прочтет верно собственное имя. Потому он и не обратил внимания на чудные буквы, которые с трудом можно было разобрать на ножнах и на мече. Хранитель же королевского оружия так привык к рунам, именам и другим символам власти и знатности, начертанным на мечах и ножнах, что не забивал ими голову; кроме того, он считал, что они устарели.

А священник долго их разглядывал и хмурился. Он рассчитывал найти какую-нибудь надпись на мече или на ножнах, именно эта мысль и осенила его накануне, но то, что теперь увидел, его поразило: там действительно были начертаны буквы, но он никак не мог разобрать их.

— На ножнах какая-то надпись, а на мече изображены эпиграфические знаки¹⁸, — сказал он.

— В самом деле? — удивился Джайлс. — Что же они означают?

— Буквы старинные, а язык варварский, — сказал священник, чтобы выиграть время. — Надо их повнимательней изучить.

Он попросил меч до утра, и фермер с радостью его отдал.

Придя домой, священник снял с полок множество ученых книг и сидел над ними до глубокой ночи. Наутро стало известно, что дракон продвинулся еще ближе. Жители Хэма заперли двери домов на все засовы и закрыли окна ставнями; те же, у кого были погреба, спустились туда и дрожали при свете свечей.

Но священник крадучись вышел из дому и, переходя от двери к двери, рассказывал в щелку или в замочную скважину всем, кто хотел его слушать, об открытии, которое сделал ночью у себя в кабинете.

— Наш добрый Эгидиус, — говорил он, — благодаря милости короля оказался владельцем знаменитого меча Кодимордакса¹⁹, в романсах на простонародном языке его называют Хвостосеком.

Услышав эти слова, люди открывали двери. Всем была известна слава Хвостосека: ведь этот меч когда-то принадлежал Белломариусу, величайшему в королевстве победителю драконов. Согласно некоторым сведениям, возможно, не совсем достоверным, он был прапрадедушкой нынешнего короля по материнской линии. О его подвигах сложили множество песен и легенд — если их забыли при дворе, то в деревнях помнили прекрасно.

— Этот меч, — объяснял священник, — не лежит в ножнах, если дракон находится в пределах пяти миль. Несомненно, он сразит любого дракона, если будет в руках храбреца.

И люди начали собираться с духом, иные даже окна раскрыли и выглянули на улицу. В конце концов, священник убедил нескольких человек выйти и следовать за ним, но охотно это сделал один мельник. Он решил — стоит рискнуть, чтобы поглядеть, как попался Джайлс. Люди поднялись на пригорок, бросая беспокойные взгляды на север. За рекой не было ни малейших признаков дракона. Возможно, он спал: он ведь отлично питался все рождественские праздники.

Священник с мельником забарабанили в дверь Джайлса. Ответа не последовало, они забарабанили еще сильнее. Наконец вышел Джайлс. Лицо у него было красное. Он вчера тоже засиделся допоздна и выпил много пива. Утром встал и снова принял за любимый напиток.

Все толпой окружили его, называя добрым Эгидиусом, храбрым Агенобарбусом, великим Юлиусом, стойким Агриколой, гордостью Хэ-ма, героем всей округи. И заговорили о Кодимордаксе, Хвостосеке, мече, не уходящем в ножны, знаменующем Победу или Смерть, Славу Йоменов, Опору Страны и Благо Народа, и в голове фермера все перепуталось.

— Эй! Давай по одному, — вставил он, как только получил такую возможность. — Что все это значит? У меня же с утра самая работа.

Разъяснить ситуацию предоставили священнику. Тут мельник, к своей радости, увидел, как Джайлс попался в самый крепкий силок — крепче и пожелать было нельзя. Но все обернулось не совсем так, как ожидал мельник. Во-первых, Джайлс выпил много крепкого пива. Во-вторых, он необыкновенно возгордился и воодушевился, узнав, что его меч и есть самый настоящий Хвостосек. В детстве он очень любил сказки о Белломариусе, и, пока не научился уму-разуму, иной раз ему хотелось владеть таким же замечательным героическим мечом. И ему вдруг пришло в голову, что надо взять Хвостосек и отправиться охотиться на дракона. Но он слишком привык торговаться, так что опять попытался отсрочить это событие.

— Что? — воскликнул он. — Мне охотиться на дракона? Это в моих-то старых гамашах и жилетке? На дракона в хороших доспехах ходят, так я слыхал. А в моем доме их нет, это уж точно, — обрадовался он.

С минуту все неловко молчали, потом послали за кузнецом. Кузнец покачал головой. Человек он был медлительный и мрачный, а прозвали его Солнечным Сэмом, хотя настоящее его имя было Фабрициус Кунктатор²⁰. Он никогда не свистел за работой, за исключением тех случаев, когда происходило несчастье, из числа предсказанных им ранее. А так как он без конца только и делал, что предсказывал всякие несчастья, редко могло случиться что-нибудь такое, чего бы он до того не успел предсказать, а потому все, что бы ни произошло, приписывали его пророчествам. Для него это была главная радость, поэтому он никогда ничего не делал для предотвращения несчастья. Он снова покачал головой и объявил:

— Из ничего оружия не сделаешь. Да и не по моей это части. Лучше бы попросили плотника изготовить деревянный щит, да и это мало поможет: дракон горяч.

Лица жителей Хэма вытянулись, но мельник не собирался так легко отступить от своего плана отправить Джайлса на бой с драконом, а если тот все-таки откажется, он мечтал увидеть, как лопнет мыльный пузырь славы его недруга.

— А как насчет кольчуги? — спросил он. — С ней надежней, только чтоб не слишком тонкая была. Она ведь для дела, а не для щегольства при дворе. У тебя найдется старая кожаная куртка, друг Эгидиус? А в кузнице отыщется куча металлических колец. Думаю, мастер Фабрициус и не подозревает, что там могло завалиться.

— Ничего ты не смыслишь, — кузнец повеселел. — Настоящая кольчуга все равно не получится. Нужна ювелирная ловкость гномов, чтобы каждое крошечное колечко соединить с четырьмя другими. Если б я даже владел таким искусством, пришлось бы трудиться много недель. К тому времени мы все окажемся в могиле, — заключил он, — во всяком случае, в драконьем брюхе.

Жители Хэма в отчаянии заломили руки, кузнец улыбнулся. Но теперь все были в такой панике, что никак не хотели отказаться от плана мельника и повернулись к нему, ища совета.

— Что ж, — сказал тот. — Слышал я, что в старину те, кто не мог купить настоящую кольчугу из южных стран, нашивали стальные кольца на кожаную рубаху²¹ — и сходило. Поглядим, что в таком роде можно сделать.

Так что пришлось Джайлсу притащить старую кожаную куртку, а кузнеца заставили живо вернуться в кузницу. Порылись там во всех углах и разворошили кучу старого железа, которую не трогали много лет. В самом низу нашли массу колечек, траченных ржавчиной, — очевидно, они остались здесь от забытой когда-то куртки, именно такой, о какой говорил мельник. По мере того, как дело оказывалось не таким уж безнадежным, Сэм все больше мрачнел, но его заставили приняться за работу. Он собирал, сортировал и чистил эти кольца; и когда (о чем он радостно сообщил) выяснилось, что их совершенно недостаточно для такого широкоплечего человека, как мастер Эгидиус, кузнеца заставили разбить старые цепи и расплющить звенья в тонкие

колечки — насколько хватило мастерства. Колечки помельче нацепили на куртку спереди, а те, что покрупнее и поглубже, укрепили на спине. Колец все прибавлялось, потому что бедный Сэм трудился в поте лица, и тогда жители Хэма нашли кольца еще и на штаны фермера. А высоко на полке в темной уголке кузницы мельник разыскал железный каркас шлема и засадил за работу сапожника, чтобы тот обшил каркас кожей.

Так трудились весь остаток дня и весь следующий день, а после наступления Двенадцатой ночи²² пришел канун Крещения, но было не до праздника. Фермер Джайлс выпил по этому случаю больше пива, чем обычно, а дракон милостиво спал. Он совсем позабыл на это время о голоде и о мечах.

Рано утром в день Крещения²³ все поднялись на холм, держа в руках диковинный результат своей работы. Джайлс ждал их. Отговорок у него не осталось, пришлось надевать куртку-кольчугу и штаны. Мельник презрительно хихикал. Потом Джайлс натянул болотные сапоги, прикрепил к ним пару шпор и нахлобучил обитый кожей шлем. Но в последний момент прикрыл сверху шлем старой фетровой шляпой, а на кольчугу накинул серый плащ.

— Зачем это, мастер? — спросили люди.

— Ну, — отвечал он, — неужели вы воображаете, что на дракона надо идти звеня и грохоча, точно Кентерберийские колокола?²⁴ Мне как-то кажется, что ни к чему оповещать дракона о своем приближении раньше времени. А шлем — это вызов на битву. Пусть ящер видит поверх изгороди только мою старую шляпу, тогда я, может, подберусь поближе, пока не начнется суматоха.

Кольца пришили так, что они звенели, задевая друг за друга. Прижатые плащом, они не звенели, но Джайлс в таком снаряжении выглядел довольно странно, однако ему об этом не сказали. Поверх плаща с трудом нацепили пояс и привязали ножны, но меч пришлось держать в руках: в ножны его было никак не упрятать, разве что прижать изо всех сил.

Фермер кликнул Гарма. Он был человек справедливый — в меру своего разума.

— Пес, — позвал он. — Пойдешь со мной.

— Спасите! Караул! — взвыл пес.

— Перестань! — прикрикнул Джайлс. — Не то вздую тебя не хуже любого дракона! Ты же ящера по запаху знаешь и сможешь на этот раз оказаться полезным.

Потом фермер Джайлс кликнул свою серую кобылу. Она наградила его недовольным взглядом и фыркнула, увидев шпоры, однако дала ему сесть в седло и быстро понесла его вперед, хотя никто из них не испытывал при этом удовольствия. Они проскакали через всю деревню; жители радостно приветствовали их из окон и аплодировали. Фермер и его кобыла старались не показывать виду, что что-то не так, а Гарм стыдиться не умел, он просто плелся за ними, опутив хвост.

Они проскакали через мост над рекой в конце деревни. Когда наконец никто не мог их видеть, они замедлили скорость до шага, и все-таки очень быстро миновали владения фермера Джайлса и других жителей Хэма и оказались в тех местах, которые успел посетить дракон. Кругом были сломанные деревья, сожженные изгороди, почерневшая трава — и зловещая тишина.

Солнце светило вовсю, и фермер Джайлс уже подумывал, не скинуть ли что-нибудь из одежды и не хватил ли он лишнюю пинту пива. «Хорошенький конец Рождества, — подумал он. — Счастье еще, если жив останусь». Он вытер лицо большим носовым платком — зеленым, а не красным: он слышал, что красный цвет разъяряет драконов.

Но дракона он не обнаружил. Он миновал множество просек, широких и узких, много опустошенных фермерских полей, а дракона все не было. От Гарма, конечно, не было никакого проку: пес трусил за лошадью и вовсе не собирался приножливаться.

Наконец выехали на извилистую дорогу, почти нетронутую, она казалась спокойной и ровной. Проехав по ней с полмили, Джайлс подумал, что, пожалуй, он уже исполнил свой долг и все, к чему обязывает его репутация. Он решил, что хватит с него, и уже подумывал о том, как вернется и сядет обедать, а друзьям расскажет: дракон только увидел, как он подъезжает, так сразу просто-напросто улетел, — и тут дорога резко повернула. А за поворотом лежал дракон, загордив своей отвратительной мордой самую середину дороги.

— Караул! — тявкнул Гарм и кинулся прочь.

Серая кобыла резко осела, и фермер свалился в канаву. Когда он высунул голову, дракон окончательно проснулся и смотрел прямо на Джайлса.

— Доброе утро, — поздоровался дракон. — Вы, кажется, удивлены?

— Доброе утро, — ответил Джайлс. — Я и в самом деле удивлен.

— Прошу прощения, — сказал дракон. Когда при падении фермера зазвенели кольца, он что-то заподозрил и насторожил уши. — Прошу прощения за такой вопрос, но не меня ли вы случайно ищете?

— Нет, что вы! — заверил фермер. — Кто бы мог подумать, что вы здесь окажетесь? Я просто катался.

Он поспешно выбрался из канавы и направился к своей серой кобыле. Она была уже на ногах и с совершенно безразличным видом щипала траву у обочины дороги.

— Значит, мы встретились благодаря счастливой случайности, — заметил дракон. — Мне очень приятно. Это что же, ваш праздничный наряд? Новая мода, вероятно?

Фетровая шляпа слетела с фермера Джайлса, а плащ распахнулся, но он решил держаться понахальнее.

— Да, — сказал он, — самая последняя. Но я должен догнать свою собаку, боюсь, что она за кроликами погналась.

— Боюсь, что это не так, — возразил Хризофилакс, облизываясь (он всегда облизывался, когда его что-нибудь забавляло). — Полагаю, она

доберется до дому гораздо раньше вас. Но прошу вас, продолжайте ваш путь, мастер — не припомню вашего имени?

— А я вашего, — подхватил Джайлс, — наверное, так оно и лучше.

— Как вам угодно, — Хризофилакс снова облизнулся и притворился, будто закрыл глаза. Сердце у него было злое (как у всех драконов), но не очень смелое (что тоже не так редко встречается). Он предпочитал такие блюда, за которые не приходится сражаться, но после долгого сна аппетит его возрос. Священник из Оуклии был довольно поджарым, упитанного человека дракон давненько не пробовал. Вот он и вздумал полакомиться мясом, которое само так и шло ему в рот, он ждал только, чтобы этот дурень ослабил бдительность.

Но дурень был вовсе не так глуп, как казалось, он не спускал глаз с дракона, даже взбираясь на лошадь. У нее, однако, были совсем иные намерения, и она лягалась, когда Джайлс попытался на нее сесть. Дракон начал проявлять признаки нетерпения и приготовился к прыжку.

— Извините, — сказал он, — вы, кажется, что-то уронили?

Старый трюк сработал: Джайлс и в самом деле кое-что уронил. Падая, он выронил Кодимордакс (а попросту — Хвостосек), и меч лежал на обочине. Джайлс наклонился за ним, а дракон прыгнул. Но Хвостосек оказался проворнее. Едва фермер подобрал его, как он молнией скользнул вперед, прямо к драконьим глазам.

— Эй! — дракон остановился. — Что это там у вас?

— Да всего-навсего Хвостосек, мне его король подарил, — ответил Джайлс.

— Как я в вас ошибся! — воскликнул дракон. — Прошу прощения. — Он лег перед фермером ниц, тому стало чуть полегче. — А вы нечестно со мной обошлись.

— Разве? — удивился фермер. — А с какой стати я должен был поступать с вами честно?

— Вы скрыли свое славное имя и притворились, будто наша встреча случайна, но ведь вы знатный рыцарь. Прежде в таких случаях рыцари имели обыкновение открыто вызывать на битву, объявив свой титул и полномочия.

— Может, так и было, а может, и нынче так принято, — сказал Джайлс. Он был очень доволен собой. Можно извинить человека за некоторое самодовольство, если перед ним пресмыкается огромный величественный дракон. — Но ошибка ваша гораздо больше, старый выщер. Вовсе я не рыцарь. Я фермер Эгидиус из Хэма и терпеть не могу браконьеров. Мне уже случалось стрелять из мушкетона в великанов, а они куда меньше навредили, чем вы. Их я тоже и не думал вызывать.

Дракон несколько обеспокоился. «Проклятый великан солгал, — подумал он, — Ввел меня в заблуждение. Как же себя вести с таким храбрым фермером, да еще владеющим столь блестящим и воинственным мечом?» Дракон не мог припомнить ни одного подобного прецедента.

— Меня зовут Хризофилакс, — представился он. — Хризофилакс Богатый. Что я могу сделать для вашей милости? — льстиво спросил он, косясь одним глазом на меч и надеясь избежать боя.

— Ты можешь отсюда убраться, рогатый безобразник, — сказал Джайлс, которому тоже хотелось избежать битвы. — Мне нужно только от тебя избавиться. Убирайся в свою грязную берлогу! — Он шагнул к дракону, размахивая оружием так, будто ворон пугал.

Хвостосеку это только и было нужно. Сверкнул в воздухе, он описал круг и опустился, поразив дракона в сочленение правого крыла. Удар сильно испугал дракона. Конечно, Джайлсу было неизвестно, как надо убивать драконов, не то меч попал бы в более уязвимое место; но Хвостосек сделал все, что мог в неопытных руках. Хризофилаксу и этого хватило: он долго не мог пользоваться крыльями. Он вскочил и попробовал взлететь, но убедился, что не в состоянии это сделать. Фермер прыгнул в седло. Дракон побежал, кобыла за ним. Дракон с пыhtением и свистом пересек поле, кобыла не отставала. Фермер кричал и улюлюкал, будто на скачках. При этом он все время размахивал Хвостосеком. Чем быстрее мчался дракон, тем он становился растеряннее, а серая кобыла скакала во весь опор и не отставала от него.

Они скакали сквозь просеки и проломы в изгородях, по полям и ручьям. Дракон изрыгал дым, ревел, — он потерял всякое представление о направлении. Наконец они стремительно вступили на Хэмский мост, с грохотом проскакали по нему и помчались по деревенской улице. Здесь Гарм имел наглость выскочить из переулка и присоединиться к погоне.

Жители прильнули к окнам или вылезли на крыши. Кто смеялся, кто кричал «ура», а кто бил в кастрюли, сковородки и котлы. Некоторые дули в рожки или свистки, а священник велел звонить в колокола. Лет сто в Хэме не было такой суматохи.

Дракон сдался у входа в церковь. Он лег посреди дороги и пытался отдышаться. Подоспел Гарм и начал нюхать ему хвост, но Хризофилаксу уже ничуть не было стыдно.

— Люди добрые и храбрый воин, — начал он, едва переведя дух, когда подъехал фермер Джайлс, а жители деревни окружили его (правда, на безопасном расстоянии), вооружась кто вилами, кто колом, а кто и кочергой. — Люди добрые, не убивайте меня! Я очень богатый. Возмещу весь ущерб, который вам причинил. Оплачу похороны всех убитых, особенно священника из Оукли, роскошный памятник ему поставлю, хотя покойный и был худоват. Щедро вас вознагражу, если только вы отпустите меня домой за выкупом.

— Сколько? — спросил фермер.

— Ну, — дракон быстро подсчитывал в уме. Он заметил, что толпа собралась порядочная. — Тринадцать шиллингов восемь пенсов на каждого?

— Чепуха какая! — фыркнул Джайлс.

— Ну и ерунда! — завопил народ.

— Чушь! — твякнул Гарм.

— Две золотые гинеи каждому, детям полцены?
— А собакам? — уточнил Гарм.
— Дальше! — предложил фермер. — Мы слушаем!
— Десять фунтов и кошелек с серебром на душу, а собакам по золотому ошейнику, — неуверенно предложил Хризофилакс.
— Убить его! — в нетерпении завопил народ.
— Каждому по мешку с золотом, а женщинам — бриллианты?²⁵ — поспешил вставить Хризофилакс.

— Так-то получше, да не совсем ладно, — заметил Джайлс.
— Опять собак забыл, — пролаял Гарм.
— Какого размера мешок? — поинтересовались жители Хэма.
— Бриллиантов сколько? — спросили их жены.
— Боже, Боже, — простонал дракон. — Я же разорюсь!
— Поделом тебе, — сказал Джайлс, — Выбирай — или разоришься, или тебя убьют. На этом самом месте. — Он взмахнул Хвостосеком, дракон так и съежился.

— Решайся! — Жители Хэма, смелая, подступали все ближе.
Хризофилакс заморгал, но незаметно для всех рассмеялся в глубине души. Торговля начала его развлекать. Очевидно, люди хотели что-то из нее извлечь. Они так мало знали об окружающем мире — ведь ни один житель королевства никогда не имел дела с драконами и не был знаком с их штучками. Постепенно Хризофилакс отдышался и успокоился. Он облизнулся.

— Назовите свою цену, — предложил он.
Тут все разом заговорили, перебивая друг друга. Хризофилакс слушал с интересом. Один только голос ему не понравился — голос кузнеца.

— Ничего хорошего не выйдет, помяните мое слово! — воскликнул кузнец. — Врет он все, не вернется он. Да и в любом случае ничем хорошим это не кончится.

— Можешь от своей доли отказаться, если ты так считаешь, — предложили ему, а сами продолжали рядиться и спорить, не очень-то следя за драконом.

Хризофилакс поднял голову, но, если он и подумывал прыгнуть на кого-нибудь или улизнуть под шумок, то ему пришлось испытать разочарование. Рядом стоял фермер Джайлс, жуя травинку и размышляя. Держа Хвостосек в руке, фермер не сводил глаз с дракона.

— Лежи, где лежишь, — приказал он, — не то получишь, что заслужил, и золото не поможет!

Дракон поник. Наконец священника выбрали говорить от имени всех, он шагнул вперед и встал рядом с Джайлсом.

— Гнусный червяк! — заявил он. — Ты должен принести сюда все свое несправедливое богатство. После того как ты возместишь убытки всем, кого ограбил, остальное мы поделим по справедливости. Затем, если ты дашь нам торжественную клятву никогда больше не разорять наших земель и не подстрекать никакое другое чудовище нападать на нас, мы дадим тебе уйти и унести и голову, и хвост. А теперь ты должен

поклониться, что вернешься, — такой клятвой, какую даже дракон обязан выполнить.

Хризофилакс правдоподобно изобразил колебание — и согласился. Он даже поплакал горючими слезами над своим богатством и оплакивал его до тех пор, пока на дороге на задымились большие лужи, но его слезы никого не тронули. Он принес самые торжественные и твердые клятвы, что вернется со всем своим достоянием к празднику святого Хилариуса и святого Феликса²⁶. В его распоряжении было восемь дней — даже самые несведущие в географии могли бы сообразить, что срок для такого путешествия маловат. Тем не менее дракона отпустили и проводили до моста.

— До встречи! — сказал он, переправляясь через реку. — Уверен, что все мы будем ждать ее с нетерпением.

— Уж мы-то будем, — сказали люди.

И понятно, поступили неразумно. Клятвы, которые он давал, должны были бы тяжким грузом лечь на его совесть, но чего-чего, а совести у него не было вовсе. Если эти доверчивые люди в простоте своей не допускали столь досадного недостатка у существа столь высокого происхождения, то уж священник (при его книжной учености) мог бы об этом догадаться. Возможно, он и догадывался. Он ведь был человек образованный и мог предвидеть будущее гораздо лучше других.

По дороге в кузницу кузнец качал головой.

— Недоброе сулят эти имена, — повторял он. — Хилариус и Феликс. Не нравится мне, как они звучат.

Король, конечно, скоро узнал эту новость. Она молниеносно пронеслась по всему королевству и ничуть не исказилась по пути. Король был сильно задет — по разным причинам, не последняя из которых была финансовая. Он решил сейчас же лично отправиться в Хэм, где происходили такие странные события.

Он прибыл спустя четыре дня после ухода дракона — проехал по мосту на белом коне в сопровождении множества рыцарей, герольдов и целого обоза с багажом. Жители Хэма принарядились и выстроились вдоль улицы, чтобы приветствовать его. Кавалькада остановилась перед церковными воротами. Фермер Джайлс преклонил перед королем колена, его представили, король велел ему подняться и запросто потрепал его по спине. Рыцари сделали вид, будто не заметили такой фамильярности.

Король приказал всем жителям деревни собраться на обширном пастбище Джайлса на берегу реки. Когда все были в сборе (включая и Гарма, который считал, что происходящее имеет к нему прямое отношение), Август Бонифаций, государь и повелитель, милостиво обратился к ним с речью. Он четко объяснил, что все богатства негодника Хризофилакса принадлежат ему как господину здешних земель. Он ловко обошел вопрос о своих притязаниях на право повелителя горной страны, каковые были весьма спорны, но объявил, что «мы нимало не сомневаемся: все сокровища дракона были украдены у наших предков. Но мы, как всем известно, столь же справедливы, сколь великодушны,

и наш любезный вассал Эгидиус будет должным образом вознагражден, и ни один из наших верных подданных в здешних местах не останется без какого-либо знака нашего расположения, начиная священником и кончая самым малым ребенком. Ибо мы очень довольны Хэмом. Здесь, по крайней мере, остались еще смелые и мужественные люди, оправдывающие древнюю славу нашей нации». Рыцари тем временем обсуждали новые фасоны шляп.

Жители кланялись и приседали, униженно благодаря монарха. Но жалели, что сразу не приняли предложения дракона получить по десять фунтов и не держали сделку в секрете. Они прекрасно понимали, что расположение короля не дойдет и до этой суммы. Гарм заметил, что опять не вспомнили о собаках. Доволен был только фермер Джайлс. Он был уверен, что его наградят, и уж, во всяком случае, радовался, что выпутался из этой истории, благополучный конец которой придал ему еще больше веса в глазах соседей.

Король не уехал. Он велел раскинуть шатры на поле фермера Джайлса и ждал четырнадцатого января, стараясь развлекаться, насколько это было возможно в жалкой деревушке вдали от столицы. В первые же три дня королевская свита съела почти весь хлеб, масло, яйца, цыплят, сало и баранину и выпила до капли все запасы старого эля, какие были в деревне. Потом стали ворчать, что их плохо кормят. Король великодушно за все заплатил (квитанциями, которые после можно будет обменять на деньги: ведь он надеялся, что скоро казна сильно пополнится), так что жители Хэма обрадовались, не зная истинного состояния казны.

Наступило четырнадцатое января, праздник Хилариуса и Феликса. Все встали очень рано. Рыцари надели кольчуги. Фермер нацепил свою самодельную кольчугу, и рыцари откровенно смеялись над ним, пока не поймали на себе гневный взор короля. Фермер пристегнул Хвостосек — меч вошел в ножны легко, как нож в масло, и остался там. Священник внимательно поглядел на меч и только головой покачал. Кузнец посмеивался.

Наступил полдень. От волнения никто не мог есть. День тянулся медленно. Хвостосек по-прежнему не проявлял ни малейшего стремления выскочить из ножен. Никто из наблюдателей на холме, даже мальчишки, взобравшиеся на деревья, ни на земле, ни в воздухе не замечал признаков приближения дракона.

Кузнец расхаживал посвистывая, но остальные жители деревни только вечером, когда появились звезды, начали подозревать, что дракон и не думает возвращаться. Но они вспоминали его торжественные клятвы и продолжали надеяться. Когда же наступила полночь и назначенный день истек, разочарованию жителей Хэма не было предела. Зато кузнец торжествовал.

— Я же говорил, — напомнил он. Но они еще ничего не поняли.

— Он все-таки тяжело ранен, — говорили одни.

— Мало мы ему времени дали, — соображали другие. — В горы так тяжело и долго добираться, а ему нужно столько нести. Может, помочь ему надо.

Но миновал следующий день и еще один. Надеяться уже перестали. Король пришел в ярость. Еда и питье кончились, и рыцари начали громко роптать. Им хотелось вернуться к дворцовым развлечениям. Но королю нужны были деньги. Он простился со своими подданными поспешно и холодно и аннулировал половину квитанций. Фермеру Джайлсу он на прощанье едва кивнул.

— Мы обратимся к вам позже, — сказал он и уехал со своими рыцарями и герольдами.

Самые простодушные энтузиасты надеялись, что скоро придет письмо от короля, он призовет мастера Эгидиуса к себе и хотя бы посвятит его в рыцари. Через неделю письмо действительно пришло, но совершенно иного содержания. Оно было в трех экземплярах: для Джайлса, для священника, а третий надлежало вывесить на дверях церкви. Только из экземпляра, предназначенного священнику, можно было извлечь какую-то пользу, потому что написано письмо было особым шрифтом, столь же непонятным жителям Хэма, как книжная латынь. Но священник перевел его на простонародный язык и прочел с церковной кафедры. Письмо было не по-королевски коротким и сугубо деловым: король торопился.

«Мы, Август Б.А.Ю.А.П., государь и пр., сообщаем, что решили для безопасности нашего королевства и поддержания нашего престола дракона, именующего себя Хризофилаксом Богатым, разыскать и жестоко наказать за его коварные дела и злонамеренные поступки. Рыцарство нашего двора должно незамедлительно вооружиться и быть готовым к свершению этого подвига, как только мастер Эгидиус А. Ю. Азрикола прибудет к оному двору, поскольку означенный Эгидиус показал себя человеком преданным и способным сражаться с великанами, драконами и прочими врагами, нарушающими королевский покой. мы приказываем ему немедленно отправиться в путь и присоединиться к нашим рыцарям со всей возможной быстротой».

Жители Хэма считали, что это большая честь и следующим шагом будет посвящение в рыцари. Мельник страшно завидовал.

— Высоко поднимется друг Эгидиус, — сказал он. — Надеюсь, он нас не забудет, когда воротится.

— Может, он и вовсе не воротится, — сказал кузнец.

— Хватит, заткнись, морда лошадиная, — оборвал Джайлс. — Будь проклята такая честь! Если вернусь, даже общество мельника будет мне приятно. Все-таки меня утешает то, что некоторое время я не увижу вас обоих. — С этими словами он ушел.

Для короля не изобретешь отговорки, как для соседей: овцы, пахота, молоко или вода, — пришлось оседлать серую кобылу и отправиться в путь. Провожал его священник.

— Надеюсь, ты взял крепкую веревку? — спросил он.
— Это зачем? — удивился Джайлс. — Повеситься?
— Никоим образом! Мужайся, мастер Эгидиус! — сказал священник. — Мне кажется, ты можешь положиться на свою удачу. Но все же захвати веревку подлиннее, она тебе пригодится, если меня не обманывает моя проницательность. Ну, прощай же, да смотри возвращайся невредимым!

— Ох! Вернуться и увидеть свой дом и землю совсем запущенными... Будь они прокляты, драконы! — ответил Джайлс. Потом запихнул в седельную сумку большой моток веревки и отправился в путь. Пса он не взял — тот все утро старался не попадаться на глаза. Когда хозяин уехал, Гарм прокрался в дом и выл всю ночь. За это его поколотили, но он продолжал свое.

— Караул, караул! — таякал он. — Не увижу я больше моего дорогого хозяина, а ведь он такой был грозный и великолепный! Лучше бы я с ним пошел.

— Заткнись! — прикрикнула жена фермера. — Не то не доживешь до того, чтобы увидеть, вернется ли он.

Вытье собаки услышал кузнец и объявил:

— Дурной знак! — При этом вид у него был довольный.

Прошло много дней — вестей не было.

— Отсутствие вестей — дурные вести²⁷, — провозгласил кузнец и громко запел.

Фермер Джайлс прибыл ко двору усталый и запыленный, но рыцари в начищенных кольчугах и сверкающих шлемах стояли наготове возле своих коней. Им не нравилось, что король вызвал фермера и включил его в их славные ряды, поэтому они настояли на буквальном выполнении приказа и ждали появления Джайлса, чтобы сразу же выступить в поход. Бедный фермер едва успел проглотить кусок хлеба и запить его вином, как снова оказался в пути. Кобыла его обиделась. К счастью, ее мнение о короле осталось невысказанным: оно было весьма непочтительным.

День клонился к вечеру. «Слишком поздно начинать охоту на дракона», — думал Джайлс. Но много они не проехали. Рыцари не спешили: ведь главное — это выступить в поход. Они ехали шагом нестройными рядами: рыцари, эскавайры, слуги и пони с поклажей. Позади на своей усталой кобыле трясся фермер Джайлс.

Когда наступил вечер, сделали привал и раскинули шатры. О съестных припасах для фермера Джайлса никто не позаботился, пришлось ему одалживать у других. Кобыла негодовала и отеклась от верности династии Августа Бонифация.

На второй день продолжали путь. На третий показались вдали туманные очертания негостеприимных гор. В скором времени оказались там, где полностью не признавалась власть Августа Бонифация. Ехали осторожно, держась ближе друг к другу. На четвертый день добрались до Диких Холмов, до границы таинственной страны, где, по слухам,

обитали сказочные жители. Вдруг ехавший впереди всадник заметил на песке у ручья огромные следы. Подозвали фермера.

— Что это, мастер Эгидиус? — спросили у него.

— Драконьи следы, — отвечал он.

— Вперед!

Теперь устремились на запад. Фермер Джайлс оказался во главе колонны, кольца на его кожаной куртке так и звенели. Но это было неважно, потому что рыцари громко болтали и смеялись, а ехавший среди них менестрель пел песни. Припев то и дело громко подхватывали хором. Пение всех приободряло: песня была хорошая, ее сложили в прежние времена, когда битвы случались чаще, чем турниры. Но петь было неблагодарно: из-за этого все здешние обитатели слышали приближение рыцарей, во всех западных пещерах драконы настораживали уши. Трудно было надеяться застичнуть Хризофилакса спящим.

То ли судьба так захотела, то ли кобыла сама была виновата, но у самого подножия темных гор она охромела. Все как раз начали подъем по каменистой тропе, продвигались с трудом и все с возрастающим беспокойством. Серая кобыла все больше отставала, спотыкаясь и хромая, вид у нее был такой терпеливый и печальный, что фермер Джайлс наконец счел нужным спешиться и пойти за ней. Вскоре они отстали от самых последних пони, но никто этого не заметил. Рыцари были заняты тем, что обсуждали, кому за кем следовать согласно этикету²⁸. Иначе они заметили бы, что драконьи следы стали отчетливей и многочисленней. Они и в самом деле попали в места, где частенько бродил Хризофилакс, приземлившись после разминки в воздухе. По обе стороны тропы земля была выжжена и вытоптана. Травы осталось мало, а стебли вереска и дрока торчали черными прутиками среди обширных прогоревших участков земли. Много лет здесь была площадка драконьих игр. Над ней темной стеной нависала гора.

Фермер Джайлс беспокоился о своей кобыле, но радовался предлогу не быть в центре внимания. Не нравилось ему возглавлять кавалькаду в таком мрачном и ненадежном месте. Вскоре он обрадовался еще сильнее и с полным основанием благодарил судьбу (и кобылу): ровно в полдень (а это был праздник Сретенья²⁹ и седьмой день пути) Хвостосек выскочил из ножен, а дракон — из пещеры.

Дракон ринулся с бой без предупреждения и не соблюдая формальностей. С ревом и свистом обрушился он на людей. Вдалеке от дома он, несмотря на свое высокое происхождение, не проявлял особенной храбрости. Но теперь он был исполнен ярости, потому что сражался у собственных дверей и защищал свои сокровища. Он кружил вокруг горы, точно грозовая туча, шумя подобно ветру, изрыгая красные молнии.

Препирательства о порядке следования тотчас прекратились. Лошади кинулись в разные стороны, некоторые рыцари с них свалились. Пони с поклажей и слуги бросились бежать: они-то не думали об этикете.

Тут все окутали клубы дыма, а среди них возник дракон и кинулся на голову кавалькады. Несколько рыцарей погибло, так и не успев произнести традиционный вызов на битву; многие были сброшены на землю. Об остальных позаботились кони, которые повернули и понесли своих хозяев прочь, не спрашивая их согласия. Но многим именно того и хотелось.

А серая кобыла и с места не сдвинулась. Возможно, боялась переломать ноги на каменистой тропе, а может, слишком устала. Она инстинктивно понимала, что дракон представляет гораздо большую опасность, летя позади нее, чем впереди, и что тут может помочь только скорость отличной скаковой лошади. Кроме того, она не забыла, как гналась за Хризофилаксом через поля и ручьи в родных своих местах и как он улегся, точно ручной, прямо на главной улице деревни. Одним словом, она расставила ноги и зафыркала. Фермер Джайлс страшно побледнел, но остался стоять рядом, так как другого выхода, по-видимому, у него не было.

И вышло так, что дракон, налетев на кавалькаду, увидел прямо перед собой своего старого врага с Хвостосеком в руке. Этого он никак не ожидал. Он кинулся в сторону, как гигантская летучая мышь, и свалился на склоне холма возле дороги. Серая кобыла двинулась к нему, позабыв, что хромает. Приободрившись, фермер Джайлс поспешно вскарабкался в седло.

— Прошу прощения, но не меня ли вы случайно ищете?

— Что вы, нет! — заверил его Хризофилакс. — Кто бы мог подумать, что вы здесь окажетесь? Я просто пролетал мимо.

— Значит, мы встретились благодаря счастливой случайности, — сказал Джайлс, — и мне очень приятно, ведь я искал именно вас. Более того, я должен уладить с вами одно неприятное дело, вернее, несколько дел.

Дракон захрапел. Фермер Джайлс поднял руку, чтобы защититься от его горячего дыхания, и тут Хвостосек, угрожающе сверкнув, полетел к самому носу дракона.

— Ой! — Дракон даже храпеть перестал, он задрожал и попятился, весь огонь в нем мигом остыл. — Надеюсь, вы явились сюда не для того, чтобы убить меня, добрый мастер? — спросил он жалобно.

— Да нет, — сказал фермер. — Разве я это сказал?

Серая кобыла фыркнула.

— В таком случае, что вы тут делаете со всеми этими рыцарями, можно узнать? — спросил Хризофилакс. — Рыцари всегда убивают нас, драконов, если мы сами не успеем их убить.

— Ничего я не делаю, да и они вовсе не со мной, — заверил его Джайлс. — У них теперь кто убит, а кто убежал. Как насчет того, что вы обещали в Крещенье?

— Это вы о чем же? — удивился дракон.

— Месяц уже просрочили, — напомнил Джайлс, — а долг платежом красен. Вот я и приехал с вас получить. А вам бы надо прощения у меня попросить, что я из-за вас угодил в эту передрагу.

— Простите, — взмолился дракон. — Мне, право, совестно, что вы взяли на себя этот труд.

— На этот раз — все сокровища, до последней монетки, и никаких фокусов, не то я порешу вас на месте и вывешу вашу шкуру на церковном шпиле, чтобы другим неповадно было.

— Это ужасно жестоко, — поежился дракон.

— Уговор дороже денег, — отпарировал Джайлс.

— Нельзя ли мне оставить себе два-три колючка и золотую монетку — мало ли, придется наличными за что-нибудь платить? — спросил дракон.

— Нет уж, ни одной медной пуговицы!

Они торговались и спорили, точно на ярмарке. Но результат был именно таков, как следовало предвидеть: ведь мало кто мог переспорить фермера Джайлса на ярмарке.

Пришлось дракону отправиться в пещеру, так как Джайлс с Хвостосеком наготове на отставал от него ни на шаг. Тропа, которая вилась вокруг горы, была узкой, на ней едва хватало места для двоих. Кобыла с задумчивым видом следовала за ними. После пяти миль тяжелой дороги фермер Джайлс тащился с трудом, пыхтя и отдуваясь, но не сводя глаз с ящера. Наконец они подошли ко входу в пещеру на западном склоне горы. Вход был широкий и черный, его загораживали медные двери, которые раскачивались на железных столбах. Очевидно, в былые времена здесь жили сильные и гордые существа, драконы не строят подобных сооружений и не выкапывают пещер, они просто живут где придется — в гробницах или в сокровищницах древних героев и великанов. Двери подземного жилища дракона были массивными, и Джайлс с кобылой остановились в их тени. До сих пор у Хризофилакса не было случая обратиться в бегство, но теперь, у дверей своего дома, он неожиданно прыгнул вперед и собирался исчезнуть в глубине пещеры. Фермер плашмя ударил его мечом.

— Эй! — крикнул он. — Пока ты еще тут, я должен кое-что тебе сказать. Если ты живо не выйдешь и не принесешь что-нибудь стоящее, я войду следом и для начала отрублю тебе хвост.

Лошадь фыркнула: она не могла себе представить, чтобы фермер Джайлс вошел в драконье логово даже за все деньги на земле. Но Хризофилакс с готовностью в это поверил: острый Хвостосек так и сверкал в руке фермера. А может, он говорил правду и лошадь, при всей ее мудрости, просто не поняла, что хозяин переменялся. Фермеру Джайлсу везло, и после двух встреч он вообразил, будто его не одолеет ни один дракон. Как бы то ни было, вышел Хризофилакс довольно скоро. Он притащил фунтов двадцать золота и серебра, да еще сундук, полный колец, ожерелий и других драгоценностей.

— Вот! — объявил он.

— Что — вот? — передразнил фермер. — Что ты такое говоришь? Да здесь и половины твоего добра нет.

— Конечно! — поспешно согласился дракон, немалообеспокоенный тем, что фермер, кажется, стал сообразительнее со дня их разговора в деревне. — Мне сразу все и не принести.

— Держу пари, и за два раза всего не принесешь, — согласился Джайлс. — Давай иди, да возвращайся поскорее, не то дам тебе отвещать Хвостосека!

— Нет! — испугался дракон и сбегал на этот раз с двойной скоростью. — Вот! — Он выложил огромный мешок золота и два сундука с бриллиантами.

— Еще давай! — скомандовал фермер. — Да побольше!

— Тяжело же! — простонал дракон, углубляясь в пещеру.

Теперь уже серая кобыла забеспокоилась. «Интересно, кто всю эту тяжесть потащит домой?» — подумала она и с такой тоской поглядела на мешки и сундуки, что фермер догадался, о чем она загрустила.

— Не горюй, голубушка, — успокоил он ее. — Заставим-ка мы ящера самого доставить поклажу.

— Боже милостивый! — воскликнул дракон, который услышал его, выбираясь из пещеры. На этот раз он принес массу драгоценных камней, сияющих зелеными и синими огнями. — Боже милостивый! Если я все потащу, мне и конец придет! А еще мешок добавить — так и вовсе не управиться, хоть убивайте!

— Значит, еще есть? — спросил фермер.

— Есть, — признался дракон. — Достаточно, чтобы пользоваться уважением. — Он говорил правду, что с ним бывало редко, и это, как выяснилось впоследствии, было весьма благоразумно. — Если вы мне оставите остальное, — добавил он лукаво, — я навеки стану вашим другом. И сам все это снесу к дому вашей милости, а не к королевскому дворцу. И, что еще важнее, помогу вам сохранить сокровища.

Фермер левой рукой вытащил зубочистку и с минуту размышлял.

— По рукам! — воскликнул он, проявляя похвальное благоразумие.

Рыцарь, конечно, стал бы настаивать на целом кладе³⁰ — и испытал бы на себе его проклятие. Вполне возможно, что если бы фермер Джайлс продолжал спорить и довел бы ящера до отчаяния, тот бился бы до последнего, несмотря на меч. А в этом случае, если бы даже Джайлс уцелел, он вынужден был бы собственными руками уничтожить свою тягловую силу и оставить большую часть сокровищ в горах.

На том и порешили. На случай, если что выйдет неладно, фермер набил драгоценностями карманы и нагрузил лошадь. Остальное — сундуки и ящики — взвалил на спину Хризофилакса, так что дракон стал похож на фургон с королевской мебелью³¹. У него не было ни малейшей возможности улететь, ибо груз был тяжелым, да и крылья ему фермер связал.

— Вот и веревка пригодилась, — сказал Джайлс, с благодарностью вспоминая священника.

Пыхтя и отдуваясь, дракон затрусил вперед, лошадь за ним, а позади всех — фермер с Хвостосеком в руке, чтобы дракон никаких трюков не выкидывал.

Несмотря на груз, дракон и кобыла теперь двигались быстрее, чем кавалькада на пути в горы. Фермер Джайлс спешил еще и потому, что съестные припасы в его мешке подходили к концу. Да и Хризофилаксу доверять не приходилось после того, как тот нарушил столь торжественные клятвы. Джайлс все раздумывал, как бы ему за ночь не лишиться жизни или богатства. Но еще до наступления ночи ему снова повезло: они догнали нескольких слуг и пони, которые заблудились после своего поспешного бегства в Диких Холмах. В изумлении и страхе те бросились наутек, но Джайлс их окликнул:

— Эй, ребята! Назад! У меня есть для вас работа и хорошее жалованье, пока идет перевозка груза!

И они поступили к нему на службу, довольные, что нашли проводника, и полагая, что теперь они, возможно, станут получать более регулярное жалованье, чем до сих пор. Так и пустились в путь: семь человек, шесть пони, лошадь и дракон. Джайлс, чувствуя себя господином, выпятил грудь. Останавливались как можно реже. На ночь Джайлс привязывал дракона за лапы к четырем кольям, три человека по очереди стерегли его. Но серая кобыла поглядывала, чтобы слуги не учинили какого-нибудь фокуса в свою пользу.

Через три дня они уже были на родной земле. Появление их вызвало ликование, невиданное между морями. В первой же деревне, где они появились, их бесплатно накормили и напоили, а половина молодых местных жителей захотела присоединиться к ним. Джайлс отобрал дюжину молодых, обещал им хорошее жалованье и купил самых лучших лошадей. Он становился все более сообразительным.

Отдохнув денек, он двинулся дальше в сопровождении нового эскорта. Спутники Джайлса распевали в его честь песни, грубые и неприхотливые, но ему они нравились. Кто его приветствовал, а кто смеялся. Зрелище было и веселое, и удивительное. Вскоре фермер Джайлс свернул к югу, по направлению к дому; к королевскому двору он не пошел и письма не отправил. Но весть о возвращении мастера Эгидиуса распространилась, подобно пожару, идущему с запада, вызывая удивление и смятение. Ведь он явился вслед за приказом короля объявить во всех городах и деревнях траур по случаю гибели рыцарей в горном походе.

Везде, где появлялся Джайлс, о трауре мгновенно забывали, колокола начинал всюю звонить, а люди толпились на улицах, крича и размахивая шапками и шарфами. Все они улюлюкали в морду бедному дракону, и тот начал горько сожалеть о заключенной сделке. Для потомка древнего царского рода она оказалась унижительной. Когда прибыли в Хэм, все собаки презрительно на него залаяли. Все, кроме Гарма: он был слишком поглощен хозяином, обратив к Джайлсу и глаза, и уши, и нос. От радости он прямо голову потерял и ходил колесом по всей улице.

В Хэме, разумеется, встретили Джайлса радостно, но приятнее всего ему было видеть, как безуспешно пытается усмехнуться мельник и как изменился в лице кузнец.

— Помяните мое слово, это еще не все! — буркнул кузнец и, не в силах придумать более мрачное пророчество, угрюмо повесил голову.

Фермер Джайлс со свитой, с драконом и с поклажей поднялись на пригорок. В дом пригласили только священника.

Скоро новость дошла до столицы; позабыв официальный траур и собственные дела, люди толпились на улицах. Было много шума и крика.

Король во дворце кусал ногти и выдирал себе бороду. Он так горевал и гневался, так оплакивал свои финансы, был так мрачен, что никто не осмеливался с ним заговорить. Наконец уличный шум достиг его ушей: непохоже было на траур и рыдания.

— Что за шум? — спросил он. — Велите народу отправляться по домам и соблюдать траур, как подобает. Шумят, будто гуси на ярмарке!

— Дракон вернулся, государь, — отвечали ему.

— Как? — изумился король. — Так соберите немедленно рыцарей — вернее, то, что от них осталось!

— В этом нет нужды, государь, — объяснили ему. — Ведь с ним едет мастер Эгидиус, и при нем дракон совсем ручной и послушный. По крайней мере, так говорят. Новость только что дошла до нас, слухи разные.

— Боже милостивый! — воскликнул король с явным облегчением. — Подумать только, что на послезавтра мы заказали торжественную мессу по случаю гибели этого человека! Отменить ее! А что слышно о наших сокровищах?

— Говорят, их там целая гора, государь, — доложили ему.

— Когда же они придут? — заволновался король. — Ну и славный человек этот Эгидиус — проведите его прямо к нам, как только явится!

Придворные в нерешительности ничего не отвечали. Наконец один из них набрался храбрости:

— Извините, государь, но мы слышали, что фермер миновал столицу и направился к себе домой. Несомненно, при первой же возможности он должным образом переоденется и поспешит сюда.

— Несомненно, — согласился король. — Но к чему эти переодевания? Какое право он имел пройти мимо не доложившись? Мы очень недовольны.

Первая возможность давно представилась — и прошла, как и многие другие. Фермер Джайлс уже целую неделю жил дома, но так и не написал во дворец ни слова. На десятый день король совсем разъярился:

— Послать за негодяем!

И послали. До Хэма был целый день пути в один конец. Через два дня посыльный явился и, трепеща, доложил:

— Он не желает ехать, государь!

— Гром и молния! — рассердился король. — Так велите ему явиться в следующий вторник, не то его пожизненно заключат в тюрьму!

— Извините, государь, но он все равно не явится, — доложил несчастный посыльный, возвратившись во вторник.

— Десять тысяч молний! — воскликнул король. — Так отправить его в тюрьму! Сейчас же пошлите людей заковать этого грубияна в цепи! — приказал он слугам, которые попались ему под руку.

— Сколько же людей посылать? Там ведь дракон, да Хвостосек, да еще...

— Да еще палки от метелок и смычки от скрипок! — передразнил король. Затем приказал подать ему белого коня, собрал рыцарей (вернее, то, что от них осталось) и оруженосцев и отправился в путь, кипя от ярости. Народ в удивлении высыпал из домов.

Но фермер Джайлс теперь был не только Героем Округи, он уже стал Любимцем Страны. Народ и не думал приветствовать рыцарей и королевскую свиту на пути их следования, хотя перед самим королем еще снимали шляпы. Но чем ближе он подъезжал к Хэму, тем угрюмее на него глядели; в иных деревнях люди запирались в домах и не выглядывали из окон.

От кипящего гнева король перешел к холодной ярости. Когда наконец он подъехал к реке, за которой лежал Хэм и виднелся дом Джайлса, он совсем помрачнел. Ему захотелось даже сжечь деревню. Но на мосту восседал на своей серой кобыле сам фермер Джайлс и держал в руке Хвостосек. Кроме Гарма, разлегшегося на дороге, никого больше не было видно.

— Доброе утро, государь, — вежливо поздоровался Джайлс, не ожидая, когда к нему обратятся.

Король посмотрел на него холодно и сказал:

— Твои манеры в нашем присутствии оставляют желать лучшего, но это не освобождает тебя от обязанности явиться, когда за тобой посылают.

— И правда, государь, я об этом и не подумал, — ответил Джайлс. — У меня и своих дел по горло, а я на ваши поручения и так столько времени потратил.

— Десять тысяч молний! — закричал король, опять раскаляясь от гнева. — Иди ты к дьяволу вместе со своей наглостью! Раз так, ничего ты не получишь, и благодари Бога, если тебя не повесят! А надо бы тебя повесить, если ты не попросишь у нас прощения и не вернешь нам меч!

— Что такое? — переспросил Джайлс. — По-моему, я все уже получил. Нашел — храни, а хранишь — значит, имеешь, так уж у нас говорят. И я думаю, Хвостосеку у меня лучше, чем у ваших слуг. А для чего вам все эти рыцари и свита? Если вы в гости, так добро пожаловать, но тогда хватило бы и поменьше людей. А если меня хотите взять, так вам бы побольше надо.

Король чуть не задохнулся от негодования, а рыцари покраснели и опустили головы. Некоторые оруженосцы заулыбались за спиной у короля.

— Отдавай мой меч! — громко потребовал король, позабыв величать себя во множественном числе.

— Отдайте нам вашу корону! — возразил Джайлс. Вот это было требование, такого еще никогда не слышали в Среднем Королевстве.

— Гром и молния! Схватить его и связать! — Король разъярился до последней степени. — Да что вы топчетесь? Хватайте его — или убейте на месте!

Оруженосцы выступили вперед.

— Караул! Караул! — залаял Гарм.

Именно в эту минуту дракон вылез из-под моста. Он прятался глубоко в реке, у дальнего берега. Он выдохнул могучую струю пара, потому что выпил немало воды. Образовался густой туман, в котором сверкали только красные глаза дракона.

— Домой, дурни! — загремел он. — Или я разорву вас всех в клочья. В горах уже лежат трупы рыцарей, скоро новые появятся, в реке. Вся королевская конница, вся королевская рать!³²

Он прыгнул и вонзил коготь в бок белого королевского коня, и тот помчался прочь, как десять тысяч молний, так часто поминаемые королем. Остальные лошади поскакали следом с той же скоростью: кое-кто из них встречался с драконом раньше, и воспоминание это было не из приятных. Оруженосцы разбежались кто куда, подальше от Хэма.

Белый конь был только слегка поцарапан, но ему не удалось убежать далеко. Король заставил его вернуться: ведь для своей лошади он, по крайней мере, еще был господином, никто не посмел бы сказать, что он боится хоть одного человека или дракона на свете. Когда он вернулся, туман рассеялся, но рассеялись и рыцари с оруженосцами. Положение изменилось: король оказался один на один со здоровенным фермером, а ведь тот был господином Хвостосека и дракона! Переговоры ни к чему не привели. Фермер Джайлс заупрямился. Он не уступал и не вступал в бой, хотя король неоднократно вызывал его на поединок.

— Нет уж, государь, — отвечал он улыбаясь. — Ступайте-ка домой и успокойтесь. Не хочу вас поранить, но, если вы немедленно не уедете, за дракона я не ручаюсь. Всего хорошего!

Так окончилась Битва на Хэмском Мосту. Не получил король ни единого пенса и ни слова извинения от фермера Джайлса, который возвысился таким образом в собственных глазах. Более того, с этого дня Среднее Королевство утратило власть над здешними землями. Люди признали Джайлса своим господином. При всех своих титулах король не мог найти ни одного человека, который выступил бы против бунтовщика Эгидиуса, потому что он стал Любимцем Страны, менестрели пели о нем, и невозможно было запретить все песни, воспевающие его деяния. Самой популярной была баллада из ста насмешливых куплетов о знаменитой встрече на мосту.

Хризотилакс надолго остался в Хэме, к великой выгоде Джайлса: ведь естественно, что человек, владеющий ручным драконом, пользуется большим уважением. С разрешения священника дракона держали в амбаре для хранения церковной десятины³³, и его стерегли двенадцать молодцов. Так возник первый из титулов Джайлса: DOMINIUS DE DOMITO SERPENTE, что на простонародном языке означает: Господин Ручного Ящера, сокращенно — просто Ручного. Джайлсу воздавали большие почести, но он все еще платил дань королю: шесть бычьих хвостов и пинту пива в день святого Маттиаса — это была как раз дата

встречи на мосту. Однако через некоторое время он заменил «господина» на «графа», — размера его владений было вполне достаточно для этого титула.

Через несколько лет он стал принцем Юлиусом Эгидиусом, и выплата дани прекратилась. Джайлс, будучи сказочно богат, выстроил величественный дворец и окружил себя многочисленными оруженосцами. Все они были довольны и веселы, одежда их поражала роскошью. Двенадцать молодцов стали капитанами. У Гарма появился золотой ошейник, и пес до конца своих дней свободно шатался везде, где хотел. Он стал гордым и счастливым псом и презирал других собак, считая, что они должны оказывать ему почести, соответствующие богатству и власти его хозяина. Серая кобыла в мире дожила свои дни, так и не поделившись ни с кем своими мыслями.

В конце концов, Джайлс, конечно же, стал королем — Малого Королевства. Его короновали в Хэме под именем Эгидиуса Дракониуса, но чаще называли Старым Ящерным Джайлсом. При его дворе в моду вошел простонародный язык, сам король никогда не произносил речей на книжной латыни. Его жена стала весьма величественной королевой и держала под строгим контролем хозяйственные счета. Трудно было перехитрить или обойти королеву Агату, по крайней мере, на это требовалось немало времени.

Так Джайлс дожил до преклонных лет. Он отрастил седую бороду до колен и завел представительный двор, где заслуги людей часто вознаграждались по достоинству. Им был основан совершенно новый рыцарский орден³⁴ — Орден Ящера, эмблемой его стал дракон, а старшими членами — все те же двенадцать молодцов.

Следует признать, что Джайлс обязан своим возвышением случаю, хотя использовал он этот случай с умом. И удача, и ум остались при нем до конца дней, к великой выгоде его друзей и соседей. Он щедро вознаграждал священника, и даже кузнец с мельником получили свою долю, ибо Джайлс мог позволить себе щедрость. Но став королем, он издал суровый закон против любителей дурных предсказаний и сделал помол королевской монополией. Кузнец переменял профессию и стал гробовщиком, зато мельник подобострастно служил короне. Священник сделался епископом и учредил кафедру в Хэмской церкви, которую для этого перестроили.

Нынешние жители бывшего Малого Королевства найдут в этой истории правдивые объяснения названий, которые и в наше время носят некоторые города и деревни этой местности. Ведь сведущие люди уверяют, что, когда Хэм стал столицей нового королевства, из-за естественной путаницы между прозвищами Лорд Хэма и Лорд Тэма, т. е. Ручного, город этот стали ошибочно называть Тэмом. А в память о драконе, благодаря которому они прославились и разбогатели, драконии (Рыцари Дракона) построили большой дом на расстоянии четырех миль к северо-западу от Тэма, в том самом месте, где Джайлс познакомился с Хризофилаксом. Это место во всем королевстве стало известно как *Aula Dracoparia*, или, на простонародном языке, Чертог Ящера — в честь короля, господина Ящера, и его знамени.

Ландшафт местности с тех пор изменился, королевства образовывались и рассыпались, реки поменяли русла; остались только холмы, но и они разрушаются ветрами и дождями. А название еще сохранилось, хотя теперь, как мне говорили, его исказили и произносят — Черт из Ящика, ибо нынешние деревни утратили свою былую гордость. Но в те дни, о которых повествует эта история, место называлось Чертог Ящера и было королевской резиденцией, а над деревьями развевалось знамя с изображением дракона. Дела там шли хорошо и жилось весело, пока Хвостосек был на страже.

Эпилог

Хризофилакс часто просил отпустить его, да и кормить его оказалось дорого: он продолжал расти, все драконы растут, пока жизнь сохраняется в них. Так что через несколько лет, когда Джайлс надежно укрепил свое положение, он отпустил бедного ящера домой. Расстались они с многочисленными уверениями во взаимном уважении и заключив пакт о ненападении. В глубине своей недоброй души дракон чувствовал самое доброе расположение к Джайлсу, на какое только способен дракон. А тут еще и Хвостосек: дракон легко мог лишиться жизни и клада. У него в пещере, как подозревал Джайлс, сохранилось еще достаточно сокровищ.

Хризофилакс полетел в горы медленно и осторожно, потому что крылья у него сделались неуклюжими от долгого бездействия, а размеры и броня сильно увеличились. Прибыв домой, он первым делом выставил из своей резиденции молодого дракона, который нахально ее захватил в отсутствие Хризофилакса. Говорят, что шум битвы был слышен по всей округе. Когда он с удовлетворением сожрал своего побежденного врага, ему сразу стало легче. Раны бывшего унижения затянулись, и он очень долго проспал. Наконец, внезапно пробудившись, он отправился на поиски того самого огромного и глупого великана, который много лет назад затеял всю эту кутерьму. Дракон высказал ему все, что о нем думает, и бедняга был очень подавлен.

— Так это был мушкетон? — переспросил он и поскреб в затылке. — А я-то думал — это слепни!

FINIS,
или —

на простонародном языке —

КОНЕЦ

Комментарии

Сказка представляет собой псевдогероическое повествование о событиях, связанных с возникновением Малого Королевства. Это остроумная литературная игра, в которой автор добродушно смеется над тем, к чему он с такой серьезностью относится в своей

трилогии «Властелин колец», в своих научных работах и критических трудах. В предисловии автор заявляет о себе как об издателе и переводчике средневековой рукописи «со скудной латыни на современный язык Соединенного Королевства». Повествование основано не на подлинных документах, а на народных преданиях. Однако существуют и исторические труды, и в предисловии «издатель» рукописи ссылается на факты, из них почерпнутые, якобы с целью определить хронологию описываемых событий. Это прежде всего «История бриттов» Гальфрида Монмутского (1139) — выдающийся памятник средневековой литературы. Большинство исторических сведений и персонажей у Гальфрида носит легендарный характер: это либо плод фантазии автора, либо (что вполне вероятно, учитывая время создания этого произведения) результат веры в непогрешимость источников, которыми он пользовался.

«Фермер Джайлс из Хэма» — своеобразный исторический нонсенс, понять и расшифровать который мы сможем лишь в том случае, если разберемся во всех именах и датах, с такой «ученой серьезностью» приводимых Толкином.

¹ К с. 189. *С тех пор, как в Британии высадился Брут...* — Брут, или Брит, правнук Энея (одного из героев Троянской войны), — мифический родоначальник бриттов, поскольку в средние века этимология носила мифологический характер, название «Британия» возводилось к Бруту: Британия — бритты — Брут.

² К с. 189. *Разделение на Локрин, Камбр и Альбанак...* — Имеется в виду первый раздел Британии, осуществленный сыновьями Брута после его смерти. Следует отметить, что здесь допущена «историческая» (или «лингвистическая») ошибка: раздел произошел не на Локрин, Камбр и Альбанак, а между Локрином, Кабром и Альбанаксом (таковы были имена сыновей Брута). В этом событии видна явная параллель с соответствующим эпизодом священной истории — разделом земли после всемирного потопа между сыновьями патриарха Ноя: Симом, Хамом и Иафетом. Излишне говорить, что степень подлинности этих исторических фактов примерно одинакова.

³ К с. 189. *Именно так рассказывают историки о времени царствования короля Артура.* — Под историками «издатель» нашей рукописи имеет в виду прежде всего Гальфрида Монмутского. Король Артур — легендарный король бриттов (V–VI вв.), герой кельтских преданий и многих произведений средневековой литературы. Король Артур и его Рыцари Круглого Стола являются воплощением идеалов рыцарства. Автор, не сомневаясь в подлинности короля Артура и его государства, делает правление короля Артура своего рода хронологической вехой.

⁴ К с. 189. *...после царствования короля Коля...* — По данным «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского, было несколько королей, носивших это имя. Вследствие этого установить, который из них имеется в виду, не представляется возможным.

⁵ К с. 189. *Семь английских королевств...* — Имеются в виду королевства, на которые распалась держава короля Артура после его смерти в 549 г.

⁶ К с. 189. *Легенда о Джордже, сыне Джайлса, и о его наже Суоветавридиусе.* — Вероятнее всего, существование этой легенды является измышлением автора.

⁷ К с. 190. *Эгидиус Агенобарбус Юлиус Агрикола...* — Что касается имен главного героя нашей истории, как, впрочем, и имен остальных ее участников, то следует обратить внимание не на их количество, а на их «качество». Первое и, следовательно, главное имя наш герой получил в честь святого Эгидиуса (или, в просторечии, Джайлса) — покровителя калек и прокаженных. Второе имя — Агенобарбус — даже не имя, а прозвище, при этом весьма соответствующее внешности Джайлса. «Агенобарбус» в переводе с латинского значит «рыжебородый»; таково прозвище римского императора Нерона (37 — 68). Третье имя приводит на память римского императора Юлия Цезаря (102 (или 100) — 44 до н. э.), а четвертое — римского полководца Кнея Юлия Агриколу (37 — 93), который некоторое время был наместником Британии.

⁸ К с. 192. *Мушкетон* — огнестрельное оружие в Европе применили гораздо позже, в 1346 г. Мушкетон же появился лишь в XVII в.

⁹ К с. 192. *Четверым ученым клирикам из Оксенфорда...* — Оксенфорд (от среднеанглийского oxenford) — бывший брод. Под «четырьмя учеными клириками» Толкин имеет в виду издателей «Оксфордского словаря английского языка» (изд. 1933 г.) Дж. Мюррея, Г. Брэдли, В. Крэги и К. Аньянса. Именно из этого издания взято объяснение слова «мушкетон».

10 К с. 195. *К празднику святого Михаила король направил в Хэм послание.* — Поскольку здесь мы впервые встречаемся с точным указанием времени, необходимо обратить внимание читателя на «принцип» датировки описываемых событий. Все упоминаемые события датируются тем «календарным» праздником, в день которого или в непосредственной близости с которым они происходят. Между ними существует глубокая внутренняя связь. Параллель между героем Толкина и эпизодами его биографии, с одной стороны, и соответствующими персонажами и эпизодами библейских и евангельских преданий, с другой, представляет собой остроумную пародию на «священные» книги христианства. Праздник святого архангела Михаила отмечается 29 сентября. Джайлс получает королевскую грамоту и меч именно в этот день не случайно. Это явное указание на будущее. Согласно Библии, архангел Михаил возглавлял войнство ангелов в борьбе с драконом и его приспешниками. С другой стороны, незадолго до событий, описываемых в нашей рукописи, некий отважный молодой рыцарь победил жестокого дракона у подножия горы Св. Михаила в Корнуэлле. Стоит обратить внимание еще на одну деталь. Внимательный читатель, следя за развитием действия с определенного временного расстояния, непременно заметит, что Джайлс, доблестно изгнав великана из своих владений, превосходил подвиг короля Артура (который, как мы знаем, жил после него). Правда, повелитель бриттов убьет великана на горе Св. Михаила; но это уже тонкости, да и Джайлс еще не король.

11 К с. 195. *Август Бонифаций Амброзий Аурелиан, благочестивый и достославный повелитель, государь и базилевс...* — Перечень имен короля Среднего Королевства представляет собой изысканную смесь имен римских императоров (Август, Аурелиан), римских пап и святых (Бонифаций, Амброзий), что в сочетании с несовместимостью титулов, от римского императора до византийского базилевса, производит весьма комическое впечатление.

12 К с. 196. *Еще остался обычай подавать королю драконий хвост на рождественский обед.* — Намек на некоторые эпизоды в романах Артуровского цикла (см. комментарий к с. 189). Король Артур всегда открывал рождественский пир только после того, как выслушает рассказ о каком-нибудь подвиге.

13 К с. 196. *Предполагалось, что в день святого Николая он отправлялся на охоту...* — Согласно преданию, святой Николай — покровитель школяров, моряков, девственниц и воров; его праздник отмечается 6 декабря. Это очередная шутка автора, который, отправляя рыцаря на охоту в день святого Николая, как бы препоручает его покровительству этого святого. Нетрудно догадаться, в какую категорию «покровительствуемых» попадает рыцарь.

14 К с. 197. *Хризифилакс Дайвз* — дракон, играющий в этой истории далеко не последнюю роль, наделен только двумя именами, однако они достаточно полно характеризуют их обладателя. Хризифилакс (греч. *chrisophilax*) можно перевести как «Златолюб». Дайвз (от лат. *dives*) означает «богатый, роскошный, многообещающий, красноречивый». Соответствующие эпизоды комментируемого произведения подтверждают правомерность любого из этих прочтений.

15 К с. 198. ...на день святого Джона был назначен большой турнир. — Здесь имеется в виду день святого Иоанна Евангелиста, отмечаемый 27 декабря. Очевидна ирония автора: ведь турнир по своей сущности противоречит духу евангельских заповедей, в донесение которых до христиан святой Иоанн внес свою немалую лепту.

16 К с. 199. *Квартетум* — название местности, происходит от латинского слова *quercus* (дуб); Оукли — от англ. *oak* (дуб).

17 К с. 200. *Унциальное письмо* — особый тип почерка средневековых греческих и латинских рукописей, характеризующийся крупными ровными буквами, без острых углов и ломаных линий.

18 К с. 200. *Эпиграфические знаки* — очередной анахронизм Толкина. Эпиграфика — наука, изучающая древние и средневековые надписи на камне, кости, дереве, металле, — возникла только в XIX в.

19 К с. 201. *Кодимордакс* — в те далекие времена были и другие мечи, имевшие собственные имена. Среди них меч короля Артура Колидибур и меч Роланда, племянника императора Карла Великого (742 — 814), Дюрендаль. Колидибур и Дюрендаль принадлежали героям; Хвостосек же делал героем того, в чьих руках находился. Кроме того,

сфера его применения была, вероятно, ограниченной: ведь мы не знаем, как бы он себя проявил, случись ему сразиться не с драконом, а с каким-нибудь другим противником.

20 К с. 202. *Фабрициус Кунктатор* — имеется в виду римский полководец Фабий Кунктатор (Медлитель), возглавлявший римскую армию в сражениях с войсками Ганнибала во время второй Пунической войны (218 — 201 до н.э.) и своей медлительностью и осторожностью добившийся победы над врагом. Чтобы избежать полного совпадения, автор заменяет Фабия на Фабрициуса, то есть на имя, принадлежавшее ряду римских сенаторов и полководцев, которые не отличались ни медлительностью, ни осторожностью.

21 К с. 202. ....нашивали стальные кольца на кожаную рубаху. — Этот «рецепт» подсказан римским комедиографом Плавтом (середина III в. до н.э. — ок. 184 г. до н.э.) в соответствующем эпизоде его комедии «Хвастливый воин».

22 К с. 203. *Двенадцатая ночь* — в Англии так называют крещенский вечер — двенадцатый вечер после рождества (25 декабря), который посвящают традиционным развлечениям и обрядам.

23 К с. 203. *Крещение* — отмечается 6 января; согласно евангельскому преданию, в этот день Христос принял крещение водой от Иоанна Крестителя и явился народу (отсюда второе название этого праздника — Богоявление). В контексте настоящего повествования и эту дату можно назвать «говорящей»: ведь встреча с драконом — настоящее боевое «крещение» Джайлса, а его возвращение — «явление» своим односельчанам в совершенно новом качестве.

24 К с. 203. *Кентерберийские колокола* — колокола Кентерберийского собора, славившиеся чистотой и силой звучания. Собор строился с XI по XV в.

25 К с. 207. ....а женщинам — бриллианты. — Анахронизм: в Европе алмазы стали высоко цениться лишь на исходе средневековья, а название «бриллиант» появилось лишь в XVII в., после изобретения бриллиантовой огранки.

26 К с. 208. ....что вернется... к празднику святого Хилариуса и святого Феликса... — Этот праздник — измышление автора, поскольку день святого Хилариуса приходится на 13 января, а святого Феликса — на 25 февраля. Объяснение мы находим в близости значений имен святых: Хилариус (от греч. hylari) — веселый, радостный; Феликс (от лат. felix) — счастливый. Совместный праздник двух святых понадобился автору для «усиления» радостного настроения.

27 К с. 211. *Отсутствие вестей* — дурные вести. — Переименование английской поговорки «No news — good news» («Отсутствие вестей — хорошие вести»).

28 К с. 212. *Рыцари были заняты тем, что обсуждали, кому за кем следовать согласно этикету...* — В данном случае спор идет о месте подальше от головы колонны и, следовательно, от опасности. Здесь очевидна своего рода «обратная» аллюзия на романы Артуровского цикла. Рыцари короля Артура (до учреждения Круглого Стола, символизирующего равенство) спорили между собой за место за столом по степени первенства на поле брани и в делах чести.

29 К с. 212. *Сретенье* — праздник Сретенья (2 февраля) был у англичан днем сбора податей и выплаты долгов.

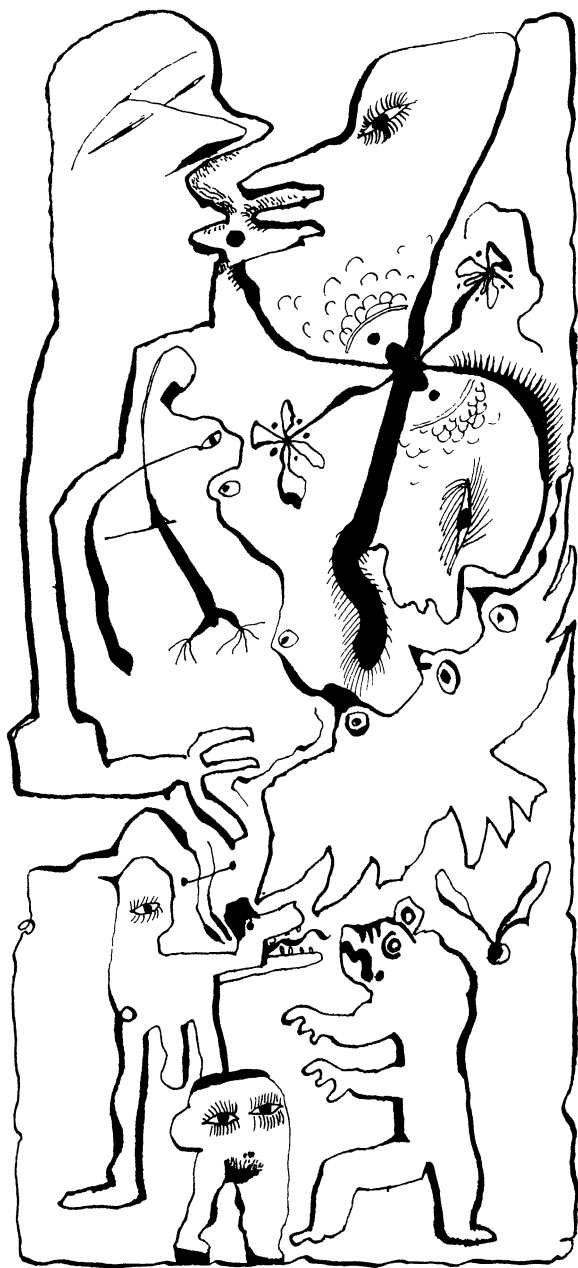
30 К с. 215. *Рыцарь, конечно, стал бы настаивать на целом кладе...* — Аллюзия на соответствующий эпизод в сагах о Вельсунгах.

31 К с. 215. ... *фургон с королевской мебелью...* — Вплоть до XVII века при переездах королевского двора его сопровождали фургоны с мебелью, так как на все королевские замки мебели не хватало.

32 К с. 219. *Вся королевская конница, вся королевская рать...* — Тирада Хризотила представляет собой две строчки из популярного английского детского стихотворения «Шалтай-Болтай».

33 К с. 219. *Церковная десятина* — десятая часть урожая или другого дохода, взимаемая католической церковью с населения. Упразднена в XVIII в.

34 К с. 220. *Им был основан совершенно новый рыцарский орден.* — Ироническая аллюзия на аналогичное нововведение короля Артура — орден Рыцарей Круглого Стола.

Кузнец из Большого Вуттона

Smith of Wootton Major
1967

*Перевод Ю. Нагибина
и Е. Гиппиус*

Это было не так уж давно для тех, кто умеет помнить, и не так уж далеко для тех, кто не боится дороги. Была на свете деревня, и называлась она Большой Вуттон — не потому, что была такой уж большой, а потому, что была больше, чем Малый Вуттон, который располагался неподалеку, еще глубже хоронясь в лесной чаще. Населяли деревню в те времена люди зажиточные, а по характеру разные, как и везде: были хорошие, были плохие, были и такие, о ком не скажешь, хорошие они или плохие.

И все же это была не совсем обычная деревня. Она славилась на всю округу мастерством своих ремесленников, но более всего поваренным искусством. В деревне была большая Кухня, она принадлежала Общему Совету, и Мастер Повар считался очень значительным лицом. Дом Повара и Кухня примыкали к Чертогу, самому большому и старому зданию в деревне и самому прекрасному. Его построили давным-давно из хорошего дуба и хорошего камня и с тех пор всегда о нем заботились, но заново не красили и не обновляли позолоту. Жители деревни собирались здесь, чтобы поспорить и посудачить, отметить общий праздник или семейное торжество. Поэтому у Мастера Повара хлопот был полон рот: на каждый случай требовалось наготовить множество разнообразных блюд. В этой деревне любили праздники, а какой праздник без обильного и вкусного угощения?

Хотя праздники бывали частенько, только один приходился на зиму, и его ждали с особым нетерпением. Веселье продолжалось целую неделю, а в последний день на закате солнца устраивали Праздник Хороших Детей. Гостей собиралось не так уж много, и не все из них заслуживали этой чести; некоторые попадали на Праздник по ошибке, а о других, напротив, несправедливо забывали. Ничего не поделаешь, так нередко случается, как бы ни старались все предусмотреть. А самое главное было — вовремя родиться, потому что Праздник отмечался лишь раз в двадцать четыре года и приглашенных бывало столько же — двадцать четыре. В этот день все ждали, что Мастер Повар превзойдет самого себя. По традиции, кроме множества всяких лакомств, он должен был испечь Большой Пирог, который люди поминали добрым или недобрым словом до конца дней Мастера, — Пирог всегда оказывался единственным в его жизни.

Однажды Мастер Повар, правивший в ту пору вуттонской Кухней, вдруг заявил, ко всеобщему удивлению, что должен на время отлучиться. И он ушел — никто не знал, куда. А когда спустя несколько месяцев вернулся, все заметили, что он сильно изменился. Мастер всегда был добрым человеком и любил, чтобы люди радовались, но сам неизменно оставался серьезным и молчаливым. Теперь же он то и дело смешил окружающих своими забавными выходками, а по праздникам пел вместе со всеми веселые песни, что считалось совсем неподобающим его званию.

А еще он привел с собой Ученика, и это тоже удивило жителей деревни. В самом появлении Ученика не было ничего особенного, каж-

дый Мастер рано или поздно выбирал себе ученика и старался передать ему свои знания и секреты. Шли годы. Ученик начинал постепенно брать на себя самую важную работу, а когда Мастер умирал или уходил от дел, занимал его место. Но на этот раз Мастер Повар не спешил выбирать себе ученика. Он всегда отговаривался тем, что «время еще терпит», что он «глядит в оба и своего не пропустит». И вот он привел с собой простого мальчишку, да к тому же чужака. Тот был гибче и проворнее местных ребят, говорил тихим, вкрадчивым голосом и отличался отменной вежливостью. Но на вид ему было не больше пятнадцати лет, и все решили, что он слишком юн для такой работы. Вмешиваться, однако, никто не смел: выбор ученика всегда считался привилегией Мастера. Мальчишка остался при Поваре и жил в его доме, пока не повзрослел настолько, чтобы жить самостоятельно. Люди привыкли к нему, с некоторыми из них он даже подружился. Друзья и сам Повар звали его Элф, а остальные — просто Учеником.

Три года спустя случилось еще одно удивительное событие. Однажды весенним утром Мастер Повар снял свой белый колпак, сложил чистые фартуки, повесил на гвоздь белый халат, взял посох из ясеня, небольшой дорожный мешок и отбыл. Он попрощался с Учеником. Больше никого рядом не было.

— Прощай, Элф, — сказал Мастер. — Управляйся с делами один, как получится, а получается у тебя неплохо. Надеюсь, все сложится удачно. Если мы когда-нибудь встретимся, ты мне об этом расскажешь. А людям скажи, что на сей раз я ушел навсегда.

Какой же шум поднялся в деревне, когда Ученик передал людям слова Повара!

— Как он мог?! — возмущались они. — Не предупредить, не попрощаться! А нам что прикажете делать? Он даже не оставил никого, кто мог бы занять его место!

Среди этих разговоров никому не пришло в голову назначить Мастером Поваром Ученика. Конечно, он немного подрос, но выглядел еще совсем юным да и прослужил всего лишь три года.

В конце концов за неимением никого лучшего люди доверили высокий пост своему односельчанину, который стряпал вполне прилично. В молодости он, случалось, помогал на кухне в самое хлопотливое время, но Мастер относился к нему с прохладцей и не хотел брать в ученики. Теперь у него уже были жена и дети, он отличался плотным телосложением и осторожностью в денежных делах.

— Этот, по крайней мере, не сбежит, — говорили люди, — и уж лучше плохая стряпня, чем вообще никакой. До следующего Праздника еще семь лет, а за это время он чему-нибудь да научится.

Нокс (именно так звали нового Мастера) был очень рад, что дело приняло такой оборот. Он давно мечтал стать Мастером Поваром и не сомневался в своих способностях. Иногда, оставшись на кухне один, он надевал белый поварской колпак и любовался на себя в начищенную до блеска сковородку.

— Как поживаете, Мастер? — говорил он своему отражению. — Этот колпак вам очень к лицу, шит как будто по вашей мерке. Надеюсь, и дела у вас пойдут недурно.

Поначалу дела и впрямь шли недурно, Нокс старался изо всех сил, а Ученик помогал ему. Мастер не раз исподтишка подглядывал за своим Учеником и многое перенимал у него, хотя ни за что бы в этом не признался даже самому себе. Время шло, приближался Великий Праздник, и Нокс все чаще стал задумываться о Большом Пироге. В глубине души он был очень обеспокоен. Конечно, он многому научился за эти семь лет, у него получались вполне приличные торты и пирожные, но ведь Большой Пирог — совсем другое дело, его ждут так долго, что потом придираются к каждой мелочи. Да и судят не только дети; обычно для тех, кто приходил помогать во время Праздника, пекли пирог поменьше, но точно такой же, как большой. Каждому новому Большому Пирогу полагалось отличаться от предыдущего и удивлять всех чем-нибудь необычным.

Нокс считал, что самое важное для пирога — быть как можно слаще и затейливей, и он решил целиком покрыть его сахарной глазурью (она так хорошо удавалась Ученику). «Это украсит пирог и придаст ему волшебный вид», — думал Нокс. Он знал, что дети любят все сладкое и все волшебное. К волшебному, правда, быстро охладевают, а сладкое любят до старости. Нокс и сам был сластолюбив. «Постойте, постойте! Волшебный вид... Это наводит меня на мысль!» Вот так случилось, что Нокс решил посадить на верхушку Пирога куколку, одетую в белое, с волшебной палочкой в руке, на конце которой сияла бы звезда из фольги, а у ног ее написать розовой глазурью: «Королева фей». Однако не успел он замесить тесто, как понял, что имеет весьма смутное представление о том, что нужно класть в Пирог. Нокс полистал старые книги с рецептами, оставленными прежними поварами, но, даже когда удавалось разобрать почерк, смысл написанного ускользал от него. О многих специях он никогда раньше не слышал, о других же просто забыл, и отыскивать их теперь было слишком поздно. Все же он решил, что Пирогу не повредят некоторые пряности, о которых говорилось в книгах; и тут, почесав в затылке, он вспомнил о старой черной коробке из нескольких отделений, в которой прежний Повар держал приправы для особых случаев. С тех пор как Нокс сам стал Поваром, она ни разу не попадалась ему на глаза, но теперь, поискав, он обнаружил ее в кладовой, на верхней полке. Но когда он открыл коробку, предварительно сдув с крышки слой пыли, то оказалось, что пряностей внутри почти не осталось, а те, что были, высохли и заплесневели. В одном из отделений в углу Нокс нашел маленькую звезду, размером едва ли больше монетки. Она была совсем черная и казалась сделанной из серебра и покрытой патиной.

— Забавно, — сказал Нокс, поднося звезду поближе к свету.

— Это вовсе не забавно. — Голос за его спиной прозвучал так неожиданно, что Нокс даже подпрыгнул. Это был голос Ученика.

Никогда еще раньше он не разговаривал так с Мастером. Он вообще редко обращался к Ноксу первым, лишь отвечал, если его спрашивали. Так и надо вести себя со старшими. Возможно, глазурь у него и неплохая, но вообще ему надо еще учиться и учиться — таково было мнение Нокса.

— Что ты хочешь этим сказать? — Нокс был раздосадован. — Разве она не забавная?

— Она волшебная! Она из Волшебной Страны.

Тут Повар рассмеялся.

— Ну ладно, ладно. Разница не велика, называй это, как тебе хочется. Вырастешь — поумнеешь. А теперь ступай чистить изюм и, если вдруг тебе попадутся волшебные изюминки, не забудь сказать мне...

— Что вы собираетесь сделать со звездой, Мастер? — спросил Ученик.

— Запеку ее в Пирог, конечно. Как раз то, что надо, особенно если она волшебная. — Нокс хмыкнул про себя. — Ты же ходил на детские праздники, и не слишком давно, небось помнишь, что в пироги запекают монетки и разные безделицы. По крайней мере, в нашей деревне так принято — это забавляет детей.

— Но это не безделица, Мастер, а Волшебная Звезда, — сказал Ученик.

— Это я уже слышал! — резко перебил Повар. — Хорошо, я так и скажу детям, они от души посмеются.

— Не думаю, Мастер. И все же вы правильно решили.

— Не забывай, с кем ты разговариваешь — сказал Нокс.

Настало время, когда Пирог был испечен и покрыт глазурью, и все руками Ученика.

— Если уж ты так любишь волшебство, — сказал ему Нокс, — я, пожалуй, разрешу тебе сделать Королеву Фей.

— Хорошо, Мастер, я все сделаю, раз вы слишком заняты. Но это не моя придумка.

— Придумывать — не твоего ума дело, — важно сказал Нокс.

И вот Пирог стоял в центре праздничного стола, в кольце из двадцати четырех свечей. Середина его была сделана в форме белой горы, по краям росли деревца, покрытые как бы слоем инея, а вершину венчала крошечная белая фигурка. Она стояла на одной ножке, как танцующая снежинка, и протягивала вперед сверкающую волшебную палочку.

Дети смотрели на нее широко открытыми глазами, многие хлопали в ладоши:

— Какая хорошенькая! Совсем как волшебная!

Такие слова очень порадовали Повара, а Ученик, напротив, казался огорченным. Они оба стояли поблизости, Мастеру предстояло вскоре разрезать пирог на куски, а для этого Ученик должен был наточить нож и подать ему.

Наконец Повар взял в руки нож и выступил вперед.

— Должен вам сказать, дорогие мои, — начал он, — что под этой великолепной глазурью скрывается очень вкусный пирог: он был сделан из всевозможных лакомств, но, кроме этого, вы найдете в нем много разных безделиц, монеток и прочего, а это, говорят, приносит счастье. Их там как раз двадцать четыре — по одной на каждого, если, конечно, Королева Фей будет справедлива. А она может и пошутить — она такая озорница! Спросите хоть моего Ученика.

Но Ученик в этот момент отвернулся и вглядывался в лица детей.

— Ах, да! Чуть не забыл, — продолжал Повар, — этих безделушек сегодня двадцать пять, а двадцать пятая — серебряная звезда, волшебная, как говорит мой Ученик. Так что будьте осторожны. Если кто-нибудь из вас сломает об нее свои зубки, то волшебство горю не поможет. Но все равно ее-то, я думаю, вам будет особенно приятно найти.

Пирог был очень вкусный, и, конечно, никто бы не посетовал, окажись он куда больше. Всем досталось по хорошему куску, но на добавку не хватило. Куски быстро исчезали, то и дело кто-нибудь находил монетку или какую-то безделицу — кто одну, кто две, а кто и ни одной. Ведь счастье не разделишь поровну между всеми, и никакая кукла с волшебной палочкой этому не поможет.

Но вот весь пирог был съеден, а волшебной звезды в нем так и не нашли.

— Чудеса, — сказал Повар. — Значит, она была все-таки не серебряная. Не иначе как она растаяла. А может быть, Ученик прав: звезда и впрямь была волшебная и вернулась обратно в Волшебную Страну? Ну, тогда она оставила нас всех в дураках. — И он, ухмыльнувшись, посмотрел на Ученика, а Ученик посмотрел на него своими темными глазами, и во взгляде его не было улыбки.

Серебряная звезда и вправду была волшебная, кто-кто, а Ученик не мог в этом ошибиться. А случилось вот что! Один из мальчиков проглотил ее и даже не заметил. До этого он нашел монетку в своем куске пирога и отдал ее Нелли, девочке, сидевшей рядом с ним: она глотала слезы, огорченная тем, что счастье обошло ее. Потом мальчик часто думал о том, куда же девалась звезда, и не знал, что она находилась в нем самом. Звездочка притаилась, ожидая своего часа, и мальчик совсем ее не чувствовал.

Зима прошла, наступил июнь, и теперь даже ночью не было темно. Однажды мальчик проснулся еще до рассвета, он просто не мог спать — ведь сегодня ему исполнялось десять лет. Он выглянул в окно, весь мир, казалось, замер и ждал чего-то. Вот пронесся свежий, ароматный утренний ветерок и разбудил деревья. Потом рассвело, и мальчик услышал, как где-то там, вдали, рождается рассветная песня птиц. Она звучала все сильнее и ближе и, наконец, накрыла его с головой, наполнила собой все кругом и отхлынула, уносясь на запад, а над краешком земли показалось солнце.

— Это напоминает мне Волшебную Страну, — услышал он вдруг свой голос. — Только там люди тоже поют на рассвете. — И мальчик

запел высоким чистым голосом; казалось бы, откуда ему было знать слова этой песни, а он помнил их наизусть.

И тут звезда вылетела из его горла, и он поймал ее в открытую ладонь. Чистая и яркая, она сверкала на солнце, но ее била дрожь, и вдруг она встрепенулась, словно готовясь улететь. Мальчик торопливо хлопнул ладонью по лбу, и звезда осталась там на долгие годы.

Мало кто в деревне замечал ее, хотя она была видна внимательному глазу. Звезда стала как бы частью лица мальчика и обычно не светила. Зато глаза его излучали свет, а голос становился год от года все прекраснее, и люди любили слушать его, даже когда он просто говорил: «С добрым утром». А он еще прославился далеко за пределами родной деревни как замечательный мастер. Отец его был кузнецом, и мальчик стал кузнецом, но куда более искусным. Пока отец был жив, мальчика звали «кузнецов сынок», а потом просто Кузнецом; к тому времени он стал уже лучшим мастером в округе. Какие только изделия не выходили из его кузницы! Конечно, большей частью то были простые полезные вещи для повседневной жизни и работы: кастрюли и сковородки, засовы и щеколды, крюки и подставки, плуги и тесаки и, конечно, подковы. На этих прочных, долговечных и одновременно изящных предметах отдыхал глаз.

В свободное время Кузнец делал поковки просто для того, чтобы порадовать людей. Он умел придавать железу легкость и красоту цветка, но цветок этот сохранял строгую силу металла и казался еще прочнее, чем сам металл. Нельзя было пройти мимо решетки или ворот, которые он сделал, не залюбовавшись, но попробуй их открыть, когда они заперты! Делая что-нибудь для души, кузнец пел за работой, и люди, забывая о своих делах, приходили и долго стояли под окнами кузницы.

Вот и все, что знали о нем. По общему мнению, он многого добился, гораздо большего, чем самые умные и трудолюбивые из односельчан. Но главным для него было другое: кузнец уже начал знакомиться с Волшебной Страной, исходил там немало дорог и троп.

К сожалению, жители деревушки все больше становились похожими на старого Нокса, поэтому Кузнец ни с кем не говорил об этом, кроме своей жены и детей. Его жену звали Нелли (это ей он дал когда-то монетку из пирога), и у них были дети: дочь Нэн и сын Нэд. От них все равно нельзя было ничего скрыть, ведь они видели, как он уходил куда-то под вечер, а когда возвращался — через день ли или через много дней, — Звезда ярко светила у него во лбу.

Когда Кузнец пускался в путешествие, все равно — пешком или верхом, люди думали, что он отправляется по делам. Иногда так и бывало, только эти дела не имели ничего общего с закупкой чугуна и угля или получением заказов. Кузнец никогда не пренебрегал своей работой и возможностью честно превратить пенни в двухпенсовик, но в Волшебную Страну его вели совсем другие помыслы.

Он был желанным гостем там, и, пока Звезда сияла у него во лбу, ему ничто не угрожало. Впрочем, можно ли сказать это с уверенностью о смертном в стране тайн и опасностей? Надо думать, Малое Лихо избегало света Звезды, а от Большого Лиха он был кем-то храним. Сердце его исходило благодарностью; обретя мудрость, он знал, что к чуду можно приблизиться только через опасность, а простому человеку не по силам искушать Великое Лихо. Да Кузнец к этому и не стремился, в нем не было никакой воинственности, он оставался любознательным путником. Конечно, со временем он мог бы научиться ковать могучее, легендарное оружие, которому в его мире не было бы цены: но он знал, что в Волшебной Стране это не прибавит ему чести.

И среди многочисленных изготовленных им вещей никто не припомнит меча, копья или наконечников для стрел.

Вначале Кузнец лишь тихо бродил среди малого народа и кротких обитателей лесов и равнин, по берегам ясных вод, в которых ночью отражались незнакомые созвездия, а на заре — сверкающие пики далеких гор. Но случалось, его завораживал какой-то один цветок или дерево, и он ничего больше не видел.

Позже, во время долгих путешествий, ему открывались чудеса, несущие в себе такую красоту и вместе — такой ужас, что они оставались скорее нарезанными на сердце, нежели запечатленными в памяти, и он не умел рассказать о них близким. Но было множество воспоминаний о чудесах и тайнах Волшебной Страны, которыми он охотно делился.

Когда Кузнец начал уходить на далекие прогулки без провожатого, он вообразил, что скоро достигнет дальней границы этой страны, но путь ему преградили горы. Он долго огибал их окольными тропами и наконец вышел на пустынный берег. Перед ним простиралось Море Безветренной Бури, где волны рождаются из Сумрака и тихо катятся к берегу. Гребни их похожи на скованные льдом горные вершины; они несут белые корабли, что возвращаются после битв в таинственных Черных Топях. Кузнец видел, как волны подняли корабль, беззвучно вынесли его на берег и так же тихо отступили, оставив на песке белую пену. Перед ним предстали высокие и грозные эльфийские моряки, их мечи и копья сверкали, испепеляющий свет струился из очей. Их грубые голоса вдруг слились в торжествующей песне победы, и сердце Кузнеца содрогнулось от ужаса. Он упал ниц и закрыл лицо руками, а морские воители прошли над ним, и эхо разнеслось в горах. Больше он никогда не ходил на этот берег, потому что понял, что попал в Царство Островов, которому суждено вечно выдерживать вечную осаду Моря.

Теперь он устремился к горам, желая попасть в самое сердце страны. Однажды в пути его накрыла серая мгла, и он долго блуждал в растерянности. Но вот мгла отступила, и он увидел кругом бескрайнюю равнину, а далеко впереди Холм Тени. Тень была огромным корнем, из которого росло и устремлялось вверх, к небу, Королевское Дерево. Оно

излучало свет, яркий, как солнце в полдень, и несло на своих ветвях бесчисленные листья, цветы плоды, и ни один лист или цветок не был похож на другой.

Лишь раз дано было Кузнецу увидеть это дерево, хотя он часто потом искал его. Однажды, карабкаясь в поисках Дерева по склонам Внешних Гор, он попал в глубокую расщелину. На дне ее лежало озеро. Ветер шелестел в ветвях деревьев, но гладь озера оставалась чистой. Все кругом было озарено багровым светом, как во время заката, но свет этот исходил от самого озера. Кузнец глянул вниз с нависшего над водой утеса, и ему показалось, что он проник в тайные глубины; языки пламени извивались там, как гигантские водоросли в морской бездне, а между ними сновали огненные существа. В изумлении он спустился к краю воды и попробовал ее ногой. Но это была не вода: он ощутил твердую, как камень, и гладкую, как стекло, поверхность. Кузнец сделал шаг вперед и тотчас же упал. Гулкое эхо пронеслось над озером, и в один миг ветер превратился в Ураган. С ревом дикого зверя он смел Кузнеца с поверхности озера и швырнул на берег, а потом потащил вверх по склону, вертя и бросая, как опавший листок. Кузнец обхватил руками ствол молодой березы и прижался к нему, и хотя Ураган неистово пытался разъединить их, но в своем порыве он лишь согнул березу так, что она укрыла Кузнеца ветвями.

Когда Ураган наконец отступил, Кузнец поднялся и увидел, что береза стоит нагая, ни одного листика не осталось на ней, она плакала, и слезы, как капли дождя, падали с ее веток. Кузнец погладил ее белую кору и сказал:

— Храни тебя Бог! Чем я могу отблагодарить тебя?

Ладонь его услышала ответ дерева:

— Ничем. Уходи. Ураган преследует тебя. Ты чужой здесь. Уходи и никогда больше не возвращайся!

Когда он выбирался из расщелины, слезы березы текли по его лицу, и он чувствовал их горечь на губах. А потом он долго брел по дороге; сердце его было полно грусти, и он решил, что больше сюда не вернется. Когда же он все-таки вернулся, не в силах бороться с собой, им владело лишь одно желание — попасть в глубь страны.

Наконец он все-таки нашел дорогу сквозь Внешние Горы и добрался по ней до склонов Внутренних Гор, высоких, отвесных и грозных. Он отыскал и тропу, по которой можно было взобраться, и вот наступил день, когда, едва сдерживая трепет своего сердца, он прошел через узкую расщелину и заглянул вниз, в Долину Вечного Утра (хотя он, конечно, не знал, что это она). Трава там куда зеленее, чем на лугах внешней части страны, а воздух так прозрачен, что, когда маленькие крапивники заводят свои песни на ветвях деревьев на другом склоне долины, видно, как красные язычки трепещут в их горлышках.

Горы спускались в Долину длинными скатами, и Кузнец с радостным сердцем устремился вниз, следуя за пенящимися струями водопадов. Как только он ступил на траву Долины, до него донеслось пение эльфов, и у реки, на поляне, усыпанной лилиями, он увидел множество танцующих девушек. Он смотрел, очарованный, на их быстрые, грациозные движения, которые, казалось, никогда не повторялись, и шагнул им навстречу. Девушки замерли, и одна, совсем юная, с развевающимися волосами, в легкой тунике, вышла из круга и подошла к нему.

— Не слишком ли ты осмелел, Звездоносный гость? — сказала она, смеясь. — Разве ты не боишься гнева Королевы? Или, может быть, у тебя есть ее разрешение?

Кузнец смутился: она проникла в его безотчетные чувства. Ему и правда казалось, что Звезда у него во лбу давала право идти куда пожелаешь; теперь он понял, что ошибался. Но тут девушка снова улыбнулась и, взяв его за руку, сказала:

— Идем. Раз уж ты здесь, ты будешь танцевать со мной. — И ввела его в круг.

На мгновение ему дано было ощутить в себе, в своем теле всю стремительность, силу и радость необыкновенного танца. Это было так мимолетно! Вихрь замер. Они снова стояли друг возле друга. Девушка нагнулась и, сорвав одну из белых лилий, воткнула ему в волосы.

— Теперь прощай. Может быть, мы еще встретимся, если на то будет воля Королевы.

Он не помнил, как проделал обратный путь, и очнулся уже на дорогах своей страны. Жители окрестных деревень в изумлении провожали его взглядами. Когда он достиг дома, навстречу ему с радостными криками выбежала дочка: он вернулся раньше, чем его ждали, но все равно, когда ждешь, время тянется долго.

— Где ты был, папа? — спросила она. — Твоя Звезда так ярко светится!

Но вот он переступил порог, и Звезда померкла. Нелли взяла мужа за руку и подвела к очагу, внимательно вглядываясь в его лицо:

— Где же ты был, родной? Что видел? У тебя цветок в волосах... — И она осторожно вынула цветок.

Он лежал у нее на ладони, но казалось, что он далеко-далеко. В комнату уже вступили сумерки. Цветок излучал свет, на стены комнаты ложились тени. Тень Кузнеца внезапно выросла, и гигантская голова склонилась над Нелли.

— Ты похож сейчас на великана, папа! — произнес вдруг сын Кузнеца, который до этого не проронил ни слова.

Цветок так и не завял, и свет его не померк. Семья оберегала его как тайну и сокровище. Кузнец сделал для него шкатулку, запирающуюся на ключ, и там он хранился, переходя из поколения в поколение. Те, кто наследовал ключ, иногда открывали шкатулку и смотрели на Жи-

вой Цветок, пока шкатулка снова не захлопывалась; и угадать, когда она захлопнется, было не во власти людей.

Прошло много лет. На Празднике, когда Кузнец получил Звезду, ему не было еще и десяти. Потом был еще один Праздник, Эльф стал уже Мастером Поваром и выбрал нового Ученика, по имени Харпер. Спустя еще двенадцать лет Кузнец вернулся с Живым Цветком. А этой зимой готовился следующий Праздник.

Однажды Кузнец брел по лесу во внешней части Волшебной Страны. Была осень. Желтые листья еще держались на деревьях, красные лежали на земле. Вдруг сзади послышались шаги, но Кузнец даже не оглянулся — так глубоко он был погружен в свои мысли.

На этот раз он явился по приглашению, и путь ему пришлось проделать неблизкий. Так далеко он, кажется, не уходил никогда в жизни. Его направляли и охраняли, но он плохо помнил дорогу, потому что глаза его часто словно бы застилала мгла или тень. Наконец он очутился на возвышенности, под куполом ночного неба с бесчисленными звездами. Там он предстал перед самой Королевой. У нее не было ни короны, ни трона. Она стояла в своем величии и славе, окруженная грозным воинством; доспехи мерцали, искрились, как звезды над головой, но Королева была выше острия их длинных копий, и вокруг ее чела горело белое пламя. Она знаком велела Кузнецу приблизиться, и, дрожа, он сделал шаг вперед. Высоко и чисто пропела труба — и они остались одни.

Кузнец был настолько ошеломлен, что забыл об этикете и не преклонил колена. Наконец он осмелился взглянуть на нее и увидел ее строгое лицо. Он был поражен и взволнован, потому что в этот миг узнал ее — прекрасную девушку из Зеленой Долины, танцовщицу, под ногами которой распускались цветы. Она улыбнулась, прочтя в его глазах воспоминание, и приблизилась к нему. Они говорили долго, почти без слов. Кузнец узнавал от нее о многом, что-то приносило огромную радость, что-то переполняло горем; перелистывал свое прошлое, и вот наконец перед ним встала картина того Праздника, когда он получил Звезду. Он вдруг ясно увидел фигурку маленькой танцовщицы с волшебной палочкой и со стыдом опустил глаза перед красотой Королевы. Но она лишь засмеялась, как смеялась тогда, в Долине Вечного Утра.

— Не грусти обо мне, о Звездоносный! И не стыдись тех, с кем ты рос и жил. Маленькая кукла на пироге — все же память о Волшебной Стране. Для одних это лишь проблеск, для других — пробуждение. С того самого дня ты всегда мечтал увидеть меня, и я исполнила твоё желание. Больше я ничего не могу тебе дать. На прощание я поручаю тебе быть моим гонцом. Если ты встретишь Короля, скажи ему так: «Время настало. Ему выбирать».

— Но, Королева... — Кузнец запнулся. — Где же мне найти Короля? — Он и раньше часто задавал этот вопрос жителям Волшебной Страны, но они все отвечали одно и то же: «Он не сказал нам».

— Если он не сказал тебе, — отвечала Королева, — то и я не могу. Но он много путешествует, его можно встретить в самых неожиданных местах. А теперь преклони колена.

Кузнец преклонил колена, и она нагнулась и положила руку ему на голову. Все в нем замерло, и казалось, он пребывает одновременно и в мире простых людей, и в Волшебной Стране, и вне волшебства, сам по себе, и на все смотрит как бы со стороны, а в душе его смешались тяжесть утраты, и счастье обладания, и покой. Потом оцепенение прошло, он поднял голову и встал. Уже занялась заря, звезды побледнели, и Королева исчезла. Растаяла последняя нота трубы, высокий луг был тих и пуст, и он понял, что теперь путь его лежит назад, в боль утраты.

Он брел среди опавших листьев, думая обо всем, что увидел и узнал. Луг остался далеко позади. Сзади слышались шаги, они приближались. Внезапно совсем рядом чей-то голос произнес:

— Похоже, нам по пути, Звездоносный.

Кузнец вздрогнул и очнулся от своих мыслей. Рядом с ним шел человек. Он был высокого роста, шагал легко и быстро, и тень от капюшона темно-зеленого плаща скрывала его лицо. Кузнец был озадачен. Только жители Волшебной Страны называли его Звездоносным, но ему казалось, что он никогда не встречал тут этого человека, и все же смутное чувство подсказывало, что он знает его.

— Смотри в какую сторону ты идешь, — ответил он наконец.

— Я иду в твою деревню, надеюсь, что и ты тоже.

— Да, и я тоже, — сказал Кузнец. — Что ж, пойдем вместе. Но постой, я чуть не забыл. Перед тем как я начал путь домой, Королева просила меня передать одно известие. Что мне делать? Мы скоро покинем пределы Волшебной Страны, но я уже никогда не вернусь сюда. А ты? Ты еще вернешься?

— Да, я вернусь. Ты можешь передать через меня.

— Это нужно передать Королю. Разве ты знаешь, где его найти?

— Знаю. Говори, что она просила тебя передать.

— Только одно: «Время пришло. Ему выбирать».

— Я все понял. Забудь об этом.

Дальше они пошли рядом. Оба молчали, лишь листья шелестели у них под ногами. Спустя некоторое время — они все еще находились в пределах Волшебной Страны — человек вдруг остановился. Он повернулся к Кузнецу лицом и откинул капюшон. И тут Кузнец узнал его. Это был Эльф. Ученик, как Кузнец по-прежнему называл его про себя. Он навсегда запомнил тот день, когда еще юный Эльф стоял под сводами Чертога; в руках он держал нож для разрезания Пирога, и в глазах его горели отблески свечей. Сейчас он старик, ведь сколько уже лет состоит

он Мастером Поваром. Но здесь, под сенью Внешнего Леса, его можно принять за прежнего Ученика, разве что возмужавшего: в волосах ни седины, на лице ни морщины, а глаза сияли, отражая свет.

— Я бы хотел поговорить с тобой, Кузнец, сын Кузнеца, пока мы не ушли отсюда, — сказал Элф.

Кузнец удивился. Он и сам давно хотел поговорить с Элфом, но ему это никогда не удавалось. Элф всегда вежливо приветствовал его и относился к нему по-дружески, но, казалось, избегал откровенных разговоров. Вот и сейчас он посмотрел на Кузнеца с улыбкой, но вдруг поднял руку и указательным пальцем коснулся Звезды. Свет в его глазах тотчас потух, и Кузнец понял, что этот свет исходил от Звезды и что она, наверное, ярко сияла, а сейчас померкла. В изумлении он отшатнулся от Элфа.

— Не думаешь ли ты, Мастер Кузнец, — сказал тот, — что пришло время тебе с ней расстаться?

— Что тебе до этого, Мастер Повар? И почему я должен с ней расстаться? Разве она не принадлежит мне? Она была мне дарована, и разве человек не может хранить то, что связано для него с самой дорогой памятью?

— Можно хранить то, что подарено на память. Но есть вещи, которые не должны всегда принадлежать одному человеку и не переходят по наследству. Они даются лишь на время. Тебе, похоже, не приходило в голову, что Звезда когда-нибудь сменит хозяина. Теперь это время настало.

Кузнец почувствовал, как его охватывает волнение. Он был щедрым человеком и сейчас с благодарностью вспомнил все хорошее, что принесла ему Звезда.

— Что же я должен сделать? — спросил он. — Отдать ее одному из властителей Волшебной Страны? Может быть, Королю? — И при этих словах в его сердце проснулась надежда: вдруг ему снова разрешат, хотя бы еще один раз, войти в Волшебную Страну.

— Ты мог бы отдать ее мне, — сказал Элф, — но, боюсь, это будет тебе слишком трудно. Лучше пойдем вместе в кладовую, и ты положишь ее в ту самую старую черную коробку, где ее держал твой дедушка.

— Я этого не знал, — удивленно сказал Кузнец.

— Этого никто не знал, кроме меня. Я один был тогда с ним.

— Тогда ты, наверное, должен знать, как он нашел Звезду и почему он положил ее в коробку?

— Разумеется. Он принес ее из Волшебной Страны, и ему хотелось сохранить ее для тебя, своего единственного внука. Он так и сказал мне в надежде, что я ему помогу. Это был отец твоей матери. Не знаю, рассказывала ли она тебе о нем, да и вряд ли сама много знала. Его звали Райдер-Путешественник. Он и вправду много путешествовал и многое

увидел и узнал, прежде чем обосновался здесь, в этой деревне, и стал Мастером Поваром. Тебе было всего лишь два года, когда он ушел, и твои односельчане не нашли ничего лучшего, как выбрать Мастером беднягу Нокса. И все же, как мы и предполагали, в конце концов Мастером стал я. В этом году я снова испеку Большой Пирог — единственный Повар на памяти людей, который сделает это дважды. Я хочу положить в него Звезду!

— Хорошо, ты получишь ее, — сказал Кузнец. Он пристально посмотрел на Элфа, как будто стараясь проникнуть в его мысли. — А ты знаешь, кто ее найдет?

— Что тебе до этого?

— Мне бы хотелось знать. Возможно, мне будет легче расстаться с такой дорогой мне вещью. Но боюсь, что сын моей дочери еще слишком мал.

— Возможно, тебе и будет легче, а возможно, нет. Посмотрим, — ответил Элф.

Они продолжали свой путь молча, пока не вышли за пределы Волшебной Страны и не вернулись наконец в деревню. Там они сразу направились к Чертогу. В мире людей заходило солнце, и в окнах Чертога отражался алый свет. На позолоченной резьбе Главных Ворот тоже лежал отблеск заката, и незнакомые разноцветные лица смотрели на Кузнеца сверху, из-под крыши. Не так давно Чертог заново покрасили и позолотили. В Совете по этому поводу было много споров: не всем пришлось по душе «новомодные затеи», и лишь более умные поняли, что это возвращение к старым традициям. Но поскольку никаких расходов не потребовалось — за все расплатился сам Мастер Повар, — страсти быстро уgomонились. Кузнец никогда не видел Чертог при таком освещении; он стоял, закинув голову, забыв обо всем на свете. Вдруг он почувствовал прикосновение к своей руке. Элф провел его к маленькой задней двери, открыл ее, и они вместе прошли по темному коридору в кладовую. Там Элф зажег высокую свечу, отпер буфет и достал с полки ту самую черную коробку. Ее недавно отполировали и украсили серебряными завитками. Элф поднял крышку и показал коробку Кузнецу; одно маленькое отделение в углу было пусто. Остальные теперь были полны свежих, едких пряностей, от которых у Кузнеца заслезились глаза. Он поднес руку ко лбу, и Звезда с готовностью легла ему на ладонь. Его пронзила острая боль, и слезы хлынули из глаз. Звезда ярко светилась у него на ладони, но он видел лишь размытое пятно света, которое казалось таким далеким.

— Я плохо вижу, — сказал он Элфу. — Положи ее сам.

Элф взял Звезду с его ладони и положил ее в коробку, и в тот же миг она погасла.

Кузнец молча повернулся и ощупью стал пробираться к двери. На пороге зрение его прояснилось. Он увидел, что уже наступил вечер и в

небес светится луна, а рядом с ней вечерняя звезда. Он постоял немного, любуясь на них, как вдруг почувствовал чью-то руку на своем плече и обернулся.

— Ты отдал мне Звезду по доброй воле, — сказал Элф. — Если ты все еще хочешь знать, кому она достанется, я скажу тебе.

— Конечно, очень хочу.

— Так вот. Она достанется тому, кого ты сам выберешь.

Кузнец вздрогнул. Он ответил не сразу, но наконец произнес с сомнением в голосе:

— Не знаю, что ты скажешь о моем выборе. Я думаю, тебе не очень-то приятно слышать имя Нокса, но, знаешь, его правнук Тим, Нокс из Таунсэнда, будет на этом Празднике, и я подумал... Ноксы из Таунсэнда совсем не такие...

— Я тоже думал об этом, — сказал Элф. — У мальчика мудрая мать.

— Да, сестра моей Нелли. Но я люблю Тима вовсе не за то, что он мой родственник. Наверное, я не могу настаивать...

Элф улыбнулся:

— Можешь, хотя в том нет нужды. Наш выбор совпал.

— Тогда зачем же ты спросил меня?

— Так хотела Королева. Если бы твой выбор упал на кого-нибудь другого, я уступил бы тебе.

Кузнец посмотрел на Элфа и вдруг низко поклонился:

— Я понял наконец, господин. Это большая честь.

— Ты достоин ее. А теперь ступай домой с миром.

Когда Кузнец дошел до западной окраины деревни, где был его дом, он увидел, что сын его стоит на пороге кузницы. Он, видимо, только что запер ее. Работа на сегодня была закончена, и теперь он стоял и смотрел на белую дорогу, туда, откуда его отец обычно возвращался из путешествий. Заслышав шаги, он с удивлением обернулся и увидел, что отец шагает со стороны деревни. Он побежал ему навстречу и с любовью обнял его:

— Я жду тебя со вчерашнего дня, папа. — Потом он заглянул отцу в лицо и сказал с беспокойством: — Ты выглядишь таким усталым. Ты, наверное, долго шел?

— Долго, сынок. Я проделал сегодня весь путь от Рассвета до Заката.

Они вместе вошли в дом. Было темно, лишь языки пламени лизали очаг. Сын зажег свечи, и некоторое время они сидели у огня молча. Кузнец ощущал лишь усталость и боль утраты. Наконец он огляделся, словно бы приходя в себя.

— Почему ты один? — спросил он у Неда.

— Как почему? — Сын посмотрел на него с упреком. — Мама в Малом Вуттоне у Нэн. Сегодня малышу исполнилось два года. Они надеялись, что ты тоже придешь.

— Да, правда, Мне бы следовало быть там. Пришлось кое-что обдумать, и это отодвинуло все остальное на второй план. Но я не забыл о малыше Томе.

Он вытащил из нагрудного кармана небольшой футляр из мягкой кожи.

— Я кое-что принес для него. Старый Нокс назвал бы это безделицей, но она из Волшебной Страны, Нед.

Из футляра Кузнец достал серебряную вещицу, похожую на лилию с гладким стеблем и тремя распустившимися нежными цветками. Они наклонили свои головки вниз, как колокольчики. Это и были колокольчики: если до них дотронуться, каждый цветок отзывался тихим, ясным звуком, от которого дрожало и на миг вспыхивало белым светом пламя свечей.

Глаза Неда округлились.

— Можно мне рассмотреть это получше, папа? — И он взял его кончиками пальцев и стал вглядываться. — Какая изумительная работа, папа! Да ведь он пахнет. Где-то я уже слышал этот аромат, где-то... нет, не помню!

— Да, запах появляется после того, как умолкнет звук. Не бойся взять его в руки. Цветок ведь сделан для ребенка. Его не так-то просто сломать, и об него невозможно пораниться.

Кузнец убрал цветок обратно в футляр. «Завтра я сам отнесу его в Малый Вуттон. Может быть, тогда Нэн с мужем и мать простят меня. Ну, а малышка Том — еще не пришло его время считать дни... да и недели, месяцы и годы тоже».

— Правда, иди, папа! Хотел бы и я пойти с тобой, да, видно, придется подождать. Даже если бы я не ждал твоего возвращения, я все равно не смог бы сегодня пойти. Уж очень много работы, а завтра будет еще больше.

— Нет, так не годится, сынок. Тебе надо отдохнуть. Хотя я теперь и дедушка, руки у меня от этого не ослабели. Мы быстро управимся с любой работой. И так будет теперь каждый день. Я больше не буду уходить, Нед. Уходить так далеко... Ты понимаешь меня?

— Так вот что!.. А я-то думал, куда подевалась Звезда? Тебе, наверное, очень тяжело сейчас. — Он взял отца за руку. — Но знаешь, в этом есть и свои хорошие стороны. Подумай о нас. Ты ведь сможешь многому научить меня теперь, у тебя будет время. Я говорю не только о мастерстве.

Они вместе поужинали и долго еще сидели за столом. Кузнец рассказывал о последнем путешествии в Волшебную Страну и о разных других вещах, которые приходили ему в голову. Но о выборе следующего обладателя Звезды он ничего не сказал.

— Папа, а помнишь тот день, — сказал Нед, — когда ты вернулся с Живым Цветком? Я тогда сказал, что у тебя тень, как у великана.

Значит, это правда? Ты танцевал с самой Королевой! И все же тебе пришлось отдать Звезду. Надеюсь, она достанется кому-нибудь не менее достойному. Ребенок должен быть благодарен.

— Ребенок ничего не узнает, — сказал Кузнец. — Так всегда бывает с такими дарами. Ну да ладно. Я свое дело сделал и возвращаюсь к молоту и наковальне.

Как это ни удивительно, но старый Нокс, хоть и насмеялся над Учеником, так и не смог забыть об исчезновении Звезды. С тех пор прошло много лет. Он растолстел, обленился и ушел на покой, когда ему едва исполнилось шестьдесят (в деревне это считалось далеко еще не старостью). Сейчас ему шел девятый десяток, он стал толстым, как бочка, но ел все так же много и обожал сладости. Все дни он проводил за столом или в большом кресле у окна, а в хорошую погоду — на крыльце. Он любил посудачить с соседями, но в последнее время его разговор все чаще возвращался к тому самому несравненному Большому Пирогу, творению его рук (в этом он был абсолютно уверен). Даже когда он засыпал, ему снился Пирог.

Иногда Ученик останавливался у ворот перекинуться словом. Старый повар все еще звал Элфа Учеником, а к себе требовал обращения «Мастер». Ученик никогда об этом не забывал, что, конечно, говорило в его пользу, и все же у Нокса были собеседники и поприятнее.

Однажды днем, после обеда, Нокс сидел в своем кресле на крыльце и клевал носом. Внезапно он проснулся. Над ним стоял Ученик и смотрел на него.

— А, это ты. Рад тебя видеть. Все не могу забыть об этом Пироге. Сейчас вот опять о нем думал. Как-никак это был мой лучший Пирог. Или, может, ты забыл?

— Ну что вы, Мастер. Я все помню. Но стоит ли так волноваться? Это был хороший Пирог, он всем пришелся по вкусу и заслужил похвалы.

— А как же, конечно, ведь его сделал я! Но меня волнует не это. Я все думаю о той безделице, о Звезде. Ума не приложу, что с ней стало. Конечно, она не могла растаять. Это я только так сказал, чтобы успокоить детей. Я все думаю — уж не проглотил ли ее кто-нибудь... Хотя вряд ли. Она ведь не монетка, чтобы ее не заметить. Хотя и маленькая, а края острые.

— Все это так, Мастер, но вы ведь не знаете, из чего она сделана. Не стоит ломать голову. Ее действительно проглотили, уверяю вас.

— И кто же это? Я на память не жалуюсь, а этот день помню, словно он был вчера. И всех детей могу назвать по именам. Дай-ка подумать. Должно быть, это мельникова Молли. Она всегда была обжорой, глотала толком не прожевав. Зато теперь толстая, как мешок с мукой.

— Да, Мастер, некоторые люди имеют к этому склонность. Но Пирог Молли ела осторожно и нашло там две монетки.

— Правда? Ну, тогда это, должно быть, Гарри, сын бондаря. Не мальчишка был, а бочонок, и рот огромный, как у лягушки.

— Я бы сказал, Мастер, что он был хорошим мальчиком, просто, широко и дружелюбно улыбался всем, а ел он так осторожно, что вначале разрезал Пирог на кусочки, но ничего там не нашел.

— Ну, тогда это точно была Лили, дочь суконщика. Помню, такая маленькая, бледненькая, а еще в колыбели глотала булавки, и хоть бы что!

— Нет, Мастер, это была не Лили. Она съела только тесто и глазурь, а всю начинку отдала мальчику, который сидел рядом.

— Тогда я сдаюсь. И кто же это был? Похоже, ты с них глаз не спускал, если, конечно, сейчас все не выдумал.

— Это был сын Кузнеца, Мастер, и, я думаю, Звезда пошла ему на пользу.

— Так я и знал, — рассмеялся Нокс. — Ты меня дурачишь. Не говори глупости! Кузнец был тихим, медлительным мальчиком. Сейчас от него куда больше шума, он, говорят, еще и поет! Но тогда это был разумный, осторожный мальчик, который никогда не делал глупостей.

— Что ж, Мастер, если вы мне не верите... Да это уже и не важно. Может быть, вам будет приятно узнать, что Звезда вернулась обратно в коробку. Вот она.

Нокс только сейчас заметил, что на Ученике был темно-зеленый плащ. Из его складок он вытащил ту самую черную коробку и откинул крышку перед носом старого Повара:

— Вот она, Мастер, там, в углу.

Нокс тут же принялся чихать и кашлять, но все же заглянул в коробку.

— Да, это она, — произнес он. — Во всяком случае, похожа.

— Это она, Мастер. Я положил ее туда недавно своей рукой. А этой зимой она снова попадет в Пирог.

— А-а! — Нокс покосился на Ученика и вдруг рассмеялся, и смеялся до тех пор, пока все тело его не задрожало, как студень. — Ну конечно! Детей было двадцать четыре, сюрпризов тоже. Звезда была лишней, и ты ее стащил, перед тем как ставить Пирог в печь, и оставил до лучших времен. Ты всегда был ловкий парнишка, можно даже сказать, шустрый. Да и экономный тоже — зря крошки не выбросишь. Ха-ха. Так вот как все вышло. Я мог бы и сам догадаться. Теперь понятно. Ну, а сейчас я бы хотел немного вздремнуть. — И он поудобнее уселся в кресле. — А тебе советую следить получше за своим Учеником, а то как бы он тебя не разыграл. Говорят, нет такого хитреца, которого нельзя перехитрить. — С этими словами Нокс закрыл глаза.

— Ну что ж, прощайте, Мастер. — И Элф захлопнул коробку с таким щелчком, что старый повар снова открыл глаза. — Послушай, Нокс, — сказал Элф. — Твоя мудрость так велика, что за все это время

я лишь дважды осмелился что-то сказать тебе. Я сказал тебе тогда, что Звезда эта из Волшебной Страны, и вот теперь сказал, что она досталась Кузнецу. Оба раза ты посмеялся надо мной. Теперь, на прощание, я хочу сказать тебе еще кое-что. Вряд ли тебе станет смешно на этот раз! Нокс, ты старый, тщеславный мошенник, толстый, ленивый и хитрый. Я выполнял за тебя всю работу и ни разу не слышал слова благодарности. Ты научился от меня всему, но только не уважению к Волшебной Стране и хотя бы подобию вежливости. Ты даже не здороваешься со мной!

— Ну уж коли речь зашла о вежливости, то никому не дозволено срамить людей старых, но бравых и мастаков своего дела. Морочь голову своей Волшебной Страной кому-нибудь другому. А теперь проваливай! — Нокс притворно всплеснул руками. — Или, может быть, у тебя на кухне спрятаны твои друзья — волшебники? Тогда сделай милость — пришли мне одного, я хотел бы на него поглядеть. Вдруг он взмахнет своей волшебной палочкой и сделает меня снова худым! Тогда я, может, и поверю. — И он рассмеялся.

— Может быть, вы уделите несколько минут Королю Волшебной Страны? — был ответ.

И, к ужасу Нокса, при этих словах Эльф вырос. Он сбросил плащ и стоял теперь, одетый во все белое, как Мастер Повар во время Праздника. Его одежды мерцали и отбрасывали блики, а во лбу его, словно звезда, светилось драгоценное украшение. Лицо его было молодым, но строгим.

— Старик, — произнес Король, — ты вовсе не старше меня. Мастак!.. Жалкий неумеха, ты насмеялся надо мной за моей спиной, так брось же мне вызов в открытую! — Он сделал шаг вперед, и Нокс весь сжался и задрожал. Он хотел закричать, позвать на помощь, но едва лишь выдавил шепотом:

— Господин, пощадите меня... Я всего лишь бедный старик.

Лицо Короля смягчилось.

— Увы, это так. Вот сейчас ты сказал правду. Не бойся, я не трону тебя. Но должен же Король Волшебной Страны что-то сделать для тебя на прощание? Твое желание будет исполнено! Прощай. Теперь ты уснешь.

Он снова завернулся в плащ и медленно пошел в сторону Чертога. Эльф еще не совсем скрылся из виду, а выпученные от испуга глаза старого повара закрылись, и он засопел.

Когда Нокс проснулся, солнце уже клонилось к западу. Он протер глаза и поежился от зябкого осеннего воздуха. «Ох, ну и сон! Не иначе как это из-за той свинины, что я ел за обедом». И с этого дня он стал так бояться, что ему снова приснится что-нибудь в том же духе, что почти ничего не ел, чтобы не «расстраиваться». Он ел теперь лишь самую простую пищу и скоро похудел. Одежда и его собственная кожа висели

на нем складками, а дети дразнили Нокса старым мешком с костями. Вскоре он обнаружил, что снова может ходить по деревне с помощью всего-навсего палки. Это добавило много лет к его веку — говорят, Ноксу недавно исполнилось сто лет. Это единственное, чего он достиг в жизни. До последнего дня он говорил всем, кто еще мог слушать эту историю:

— Может, это вам покажется необычным, но, если взглянуть на дело здраво, это был просто дурацкий сон. Король Волшебной Страны! Да у него даже не было волшебной палочки! А если перестанешь есть, то худеешь. Это естественно, и ничего тут нет волшебного.

Настало время Праздника. Кузнеца пригласили петь песни, а его жену — помочь управиться с детьми. Кузнец смотрел на детей, пока они плясали и пели, и думал, насколько они красивее и живее, чем товарищи его детства. У него промелькнула мысль: «Интересно, чем занимался Элф в свободное время?» Казалось, каждый из ребят был достоин получить Звезду. Особенно внимательно Кузнец смотрел на Тима. Это был пухлый мальчик, неуклюжий в танцах, но с приятным голосом. За столом он сидел молча и смотрел, как точат нож и разрезают Пирог. Неожиданно он сказал:

— Дорогой Мастер Повар, только отрежьте мне совсем маленький кусочек, пожалуйста. Я столько съел, что больше уже не могу.

— Хорошо, Тим, — сказал Элф, — я отрежу тебе особый кусочек. И думаю, ты его легко проглотить.

Кузнец смотрел, как Тим ест свой кусок — медленно, но с видимым удовольствием. Правда, не обнаружив монетки, он опечалился. Но вот свет полился из его глаз, он засмеялся и стал тихо напевать. Вдруг он встал и принялся танцевать сам с собой с такой неожиданной для него грацией, что дети засмеялись и захлопали в ладоши.

«Значит, все в порядке, — подумал Кузнец. — Ты мой наследник. Хотел бы я узнать, куда приведет тебя Звезда, в какие неизведанные места. Бедный старый Нокс... Хотя вряд ли он узнает, какой скандал случился в его семье».

Он об этом и не узнал. Зато он узнал о другом, и это очень его обрадовало. Незадолго до конца Праздника Мастер Повар попрощался и с детьми и со взрослыми.

— Прощайте, — сказал он. — Через день-другой я уйду из вашей деревни. Мастер Харпер займет мое место. Он очень хороший повар и к тому же здесь родился. А я возвращаюсь домой. Думаю, вы будете не очень скучать по мне.

Дети довольно весело попрощались с Поваром и вежливо поблагодарили его за прекрасный Пирог. И только маленький Тим взял его за руку и тихо сказал:

— Как жалко!..

Несколько семей в деревне все же скучали по Элфу. Его друзья, особенно Кузнец и Харпер, горевали о его уходе и всегда следили за тем, чтобы краска и позолота в Чертоге не облуплялись. Большинство же было довольно: люди всегда радуются переменам, да и Элф чересчур зажился в деревне. А старый Нокс стукнул палкой по полу и сказал напрямик:

— Ушел наконец! Я так рад! Никогда он мне не нравился. Хитрый он был и уж больно шустрый.

О волшебных сказках

On Fairy-stories
1964

*Перевод С. Кошелева
под редакцией И. Тогоевой*

Давайте поговорим в волшебных сказках, хоть я и знаю, что это занятие рискованное. Сказочная страна полна опасностей. Неосторожные попадают здесь в западни, безрассудные — в мрачные подземелья. А ведь безрассудным можно счесть и меня, ибо хотя я полюбил волшебные сказки, едва научившись читать, и с тех пор не раз размышлял о них, изучать их профессионально мне не доводилось. Я был всего лишь любознательным бродягой (а то и просто нарушителем границ) в стране, которая полна чудес, но строго хранит свои тайны.

Царство волшебной сказки поистине беспредельно, и чего в нем только нет: разнообразные звери и птицы, глубокие озера и реки, безбрежные моря, высокие небеса и бесчисленные звезды, чарующая красота и вечная опасность, радость и горе острые, как клинки. Верно, любой, кому довелось там постранствовать, считает себя счастливым. Да только не находит слов, чтобы описать все богатство и всю необычность этого царства. А пока он еще в пределах волшебной страны, задавать лишние вопросы опасно: ведь ворота туда могут и захлопнуться, а ключи от них — потеряться.

И все же есть несколько вопросов, на которые тот, кто намерен говорить о волшебных сказках, должен получить ответ или хотя бы попытаться ответить сам, что бы ни подумали жители сказочного мира о подобном нахальстве. Например: что такое волшебная сказка? Каково ее происхождение? Зачем она нужна? Я постараюсь дать ответ на эти вопросы или хотя бы выскажу то немногое, что мне удалось об этом узнать — главным образом из самих сказок, из той незначительной части их великого множества, которая известна мне самому.

Волшебная сказка

Что такое волшебная сказка? Зря вы будете искать значение этого термина в оксфордском словаре английского языка. Указанного словосочетания в нем нет, как нет и никакой информации о феях и других волшебных существах. В «Приложении» есть зафиксированное с 1750 года понятие «волшебная сказка». Его основные значения: а) история о волшебных существах, эльфах или феях; б) небылица, невероятная история; в) ложь.

Если рассматривать последние два определения, моя тема станет безнадежно широкой. Первое же определение, напротив, слишком узко. Нет, не в качестве темы для эссе; в этом смысле оно достаточно широко, чтобы ему посвятить множество книг. И все же оно не покрывает современного значения, вкладываемого в понятие «волшебная сказка». Особенно если взять на вооружение определение, данное лексикографами понятию «волшебного существа»: «сверхъестественное существо маленького роста, которое, по народным поверьям, обладает способностью к волшебству и оказывает сильное влияние — доброе или злое — на дела людей».

«Сверхъестественный» — слово трудное и небезопасное в любом смысле — узком или широком. Однако, например, к эльфам оно вообще неприменимо, разве что мы будем расценивать префикс «сверх-» как показатель превосходной степени. Как раз человек в сравнении с волшебными существами воспринимается как нечто сверхъестественное — и, кстати, часто маленького роста, — а волшебные существа куда естественнее и ближе к природе, чем человек. Такими уж они родились. Дорога в волшебную страну — это отнюдь не дорога на небеса и, по-моему, даже не в ад, хотя кое-кто утверждает, что именно туда, пусть не прямо, а потихоньку-помаленьку она и может завести.

Вглядись: тропинка чуть видна,
Пророс терновник меж камней...
О, это Праведных тропа,
Немногие идут по ней.

А вот широкий, торный путь,
Где на лугах блестит роса...
То этот путь — стезя Греха,
А не дорога в Небеса.

И вот чудесная тропа
В холмах зеленой стороны.
То путь в Волшебную Страну.
Мы по нему идти должны.

Что касается маленького роста: не стану отрицать, что такое представление об эльфах — сейчас самое распространенное. Я часто думал, что было бы интересно выяснить, откуда это мнение взялось. Для уверенного ответа у меня не хватает знаний. Прежде в Волшебной Стране действительно были существа небольшого (хотя вряд ли такого уж маленького) роста, но в целом для тамошнего народа небольшой рост не характерен. Мне кажется, что применительно к Англии волшебные существа маленького роста (эльфы или феи) в значительной мере — плод литературного вымысла*. Вполне естественно, что в стране, где любовь ко всему хрупкому и утонченному столь часто проявлялась в искусстве, и литературные пристрастия обрели то же направление, обратились к миниатюрному и изящному, тогда как во Франции они явно тяготеют к дворцовым вкусам, а потому и сказочные персонажи там пудрятя и увешиваются бриллиантами. Кроме того, подозреваю, что цветочно-мотыльковая миниатюрность волшебных существ была одновременно и плодом «человеческого разума», который превратил сияние Страны Эльфов в блеск дешевых побрякушек, а существа, способные становиться невидимками, стали просто настолько крохотными

---

* Я говорю о развитии, которое эти понятия претерпели до широкого распространения интереса к фольклору других стран. Такое английское слово, как «elf», с давних пор испытывало влияние французского (из которого заимствованы слова *fau* и *faerie*, *fairy*); но позднее, когда слова *fairy* и *elf* стали употребляться в переводах, на их значение повлияла атмосфера немецких, скандинавских и кельтских сказок.

и хрупкими, что способны спрятаться под листком первоцвета или травинкой. Вскоре после начала эпохи великих путешествий стало модно представлять мир слишком маленьким, тесным, не способным вместить и людей, и эльфов. Ведь тогда даже волшебная Западная страна ирландских сказаний Хай Брезейл (Hy Breasail) превратилась в реальную Бразилию, страну красивого дерева. Так или иначе, превращение эльфов в малюток осталось во многом благодаря литераторам, и к этому приложили руку в том числе Уильям Шекспир (1564 — 1616) и Майкл Дрейтон (1563 — 1631)*. Дрейтонова «Нимфидия» (1627) — прародительница многочисленного племени цветочных фей и эльфов с крылышками и усиками, как у бабочек. Я эту мелочь терпеть не мог, когда был мальчишкой, а теперь их ненавидят уже мои дети. Подобные же чувства испытывали Эндрю Лэнг**. В предисловии к «Лиловой книге сказок» он говорит об утомительных писаниях современных авторов: «Они всякий раз начинают с того, как маленький мальчик или девочка идет гулять и встречает фею гардении, или фею яблоневого цвета, или фею кашики... Эти феи пытаются развеселить дитя, до не умеют; зато преуспевают, когда читают ему мораль».

Но все началось, как я уже сказал, задолго до XIX столетия, и подобные эльфы и феи давным-давно стали невыносимо скучны — как раз потому, что пытались развеселить, да не умели. Если «Нимфидию» считать волшебной сказкой (то есть историей о волшебных существах), то она — одна из худших сказок всех времен. Судите сами. Во дворце Оберона стены — из паучьих лапок,

А окна там — из глаз зверей,
А свод — из крыл нетопырей.

Рыцарь Пигвиген разезжает на резвой ухвертке. Своей возлюбленной, королеве Маб, он посылает браслет из муравьиных глаз, а свидание назначает в венчике первоцвета. Но на этом миленьком фоне разворачивается скучнейший рассказ об интригах и хитрых сводниках. Доблестный рыцарь и разъяренный муж садятся в лужу, и гнев их гасят лишь воды Леты. Жаль, что в Лету не канула вся эта история. Пусть Оберон, Маб и Пигвиген — настоящие эльфы и феи «маленького роста», а Артур, Джиневра и Ланселот — вовсе нет; все равно, рассказ о борьбе добра и зла при дворе короля Артура — волшебная сказка в куда большей степени, чем эта история насчет Оберона.

Фея — имя существительное, более или менее эквивалентное по значению слову «эльф». Появилось оно сравнительно недавно. Его почти не использовали до эпохи Тюдоров. Весьма показательно, что первое его употребление (единственное до 1450 года), зафиксирован-

---

* Причем их влияние не ограничивается Англией. По-видимому, немецкие слова *Elf*, *Elfe* взяты из «Сна в летнюю ночь» в переводе Виланда (1764).

** Лэнг или Ланг Эндрю (1844 — 1912) — шотландский писатель, филолог, фольклорист, историк; последователь «антропологической школы» фольклористики. — Прим. переводчика.

ное Оксфордским словарем, это строчка из поэмы Дж. Гауэра (1325 — 1408) «*Confessio Amantis*»: «as he were a faierie». Но Гауэр имел в виду вовсе не фей. У него сказано: «as he were of faierie» — в том смысле, что герой был похож на обитателя Волшебной Страны. Поэт описывает молодого повесу, который стремится околдовать сердца девушек в церкви:

На хитрой прическе вокруг головы
Гирлянда из свежей зеленой листвы.
Недавно листва шелестела в лесу —
Теперь оттеняет повесы красу.
А он, не стараясь себя побороть,
Глядит с вождельем на женскую плоть,
Глазами стреляет и зорко, и живо,
Как ястреб, с небес углядевший поживу,
И так перед вами красуется он,
Словно средь эльфов был он рожден

Перед вами смертный юноша из плоти и крови. Но его описание гораздо больше соответствует именно эльфу, а не фее, к определению которой он ошибочно отнесен. Впрочем, с жителями Волшебной Страны вечные сложности: их облик не всегда соответствует внутреннему содержанию, часто они выглядят такими гордыми и прекрасными, какими мы, люди, лишь хотели бы стать. Часть их волшебства, используемого во благо или во вред человеку, состоит в умении играть желаниями человеческой души и плоти. Королева эльфов, которая быстрее ветра унесла Томаса Стихотворца на молочно-белом скакуне, явилась его взору у Эльдонского Древа в облике смертной женщины, хотя и неотразимо прекрасной. Так что Спенсер* не погрешил против традиции, именуя рыцарей своей Волшебной Страны эльфами. Таким рыцарям, как сэр Гайон, зваться эльфом больше пристало, чем Пигвигтену, вооруженному жалом шершня.

А теперь, хотя я лишь коснулся (причем поверхностно) вопроса о *феях* и *эльфах*, необходимо вернуться к началу рассуждения, так как я отклонился от основной темы: волшебные сказки. Я упомянул, что определение «истории о волшебных существах» — слишком узкое. Оно остается таковым, даже если отбросить «маленький рост» волшебных существ, потому что для нормального англичанина волшебные сказки — это истории не о феях и эльфах, а о Волшебной Стране, т. е. о том мире или королевстве, где, помимо фей и эльфов, а также гномов, ведьм, троллей, великанов и драконов, чего только нет: там есть моря, солнце, луна, небо; там есть земля и все, что с ней связано — деревья и птицы, вода и камень, вино и хлеб, да и мы сами, смертные люди, если оказались во власти чудесных чар.

Истории, посвященные исключительной жизни фей, которые в современном английском языке включаются в понятие «эльфы», сравни-

---

* Эдмунд Спенсер (1552 — 1599) — английский поэт, автор аллегорической поэмы «Королева фей». — Прим. переводчика.

тельно редки и, как правило, малоинтересны. Гораздо чаще хорошие сказки повествуют о приключениях именно *человека* в волшебном царстве, полном опасностей, или у его туманных границ. Это и естественно, ибо если эльфы действительно существуют и при этом независимо от наших сказок о них, то безусловно верно следующее: эльфам, в общем-то, нет дела до людей, а людям — до эльфов. У нас с ними разные судьбы, и наши пути редко пересекаются. Даже близ границ Волшебной страны мы с ними встречаемся лишь случайно*.

Таким образом, определение волшебной сказки — что она такое или чем должна быть — зависит не от определения или исторического анализа понятий «эльф» и «фея», а от самой природы Волшебной Страны, от тех ветров, что веют там. Не стану даже пытаться найти этому какое-то определение или просто описывать. Это невозможно. Здесь словесные тенета не помогут, ибо одна из особенностей Волшебной Страны — быть доступной восприятию, но не описанию. Понятие это включает множество составляющих, но анализ каждого из них вряд ли откроет тайну целого. И все же надеюсь, что сказанное далее по другим вопросам даст представление и о том, какую мне видится Волшебная Страна. Пока же скажу лишь одно. Волшебная сказка — это такая история, которая имеет непосредственное отношение к Волшебной Стране, сама будучи любого жанра — сатирической, приключенческой, морализаторской или фантастической.

Само же слово «волшебство» имеет почти точный синоним: «магия», однако, это магия особого рода и направленности, полярно противоположная вульгарным приемам старательного, действующего согласно магической науке колдуна. Существует неперемное условие: если сказка сатирическая, смеяться нельзя лишь над одним — над самим волшебством. Даже в такой сказке его следует принимать всерьез, без шуток и рациональных объяснений. Достойный восхищения пример такой серьезности — средневековый роман «Сэр Гавейн и Зеленый рыцарь».

Но даже если мы постараемся остаться в рамках этих смутных, неопределенных ограничений, станет ясно, что многие, включая специалистов, употребляют термин «волшебная сказка» весьма непродуманно. Беглого знакомства с недавно выпущенными «сборниками волшебных сказок» достаточно, чтобы убедиться: истории о феях, о волшебных существах (любого места обитания), и даже о гномах и гоблинах составляют лишь малую часть их содержания. Ясно, что этого и следовало ожидать. Но в сборниках мы находим также множество сказок, которые не только не рассказывают о Волшебной Стране, но вообще не имеют к ней ни малейшего отношения, так что нечего было их и включать.

Приведу несколько примеров того, что, на мой взгляд, подлежит изъятию. Это поможет определить, какие сказки *не являются* волшеб-

---

* Это остается в силе, даже если эльфы — лишь творение человеческого сознания, если они «истинны» лишь как определенное отражение представлений человека об Истине.

ными. Заодно мы подойдем непосредственно ко второму вопросу: какого происхождения волшебной сказки?

Количество сказочных сборников сейчас очень велико. Среди опубликованных в Англии, пожалуй, ни один не может соперничать по богатству состава, популярности и прочим достоинствам с двенадцатью разноцветными книжками, за которые мы должны благодарить Эндью Лэнга и его жену. Первая из них («Синяя книга сказок») вышла в 1889 году, но до сих пор переиздается. Большая часть ее содержания испытание более или менее выдерживает. Анализировать эти сказки я не стану, хотя такой анализ мог бы представлять интерес. Замечу только, что среди историй, включенных в этот сборник, нет ни одной, посвященной собственно «феям», и в очень немногих вообще о них упоминают. Большая часть сказок заимствована из французских источников. Для того времени это был во многих отношениях правильный выбор. Возможно, так следует поступать и сейчас, хотя я с детства не люблю французские сказки. Во всяком случае, Шарль Перро, чьи «Сказки моей Матушки Гусыни» (1697) были переложены на английский еще в XVIII веке, и широко известные отрывки из огромных запасов «Комнаты фей» оказали на моих соотечественников такое влияние, что и сегодня, если попросить кого-нибудь назвать типичную волшебную сказку, он скорее всего приведет французский пример: «Золушку», «Кота в сапогах» или «Красную шапочку». Кое-кому, возможно, прежде всего придут в голову сказки братьев Гримм.

Но как отнестись к появлению в «Синей книге сказок» «Путешествия в Лилипутию»? Мое мнение таково: это *не сказка* — ни в свифтовском варианте, ни в пересказе Мэй Кендалл. В сборнике сказок этому произведению делать нечего. Боюсь, оно там появилось только потому, что лилипуты маленького, даже очень маленького роста — это вообще их единственная, специфическая особенность. Но в Волшебной Стране, так же как и в нашем мире, малый рост — всего лишь случайность и не является значимым фактором. Пигмеи ничуть не ближе к феям, чем патагонцы. Я против включения этой истории в сборник сказок вовсе не из-за ее сатирической направленности. Во многих настоящих волшебных сказках постоянно или время от времени присутствует сатира. Даже во многих мифологических сказках непременно есть элементы сатиры, хотя теперь мы их так уже практически не воспринимаем. Я выкинул бы «Путешествие в Лилипутию» из сборника потому, что по жанру это не сказка, а рассказ о путешествии. Такие рассказы изобилуют чудесами, но чудеса эти происходят в нашем мире, в каком-то вполне конкретном его уголке и в наше время. От нас их отделяет лишь расстояние. У историй про Гулливера не больше прав называться сказками, чем у небылиц про барона Мюнхгаузена или, скажем, у «Первых людей на Луне» и «Машины времени». Можно даже сказать, что злои и морлоки «волшебнее» лилипутов. Лилипуты — просто люди, которых презрительно рассматривает великан ростом выше дома. Элои же и морлоки живут так далеко, в такой глубокой бездне времени, что кажутся заколдованными; и если они — наши потомки, то стоит при-

помнить, что древние мудрецы, создатели «Беовульфа», считали *ulfe*, эльфов, предками человека по линии Каина. Эти чары расстояния, особенно во времени, ослаблены только самой нелепой и противоестественной машиной времени. На этом примере, кстати, видно, почему границы волшебной сказки неизбежно оказываются размыты. Магия Волшебной Страны не замыкается сама на себя, ее достоинство в том, что она воздействует на других. Так, она способна исполнить некоторые исконные человеческие желания, например познать глубины пространства и времени. Или, как мы увидим далее, — общаться с другими живыми существами. Таким образом, если в истории рассказывается о попытке удовлетворить эти желания (неважно, с помощью машины, волшебства или без них), то она — пропорционально достигнутому в ней успеху — приближается к волшебной сказке и обретает ее аромат.

Далее. Кроме рассказов о путешествиях, я бы также исключил из круга волшебных сказок любую историю, которая для объяснения происходящих в ней чудес пользуется мотивом сновидения или усыпления человека при помощи машины. Даже если пересказанное сновидение само по себе во всех отношениях и похоже на волшебную сказку, все повествование в целом, на мой взгляд, никуда не годится, ибо напоминает хорошую картину в перекошенной раме. Нет сомнений, что сновидение связано с Волшебной Страной. Вовремя сна могут высвободиться необычные силы души. Порою в сновидениях человек ненадолго обретает волшебную способность не только создавать, но и оживлять сказку, расцветившая ее всеми цветами радуги. Бывает, что сон — это волшебная сказка, по своей естественности и мастерству близкая к тем, что рассказывают эльфы, — но только пока сновидение длится. Однако если бодрствующий автор заявляет, что его история — всего лишь сон, значит, он намеренно обманывает ожидания читателя, искони связанные с Волшебной Страной: увидеть исполнение воображаемого чуда, независимо от сознания, его породившего. Об эльфах часто говорят (не знаю, правда это или ложь), что они создают иллюзии, обманывают людей «фантазиями». Но это — их дело. К нашей проблеме оно отношения не имеет. Во всяком случае, подобные фокусы случаются в сказках, где сами волшебные существа вовсе не иллюзорны, где за «фантазиями» скрываются вполне реальные устремления и силы, независимые от сознания и целей человека.

Для настоящей волшебной сказки — не считая случаев, когда ее форма используется в менее значительных или даже недостойных целях, — очень важно, чтобы все, в ней происходящее, было представлено как «реальное». На значении слова «реальное» в этом контексте я еще остановлюсь. Поскольку в волшебной сказке речь идет о «чудесах», она не терпит такого обрамления или заданной установки, которые бы свидетельствовали, что вся история в целом, внутри которой имеют место и чудеса, вымысел или фокус. Конечно, и в таких случаях встречаются настолько прекрасные волшебные истории, что читатель просто забывает об обрамлении. Некоторые из них имеют успех именно как *истории о сновидениях*. Таковы книги Льюиса Кэррола об Алисе, в

которых обрамление и движение сюжета основаны на мотиве сновидения. По этой же, в частности, причине (а также по ряду других) эти книги волшебными сказками не являются.^{1*}

Есть еще один тип историй о чудесном, который я бы исключил из круга волшебных сказок, — опять-таки потому, что истории эти мне не нравятся. Это сказки о животных. Возьмем пример у Лэнга: «Сердце обезьяны», рассказ народа суахили, приведенный в «Лиловой книге сказок». В нем злая акула обманом уговорила обезьяну прокатиться у нее на спине и, проплыв половину расстояния до своего дома, объявила, что повелитель ее государства болен и, чтобы вылечить его недуг, необходимо обезьянье сердце. Но обезьяна перехитрила акулу и заставила вернуться, утверждая, что сердце осталось дома и висит в мешке на дереве.

Конечно, сказка о животных связана с волшебной сказкой. В волшебных сказках звери, птицы и другие существа тоже часто говорят, как люди. До некоторой степени (весьма незначительной) это чудо вытекает из исконного желания, имеющего самое непосредственное отношение к Волшебной Стране, — желания человека общаться с другими живыми существами. Но говорящие животные в сказках, выделившихся в отдельную ветвь, мало связаны с этой потребностью человека, а чаще вообще не имеют к ней отношения. Гораздо ближе к истинному предназначению Волшебной Страны удивительная способность самих людей понимать язык птиц, зверей и деревьев. Что же касается историй, где люди вообще не появляются или играют второстепенную роль, а героями оказываются животные, и особенно таких, где животное обличье — лишь маска, скрывающая человеческое лицо и изобретенная сатириком или моралистом, то это отнюдь не волшебные сказки, а сказки о животных или басни, будь то «Роман о Лисе», «Рассказ монастырского капеллана», сказки о Братце кролике или всего лишь «Три поросенка». Рассказы Беатрисы Поттер почти граничат с Волшебной Страной, но, на мой взгляд, все же находятся вне ее. Близость их к волшебным сказкам объясняется сильным моральным началом (я имею в виду пронизывающее их чувство справедливости, а не какой-то аллегорический смысл). Но хоть сюжет «Кролика Питера» и содержит *запрет*, что характерно для Волшебной Страны (как, вероятно, и для всей Вселенной и всех времен), история эта остается сказкой о животных.

Так вот, «Сердце обезьяны» безусловно тоже всего лишь сказка о животных. Подозреваю, что Лэнг включил ее в число волшебных сказок не потому, что она так уж занимательна, а потому, что сердце обезьяны якобы осталось висеть на дереве в мешке. Для Лэнга-фольклориста это была важная деталь, несмотря даже на то, что здесь она использована как шутка, трюк: ведь на самом деле сердце было там, где и полагается, у обезьяны в груди. Тем не менее, эта деталь, несомненно, представляет собой переосмысление древнего и очень распростра-

---

* ¹ См. Примечания.

ненного фольклорного представления (встречающегося и в волшебных сказках) о том, что жизнь или сила человека или иного существа может быть заключена в какой-либо предмет и находиться где угодно; или же в какую-либо одну часть тела (обычно в сердце), которую можно от тела отделить и спрятать — в мешок, под камень или в яйцо. С одной стороны, это фольклорное представление использовано Джорджем Макдоналдом (1824 — 1905) в сказке «Сердце великана», центральный мотив которой (как и многие детали) заимствован из известных народных сказок. С другой стороны, это же представление встречается в одном из самых первых письменных фольклорных источников, «Сказании о двух братьях», из собрания египетских папирусов библиотеки Орсини*. Там младший брат говорит старшему: «Я заколдую свое сердце и возложу его на цветок кедра. И срубят кедр, и падет сердце наземь, и ты придешь искать его, пусть даже будешь искать семь лет; но когда найдешь, положи в сосуд с холодной водой, и воистину я оживу».

Однако интерес к подобным представлениям и приведенные выше примеры связаны уже со вторым вопросом: каковы корни волшебных сказок? Это, конечно, должно означать: откуда взялись чудеса? Спрашивать же, откуда взялись сами сказки (любые) — все равно, что выяснять, откуда у человека язык и мышление.

Происхождение волшебных сказок

Вообще говоря, вопрос о происхождении волшебных сказок в конечном счете снова приводит нас к необходимости фундаментального исследования, однако в сказках встречается множество волшебных элементов (например, сердце, которое можно вынуть; лебединое оперение, которое можно снять; магические кольца, условные запреты, злые мачехи и даже сами волшебные существа), которые можно изучать, как бы в обход основной проблемы. Тем не менее, такие исследования вполне научны (по крайней мере, этого добиваются исследователи), ими занимаются фольклористы и антропологи, то есть люди, использующие сказки не по прямому назначению, а в качестве источника доказательств и информации по интересующим их проблемам. Сама по себе эта процедура вполне законна — но исследователи такого типа часто высказывали странные суждения из-за того, что не знали или забывали о природе сказки в целом. Таким ученым многократное использование одного и того же мотива (например, мотива вынимаемого сердца) кажется особенно важным. Настолько важным, что иные фольклористы готовы сойти с привычной тропы исследований или как бы вскользь выразить свою новую точку зрения, используя некую псевдонаучную «скоропись», которая особенно вредна, если впоследствии проникает из

---

* Орсини Фульвио (1529 — 1600) — итальянский ученый и археолог; его главная заслуга — собрание огромной коллекции книг и рукописей, завещанных библиотеке Ватикана. — Прим. переводчика.

их трудов в настоящие книги. Среди таких ученых принято считать, что любые две сказки, использующие один и тот же фольклорный мотив или сходные комбинации мотивов — это «одна и та же сказка». Они пишут, что «Беовульф» — «это лишь еще одна версия «Земляного человечка» братьев Гримм», что «Норвежский черный бык» — это тот же «Аленький цветочек» или «известная история Амура и Психеи», что норвежская «Госпожа-служанка» или гэльская «Битва птиц» и множество ее версий и вариантов — «то же самое, что и греческая легенда о Ясоне и Медее».

В заявлениях такого рода, возможно, есть доля истины (хотя это и выражено в неряшливо-сокращенном виде), однако они несправедливы по отношению к сказкам, искусству, литературе. Ведь для сказки важны в первую очередь именно акценты, атмосфера, не поддающиеся классификации конкретные детали сюжета, а главное — общий смысл, который оживляет весь сюжетный скелет. Шекспировский «Король Лир» и история, рассказанная в «Бруте» Лайамона — очень разные вещи. Или возьмем еще более яркий пример — «Красную шапочку». Не столь уж важно, что поздний вариант этой истории, в котором девочку спасают дровосеки, оказывается прямой переработкой сказки Перро, где ее съедает волк. Гораздо важнее то, что в более позднем варианте конец счастливый (более или менее, если не слишком скорбеть о бабушке), а у Перро — нет. Это очень важное различие. Я к нему еще вернусь.

Конечно, я не отрицаю притягательности научного подхода. Во мне тоже живет желание распутать причудливо переплетенные ветви Древа Сказок. Похожее желание испытывает лингвист, прорубающий тропу в дебрях языка — а об этом я кое-что знаю. Но даже в отношении языка, по-моему, гораздо важнее и труднее выявить, а тем более — подробно описать особенности его проявлений в живом конкретном литературном памятнике, чем проследить его историческое развитие. Поэтому, возвращаясь к волшебным сказкам, скажу следующее: на мой взгляд, гораздо интереснее и по-своему труднее установить, что они собой представляют сейчас, чем стали для нас, какие ценности привнесло в них за долгие века алхимик-время. Я бы выразился словами Дейсента: «Мы должны быть довольны супом, стоящим перед нами, и не стремиться увидеть говяжьи кости, из которых его сварили». Впрочем, как это ни странно, под «супом» Дейсент имел в виду хаотические и весьма сомнительные сведения о доисторических временах, основанные на догадках едва народившейся сравнительной филологии, а «стремлением увидеть кости» у него названы требования опубликовать доказательства и факты, легшие в основу теории. Я же под «супом» разумею сказку в том виде, как она дана автором или сказителем, а под «костями» — ее материал или источники (в тех весьма редких случаях, когда они известны). Но, конечно же, я ничего не имею против критики супа как такового.

Итак, я лишь коснусь вопроса о происхождении волшебной сказки, поскольку в этой области я недостаточно компетентен. Впрочем, не

беда: из трех поставленных в начале эссе вопросов этот для моих рассуждений наименее важен, так что будет достаточно и нескольких замечаний.

Несомненно, волшебные сказки зародились в глубокой древности. В самых ранних письменных источниках обнаруживаются их следы, причем они появляются повсюду, где есть язык. Мы, очевидно, сталкиваемся с вариантом проблемы, стоящей перед археологией и сравнительным языкознанием — необходимостью сделать выбор между *независимой эволюцией* (или, точнее, *самозарождением*) сходных явлений; *происхождением от общего прототипа*; и *распространением* (в разное время) из одного или нескольких центров культуры. Любые споры чаще всего зависят от того, что спорщики (одна сторона или обе) стараются излишне упростить явление. Спор между приверженцами трех перечисленных теорий, на мой взгляд, не является исключением. История сказок, вероятно, сложнее, чем история физического развития рода человеческого, и столь же сложна, как история языка. Все три способа — самозарождение сюжетов, происхождение от общей прарелигии и заимствования — очевидно, сыграли свою роль в формировании сложной структуры сказки. А ныне разве что сами эльфы сумеют распутать эту головоломку*. Из трех способов самозарождение сюжетов — основной, самый важный, а потому, естественно, и самый загадочный. Для создателя сказок, точнее, сказителя два других способа в известной степени шаг назад. Теория «заимствований» или миграции в пространстве произведений искусства, в том числе и волшебной сказки, попросту переносит вопрос о происхождении данного вида искусства в другое место. В этом предполагаемом центре культуры, откуда и происходит заимствование, находится точка, где некогда жил создатель-демиург. То же самое получается и с мифологической теорией единой прарелигии и праязыка: следуя по этому пути в глубь веков, мы в конце концов доберемся до древнего первопорядка. Если же считать, что время от времени независимо друг от друга в разных местах зарождались сходные идеи, сюжеты и приемы, то следует допустить существование не одного, а нескольких демиургов, что, впрочем, ничуть не приблизит нас к пониманию их дара.

Языкознание ныне низвергнуто с судейского кресла, на котором восседало, пытаясь разобраться в этом вопросе. Можно без сожалений отбросить точку зрения Макса Мюллера на мифологию как на «болезнь языка». Мифология вовсе не болезнь, хотя, как и все человеческое, заболеть может. С таким же успехом можно сказать, что мышление —

---

* Если не считать особенно удачных случаев или некоторых деталей. Вообще говоря, легче распутать одну нить (происхождение, имя, мотив), чем проследить историю создания картины, сплетенной из множества нитей. Ибо в готовой картине проявляется новое качество: она — гораздо больше простой суммы нитей; исходя только из значений ее составляющих, объяснить ее целиком невозможно. Здесь-то и заключается слабость, изначально присущая аналитическому (или «научному») методу: пользуясь им, можно много узнать об отдельно взятых элементах сказки, но мало или вообще ничего — о том, как они воздействуют на всю эту историю в целом.

болезнь сознания. Ближе к истине звучало бы утверждение, что языки, особенно современные европейские языки, — недуг, которым поражена мифология. И все же язык нельзя оставлять без внимания. Язык (как орудие мышления) и миф появились в нашем мире одновременно. Человеческое сознание, наделенное способностью обобщать и абстрагировать, воспринимает не только *зеленую траву*, отличая ее от всех других объектов (и обнаруживая, что она красива), но видит также, что, будучи *травой*, она еще и *зелена*. Каким великим событием было изобретение прилагательного, как оно подхлестнуло мышление, которым и было создано! Во всей Волшебной Стране нет более сильного магического средства. И это неудивительно: ведь любое заклинание можно рассматривать как разновидность прилагательного, как часть речи в грамматике мифа. Человеческое мышление, породившее такие слова, как *легкий, тяжелый, серый, желтый, неподвижный, быстрый*, породило и волшебство, которое способно тяжелые предметы делать легкими и способными летать, способно превратить серый свинец в желтое золото, а неподвижную скалу — в быстрый ручей. Оно может и то, и другое — и, естественно, и то, и другое совершается. Если мы можем отделить зелень от травы, голубизну от неба, красноту от крови, мы уже в какой-то сфере обладаем волшебной силой, и в нас пробуждается желание использовать эту силу в мирах, лежащих за пределами нашего сознания. Это не значит, что мы правильно распорядимся своими чарами в любом из этих миров. Мы можем придать человеческому лицу мертвенно-зеленый оттенок — и получится страшилище; можем заставить странную и грозную синюю луну сиять в небесах, а можем покрыть леса серебряной листвой, а овец золотым руном, и вложить жаркое пламя в грудь холодного пресмыкающегося. И эта так называемая «фантазия» породит небывалое: Волшебную Страну. Человек станет творцом вторичного мира.

Таким образом, важнейшее свойство Волшебной Страны в том, что она мгновенно овеществляет порождения «фантазии». Не все из них, разумеется, прекрасны и даже не все безопасны, во всяком случае — у человека падшего. И, выдумав эльфов, обладающих тем же свойством овеществлять фантазии (не знаю, правда это или просто слухи), человек наградил их собственными пороками: эльфы не очень-то добры. Мне кажется, слишком редко уделяют внимание именно этому аспекту мифологии — созданию вторичных миров — в отличие от изображения или символической интерпретации красот и ужасов нашего мира. Почему так происходит? Потому ли, что это свойство мифологии явственнее проявляется в Волшебной Стране, а не на Олимпе? Или потому, что это качество якобы свойственно «низшей мифологии», а не «высшей»? Было много споров о том, как соотносятся народная сказка и миф. Но даже если бы споров не возникало вообще, вопрос этот все же требует внимания, раз уж мы заговорили о происхождении сказки.

Одно время господствовало мнение, что в основе всех произведений фольклора лежат космогонические мифы или мифы о создании природы. Согласно этой теории, боги-олимпийцы являются персонифика-

цией солнца, зари, ночи и т. п., а все истории, им посвященные, по происхождению мифы (здесь больше подошло бы слово «аллегория») о взаимодействии стихий и явлений природы. Затем в эпосе, героическом сказании, саге эти мифы были перенесены в реально существующие места и как бы «очеловечены»: то есть их героями стали наши первопродки, то есть *люди*, пусть и более могущественные, чем современные. И наконец, эти легенды, совсем измельчав, превратились в *Marchen*, народные волшебные сказки — короче, в истории для детей.

В этой теории истина, по-моему, вывернута наизнанку. Чем ближе космогонический миф или аллегория к своему предполагаемому архетипу, тем менее он интересен, тем меньше в нем от мифа, действительно способного рассказать что-то о происхождении мира. Давайте на минуту предположим вслед за «метеорологической» теорией, что в мире нет существ, прямо соответствующих мифологическим «богам», — нет столь выдающихся личностей, есть лишь астрономические объекты и метеорологические явления. В таком случае, расположить эти объекты и явления по иерархической лестнице можно лишь персонифицируя их, придавая им человеческие индивидуальные качества. Персонификация возможна только при перенесении черт характера конкретной человеческой личности. Возможно, боги и получили красоту и различный цвет кожи благодаря великолепию природы, но именно человек добыл для богов эти дары, отделил их самих от обычного солнца, луны и облаков, именно человек наделил богов индивидуальностью, персонифицировал их. И, наконец, отблеск или тень божественного боги тоже получили при непосредственном участии человека из сотворенного им невидимого вторичного мира. Между высшей и низшей мифологией нет глубокого различия. Их герои живут, если живут вообще, одной и той же жизнью так же, как в мире смертных уживаются короли и крестьяне.

Давайте рассмотрим, казалось бы, типичный пример космологического мифа о верховных богах-олимпийцах: скандинавский бог Тор. Его имя (в данном случае норвежский вариант) означает «гром», а его молот, Мьёлльнир, легко ассоциируется с молнией. И все же Тор обладает (судя по сохранившимся памятникам) весьма определенным человеческим характером, яркой индивидуальностью, которой гром и молния лишены, хотя некоторые черты характера Тора и соотносятся с этими метеорологическими явлениями: например, рыжая борода, громкий голос, яростный темперамент и бешеная, всесокрушающая сила. Тем не менее, было бы бессмысленно задаваться вопросом, что появилось раньше: космогоническая аллегория о персонифицированном громе, который гремит в горах, дробит скалы и валит деревья, или истории о гневливом, необычайно сильном, но не особенно умном рыжебородом фермере, который во всем (кроме, разве что, роста) похож на любого другого скандинавского фермера (*boendr*), глубоко почитающего Тора. Существуют разные мнения: образ рыжебородого фермера возник в результате измельчания и приземления образа бога-Тора или, напротив, обычный человек «возвысился» и превратился в бога.

Не уверен, что какая-либо из этих точек зрения справедлива, особенно если брать их по отдельности, если настаивать, что один из процессов — приземление или возвышение — предшествовал другому. Разумнее предположить, что рыжебородый фермер влез в историю как раз в тот момент, когда Тор-громовник получал лицо и голос; что всякий раз, когда сказитель слышал, как бушует в своем доме фермер, ему слышалось ворчание грома в горах.

Конечно, Тора следует признать представителем высшей мифологической аристократии: одним из правителей мира. Но все же история, рассказанная о нем в «Песни о Трюме» («Старшая Эдда»), — это, конечно, просто волшебная сказка. Как и весь скандинавский эпос, «Песнь о Трюме» достаточно древняя, но не очень — 900 год н. э. или немного раньше. Нет, однако, никаких причин полагать, что раз эта история по типу относится к народным сказкам и не отличается особой возвышенностью, значит, она «не самая первая». Если бы мы могли двигаться назад по оси времени, мы, возможно, увидели бы, как кое-что в этой волшебной сказке меняется, как она превращается в сказки иного жанра. Но пока существовал бы Тор (любой громовник, не обязательно скандинавский), была бы и сказка. Исчезни сказка — и останется только гром, речи которого еще никогда не слышал и не понимал человек.

Иногда в мифологии действительно ощущается нечто «возвышенное»: божественные качества, право на власть (в отличие от обладания властью), заслуженное поклонение — в общем, «религия». Эндрю Лэнг как-то сказал (и его за это до сих пор хвалят), что мифология и религия (в строгом смысле слова) — два разных понятия, которые неразрывно переплелись, хотя мифология сама по себе почти не имеет религиозного значения*.

Так или иначе, мифология и религия переплелись — а может быть, когда-то в давние времена их разъединили — и с тех пор они медленно, через лабиринт ошибок, через хаос движутся к новому слиянию. Даже у сказок как жанра есть три лика: мистический, для изображения сверхъестественного; магический, для изображения природы; зеркало жалости и презрения, отражающее Человека. Основной лик Волшебной Страны магический. Частота появления волшебной сказки в двух других обликах (такое случается) зависит от конкретного рассказчика. Волшебную сказку можно использовать как *Miroir de Homme* (Зеркало Человека); а можно и (хотя и не с такой легкостью) превратить в орудие Тайны, в мистику. Этого, по крайней мере, пытался

---

* Это подтверждается тщательным и прочувствованным изучением «примитивных» народов, то есть народов, которые, как и их предки, исповедуют язычество и, как мы выражаемся, «нецивилизованны». При беглом взгляде на их фольклор, вам откроются лишь самые примитивные мифы; при более тщательном анализе вы обнаружите космогонические мифы; но лишь терпение и понимание души народа откроет вам его философию и религию — то, чему он действительно поклоняется. Причем далеко не всегда предметом поклонения являются «боги»; или отношение к ним может меняться, часто в зависимости от индивидуального характера божества.

добиться Джордж Макдоналд, и наградой ему были его лучшие истории, отмеченные красотой и мощью (например, «Золотой ключ», который он называл волшебной сказкой), или просто хорошие (например, «Лилит», которую он называл романом).

Давайте ненадолго вернемся к «супу», о котором я уже упоминал. Говоря об истории развития сказок, и особенно волшебных, следует заметить, что «горшок с супом», этот волшебный горшочек, кипел всегда, и в него постоянно добавляли новые ингредиенты, вкусные и невкусные. По этой причине (берем первый попавшийся пример) тот факт, что в XIII веке историю, напоминающую гриммовскую «Королеву-гусятницу», рассказывали о Берте Большая Нога, матери Карла Великого*, абсолютно ничего не доказывает: ни того, что эта история в XIII веке «спускалась с Олимпа или из Асгарда и по дороге прихватила с собой легендарного древнего короля, а в дальнейшем превратилась в «семейную сказку»; ни того, что она, наоборот, «возносилась» на Олимп. Сейчас эта сказка широко известна и не связывается ни с матерью Шарлеманя, ни с какой-либо другой исторической личностью. Из одного этого мы, конечно, не можем сделать вывод о том, что она никакого отношения к Берте Большая Нога не имеет, хотя чаще всего именно такие выводы и делаются. Уверенность в этом должна быть основана, например, на таких деталях, которые, согласно мировоззрению исследователя, невозможны в «реальной жизни», так что он просто не поверит этой истории, даже если бы ее связывали только с именем Берты Большая Нога; или на существовании бесспорных исторических свидетельств о том, что настоящая жизнь Берты была совсем не похожа на писаную, так что исследователь не поверит рассказу, даже если его мировоззрение допускает в «реальной жизни» все, о чем идет речь.

Мне представляется, что никто не станет объявлять лживой историю о том, как архиепископ Кентерберийский поскользнулся на банановой кожуре, лишь на том основании, что подобную комическую неприятность якобы пережили и многие другие люди, главным образом, достойные пожилые джентльмены. Но можно действительно не поверить этой истории, если там говорится, что ангел (или даже эльф) предупреждал архиепископа не надевать в пятницу новые башмаки, если он не хочет поскользнуться. Можно не поверить и в том случае, если повествование утверждает, что все случилось, скажем, между 1940 и 1945 годом. Но хватит об этом. С этим вопросом уже давно все ясно, и не только мне. Он не имеет непосредственного отношения к стоящей передо мной цели, и если я еще раз упоминаю об этом, так только потому, что люди, изучающие происхождение сказок, постоянно забывают об очевидном.

Так что же насчет банановой кожуры? Мы начинаем заниматься этой проблемой лишь после того, как от нее отвернулись историки. Кожура становится полезной для нас именно после того, как ее выки-

---

* Берта Большая Нога — мать Карла Великого Шарлеманя (742 — 814), франкского короля с 768 и с 800 императора, из династии Каролингов. — Прим. переводчика.

нули. Историк, по-видимому, скажет, что историю о банановой кожуре «приписали конкретному архиепископу» точно так же, как, основываясь на исторических свидетельствах, заявляет, что сказку «Королевна-гусятница» приписали Берте Большая Нога». Для самой науки истории слово «приписали» еще вполне безобидное. Но действительно ли оно соответствует тому, что происходит и происходило в истории развития фольклора? По-моему, нет. Мне кажется, правильнее сказать, что имя конкретного архиепископа приписали к истории с банановой кожурой, а Берта превратилась в королевну-гусятницу. Или еще лучше: я бы сказал, что архиепископа и мать Карла Великого, так сказать, сунули в волшебный горшочек с «супом». Их образы — просто новые ингредиенты, добавленные к тому, что уже варилось. И это для них большая честь, поскольку в чудесном супе множество вещей более древних, более могущественных и убедительных, более прекрасных, смешных и ужасных, чем эти новые «добавки» — даже как исторические личности.

Думаю, совершенно очевидно, что король Артур — тоже историческая личность, хоть и не слишком большого масштаба, — аналогичным способом попал в горшок, где довольно долго варился вместе со множеством более древних образов и явлений из области мифологии и волшебной сказки, и даже с такими «заблудшими овцами» истории, как Альфред Великий*, что оборонялся от датчан и, наконец, явился вновь — уже в качестве короля Волшебной Страны. То же самое произошло и с великим скандинавским («артуровским») двором королей данов Скильдингов из древнеанглийских сказаний. На короле Хродгаре, воспетом в «Беовульфе», и его родичах клеймо реальной истории отпечаталось куда ярче, чем на Артуре; и все же в древних (английских) источниках эти исторические фигуры уже связаны со множеством сказочных персонажей и событий — а значит, побывали в «волшебном горшке». Я ссылаюсь сейчас на древнейшие из записанных английских волшебных сказок (или фольклорных произведений, близких к ним), хотя в самой Англии они мало известны, не для выяснения причин того, как медвежонок превратился в витязя Беовульфа или зачем чудовище Грендель вторглось в чертоги Хродгара. Мне хотелось бы указать на другую характерную черту этих сказаний: они представляют собой исключительно яркий пример придания «волшебных качеств» богам, королям и безымянным простым людям, что, на мой взгляд, подтверждает следующую точку зрения: понятие «волшебные свойства» не является ни новым, ни старым, а присутствует постоянно там, в «волшебном горшке сказок», как бы поджидая великих мифологических или исторических героев, а также — безымянных мужчин и женщин, которые поодиночке или скопом, независимо от звания и положения, так или иначе попадут в сказочное варево.

Главным врагом короля Хродгара был Фрода, король хадбадов. А вот в истории дочери Хродгара Фреавары мы слышим отголоски стран-

---

* Альфред Великий — (849 — 899), король Западной Саксонии в 871 — 899 гг. — Прим. переводчика.

ного и необычного для скандинавских героических легенд: Ингельд, сын Фроды, главного врага отца Фреавары, полюбил ее и вступил с ней в брак на горе себе. Этот мотив исключительно интересен и многозначителен. За старинной родовой распрей возвышается фигура бога, которого скандинавы называли Фрей (то есть «господин») или Ингви-Фрей, а англы звали Инг; это бог плодородия и урожая в древнескандинавской мифологии (и религии). Вражда королевских родов была связана со священным местом отправления культа этого божества. Ингельд и его отец носят обрядовые имена этого культа. Имя Фреавару означает «Защищенная господом» (то есть Фреем). А о самом Фрее позднее (в древнеисландских песнях) рассказывается, что однажды он увидел издалека и влюбился в девушку из рода, враждебного богам, — в Герд, дочь великана Гюмира, — а потом женился на ней. Доказывает ли это, что Ингельд, Фреавару и их любовь — только «мифологические»? Думаю, что нет.

История часто похожа на миф, так как в конечном счете они оба из одного и того же материала. Если в действительности никогда не было на свете ни Ингельда, ни Фреавару, или, по крайней мере, они никогда не любили друг друга — значит, с их именами в итоге стали связывать историю неизвестных мужчины и женщины или, точнее, они стали героями чужой истории, то есть попали в «чудесный горшочек», где веками варится похлебка из великих понятий, в том числе — и Любви-с-первого-взгляда. С богами ведь как и с людьми. Если бы никогда ни один юноша не влюбился с первого взгляда, случайно встретив девушку, и не понял, что между ним и его возлюбленной — старинная вражда их семей, то и бог Фрей никогда не увидел бы из дворца Одина дочь великана, Герд.

Но раз уж мы говорим о «волшебном горшке», нужно упомянуть и о Поварах. В «горшке» варится всякая всячина, но Повара зачерпывают половником не все подряд. Их выбор — не последнее дело. В конце концов боги — это боги, и весьма важно, что именно о них рассказывают. Поэтому приходится признать, что история любви скорее всего будет рассказана о реально существовавшем принце, и, что еще более вероятно, она действительно имела место в некоем королевском роду, поклонявшемся Золотому Фрею и богам-ванам, а не Одину-Готу, Некроманту, пожирателю ворон, Водителю душ мертвых воинов. Неудивительно, что слово «чары» имеет отношение как к мифу, так и к магической формуле власти над людьми.

Но когда сделано все, что может сделать исследователь, — когда собраны и сопоставлены сказания разных стран, когда объяснены те или иные элементы, постоянно встречающиеся в волшебных сказках (мачехи, заколдованные медведи и быки, ведьмы-людоедки, запретные имена и т. п.), объяснены как пережитки древних и весьма распространенных обычаев или представлений, которые некогда считались истинными, а не фантастическими, — остается еще вопрос, о котором слишком часто забывают: какое действие оказывают в настоящее время эти отголоски старины, сохранившиеся в сказках.

Прежде всего, в настоящее время они считаются *древними*, а древность привлекательна уже сама по себе. С детства со мною остались красота и ужас гриммовского «Можжевельника» (Von dem Machandelboom) с его изысканным и трагическим началом, отвратительным каннибальским варевом, ужасными костями, веселой и мстительной душой птички, которая вылетает из тумана, окутавшего дерево. И все же главное, что сохранила память от этой сказки, — не красота и не ужас, а отдаленность, огромная бездна времени, даже несопоставимая с *two tusend Johr* (двумя тысячелетиями). Без варева и костей — которые теперь часто скрывают от детей в смягченных обработках сказок братьев Гримм* — это ощущение почти исчезло бы. Не думаю, что мне повредили сказочные ужасы, какие бы мрачные верования и обычаи древности их ни породили. Такие сказки теперь воспринимаются читателем как мифы или же производят всеобъемлющее, не поддающееся анализу воздействие, совершенно независимое от находок сравнительной фольклористики, и наука эта не может его ни испортить, ни объяснить. Такие сказки открывают дверь в Другое Время, и, переступив порог хотя бы на мгновение, мы оказываемся вне нашей эпохи, а может быть, и вне Времени вообще.

Если мы не только отметим, что в сказке сохранились древние элементы, но и попробуем понять, *каким образом* они сохранились, то нам, видимо, придется заключить, что это произошло или довольно часто происходило именно благодаря уже упомянутому литературно-художественному воздействию. Конечно же, первым его почувствовал не я и даже не братья Гримм. Ведь волшебная сказка — не месторождение полезных ископаемых, которые нельзя добыть без опытного геолога. Древние элементы из сказки можно вытравить или забыть, или пропустить, или заменить другими — что легче всего: все это становится очевидным при сравнении близких вариантов любой сказки. А вот элементы, которые в сказках остались неизменными, должно быть, по большей части сохранялись или вставлялись в новые варианты, потому что рассказчик инстинктивно или сознательно понимал их повествовательно-литературную ценность². Даже там, где какой-то запрет в волшебной сказке вырос из реально существовавшего древнего табу, то в более поздних вариантах он сохранился именно благодаря великой мифической загадке запрета. Ощущение этой загадочности возможно и впрямь было положено в основу некоторых табу. Ты не должен поступать так, ибо в несчастье будешь бесконечно сожалеть о содеянном. Такие запреты есть даже в самых невинных «детских сказках». Даже Кролик Питер лишился своего синего скюртучка и заболел, когда вошел в запретный сад. Запретная Дверь — это вечный запретный плод.

---

* А не надо бы — или уж скрывать всю сказку, пока желудки у них не станут крепче.

Теперь поговорим о детях и, таким образом, примемся за последний и самый важный из трех вопросов: каковы ценности (если они имеются) и функции волшебной сказки в наши дни? Считается, что дети — естественная или наиболее подходящая для нее аудитория. Описывая сказку, которую, по их мнению, могут с удовольствием почитать и взрослые, рецензенты часто позволяют себе шуточки вроде: «Это книжка для детей от шести до шестидесяти лет». Что-то мне не приходилось встречать рекламу новой модели автомобиля, которая начиналась бы словами: «Это игрушка порадует ребят от семнадцати до семидесяти», хотя, по-моему, предложение вполне уместное. Так есть ли неразрывная связь между детьми и волшебными сказками? Стоит ли удивляться, если сказки читает взрослый? То есть именно *читает* их как сказки, а не *изучает* как раритеты. Собирать и изучать взрослым позволено все что угодно, вплоть до театральных программ и бумажных пакетов.

Большинство тех, кто еще сохранил достаточно здравого смысла, чтобы не считать волшебные сказки вредными, полагают, что существует естественная связь между сознанием ребенка и сказками, подобная потребности детского организма в молоке. По-моему, это ошибка. В лучшем случае она вызвана ложной чувствительностью, а потому и грешат ею чаще всего те, кто по разным личным причинам (например, по бездетности) считают детей особыми существами, чуть ли не особой расой, а не нормальными, хотя и незрелыми, членами как конкретной семьи, так и человечества в целом.

На самом же деле склонность связывать волшебные сказки с детьми — побочный продукт истории нашего быта. Современный литературный мир сослал сказки в детскую точно так же, как поцарапанную или старомодную мебель ставят в комнату для детских игр, потому что взрослым мебель эта не нужна и ее дальнейшая судьба их совершенно не заботит*. Дети об этом не просили. Дети в целом — впрочем, объединить их можно только по одному-единственному общему признаку: недостаток опыта — любят волшебные сказки не больше и понимают их не лучше, чем взрослые. К тому же ничуть не меньше сказок их привлекает многое другое. Они молоды, растут, и у них, естественно, хороший аппетит, поэтому они с удовольствием глотают и сказки. Но на самом деле лишь *некоторые* дети и *некоторые* взрослые *любят* именно сказки, причем любовь эта не обязательно единственная и даже

---

* Что касается сказок и прочей «детской литературы», то здесь действовал еще один фактор. Богатые семьи нанимали женщин для присмотра за детьми, и эти няньки порой бывали знакомы с грубоватыми народными сказками, которые «богатенькие» давно забыли, и рассказывали их своим подопечным. Этот источник давно уже высох — по крайней мере, в Англии — но когда-то он имел весьма большой значение. Но опять-таки нет никаких доказательств, что больше всего подходило для восприятия вымирающего «нянинного фольклора» именно дети. Нянькам с тем же или еще большим успехом можно было поручить выбор картин и мебели.

не обязательно самая сильная³. Как и художественный вкус, любовь к сказкам, на мой взгляд, в раннем детстве вообще не проявляется без искусственного стимулирования. Зато с возрастом она не иссякает, а крепнет, если органична для конкретного человека.

Правда, в последнее время сказки обычно пишут или «пересказывают» для детей. Но то же самое можно сделать и с музыкой, стихами, романами, историей и научными трудами. Это весьма опасная процедура, даже когда она необходима. Собственно, от катастрофы спасает только то, что науки и искусства не полностью переправлены в детскую: до детской и до школы доходят только такие вкусы и взгляды, которые, по мнению взрослых (далеко не оправданному), «не принесут детям вреда». Впрочем, без надзора науки и искусства в детской сильно бы пострадали. Точно так же красивый стол, хорошая картина или тонкий прибор (например, микроскоп), оставленные надолго без присмотра в классе, будут неизбежно повреждены или сломаны. Волшебные сказки, изолированные от мира, отрезанные от настоящего взрослого искусства, в конце концов погибли бы, да и сейчас при таком к ним отношении они уже сильно повреждены.

Поэтому я считаю, что волшебные сказки невозможно оценить по-настоящему, учитывая прежде всего детский вкус. Вообще говоря, сборники волшебных сказок в нашем обществе по традиции отнесены в комнаты для игр. По своей природе они скорее родственны чердакам и кладовым. Их содержимое находится в беспорядке, многое серьезно подпорчено. В них перемешались разные времена, устремления и вкусы. Но иногда в этом хаосе можно раскопать вещь непреходящих достоинств — старинное произведение искусства, и достаточно хорошо сохранившееся, которое только по недомыслию можно было куда-то засунуть.

Впрочем, «Книги сказок» Эндрю Лэнга не очень-то похожи на кладовые. Скорее они напоминают прилавки на благотворительной распродаже. Видно, что некий обладатель зоркого глаза в поисках ценностей прошелся с тряпкой по чердакам и подвалам. Сборники Лэнга в значительной степени — побочный продукт его «взрослых» исследований по мифологии и фольклору, однако они созданы и оформлены как книги для детей*. Некоторые причины того, почему Лэнг решил так поступить, явно заслуживают внимания.

Во вступлении к первому его сборнику говорится о «детях, которым и для которых рассказаны эти сказки». «Дети воплощают молодость человека, — утверждает Лэнг, — когда люди еще верны своей любви, вера их не притупилась, а жажда чуда не иссякла... «Это правда?» — вот великий вопрос, который задают дети», — добавляет он.

Я подозреваю, что понятия «вера» и «жажда чуда» здесь рассматриваются как однозначные или очень близкие. На самом деле они резко

---

* Это дело рук Лэнга и его помощников. Большая часть сказок, входящих в сборники, в своем первоизданном (или самом старом на сегодняшний день) виде вовсе не предназначена для детей.

отличаются друг от друга, хотя, надо сказать, развивающееся человеческое сознание не сразу и не преждевременно начало отделять жажду чуда от всеобъемлющей жажды знаний. Очевидно, что слово «вера» Лэнг употребляет в обычном смысле: вера в то, что вещь существует или событие может произойти в реальном (первичном) мире. Если это так, боюсь, что слова Лэнга, очищенные от сентиментального налета, означают лишь одно: тот, кто рассказывает детям истории о чудесах, сознательно или нет, но так или иначе спекулирует на их доверчивости, то есть недостатке опыта, из-за которого детям в определенных случаях трудно отличить реальные факты от вымысла. А ведь это отличие — основополагающее и для обычного человеческого восприятия, и для волшебной сказки.

Дети, конечно, способны *верить литературному вымыслу*, если мастерство рассказчика достаточно высоко. Такое состояние сознания называют еще «добровольным подавлением недоверия». Но мне кажется, эти слова недостаточно ясно описывают данное явление. Ведь на самом-то деле тут речь об успешно созданном вторичном мире. Автор создает такой мир, в который мысленно можете войти и вы. В пределах этого мира все выдуманное автором есть правда, что вполне согласуется с его законами. Поэтому пока вы как бы внутри него, вы в него верите. Но едва лишь родится недоверие, как чары рассеются, и всякое колдовство (точнее, мастерство автора) будет бессильно. Вы вновь окажетесь в реальном мире и уже со стороны будете смотреть на этот выдуманный мир — маленький и жалкий. Если по доброте душевной или под давлением обстоятельств вы все же останетесь в мире вымысла, недоверие необходимо подавить (или даже задушить), иначе мир этот станет для вас невыносимым. Но подавление недоверия — лишь заменитель настоящего присутствия, условность или уловка, к которой мы прибегаем в игре или притворстве, или при попытке (более или менее искренней) найти в произведении искусства, которое нам не нравится, какие-нибудь достоинства.

Настоящий любитель крикета во время игры как бы зачарован: он весь во власти «вторичной веры». Я же, наблюдая за игрой в крикет, нахожусь как бы на самом низком уровне этой веры, то есть я могу более или менее добровольно подавить недоверие, если уйти нельзя и найдется хоть что-нибудь, что не даст скучать: например, выяснение необъяснимого геральдического предпочтения синего цвета перед голубым. Стало быть, «подавление недоверия» может представлять собой состояние усталой, издерганной или чувствительной души и очень подходит взрослым. По-моему, у взрослых часто возникает именно такое состояние, и при чтении волшебных сказок их удерживают на месте и укрепляют их решимость сентиментальные воспоминания о детстве или представления о том, каким должно быть детство. Они считают, что им положено наслаждаться сказкой. Но если бы сказка им действительно нравилась сама по себе, не было бы нужды подавлять недоверие: они бы просто верили — в том смысле, о котором я говорил.

Так вот, если бы Лэнг имел в виду что-нибудь в этом духе, в его словах, возможно, была бы доля истины. Можно поспорить с тем, кто считает, что детей легче околдовать. Возможно, но не уверен. По-моему, это иллюзия, которая часто встречается у взрослых. Вызвана она застенчивостью детей, недостатком у них критического опыта, бедным запасом слов и ненасытностью, обычной для растущего организма. Дети любят или пытаются полюбить почти все, что им дают. Если же им что-то не по вкусу, они не могут как следует выразить или объяснить свое недовольство, а потому иногда его скрывают. Кроме того, для них привлекательно очень многое, хотя они далеко не во всем разбираются и не задумываются, насколько в это можно верить. Во всяком случае, я сомневаюсь, что такое зелье — очарование хорошей волшебной сказки — может «выдохнуться» от частого употребления и потерять силу.

« Это правда? — вот тот великий вопрос, который задают дети », — пишет Лэнг. И я знаю, что они его действительно задают, но отвечать на него нельзя, не подумав прежде хорошенько*. Но вряд ли этот вопрос — свидетельство «непритупившейся веры» или хотя бы стремления к ней. Чаще всего он обусловлен желанием ребенка знать, что за книжку он читает. Знания детей о мире часто настолько скудны, что они не могут с ходу, без посторонней помощи, различить фантастическое, необычное (то есть редко встречающееся или удаленное во времени и пространстве), нелепое или просто «взрослое» (то есть обычные реалии мира родителей, большая часть которого ребенком еще не исследована). Но в общем они знают, что все это в мире существует, и порой все это нравится им одинаково сильно. Иногда, конечно, не только детям, но и взрослым трудно разграничить все эти явления с достаточной определенностью. Каждый из нас, все понимая в теории, бывает, колеблется, как же все-таки классифицировать услышанное. Ребенок вполне может поверить, если ему скажут, что в соседнем графстве живут великаны-людоеды; многие взрослые легко верят, что людоеды есть в другой стране; а уж иные планеты, по мнению большинства взрослых, населены исключительно ужасающими монстрами.

Так вот, я был одним из детей, к которым обращался Эндрью Лэнг: на свет я появился примерно в одно время с «Зеленой книгой сказок». Я один из тех детей, для которых, по мнению Лэнга, сказка — то же самое, что для взрослого роман. Это обо мне и моих сверстниках в предисловии к «Фиолетовой книге сказок» он писал: «Вкус у них почти такой же, как у наших голых пращуров, живших тысячи лет назад. Сказки, похоже, им нравятся больше, чем история, поэзия, география и арифметика». Но что нам, собственно, известно о наших «голых пращурах» помимо того, что голышом они, безусловно, не ходили? Наши волшебные сказки, сколь бы древними ни являлись некоторые их элементы, конечно же, не такие, как у них. И если допустить, что у

---

* Впрочем, гораздо чаще они меня спрашивали: «А он был добрый? Или злой?» Стало быть, им прежде всего хотелось расставить по своим местам Добро и Зло. Ибо вопрос справедливости одинаково важен и для истории, и для Волшебной Страны.

нас есть волшебные сказки потому, что они существовали и у наших «голых пращуров», то, вероятно, история, география, поэзия и арифметика есть у нас потому, что науки и искусства тоже нравились «пращурам» (в определенных пределах, разумеется, и в той степени, в какой науки и искусства могли быть ими выделены из общего интереса к окружающему миру в целом).

Ну, а что до теперешних детей, то мнение Лэнга не совпадает ни с моими собственными воспоминаниями о детстве, ни с моим взрослым опытом общения с детьми. Возможно, Лэнг несколько заблуждался в оценках детей, которых знал сам, но даже если он был прав, тем не менее, дети все очень разные даже в пределах Великобритании и воспринимать их как нечто единообразное, не считаясь ни с индивидуальными способностями, ни с влиянием страны, ни с воспитанием, значит обманывать себя и других. Лично у меня не было особого желания *верить*. Я хотел *знать*. А вера зависела от того, в каком виде до меня доходила сказка — из уст старших или в виде текста, — а также — от тональности и качества самой сказки. Не помню ни единого случая, когда бы удовольствие, доставляемое сказкой, зависело от веры в то, что описанное в ней может случиться или случалось в «реальной жизни». Волшебные сказки для меня тогда были связаны в первую очередь не с тем, что это возможно, а с тем, что этого очень хочется. Если при чтении сказки очень хотелось, чтобы что-то сбылось — и оно непременно сбывалось, хотя и в самом конце, — значит, это была хорошая сказка. Здесь не стоит вдаваться в подробности, поскольку позднее я надеюсь более подробно остановиться на этом желании «чтобы что-то сбылось» — комплексе множества составляющих (некоторые из них универсальны, другие касаются только современных людей, включая детей, а третьи — лишь определенных типов людей). Я не испытывал желания видеть сны, как Алиса, и переживать такие же приключения, так что рассказ о них меня только забавлял. Почти не было у меня и желания искать клады и драться с пиратами, поэтому «Остров сокровищ» я прочитал совершенно равнодушно. С индейцами дело обстояло лучше: в рассказах о них были луки и стрелы (у меня до сих пор сохранилось совершенно не удовлетворенное желание хорошо стрелять из лука), и странные языки, древние обычаи и, главное, леса. Но куда лучше была страна Мерлина и Артура, а лучше всех стран — неведомый Север повелителя драконов Сигурда из рода Вельсунгов. Попасть в такую страну я желал больше всего на свете. Мне и в голову не могло прийти, что дракон и лошадь — существа одного порядка, и не только потому, что лошадей я видел каждый день, но никогда не встречал даже следа драконьей лапы⁴. На драконе отчетливо видно было тавро Волшебной Страны. В какой бы стране он ни появлялся, вокруг него сразу же возникал Другой Мир. Фантазия, создающая или позволяющая хоть на миг увидеть иные миры была для меня путем в Волшебную Страну. Я страстно желал видеть драконов. Конечно, я отнюдь не был богатырем и не хотел, чтобы они появились по соседству и вторглись в мой сравнительно безопасный мирок, где можно было спокойно, никого не

боясь, читать сказки*. Но мир, в котором существовал хотя бы воображаемый дракон Фафнир, убитый Сигурдом, становился богаче и красивее, несмотря на грозную опасность. Так житель мирной плодородной равнины может с упоением слушать об исхлестанных ветром утесах или о бескрайнем бурном море и стремиться к ним все душой, ибо душа сильнее и мужественнее слабого, уязвимого тела.

Сейчас я, конечно, понимаю, как важен был для меня волшебный элемент в первых прочитанных книгах. Но в раннем детстве любовь к сказкам вовсе не была для меня главной. По-настоящему я пристрастился к ним, лишь когда вышел из детской и прожил еще несколько казавшихся ужасно долгими лет — от момента, когда научился читать, и до того, как пошел в школу. В то время (чуть не написал «счастливое» или «золотое» — а ведь оно было полным тревог и огорчений) мне не меньше, а то и больше сказок нравилось множество вещей: история, астрономия, ботаника, наука о строении языка и происхождении слов. На лэнговских «обобщенных детей» я походил только в мелочах, случайно: например, совершенно не воспринимал стихи, и если они попадались в сказках, пропускал их. Поэзию я открыл для себя гораздо позже в латинских и греческих образцах, особенно после того, как меня заставили переводить английские стихи на латынь. Настоящую тягу к сказкам пробудили во мне занятия филологией на пороге зрелости, а война способствовала расцвету этой страсти.

Вероятно, того, что я сказал, уже более чем достаточно. По крайней мере, теперь ясно, что, на мой взгляд, сказки не должны ассоциироваться исключительно с детьми, хотя их с ними продолжают упорно связывать, что, во-первых, естественно, потому как дети — тоже люди, а людям вообще сказки нравятся (хотя и не всем); во-вторых, чисто случайно, потому что в сегодняшней Европе сказки составляют значительную часть литературного «старья», рассованного по чердакам; и в-третьих, что совершенно противоестественно, из-за глупой сентиментальности в отношениях с детьми, которая, похоже, возрастает по мере того, как дети становятся все хуже.

Правда, век сентиментального отношения к детям одарил нас несколькими великолепными книгами волшебного или почти волшебного содержания, которые, впрочем, особенно нравятся взрослым, а не детям; но одновременно он породил ужасную поросль историй, написанных или пересказанных для выдуманного взрослыми «детского» уровня развития и потребностей. Вместо того, чтобы оставить старые сказки нетронутыми, их смягчают и подчищают; что же касается всяких подделок, то они часто просто глупы и смахивают на историю Пигвиغتена, которая лишена даже занимательной интриги; еще чаще они стремятся поучать, или (что ужаснее всего!) их авторы исподтишка насмеваются

---

* Естественно, именно это дети часто имеют в виду, спрашивая: «Это правда?» Они хотят сказать: «Вот здорово! А сейчас такое бывает? А ко мне в спальню дракон не прилетит?» И ответить следует: «Сейчас в Англии никаких драконов уже нет. Это точно», — именно это дети и хотят услышать.

над детьми, подмигивая другим взрослым. Не стану обвинять в этом Лэнга, хотя он, несомненно, и улыбался про себя и слишком часто поверх голов своих юных читателей поглядывал на других умных взрослых, что очень дурно повлияло на его «Хроники Пантуфлии».

Дейсент справедливо и горячо возражал ханжам, критиковавшим его переводы норвежских народных сказок, — и сам же совершил невероятную ошибку, настрого *запретив* детям читать две последние сказки в сборнике. Почти невозможно поверить, что человек, изучавший сказки, способен на такую глупость. А ведь не понадобилось бы ни критики, ни возражений, ни запрета, если бы не считалось — без всяких на то оснований, — что читателями книги обязательно будут дети.

Я не утверждаю, что Лэнг неправ, когда говорит (как бы сентиментально это ни звучало): «Если не будете как дети, не войдете в царствие волшебное». Ибо это качество необходимо для любых славных приключений в любых королевствах — и меньших, и гораздо больших, чем Волшебная Страна. Но покорность и простодушие — в данном контексте именно это включается в понятие «как дети» — вовсе не означают, что ребенок будет восхищаться без разбора и все на свете любить. Честертон как-то заметил, что дети, в компании которых он смотрел «Синюю птицу» Метерлинка, были недовольны тем, «что пьеса не кончается судным днем, и герой с героиней так и не узнают, что Пес был верным другом, а Кошка — предательницей», «Ибо дети, — поясняет Честертон, — невинны и любят справедливость, тогда как мы, по большей части, греховны и, естественно, предпочитаем милосердие».

У Лэнга в этом вопросе — сплошная путаница. Он изо всех сил пытается оправдать то, что в одной из его собственных волшебных сказок принц Рикардо убивает Желтого Гнома, и пишет: «Я ненавижу жестокость... но это произошло в честном бою, с оружием в руках, и гном — мир его праху! — умер, как и жил». Однако неясно, чем это честный бой милосерднее праведного суда и почему пронзить гнома мечом можно, а казнить жестоких королей и злых мачех нельзя! Но Лэнг от таких мер наказания начисто отрекается, похваляясь тем, что отправляет преступников на отдых и назначает им солидный пенсион. Это — милосердие, не подкрепленное справедливостью. Впрочем, оправдания Лэнга были адресованы не детям, а их родителям и воспитателям, которым он рекомендовал «Принца Зазнай» и «Принца Рикардо» как подходящие книжки для их воспитательных нужд. Именно родители и воспитатели некогда приписали волшебные сказки к «детской литературе». А в результате — и это еще слабый пример! — произошла фальсификация ценностей.

Если употреблять слово «детский» в хорошем смысле (а у него есть и плохой), вовсе не обязательно поддаваться чувствам и воспринимать слово «взрослый» только в плохом смысле (у него есть и хороший). Взросление не обязательно связано с тем, что человек становится хуже, хотя часто эти процессы протекают одновременно. Дети и должны вырасти — не остаться же им вечными Питерами Пэнами. Вырасти

вовсе не значит терять невинность и способность удивляться; это значит — идти по назначенному пути. Смысл путешествия, конечно, не в том, чтобы идти и не терять надежду, а в том, чтобы добраться до цели (хотя без надежды и до цели не доберешься). Но один из уроков волшебных сказок (если можно говорить об уроках там, где никто ничего *не преподает*) заключается в том, что в неоперившемся, неуклюжем, себялюбивом юнце разговор об опасности, горе и тени смерти может пробудить достоинство, а иногда и мудрость.

Не надо делить человечество на элов и морлоков: на детей-ангелочков (в XVIII веке их часто называли «эльфами» — какой идиотизм!) с их тщательно причесанными сказками и на мрачных морлоков, обслуживающих машины. Если волшебные сказки вообще стоят того, чтобы их читали, так значит, стоит их писать и для взрослых тоже. Взрослые, разумеется, вложат в сказку больше смысла и больше из нее извлекут. Тогда и у детей появится надежда, что на мощном древе подлинного искусства для них вырастет особая ветвь волшебных сказок, с которой они смогут срывать плоды действительно вкусные и вполне доступные. Хорошо бы такие же плоды с других ветвей привили им вкус к поэзии, истории и точным наукам. Хотя, возможно, детям полезнее читать такие книги, особенно волшебные сказки, которые не уже, а шире их разума. Книги для детей должны быть на «вырост», как одежда; и, в отличие от одежды, должны их стимулировать расти быстрее.

Итак, если взрослым следует воспринимать волшебные сказки как естественную ветвь литературы — причем не изображать детей, не притворяться, что выбирают сказку для сына, не прикидываться вечными мальчишками, — то каковы же ценности и функции сказки в этом случае? Это, по-моему, последний и самый важный вопрос. Кое-какие ответы у меня есть, и я на них уже намекал. Прежде всего: если сказка хорошо написана, ее основная ценность та же, что и у любого литературного произведения. Но помимо этого в волшебной сказке читатель находит — причем очень любопытным способом — простор для полета фантазии, возможность восстановления душевного равновесия и способ бегства от действительность, утешительную концовку и т. п., то есть именно то, в чем дети, как правило, нуждаются куда меньше, чем взрослые. Почему-то в наше время почти все это считается вредным. Я вкратце остановлюсь на каждом из этих свойств волшебных сказок.

Фантазия

Человеческое сознание способно создавать мысленные образы того, чего на самом деле нет. Эта способность, естественно, называется (или называлась) Воображением. Но в последнее время (в языке научном, техническом, а не обиходном) Воображению приписывают более высокие функции, чем простое создание образов, которое стали считать

склонностью конкретного человека к художественному вымыслу (что значительно уже старинного понятия «игра воображения» или фантазия). Таким образом, делается попытка — на мой взгляд, неправомерная — ограничить значение слова «воображение», придав ему следующий смысл: «способность придавать вымышленному внутреннюю логичность реального».

Хотя в этом вопросе я не специалист и, возможно, не имею права на собственное мнение, все же осмелюсь сказать как филолог, что определение это неточно, а анализ проведен неадекватно. Способность к образному мышлению — это одна сторона. Ее-то по справедливости и следует называть Воображением. Восприятие же (перцепция) образа, всех его значений и форм (и контроль над этими процессами, совершенно необходимый для удачного воплощения образа) может быть различно по яркости и силе, что, впрочем, зависит от количественного, а не качественного уровня воображения. А вот способность достичь такого воплощения мысленного образа, которое придавало бы ему «внутреннюю логичность реального»*, — это совсем другое, для чего необходимо иное название. Это уже Искусство, то есть связующее звено между Воображением и плодом его деятельности — «вторичным» миром. Для моих теперешних целей требуется еще одно понятие, которое включит в себя как способность к художественному вымыслу, так и некую отстраненность, чудесность образов, созданных воображением и нашедших свое выражение в словах — качество, необходимое для сказки. Поэтому я нахально присвою функции Шалтай-Болтая и применю для обозначения всего этого слово «Фантазия». Я придаю ему смысл, в рамках которого его старое, высокое значение, синонимичное понятию «воображение», сочетается с дополнительными, новыми: «нереальность» (то есть непохожесть на реальный мир), свобода от власти реальных, то есть увиденных (изученных) фактов — короче говоря, с понятием «фантастического». Таким образом, я не только сознаю, но и с радостью принимаю то, что между *фантазией* и *фантастикой* существует этимологическая и семантическая связь, поскольку фантастика имеет дело с образами того, чего не только «на самом деле нет», но чего вообще нельзя обнаружить в реальном мире или, во всяком случае, считается, что нельзя. Но, признавая, что понятие «фантазия» вторично, я отнюдь не считаю, что на нее следует смотреть свысока. То, что ее образы связаны с *несуществующим в реальном мире* (если это вообще возможно) — не недостаток, а достоинство. В таком смысле фантазия, на мой взгляд, — не низшая, а высшая, наиболее чистая и, следовательно, наиболее действенная форма Искусства.

Конечно, у фантазии есть изначальное преимущество: она привлекает внимание своей необычностью. Однако преимущество это было обращено против нее же самой, послужив вкладом в создание ее дурной репутации. Многие не любят, чтобы их внимание «приковывали». Им не нравятся всякие «фокусы» с реальным миром или с теми незначи-

---

* То есть вызывало бы «вторичную веру» и повелевало ею.

тельными его реалиями, что составляют их собственный узкий мирок. Именно поэтому они глупо или даже злонамеренно путают фантазии со сновидениями, не имеющими ни малейшего отношения к Искусству*, и даже с неуправляемыми психическими расстройствами: болезненными видениями и галлюцинациями.

Но причина смешения этих понятий кроется не только в ошибке или злом умысле, порожденных неприязнью. У фантазии есть и существенный недостаток: она труднодоступна. На мой взгляд, творческий потенциал фантазии еще далеко не исчерпан. Во всяком случае, на практике обнаруживается, что достичь «внутренней логичности реального» тем сложнее, чем больше фантастические образы и переустройство мира вымышленного отличается от мира реального. Новую «реальность» легче получить из сравнительно «умеренного» образного материала. Поэтому фантазии слишком часто оказываются недоразвитыми. Их использовали и используют легкомысленно или полусерьезно; часто они применяются лишь для украшения — другими словами, остаются причудами. Ведь любой человек, унаследовавший поистине фантастический механизм человеческой речи, может, например, сказать: *зеленое солнце*, а многие могут к тому же представить его себе или даже изобразить. Но этого недостаточно — хотя, быть может, и эта малость уже несет в себе большую силу воздействия, чем множество «зарисовок с натуры» и «правдивых жизненных наблюдений», отмеченных похвалами критики.

Не только создать «вторичный» мир, в котором светит зеленое солнце, но и повелевать верой в этот вымышленный мир — вот задача, для выполнения которой понадобится немало труда и размышлений, и, конечно же, особое умение, сродни искусству эльфов. Мало кто рискнет выполнить эту задачу. Но если все же рискнули и задача в какой-то степени решена, перед нами оказывается редкостное достижение Искусства — образец его повествовательной разновидности, по форме близкий самым древним и самым лучшим образцам фольклора.

Из всех видов человеческого искусства фантазия находит наилучшее в словах, в настоящей литературе. Для живописца, например, создать фантастический образ технически совсем несложно; рука сама стремится обогнать сознание, даже вообще обойтись без него⁵. В результате часто получается глупость или болезненный кошмар. Что касается драмы, очень жаль, что этот вид искусства обычно рассматривается как литературный род, хотя на деле принципиально отличается от литературы. Помимо этой неурядицы, тут налицо еще и недооценка фантазии. Это происходит, по крайней мере отчасти, из-за естественного стремления критиков превозносить тот род литературы или «творчества», который они сами предпочитают согласно своим собственным вкусам или в результате полученного образования. Так что положение

---

* В некоторых сновидениях фантазия, впрочем, принимает участие, но это случаи исключительные. Все-таки фантазия — вид разумной (а не иррациональной) деятельности.

с критикой в нашей стране, которая славится своей драматургией, и особенно произведениями В. Шекспира, похоже, становится все более драматичным. Драма естественным образом враждебна фантазии. Даже простейшая фантазия в спектакле, то есть в форме зрительных и слуховых образов, редко воплощена удачно. Фантастические образы не терпят лицедейства. У актеров, переодетых говорящими животными, может получиться либо довольно удачная имитация, либо шутовство, но никакой фантазии в их игре не будет. На мой взгляд, это хорошо видно на примере побочной ветви драмы — пантомимы. Чем она ближе к «инсценированной волшебной сказке», тем хуже. Терпеть ее можно, если сюжет и связанная с ним игра воображения представляют собой лишь остаточное обрамление для фарса, когда от зрителей никто не требует и не ждет никакой «веры» в происходящее в течение всего спектакля. Дело здесь, конечно, отчасти в том, что режиссеры вынуждены (или пытаются) использовать различные театральные механизмы, чтобы на сцене получилось хоть что-нибудь фантастическое или волшебное. Как-то раз я видел так называемую «пантомиму для детей». Это был «Кот в сапогах», поставленный целиком, включая даже превращение великана в мышь. Если бы механизмы для спектакля были подобраны более удачно, эта сцена либо привела зал в ужас, либо воспринималась как самое настоящее волшебство. На деле же, хотя сцена и сопровождалась замысловатыми световыми эффектами, зрителю, чтобы «подавить недоверие», пришлось бы этому недоверию выпустить кишки, повесить его и четвертовать.

Когда я читаю «Макбета», ведьмы выглядят вполне прилично: они играют определенную роль в повествовании и окружены дымкой мрачной значительности, хотя облик их, к сожалению, несколько опошлен — все-таки они, несчастные, ведьмы. Но в спектаклях они почти невыносимы и были бы совсем невыносимы, если бы меня не поддерживали воспоминания о том, какими они представляются при чтении. Мне говорят, что я бы смотрел на них иначе, если бы мыслил как человек шекспировской эпохи с ее охотой на ведьм и их публичными казнями. Но ведь это значит, что я должен воспринимать ведьм как реальность и весьма вероятную для нашего мира, иными словами, не как плод фантазии Шекспира. Это решающий аргумент. Похоже, что в драматическом произведении судьба у фантазии одна — раствориться в реальном мире или опуститься до шутовства, даже если автор драмы — сам великий Шекспир. Вместо трагедии «Макбет» ему следовало бы написать повесть, если бы достало мастерства и терпения на этот жанр.

Есть, по-моему, и более важная причина, чем неубедительные сценические эффекты. Драма по природе своей вынуждена использовать фальшивое волшебство, своего рода суррогат волшебства: зритель *видит и слышит людей, которые существуют лишь в выдуманной истории*. Это уже попытка воспользоваться поддельной волшебной палочкой. Ввести — пусть даже технически безукоризненно — в этой квазिवолшебный «вторичный» мир еще элементы фантазии или волшебства — значит попробовать создать внутри него еще один, третий

мир. Этот мир уже лишний. Может быть, это и достижимо, только мне ни разу не приходилось видеть, чтобы из этого что-нибудь вышло путное... Во всяком случае, нельзя утверждать, что создание этого третьего мира органично для драмы. Ведь у нее свои средства воплощения Искусства и иллюзии: ее персонажи и так уже разговаривают и расхаживают по сцене⁶.

Вот по этой-то причине — из-за того, что в драме и герои, и даже обстоятельства действия зримы, а не воображаемы, — этот род литературы, хотя и использует тот же повествовательный материал (слова, ритм, сюжет), что и другие ее роды, принципиально от них отличается как род искусства. Поэтому, если вы предпочитаете драму другим родам литературы (как прямо делают многие литературные критики) или формируете свои критические теории в основном под влиянием театральных критиков или даже под влиянием самой драмы, вы, скорее всего, неправильно поймете, что такое литературно-художественный вымысел в чистом виде, и заключите его в рамки ограничений, справедливых для пьес. Например, вы предпочтете живых героев, даже самых примитивных и скучных, неживым предметам. Ведь в пьесе о дереве как таковом много не скажешь.

Совсем другое дело — театр в Волшебной Стране, спектакли, которые эльфы, согласно многочисленным свидетельствам, часто показывали людям. Здесь фантазия оживает с реализмом и непосредственностью, недостижимыми для любых театральных механизмов, созданных людьми. В результате, обычно, эти представления так воздействуют на человека, что он не просто верит в выдуманный мир, но как бы сам — физически — туда попадает. По крайней мере, ему так кажется. Это ощущение очень похоже на сон, и люди иногда их путают. Но присутствуя на спектакле в Волшебной Стране, вы попадаете внутрь сна, сплетенного чужим сознанием, причем можете даже не подозревать об этом тревожном факте. Вы воспринимаете «вторичный» мир *непосредственно*, и это столь сильное зелье, что вы всему верите *по-настоящему*, какими бы чудесными ни были происходящие события. Вы в плену иллюзии. Всегда ли это нужно эльфам — другой вопрос. По крайней мере, сами они при этом от иллюзии свободны. Для них такой театр — род Искусства, отличный от Чародейства и Волшебства в прямом смысле. Они не живут внутри своих произведений, хотя, надо думать, могут себе позволить работать над драмой дольше, чем артисты-люди. Первичный, реальный мир у эльфов и людей один и тот же, хотя они его по-разному воспринимают и оценивают.

Нам необходимо слово для обозначения этого мастерства эльфов. Но все прежние термины как-то стерлись, потеряли свой первоначальный смысл. Первым приходит в голову слово «магия», и я его в этом значении уже использовал, но мне не следовало этого делать. «Магией» нужно называть действия волшебника. А искусство — род деятельности человека, порождающей, как бы между прочим, и вторичную веру (хотя это не единственная и не конечная цель искусства). Эльфы тоже пользуются искусством подобного рода, хотя с гораздо большим мас-

терством и легкостью, чем люди, — по крайней мере, на это указывают свидетели. Но более действенное, присущее лишь эльфам мастерство я, за неимением более подходящего слова, буду называть Чарами. Чары создают «вторичный» мир, в который могут войти и его создатель, и зритель. Пока они внутри, их чувства воспринимают этот мир как реальность, хотя по замыслу и цели он абсолютно искусственен. В чистом виде Чары сродни Искусству. В отличие от них, Магия меняет реальный мир (или притворяется, что делает это). И неважно, кто пользуется Магией — эльфы или люди. Все равно, это не Искусство и не волшебные Чары. Магия — это набор определенных приемов; ее цель — *власть* в нашем мире, господство над неживыми предметами и волей живых существ.

Именно к этому дару эльфов — волшебным Чарам — и тяготеет фантазия человека. Если ее полет удачен, она ближе к их мастерству, чем любая другая форма Искусства. Суть многих историй, которые рассказывают люди об эльфах, составляет видимое или скрытое, чистое или замутненное стремление к живому, воплощенному искусству, позволяющему создавать новые миры. Это желание внутренне не имеет ничего общего с жадным стремлением к личной власти, каким бы внешним сходством оба эти желания не обладали, характерным для обычного колдуна. Сами эльфы по большей части сотворены именно благодаря этому благородному желанию — точнее, их лучшая (но все же опасная) часть. От них-то мы и можем узнать, какво главное устремление человеческой фантазии, даже если она же их и породила — а может, именно поэтому. Эту жажду творчества лишь обманывают всякие подделки — будь то невинные, хоть и неуклюжие, потуги драматурга или злые козни колдуна. В нашем мире эту жажду человек утолить до конца не может, а потому она вечна. Чистому желанию этому не требуются ни иллюзии, ни колдовство, ни власть; оно жаждет взаимного обогащения, ему нужны не рабы, а товарищи — в общем деле и в общих наслаждениях.

Многим фантазия кажется подозрительной, если не противозаконной: она создает «вторичный» мир, странным образом трансформируя мир реальный и все, что в нем; соединяет по-новому части существительных и придает прилагательным новый смысл. Кое-кому она кажется чем-то вроде детской забавы, свойственной лишь периоду юности как в развитии человека, так и целых народов. Что до законного права фантазии на существование, то я просто процитирую небольшой отрывок из письма, когда-то написанного мною человеку, который называл все мифы и сказки «враньем» (хотя, надо отдать ему справедливость, был достаточно мил и лишь смущенно называл волшебные сказки «посеребрённой ложью»).

«Мой милый сэр, — писал я, — не навек
Был осужден и проклят человек.
Пусть благодати ныне он лишен,
Но сохранил еще свой древний трон.
Ведь белый луч, через него пройдя,

Рождает семь цветов; они ж плодят
Живые образы — сознания дары.
Так он творит вторичные миры.
Пускай мы спрятали за каждый куст
Драконов, эльфов, гоблинов. И пусть
В богах смешали мы со светом мрак —
Мы обладаем правом делать так.
Как прежде, праву этому верны,
Творим, как сами мы сотворены».

Фантазия — естественная деятельность человеческого разума.

Она ничуть не оскорбительная для него и тем более не вредит ему. Она не притупляет жажды научных открытий и не мешает их воспринимать. Напротив, чем острее и яснее разум, тем ярче фантазии, им порожденные. Если бы вдруг оказалось, что люди больше не желают знать правду или утратили способность ее воспринимать, фантазия тоже зачахла бы. Если с человечеством когда-нибудь случится нечто подобное (а это не так уж и невероятно), фантазия погибнет и превратится в болезненную склонность к обману.

Ибо творческая сила фантазии основана на прочной уверенности, что порядок вещей в мире таков, каким представляется нам при ярком свете солнца. Однако признание этого не означает рабской покорности существующему порядку вещей. Ведь и кажущаяся бессмысленность стихов и повестей Льюиса Кэрролла основана на строгой логике. Если бы люди и впрямь не отличали лягушку от человека, никогда не появилась бы сказка о царевне-лягушке.

Конечно, фантазией можно злоупотреблять. Она может быть просто неудачной. Ее можно применить в дурных целях. Возможно, она даже способна одурманить своего собственного создателя. Однако какое из качеств человека в нашем ущербном мире лишено отрицательных сторон? Люди, обманывая себя, придумали не только эльфов. Они придумали и богов — и стали им поклоняться, причем даже тем, которые были изначально изуродованы пороками собственных творцов. И ведь каких только ложных кумиров люди себе не создавали: от предрассудков до денег... Даже точные науки, и даже социально-экономические теории требовали человеческих жертвоприношений!

Abusus non tollit usum — «Злоупотребление не отменяет употребления». Люди сохраняют свое право на фантазию. Мы творим в меру наших способностей и разумений, ибо сами были сотворены, но по образу и подобию Творца.

Восстановление душевного равновесия, бегство от действительности и счастливый конец

Напомню, многие считают волшебную сказку развлечением для малолетних. Возможно, старость, как наша собственная, так и нашего века, и вправду лишает нас определенных способностей восприятия. Но в основном идея эта порождена научным подходом к волшебной сказке.

Аналитическое исследование волшебных сказок — столь же плохая подготовка к их созданию или радостному восприятию, как, например, историческое сопоставление драмы всех времен и народов — к посещению театра или созданию пьесы. Подобный анализ может даже нагнать тоску. Ученый-фольклорист довольно быстро понимает, что, затратив массу сил, он подобрал лишь несколько листков с Древа Сказок, устилающих землю в Лесу Дней, и что многие из собранных листьев уже порвались и засохли. И кажется, что совершенно ни к чему собирать новый мусор. Может ли кто-то создать новый листок? Ведь все стадии развития листьев, начиная с почки, и все возможные изменения их цвета с весны до осени давным-давно людям известны!

Но на самом деле это не так. Семя дерева можно пересадить почти в любую почву, даже в такую продымленную (по выражению Лэнга), как в Англии. Весна не станет менее прекрасной оттого, что мы слышали о других веснах. Сходные явления никогда, от сотворения мира до его конца, не станут одним и тем же явлением. Каждый лист дуба, ясеня или терновника — уникальное воплощение заданного образца. И кое-кто именно в этом году впервые заметит это и поймет — хотя до него бесчисленные поколения людей видели, как на дубах весной распускаются листья. Мы не бросаем карандаш — да это и не нужно — только из-за того, что все линии получаются у нас либо прямыми, либо слишком кривыми, не отказываемся от красок, хотя основных цветов только три.

Мы действительно стали старше в том смысле, что нам досталось наследство многих поколений наших предков, которые занимались искусством и наслаждались им. Это богатое наследство, но оно таит опасности: скуку или желание быть оригинальным, за которыми может последовать неприязнь к изящному рисунку, тонкому узору, чистому цвету или стремление к простому манипулированию, к избыточному усовершенствованию старого — искусному, но бездушному. Настоящий способ избежать оскудения искусства состоит не в том, чтобы сделать его намеренно несообразным, грубым или бесформенным; не в том, чтобы изображать все мрачным или безжалостно-жестоким; не в том, чтобы смешивать цвета и из множества оттенков получить в итоге монотонную серость; и не в том, чтобы невероятно усложнять образы, доходя до нелепости и даже до бреда. Пока мы еще не достигли этого состояния, нам нужно *восстановить душевное равновесие*. Мы должны вновь всмотреться в зелень листьев. Пусть нас заново поразят (но не ослепят) синий, желтый, красный цвета. Нам хорошо бы встретиться с кентавром и драконом, а потом неожиданно узреть, подобно древним пастухам, овец, псов, лошадей... и волков. Восстановить душевное равновесие хорошо помогают волшебные сказки. И только любовь к сказкам может сохранить в нас или вернуть нам детство, то есть детский взгляд на мир.

Восстановление душевного равновесия, которое включает и процесс оздоровления физического — это возобновление и обострение ясного видения мира. Чтобы не связываться с философами, я не называю это

способностью «видеть вещи такими, какие они есть», хотя мог бы сказать: это способность «видеть вещи так, как нам предопределено (или было предопределено) их видеть» — то есть как вещи, существующие независимо от нас. Нам в любом случае нужно вымыть окна, чтобы ясно разглядеть все, что вокруг нас, освободить его от тусклой пелены банальности или изведанности — избавить все это от наших собственных притязаний. Воображению труднее всего трансформировать лица близких нам людей. Так же сложно и увидеть их свежим взглядом, осознать, что они друг на друга похожи и не похожи, что все они — лица, но каждое из них уникально. Эта «стертость» — наказание за «присвоение»: все, что стало банальным или слишком хорошо знакомым нам (а это очень плохо), мы некогда на законных основаниях или мысленно присвоили. Мы говорим, что знаем этих людей, эти вещи. Но и людей, и вещи, некогда привлечшие нас своим блеском, цветом, формой, мы заграбастали, заперли под замок в своей сокровищнице, стали обладать ими — и перестали на них смотреть.

Конечно, волшебная сказка — не единственное средство для восстановления душевного равновесия и не профилактическое снадобье от потерь. Для этого достаточно и смирения. Кроме того, существует (особенно для смиренных) словечко «яньефок», порожденной фантазией Честертона. Выглядит оно фантастически, но его можно прочесть в любом городе нашей страны. Это слово «кофейня» на стеклянной двери, увиденное изнутри заведения. Именно так прочел его Диккенс пасмурным лондонским днем. А позднее Честертон обозначил им ту странность, которая проявляется в стертом облике слишком привычных вещей, вдруг увиденных под новым углом зрения. Большинство людей готово считать подобные фантазии полезными, ну а материала для них всегда предостаточно. Однако подобная игра воображения, на мой взгляд, достаточно ограничена, так как направлена лишь на восстановление свежего восприятия действительности. Слово «яньефок» может заставить вас почувствовать, что Англия — это совершенно неведомая страна, затерянная то ли в глубинах прошлого, куда ненадолго заглядывает лишь история, то ли в странном, туманном будущем, куда довезет только машина времени, и тогда вы заметите в обитателях страны, в их обычаях и пристрастиях удивительные, интересные особенности. Но на этом и кончатся возможности «яньефока»: он может действовать только как некий временной телескоп, сфокусированный в определенной точке. Зато творческая фантазия, которая занята другим делом (пытается создать что-то новое), может отпереть вашу сокровищницу и освободить все запертые там вещи, выпустить их, как птиц из клетки. Тогда драгоценные камни обратятся в цветы или пламя, и это послужит вам предупреждением, что все, чем вы владели, все, что вам давно знакомо, обладает огромной скрытой силой, отнюдь не скованной цепями, и не принадлежит более ни вам, ни вашей душе.

Этому освобождению помогают фантастические элементы в сказочных стихах и прозе, даже если они чисто декоративны или случайны. Но гораздо сильнее действует волшебная сказка, построенная на

фантастическом фундаменте, такая, где фантазия является ядром повествования. Фантазия строится из элементов реального мира, но искусный ремесленник любит материал, с которым работает, знает, чувствует глину, камень, древесину, как может знать и чувствовать только творец, владеющий искусством созидания. Когда был выкован Грам*, миру явилось холодное оружие; появление на свет Пегаса облагородило лошадей; в ореоле славы предстали корни и ствол, цветы и плоды деревьев после создания мирового или «космического дерева».

Вообще сказки во многом (а лучшие из них — в основном) имеют дело с простыми, лежащими в основе всего фактами и явлениями, не тронутыми фантазией. Но они, будучи помещены в сказку, начинают светиться неожиданно ярким светом, ибо сказочник, позволяющий себе «вольности» с Природой, — скорее ее возлюбленный, чем раб. Именно благодаря сказкам я впервые угадал скрытую силу слов и чудесную природу вещей: камня, древесины, железа; деревьев и травы; дыма и огня; хлеба и вина.

В заключение рассмотрим такие вещи, как бегство от действительности и счастливую концовку, которые, естественно, тесно связаны. Хотя волшебные сказки никоим образом не являются единственным способом бегства от действительности, в наше время они представляют собой одну из самых ярких, а кое для кого — и одну из самых неприятных форм «эскейпистской» литературы. Поэтому, говоря о сказках, будет не лишним сказать несколько слов и о значении, которое критики придают термину «эскейпизм».

Я считаю, что бегство от действительности — одна из основных функций волшебной сказки, и поскольку я одобрительно отношусь ко всем ее функциям, то, естественно, не согласен с тем жалостливым и презрительным тоном, которым слово «эскейпизм» часто произносят: жизнь за пределами литературной критики не дает для подобного тона никаких оснований. От того, что часто (хотя и не слишком удачно) называют «действительностью» бегство, что, очевидно, не только полезно, но иногда даже связано с героическим поступком. В реальной жизни бранить за это трудно, особенно, если проявлен героизм. В литературной критике наоборот: чем удачнее бегство от действительности, чем больше оно сопряжено с героическими усилиями, тем хуже. У критиков явная путаница в голове, потому они и слова используют неправильно. Почему, например, следует презирать человека, который, попав в темницу, пытается во что бы то ни стало из нее выбраться, а если ему это не удастся, говорит и думает не о надзирателях и тюремных решетках, а о чем-то ином? Внешний мир не стал менее реальным оттого, что заключенный его не видит. Критики пользуются неверным значением слова «эскейпизм», с презрением говоря о нем, больше того, они путают, и не всегда искренне, такие понятия, как

---

* Меч Сигурда, которым он убил дракона Фаернира. — Прим. переводчика.

«бегство пленника из темницы» и «бегство дезертира с поля боя». Точно так же партийные ораторы порой навешивали людям ярлыки предателей за бегство от ужасов гитлеровского рейха или какой-нибудь другой империи или даже за критику подобного государственного устройства. Точно так же эти литературоведы, усугубляя путаницу, чтобы посадить в лужу своих оппонентов, навешивают презрительный ярлык не только на обычное дезертирство, но и на подлинное *спасение из темницы*, которому часто сопутствуют такие чувства, как отвращение, гнев, осуждение и протест. Они не только не могут отличить побег заключенного от бегства дезертира, но, похоже, предпочитают соглашательство квислингов сопротивлению патриотов. Согласно такому мышлению, достаточно сказать: «Страна, которую я любил, обречена», — и любое предательство будет прощено и даже возвеличено.

Вот простой пример. Не упомянуть в рассказе (точнее, не выдвигнуть напоказ как важную деталь) самые обычные уличные электрические фонари — это с точки зрения критики уже «эскейпизм». Но он почти наверняка проистекает из разумного отвращения к уродству и малоэффективности этого типичного порождения эпохи технического прогресса, для создания которого понадобилось столько изобретательности и сложной техники. Фонари, может быть, не вошли в рассказ именно потому, что они плохие; и, вполне возможно, что это один из уроков, которые надлежит извлечь из данного произведения. Но тут появляется розга критика. «Электрические фонари никуда не денутся», — заявляет он. В свое время Честертон справедливо заметил, что любая вещь, о которой говорят, что они «никуда не денется», в самом скором времени может быть заменена, если окажется безнадежно устаревшей и изношенной. Вот рекламное объявление: «Научный прогресс, ускоренный нуждами военного времени, неустанно продолжается... Многие устаревают на глазах, и уже сейчас можно предсказать новые разработки в области применения электричества». Сказано, как видите, то же самое, только звучит более грозно. А потому на электрический фонарь можно просто не обращать внимания — такая это незначительная, преходящая вещь. Для сказок, во всяком случае, хватает более долговечных и значительных предметов и явлений, например, молнии. «Эскейпизм» не так рабски подчиняется капризам переменчивой моды, как его оппоненты. Он не творит себе хозяев или богов из вещей, которые вполне разумно считать дурными, и не поклоняется им как чему-то неминуемому или даже «неумолимому». И у противников «эскейпизма», всегда готовых его презирать, нет никаких гарантий, что он бегством от действительности удовлетворится: а вдруг он поднимет людей на бунт, и они повалят уличные фонари? Ведь у «эскейпизма» есть еще одно качество, особенно ненавистное его противникам: способность к противодействию.

Не столь давно я слышал — хоть это и звучит невероятно — как один чиновник из нашего академического «Бычьего брода», именуемого также Оксфордом*, вещал: он «приветствует» скорое появление заводов-автоматов и рев самому себе мешающего автотранспорта, потому что все это приближает университет к «реальной жизни». Может быть, он имел в виду, что образ жизни в XX веке угрожающе быстро скатывается к дикости, и если грохот машин раздастся на улицах Оксфорда, это послужит предупреждением: нельзя спасти оазис здравого смысла, просто отгородившись от пустыни неразумия, — необходимо настоящее наступление на нее, практическое и интеллектуальное. Но боюсь, что он говорил о другом. Во всяком случае, в этом контексте выражение «реальная жизнь» не соответствует требованиям научной точности. Мысль о том, что автомобили «более живые» чем, например, кентавры и драконы, весьма удивительна. А представление, что они «более реальные», чем, например, лошади, настолько абсурдно, что вызывает сожаление. Воистину, как реальна, как изумительно жива фабричная труба по сравнению с вязом — жалким, устаревшим, предметом нежизнеспособных мечтаний «эскейписта»!

Что до меня, то я не могу себя убедить, что стеклянная крыша вокзала «реальнее» облаков. Если же рассматривать ее как произведение искусства, то она воодушевляет меня куда меньше, чем легендарный небесный свод. Переход к платформе N 4 — пусть даже в виде мостика — не идет для меня в сравнение с Биврестом, радугой-мостом, который охраняет бог Хеймдалль с волшебным рогом Гьяллархорном. В простоте душевной я не могу избавиться от ощущения, что проектировщики и строители железных дорог лучше бы использовали свои огромные возможности, если бы в их воспитании достаточную роль играла фантазия. По-моему, волшебной сказке больше пристала степень магистра искусств, чем упомянутому чиновнику.

По всей вероятности, многое из того, что этот человек (и не он один) назвал бы «серьезной» литературой — не более чем пьесы, разыгранные под современной стеклянной крышей рядом с городским плавательным бассейном. Волшебные сказки, хоть и выдумывают порой всяких чудовищ, летающих в небесах или живущих в бездне морской, по крайней мере, не избегают настоящего неба и моря.

Но если оставить на минуту в стороне всякие выдумки, то читатели и создатели сказок, на мой взгляд, не должны стыдиться бегства от действительности в архаику: того, что им нравятся даже не драконы, а кони, замки, парусные суда, луки и стрелы. Пусть читают или повествуют не только об эльфах, но и о рыцарях, королях, священниках. Ибо в конце концов вполне возможно, что разумный человек, хорошенько подумав (вне всякой связи с волшебными сказками или рыцарскими романами), осудит такие «завоевания прогресса», как заводы, а также

---

* Здесь Толкин употребляет слово «Oxenford» (вместо Oxford) сознательно, дабы подчеркнуть застойные нравы и тупоумие некоторых представителей университетских кругов. — Прим. переводчика.

пулеметы и бомбы — их естественную и неизбежную (или, если можно так выразиться, «неумолимую») продукцию. А ведь такое осуждение чувствуется уже в том, что «эскейпистская» литература о «завоеваниях прогресса» молчит.

«Жесткость и уродство современной европейской жизни — той самой «реальной жизни», которую мы должны приветствовать, — «это признак биологической неполноценности, недостаточной или неадекватной реакции на окружающую среду», как пишет Кристофер Доусон в книге «Прогресс и религия»*. Самый невероятный замок, появляющийся из мешка великана в какой-нибудь немыслимой гэльской сказке, не только гораздо красивее завода-автомата, но также в самом прямом смысле гораздо реальнее. Почему нам нельзя бежать от «мрачной ассирийской» нелепости цилиндров и ужасающих заводов, напоминающих заводы морлоков? Почему нам нельзя их осуждать? Ведь их осуждают даже самые большие «эскейписты» среди литераторов — научные фантасты. Эти пророки часто предсказывают, что мир грядущего будет похож на железнодорожный вокзал со стеклянной крышей (а многие из них, похоже, ждут не дожудтся этого). Но, как правило, из их произведений гораздо труднее понять, чем будут *заниматься* люди в этом мире-городе. Они могут сменить «викторианские доспехи» на свободные одежды на молниях, но, похоже, свою свободу используют в основном для того, чтобы играть в осточертевшие механические игрушки, заставляя их двигаться все быстрее и быстрее. Судя по некоторым практическим книжкам, люди по-прежнему будут похотливыми, мстительными и жадными, а мечты их духовных лидеров сведутся, самое большее, к замечательной идее о построении еще нескольких таких же городов на других планетах. Вот уж, действительно, век «хороших средств для достижения дурных целей!» Пораженные недугом современности, мы остро ощущаем и уродство наших творений, и то, что они служат злу. А это вызывает желание бежать — не от жизни, а от современности, и от созданных нашими собственными руками уродств. Потому что для нас зло и уродство нераздельно связаны. Нам трудно представить себе соединение зла и красоты. Свойственный далеким временам страх перед прекрасной феей для нас почти неощутим. Но еще тревожнее то, что и добро оказывается лишенным присущей ему красоты. В Волшебной Стране можно, конечно, представить себе кошмарный замок людоеда (ибо зло, заключенное в этом чудовище, требует именно такого замка), но невозможно представить себе дом, выстроенный с благими намерениями — харчевню, постоянный двор,

---

* Далее он добавляет: «Викторианские «доспехи» — сюртук и цилиндр — несомненно, отражали нечто существенное для культуры XIX века, а потому распространились вместе с этой культурой по всему свету, чего раньше не происходило ни с одной модой на одежду. Может быть, наши потомки признают за этим облачением некую мрачную «ассирийскую» красоту, увидят в нем подходящий символ безжалостного и великого века. Но, как бы то ни было, в этом костюме нет обычной, обязательной для всякой одежды красоты, потому что, как и культура, породившая его, он не был связан ни с жизнью природы, ни с человеческим естеством».

дворец добродетельного и благородного короля, — дом, который был бы тошнотворно уродлив внешне. А в наши дни попробуй найди не уродливый дом — разве что старинный какой-нибудь сохранился.

Это, впрочем, недавний и, возможно, случайно появившийся аспект сказочного бегства от действительности. Правда, мы находим его не только в волшебных сказках, но также в рыцарских и исторических романах, да и просто в старинных книгах. Но многие из старинных книг обрели «эскейпистско» звучание только потому, что дошли до нас из тех времен, когда люди чаще всего были удовлетворены творениями своих рук, тогда как сейчас многие испытывают отвращение к плодам нынешней «деятельности» человека.

Однако есть и другие, более глубокие аспекты «эскейпизма», извечные свойственные волшебным сказкам и легендам. Есть вещи, от которых хочется бежать и которые куда более мрачны и ужасны, чем шум, вонь, тупая жестокость и полная неэкономичность двигателя внутреннего сгорания. На свете есть голод, жажда, нищета, боль, скорбь, несправедливость, смерть. И даже если люди пока не сталкиваются с этими несчастьями, то все же до установленного самой жизнью предела, который в какой-то мере помогает преодолеть сказка; существуют и старинные сокровенные желания и стремления человека (стоящие почти у истоков фантазии), которые волшебная сказка может по-своему удовлетворить. Некоторые из таких желаний — всего лишь странные и простительные слабости: например, желание плавать в глубинах моря свободно, как рыбы, или летать — бесшумно, грациозно, легко — как птицы. Полет аэроплана удовлетворяет последнее желание лишь изредка: когда смотришь с земли на самолет, парящий на огромной высоте, и шум винтов заглушен свистом ветра, а солнце ярко блестит на крыльях... Но это, в общем-то, уже воображаемый самолет, а не механизм для перелета на дальние расстояния. Есть желания и более глубокие, например, желание общаться с другими живыми существами. На этом желании, столь же древнем, как грехопадение, основывается появление в сказках говорящих животных и других созданий и в особенности — волшебная способность человека понимать языки зверей и прочих сказочных существ. Именно в этом древнем желании все и дело, а вовсе не в «заблуждениях», приписываемых первобытному сознанию, когда человек якобы «не отделял себя от других животных». Уже в глубокой древности человек отчетливо ощущал свое отличие от животного. Впрочем, понимал он и то, что это отличие — результат разрыва связей, и именно мы, люди, несем груз вины за свою странную судьбу. Другие живые существа для нас теперь — как другие страны, с которыми человек давно разорвал отношения и издалека наблюдает за их жизнью, находясь с ними в состоянии войны или тревожного перемирия. Кое-кому из людей дарована привилегия совершать небольшие путешествия «за границу»; остальные поневоле довольствуются рассказами путешественников. Даже о лягушках приходится слышать из

чужих уст. Говоря о довольно странной, но широко распространенной сказочной теме о Царевне-лягушке или Короле-лягушке, Макс Мюллер вопрошал своим обычным чопорным тоном: «Как могла появиться на свет такая сказка? Можно надеяться, что люди во все века были достаточно просвещенными, чтобы понимать: свадьба лягушки и царского сына — абсурд». Действительно, надеяться на это не только можно, но и нужно! Иначе сказка утратила бы всякий смысл, который в основе своей имеет именно абсурдность ситуации. Фольклорное происхождение подобных представлений (или догадки о них) здесь совершенно ни при чем. Практически бесполезно говорить и о тотемизме. Ведь ясно: какие бы обычаи и верования, касающиеся лягушек и колодцев, ни лежали в основе этой сказки, лягушачий облик в ней* сохраняется именно потому, что он совершенно не к месту, а женитьба на лягушке абсурдна, даже отвратительна. Хотя, конечно, в вариантах, которые нас интересуют — гэльских, немецких, английских, — принцесса выходит замуж вовсе не за лягушку: лягушка — это заколдованный принц. А смысл сказки не в том, что лягушек можно считать подходящими супругами для людей, а в том, что необходимо держать слово, даже если это влечет за собой невыносимые страдания. Это требование, а также требование подчиняться запретам действуют в Волшебной Стране повсеместно. Это одна из мелодий, что слышатся в музыке эльфов, звучащая громко и отчетливо.

И, наконец, мы подошли к самому древнему и глубокому желанию человека — осуществить Великое Бегство от реальности, а значит, от Смерти. В сказках есть много примеров и способов такого бегства — можно сказать, здесь присутствует истинно *эскейпистское* начало или, я бы сказал, *стремление к спасению*. Однако то же самое мы находим и в несказочной литературе (особенно в научной фантастике), а также — в научных и философских исследованиях. Сказки создают люди, а не эльфы. В том, что сочиняют о людях эльфы, наверняка часто встречается тема бегства от бессмертия, свойственного эльфам. Но нельзя ожидать, чтобы истории, выдуманные обычными людьми, поднялись до такого уровня. Впрочем, и это часто случается. Сказки немногое изображают столь же ярко, как безмерно тяжкую ношу бессмертия или, скорее, бесконечно повторяющегося жизненного цикла, на который оказывается осужден избежавший Смерти. С давних пор и до наших дней сказка настойчиво стремится донести до нас эту истину. Тема смерти, например, больше всего вдохновляла Джорджа Макдоналда.

Но воображаемое удовлетворение древних желаний человечества — не единственный аспект восстановления душевного равновесия, которое дают волшебные сказки. Гораздо важнее — счастливая кон-

---

* Точнее, в группе сказок на эту тему.

цовка. Я даже рискнул бы утверждать, что в настоящей волшебной сказке счастливая концовка обязательна. Во всяком случае, если трагедия — истинная форма драмы, наивысшая реализация ее возможностей, то для сказки справедлива обратная посылка. Поскольку соответствующего термина у нас, кажется, нет, я обозначу эту посылку словом «эвкатастрофа» (от древнегреч. *eu* — хорошо и *katastrophe* — переворот, развязка). Эвкатастрофическое повествование — это и есть подлинная форма волшебной сказки, наиглавнейшая ее функция.

Радость от счастливой концовки волшебной сказки — или, точнее, счастливой ее развязки, неожиданного радостного поворота ее сюжета, ибо сказки никогда по-настоящему не кончаются⁸ — вот одно из благ, которыми волшебная сказка особенно щедро оделяет людей. По сути своей это не радость «эскейписта» или «чудом спасшегося». В сказочном оформлении, то есть как бы пришедшая из Волшебной Страны, эта радость — неожиданно и чудесно снизошедшая благодать, которая, может быть, больше никогда не возвратится. Она не противоречит существованию «дискатастроф» (печальных концовок), скорби и несбывшихся надежд: ведь без этого невозможна и радость избавления от несчастий. Но она отрицает (если хотите, вопреки множеству фактов) полное и окончательное поражение человека и в этом смысле является евангелической *благой вестью*, дающей мимолетное ощущение радости, радости, выходящей за пределы этого мира, мучительной, словно горе.

Хорошая волшебная сказка тем и отличается, что о каких бы невероятных и ужасных событиях и приключениях они ни рассказывала, когда наступает «кульминация», и у детей, и у взрослых одинаково перехватывает дыхание, сильнее бьется сердце, а на глаза наворачиваются слезы. Силой эмоционального воздействия она не уступает другим видам повествовательного искусства, причем воздействие это особенное, характерное только для волшебной сказки.

Даже современные волшебные сказки достигают иногда этого эффекта, а это нелегко: все зависит от сказки целиком, а не только от кульминации сюжета, зато, при блестяще достигнутой кульминации, и сюжет начинает восприниматься в ином свете. Такое эмоциональное воздействие в любом случае свидетельствует о победе автора и его произведения, пусть даже там полно недостатков и путаницы. Вот, к примеру, отнюдь не выдающаяся во многих отношениях сказка Эндрю Лэнга «Принц Зазнайо». Когда мы читаем «...Все рыцари по очереди оживали и кричали, потрясая мечами: «Да здравствует принц Зазнайо!» — к нашей радости примешивается особый привкус, роднящий сказку с мифом, потому что описанное событие в сказочно-фантастическом плане воспринимается как бы более серьезно, чем все остальные повороты сюжета. В целом эта сказка скорее легкомысленна, у нее на губах играет насмешливая улыбка галантной, изысканной Conte (француз-

ской сказки). Если бы в «Принце Зазнайо» не было контраста между легкостью или даже легкомысленностью сюжета и серьезностью концовки, не было бы и «привкуса мифа»*. Куда более впечатляющего сказочного эффекта достигает серьезный рассказ о Волшебной Стране**. В таких сказках, когда наступает неожиданный поворот событий, ткань повествования словно взрывается, наружу устремляется сияние — и нас пронзает такая радость, будто исполнились самые заветные желания.

«Семь долгих лет жила я для тебя,
Я ноги белые сбивала для тебя,
Кровь из рубашки отжимала для тебя.
Теперь очнись! Взгляни же на меня!»

Он услышал — и взглянул на нее. («Норвежский черный бык»).

Эпилог

Счастливая развязка, которую я считаю основной характерной чертой настоящей волшебной сказки (и рыцарского романа), заслуживает более подробного рассмотрения.

Вероятно, каждый писатель, создающий вымышленный мир, желает в какой-то мере быть и творцом реальности или хотя бы использовать ее элементы. Он надеется, что характерные особенности выдуманного им мира (если не все его составляющие***) выведены из реальности или вливаются в нее. Если писатель действительно достигает того уровня, который хорошо определяется понятием «внутренняя логичность реального», трудно представить себе, чтобы его произведение тем или иным способом не соприкасалось с реальностью. Соответственно, счастливую развязку любой удавшейся автору сказке можно объяснить как неожиданное и мимолетное проявление реальности или «правды», лежащих в ее основе. В счастливой концовке заключено не только утешение человека, окруженного реальными мирскими горестями, но и удовлетворенная справедливость, и ответ на вопрос: «Это правда?» Мой первый (и достаточно верный) ответ на этот вопрос был таков: «Да, если ты выстроил свой маленький мир хорошо, значит, для твоего мира

---

* Это неустойчивое равновесие характерно для Лэнга. На первый взгляд, его сказка написана в традициях сказки Теккерей «Кольцо и роза» и галантных французских *contes* с сатирическим уклоном, то есть произведений, которые по своей природе поверхностны, даже легкомысленны, и не обладают (в соответствии с авторским замыслом) особой серьезностью. Но под поверхностным слоем скрыт более глубокий замысел Лэнга-романика.

** Такие сказки Лэнг называл «народными» или «традиционными» и ставил значительно выше других.

*** Потому что не все его составляющие могут выглядеть «правдивыми». Вдохновение нечасто бывает столь сильным и продолжительным, чтобы пронизывать все произведение в целом. Как правило, многое в произведении воспринимается именно как «выдумка».

все это правда». Этого достаточно для художника (или, по крайней мере, для художественной части его натуры). Но «эвкатастрофа» в один миг разворачивает перед нами более возвышенный ответ — далекое евангелическое сияние, эхо *благой вести* в реальном мире. Понятие «евангелический» намекает, что именно я скажу в своем эпилоге. Это тема серьезная и опасная. С моей стороны, весьма самонадеянно ее касаться; но если то, что я с Божьей помощью выскажу, в каком-то отношении правильно, — это, несомненно, лишь одна грань баснословно многогранной истины, конечной в нашем, человеческом, восприятии лишь потому, что наши способности восприятия конечны.

Я осмелюсь сказать, что, рассматривая с этих позиций историю Христа, я уже давно чувствую (и чувствую с радостью): Господь искупил грехи недостойных людей именно таким путем, который наилучшим образом соответствовал их странной природе, их склонности к вымыслу. В Евангелиях содержится волшебная сказка или, скорее, всеобъемлющий рассказ, вмещающий в себя суть всех волшебных сказок. В них (Евангелиях) суть множество чудес, отмеченных высоким Искусством*, прекрасных и трогательных, «мифических» в своей совершенной, самоценной значимости. И среди них — величайшая и наиболее полная «эвкатастрофа», какую только можно себе представить. Но эта сказочная история стала частью реальной истории и реального мира. Стремления и надежды, связанные с вымышленным миром, «возвысились» и воплотились в акте сотворения мира. Рождество Христово — «эвкатастрофа» истории человечества. Воскресение — «эвкатастрофа» истории о Боговоплощении или очеловечении. Эта история начинается и кончается радостными событиями. Она в высшей степени обладает «внутренней логичностью реального». Нет другой сказки, которую людям так сильно хотелось бы считать правдой, которую даже многочисленные скептики согласились бы считать истиной только благодаря ее художественным достоинствам. Ее отличает удивительная убедительность, ибо говорит она голосом подлинного Искусства, искусства сотворения мира. Не верить ей — значит прийти либо к скорби, либо к гневу.

Нетрудно представить себе, что особое волнение и радость возникнут, если какая-нибудь особенно красивая волшебная сказка окажется исходно «правдивой», имевшей реальные корни и посвященной историческому событию, и при этом отнюдь не потерявшей своей мифической или аллегорической значимости. Нетрудно — потому что при этом нет необходимости воображать нечто совсем незнакомое. Радость будет точно такой же по характеру (разве что более сильной), как радость от счастливого поворота сюжета в сказке: потому что пахнет правдой реального мира. (Иначе для обозначения этого чувства нужно было бы другое слово). Чувство это целиком связано с ожиданием Великой «Эвкатастрофы» (или воспоминанием о ней: в данном случае различие

---

* Искусство здесь заключено в самом сюжете, а не в манере изложения, потому что сюжет создан не евангелистами.

несущественно). Христианская радость, Gloria, сродни ей, но невероятно (я бы сказал — «бесконечно», если бы наши способности не были конечны) высока и исполнена счастья. История Христа выше всех прочих волшебных историй, и она истинна. Искусство в ней подтверждено реальностью. Господь — отец всех ангелов, людей... и эльфов. В его образе миф и история встретились и слились воедино.

Но в Царстве Божием великое не подавляет малое. Человек спасенный — по-прежнему человек. Всякие истории и сказки по-прежнему существуют и должны существовать. Евангелие не искоренило, а осыатило волшебную сказку, в особенности — счастливую концовку. Христианин должен, как и прежде, трудиться духом и телом, страдать, надеяться и умереть. Но теперь ему дано понять, что все его способности и стремления существуют ради святой цели. Милость, которой он удостоен, столь велика, что он не без оснований осмеливается предположить: мир его фантазий действительно помогает расцвету и многократному обогащению реального мироздания. Все сказки могут воплотиться в жизнь, но в конце концов, пройдя очищение, они могут оказаться похожими и непохожими на созданные нами формы, точно так же, как сам Человек, спасенный во веки веков, будет похож и не похож на падшее существо, знакомое нам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ К с. 256. В таких историях сама сущность «чудес» (не только форма использования) носит сатирический характер, характер насмешки над глупостью. Мотив сновидения в них — не просто прием для оформления зачина и концовки: он неизменен на протяжении развития сюжета. Все это вполне может нравиться детям, если их оставить в покое. Но если «Алиса» представлена им как волшебная сказка (а мне, как и многим другим детям, ее представили именно так), нагромождение сновидений вызывает внутренний протест. А вот в «Ветре в ивах» Кеннета Грэхема* нет даже намека на сон. Сказка начинается так: «Крот устроил в своем домике весеннюю уборку и все утро трудился, не покладая рук», — и этот верно выбранный тон сохраняется до самого конца. И очень странно, что А. А. Милн**, восторженный почитатель этой прекрасной книги, предположил своему переложению «Ветра в ивах» для сцены весьма прихотливый и неестественный пролог, где ребенок беседует по телефону с нарциссом. Впрочем, может, это не так уж и странно, поскольку истинный почитатель, в отличие от восторженного, ни за что не стал бы перекладывать эту книжку для сцены. Перенести в пьесу можно лишь самые простые элементы — то есть элементы пантомимы и сатирической сказки-басни о животных. Правда, пьеса (конечно, не на уровне высокой драматургии) получилась довольно сносная, особенно для тех, кто книгу не читал. Но дети, которых я водил на «Мистера Тодда из Тоддовой Усадьбы» (так называется переложение Милна), запомнили главным образом тошнотворный пролог к спектаклю. В остальном они предпочитали полагаться на воспоминания о самой книге.

² К с. 266. Несомненно, эти детали и попали-то в сказку, как правило, именно из-за своей повествовательно-литературной ценности, даже тогда, когда их можно было наבלодать в реальной жизни. Допустим, я написал рассказ, в котором некоего человека

---

* Кеннет Грэхем (1859 — 1932) — английский писатель, наиболее известен сказочной повестью «Ветер в ивах».

** Алан Александр Милн (1882 — 1956) — английский прозаик-романист, драматург и автор стихотворений и прозы для детей. — Прим. переводчика.

казнят через повешение. Если рассказ не будет забыт — а это, кстати, уже само по себе означает, что он обладает непреходящей ценностью, т.е. важен не только для определенного места и времени, — так вот, если рассказ не будет забыт, через несколько столетий *можно будет предполагать*, что он написан во времена, когда людей действительно казнили на виселице в соответствии с законами правосудия. Конечно, это будет только *предположение*: сделать безусловный вывод на основании одного рассказа невозможно. Чтобы избавиться от сомнений, будущему исследователю потребуются точная информация: когда действовал закон о повешении и когда жил автор. Ведь я мог заимствовать этот мотив из другой эпохи, другой страны или другого рассказа; я, наконец, мог его просто придумать. Но даже если все это действительно было на самом деле, сцена казни останется в рассказе лишь при соблюдении двух условий: 1) я сам должен был почувствовать, что эта сцена внесет в рассказ ощущение трагизма или ужаса, и 2) те, кто впоследствии будут пересказывать эту историю, тоже должны ощущать трагизм и ужас эпизода, чтобы не выкинуть его из рассказа. Может быть, сама временная дистанция, отделяющая людей будущего от древнего и чуждого обычая, заострит его трагизм и ужас. Но для этого нужно иметь, что заострять, иначе даже оселок эльфов (древность и отчужденность) окажется бесполезным. Поэтому, скажем, нет ничего более бессмысленного, чем задавать вопрос об Ифигении, дочери Агамемнона, в том плане, что, дескать, совершались ли еще человеческие жертвоприношения, когда зародилась легенда о том, как ее принесли в жертву в Авлиде? Ответ на этот вопрос ничего не решает.

В начале этого примечания я сделал оговорку «как правило», поскольку вполне возможно, то, что мы воспринимаем сейчас как миф или сказку, когда-то имело иную цель: *служить сообщением* о событии или совершенном ритуале. Именно *сообщением* в прямом смысле этого слова, потому что, например, миф, поясняющий тот или иной ритуал (порой лишь предположительно имевший место в действительности) — это все-таки прежде всего рассказ, повествование. Миф обладает соответствующей структурой и живет значительно дольше описываемого в нем ритуала именно благодаря своей литературно-повествовательной ценности. Порой в таких текстах могут встречаться детали, которые сейчас привлекают внимание своей необычностью, но когда-то были настолько привычными и обыденными, что попадали туда как бы сами собой. Так мы говорим о человеке, что он «приподнял шляпу» или «поспел на поезд». Но такие «привычные» детали ненадолго переживают изменения повседневного поведения — во всяком случае, в период устного бытования литературы и мифологии. С другой стороны, при появлении письменности (когда, кстати, и повседневное поведение изменяется быстрее) любой текст может достаточно долго оставаться неизменным, и даже самые обычные бытовые детали в нем приобретают некую реликтовую ценность. Такое значение для читателя сейчас имеют, например, многие книги Диккенса. Вы можете открыть любой его роман, который купили и впервые прочитали, когда описанное в нем в точности соответствовало деталям повседневной жизни, и убедиться, что теперь «привычные» детали в нем так же безнадежно ушли в прошлое, как елизаветинская эпоха. Но это уже специфика нашего времени. Антропологи и фольклористы даже не пытаются ставить себя в подобные условия. Однако когда они имеют дело с бесписьменной фольклорной традицией, то должны особенно отчетливо понимать, что детали исследуемых ими произведений — это прежде всего материал для создания того или иного повествования, именно поэтому они и сохранились до наших дней. «Царевна-лягушка» — не символ веры и не учебник по тотемизму, а забавная волшебная сказка с отчетливо выраженной моралью.

³ К с. 268. Насколько мне известно, дети с рано проявившейся тягой к сочинительству начинают вовсе не с волшебных сказок, за исключением тех случаев, когда это единственная известная им литературная форма. Скажу больше: сказки получаются у них хуже всего. Это трудный жанр. Если дети и предпочитают сочинять сказки, то чаще всего это сказки о животных, которые взрослые часто путают с волшебными сказками. Лучшие из сочиненных детьми историй, которые мне доводилось читать, были либо «реалистическими» (во всяком случае, таково было намерение автора), либо героями в них являлись звери и птицы — то есть в основном зооморфные существа, обычные для сказки о животных и басни. По-моему, этот жанр дети так часто используют потому, что он в большой степени реалистичен: позволяет говорить о хорошо знакомом, «домашнем», и притом самыми обычными словами. Однако сама форма сказки о животных, как прави-

ло, подсказана или навязана детям взрослыми. Любопытно, что она и сейчас очень распространена как в хорошей, так и в плохой «литературе для детей». Должно быть, взрослым кажется, что это хорошо сочетается с «Естественной историей» и прочими полунучными книжками о зверях и птицах, которыми они считают нужным кормить юное поколение. А «группу поддержки» составляют игрушечные медведи и кролики, совсем, похоже, вытеснившие из детской обычных куколдаже у девочек. Дети ведь часто слагают целые саги, длинные и сложные, где герои — их игрушки. Но раз любимая игрушка — медведь, то и в саге будут действовать медведи, но говорящие по-человечьи.

⁴ К с. 271. С зоологией и палеонтологией («для детей») я познакомился в том же возрасте, что и с Волшебной Страной сказок. Мне показывали картинки с изображением как современных животных, так и «настоящих» (как мне объяснили) доисторических. Доисторические мне нравились больше: они, по крайней мере, жили очень давно и предположительно (поскольку доказательств все равно не хватало) обладали хоть какими-то фантастическими свойствами. Но вот когда взрослые стали объяснять, что эти существа и есть «драконы», мне это оказалось совсем не по нраву. До сих пор помню, как злился в детстве, когда слышал сентенции родственников (или читал их на подаренных мне книжках) вроде того, что «снежинки — это волшебные бриллианты», или что «они прекраснее волшебных бриллиантов фей», или что «чудеса глубин морских куда удивительнее чудес Волшебной Страны» и т. д. Дети прекрасно чувствуют разницу между реальным миром и Волшебной Страной, хотя и не могут выразить ее словами. От взрослых они ждут, чтобы те хотя бы признали эту разницу, раз уже не могут ее объяснить, а взрослые ее начисто отрицают или предпочитают не замечать. Я прекрасно осознавал красоту Реальных Вещей, но не хотел, чтобы меня сбивали с толку и путали ее с чудесами Волшебной Страны. Мне было интересно узнавать новое о природе — пожалуй, даже интереснее, чем читать многие волшебные сказки. Но мне не хотелось, чтобы меня обманом выманили из Страны Чудес и завлекли в Науку — тем более, люди, которые, похоже, считали, что некий первородный грех заставляет меня предпочитать сказки, в то время как новые представления и верования требуют, чтобы я непременно полюбил науку. Конечно, природу можно изучать всю жизнь (а тем, кому даровано бессмертие, — вечность); но существует часть человеческого существа, которая не имеет отношения к «естественной природе», а потому и не обязана ее изучать — и, кстати, совершенно этой природой недовольна и не интересуется.

⁵ К с. 276. Так, в сюрреалистической живописи обычно есть нечто болезненное и тревожное, что крайне редко встречается в фантазиях литературных. Конечно, часто эта болезненность образов порождена сознанием самого автора картин, но это бывает далеко не всегда. Случается, что сам процесс воплощения подобного сюжета на холсте выводит художника из равновесия и он, словно в лихорадочном бреде, начинает видеть зловещие черты во всем, что его окружает, и чудовищные, гротескные образы множатся в его сознании с удивительной быстротой.

Я говорю здесь, конечно, о непосредственном проявлении фантазии в изобразительном искусстве, а не об иллюстрациях к книгам и не о кино. Иллюстрации сами по себе могут быть очень хороши, но волшебной сказке они пользы не принесут. Принципиальное отличие всех родов искусства, создающих зримый образ (в том числе и драмы), от литературы в том, что они навязывают зрителю как бы единственно возможное воплощение образа. Литература же воздействует непосредственно на сознание, и поэтому допускает куда большее разнообразие. Она достигает одновременно и большей обобщенности, и более яркой конкретности образа. Упоминание о хлебе, вине, камне или дереве касается прежде всего *сущности* этих вещей, общего представления о них, но каждый человек в своем воображении придаст им конкретные, зависящие лично от него образы. Допустим, в рассказе говорится: «Он ел кусок хлеба». Режиссер или художник и покажут вам именно «кусок хлеба» — каждый в соответствии со своим вкусом или прихотью. Но *услышавший* рассказ подумает о хлебе вообще и представит его себе по-своему. Другой пример. Иллюстратор, прочитав в рассказе: «Он поднялся на холм и в долине увидел русло реки», постарается и, возможно, сумеет передать в рисунке собственное видение этого пейзажа. Но каждый человек, лишь услышавший эти слова, создаст свою собственную картину — из всех когда-либо виденных холмов, рек и долин, и особую роль в этом будут играть Холм, Река и Долина, некогда впервые воплотившие для него значения этих слов.

6 К с. 278. Конечно, я веду речь в основном о фантастических персонажах и событиях, зримо представленных на сцене. Совсем другое дело, когда событие, созданное фантазией или имевшее место в Волшебной Стране, не требует использования театральных механизмов или вообще переносится за сцену, а сама драма касается лишь его последствий для людей. В этом случае, собственно, на сцене ничего фантастического не происходит: там действуют люди, на них и сосредоточено все внимание. Драмы такого типа (примером могут служить некоторые пьесы Дж. Барри*) могут быть развлекательными, сатирическими или нести людям некую новую определенную мысль, заложенную драматургом. Драма всегда антропоцентрична, а волшебная сказка и фантазия вообще — далеко не всегда. Существует, например, масса историй о том, как люди пропадали и много лет проводили в Волшебной Стране, не замечая течения времени и внешне не старея. На эту тему Барри написал пьесу «Мэри-Роуз». Никаких волшебных существ в ней нет, зато люди, терзаемые ужасными муками, присутствуют постоянно. Эту пьесу нелегко даже просто читать без слез, хотя в конце ее сентиментально лучится звезда и звучат ангельские голоса. На сцене же (я это сам видел) она вообще вызывает ужас, поскольку «ангельские голоса» заменяются зовом эльфов. Обычные волшебные сказки, связанные с темой принесенных в жертву людей, тоже могут вызывать жалость и ужас, но им это совершенно не обязательно. Ведь в большинстве волшебных сказок на равных правах с человеком действуют и всякие чудесные существа, а в некоторых — именно на них и концентрируется внимание. Многие короткие сказки или мифы об этих существах — своего рода «свидетельства», являющиеся составной частью фольклора, то есть накопленных за много веков «знаний» об обитателях Волшебной Страны и их образе жизни. Страдания людей, встретившихся с ними (кстати, часто по собственной инициативе), в этом случае видятся в совершенно ином свете. Можно написать драму о страданиях жертвы несчастного случая при радиологических исследованиях, но попробуйте-ка написать ее о радий! Однако бывает, что человека больше интересует сам радий, а не радиология, или сама Волшебная Страна, а не мучения попавших туда людей. В первом случае этот интерес приведет к появлению научного труда, во втором — волшебной сказки. Драма же в обоих случаях бессильна.

7 К с. 287. Невероятных «заблуждений» хватает и у современного, опустившегося и обманутого человека. А вот утверждение, что «первобытный человек не отделял себя от других животных», — не более чем гипотеза. Ничем не хуже противоположный тезис, согласно которому первобытный человек отделял себя от прочих животных куда лучше нас с вами. Последнее суждение, кстати, больше согласуется с теми немногими памятниками, которые запечатлели соображения древних людей по этим вопросам. Существование древних фантазий, где антропоморфные образы сливались с зооморфными или растительными, а животные наделялись человеческими качествами, естественно, если что и доказывает, то как раз способность человека отличать самого себя от животных и растений. Ведь человеческая фантазия, создавая выдуманный мир, непременно опирается на четкую картину мира реального и вовсе не склонна ее затуманивать. Если же говорить о современной европейской культуре, то в ней эта способность человека — «отделять себя от других животных» — подвергается угрозе не со стороны фантастических представлений, а со стороны научных теорий. На нее пошли войной не рассказы о кентаврах, оборотнях и заколдованных медведях, а гипотезы (или догматические домыслы) ученых мужей, которые классифицируют человека не только как «животное» (одно из животных) — это верное определение появилось еще в древности, — но как «животное, и только». На свет тут же явилась особая извращенная чувствительность. Естественная любовь не совсем испорченного человека к животным и желание «почувствовать себя в их шкуре» вырвались на волю и принялись буйствовать. Многие теперь любят животных больше, чем людей. Они так сострадают бедным овечкам, что пастух для них — чудовище, не менее жестокое, чем волки. Они готовы лить слезы над трупом кавалерийской лошади, зато погибшего солдата обольют грязью. Потому-то я и говорю: не древние люди в те времена, когда зародилась волшебная сказка, а мы, сами, сейчас оказались не способны «отделить себя от других животных».

* Джеймс Барри — (1860 — 1937) — шотландский писатель и драматург. — Прим. переводчика.

⁸ К с. 289. Формула сказочной концовки «стали жить-поживать да добра наживать», которую обычно считают столь же типичной, как начальную формулу «в некотором царстве, в некотором государстве», — не более чем искусственный прием. Ее никто не принимает всерьез. Эти формулы можно сравнить с полями чертежа или рамой картины. Считать, что с произнесением формулы сказка действительно закончилась, вырывать ее тем самым из единой фольклорно-мифологической картины — все равно, что считать, будто пейзаж, изображенный на картине, ограничен рамой, а огромный мир — оконным проемом. У разных картин бывают разные рамы: гладкие, резные, золоченые. Так же разнообразны и формулы сказочных концовок: краткие и длинные, простые и экстравагантные. Их искусственность бросается в глаза, но они необходимы сказке, как рама — картине: «Много воды с тех пор утекло, а они все живут да хлеб жуют», «Тут и сказке конец, а кто слушал — молодец», «Стали жить-поживать да добра наживать», «Я там был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало».

Такие концовки подходят именно для волшебных сказок, потому что в этих сказках ощущение безграничности Мира Литературы проявляется куда ярче, чем в современных «реалистических» рассказах, закованных в узкие рамки своего времени. Концовка сказки как бы делает надрез на бесконечном фольклорном ковре, отмечая его формулой, пусть даже гротескной или комической. Современное искусство иллюстрации под влиянием фотографии отказывается от полей, и рисунок все чаще занимает лист бумаги целиком. Может быть, фотографические работы так и следует оформлять. Но это совершенно не годится для иллюстраций к волшебным сказкам или картин, появившихся под воздействием сказочных сюжетов. Заколдованному лесу необходима опушка, а еще лучше — тщательно выписанная рамка. Займите этим рисунком всю страницу, как фотографией Скалистых гор в «Пикчер пост»*, — и получится нелепое издевательство над сказкой — так сказать, «моментальный снимок Волшебной Страны», «набросок художника нашего издательства с натуры».

Наилучшим зачином для волшебной сказки, по-моему, является формула «давным-давно». Она сразу же оказывает на слушателя определенное воздействие. Характер этого воздействия можно оценить на примере волшебной сказки «Ужасная голова» из «Синей книги сказок». Это история Персея и Горгоны Медузы в пересказе Э. Лэнга. Она начинается словами «давным-давно» и не называет ни точное время, ни страну, ни имена персонажей. Такую обработку можно назвать «превращением мифа в волшебную сказку», но я бы выразился иначе: это превращение «высокой волшебной сказки» (греческая легенда именно такова) в так называемую «бабушкину сказку» — особый тип, характерный сейчас для нашей страны. Отсутствие имен в «Ужасной голове» — не достоинство, а случайность, которой не стоит подражать: вызвана она забывчивостью и недостатком мастерства, и сказка становится от этого хуже. А вот временная неопределенность, по-моему, — совсем другое дело. Она не обедняет сказку, а придает ее началу особую значимость. Одним мазком кисти формула «давным-давно» рождает ощущение огромного неисследованного океана времени.

---

* «Picture Post» — еженедельный иллюстрированный журнал. Издавался в Лондоне с 1938 по 1957 гг. — Прим. переводчика.

«Книги обязаны хорошо кончаться...»

Главная книга Джона Роналда Рузла Толкина (1892 — 1973) — эпическая трилогия «Властелин колец» — увидела свет в 1954 — 1955 годах и сразу же поставила автора в ряд виднейших прозаиков середины нашего века. Натяжки в такой оценке нет — одна из биографий Толкина, опубликованная еще при его жизни, вышла в серии «Писатели семидесятых годов» — вместе с биографиями Воннегута, Гессе и Бротигена.

Что же такое «Властелин Колец»? Мифопоэтика, нравственная аллегория, философская притча? И то, и другое, и третье. А еще — приключенческая проза, современный рыцарский роман, исторические хроники сказочной страны... Толкин создал целый мир, история которого насчитывает свыше шести с половиной тысячелетий. Порожденный фантазией художника, мир этот на удивление реален: автор придумал его географию, геологию, климатологию, культуру, политику, религию. Свыше полутора тысяч страниц, более трех с половиной сотен персонажей, около семидесяти баллад, песен и стихотворений, сочиненных жителями Средиземья (того же волшебного края, где разворачивается действие и повести «Хоббит»), — вот что такое трилогия.

Знакомство с нею у нашего читателя началось — издательство «Радуга» выпустило уже два тома. А в сборнике, который вы прочитали, впервые под одной обложкой собраны те произведения Толкина, которые можно назвать его малой прозой.

Видный ученый-филолог, профессор Оксфорда, автор исследований о Чосере и средневековом литературном памятнике «Беовульф», публикатор и комментатор текстов англосаксонской письменности, Толкин до начала тридцатых годов и не помышлял о занятиях художественной литературой. А путешествие в страну Средиземье началось с просьбы его детей — рассказать «совсем новую сказку». Сколько знаменитых английских сказок возникло из устных рассказов: «Алиса в стране чудес» Льюиса Кэрролла, «Ветер в ивах» Кеннета Грэхема, «Винни-Пух» Алана Милна...

История походов мистера Бильбо Бэггинса писалась для детей. Да и герой Толкина, хоббит, по меткому замечанию одного из исследователей творчества писателя, даже ростом — три с небольшим фута (используя нашу систему мер, так и хочется сказать «метр с кепкой»), — ближе детской аудитории, чем взрослой. Вышедшая в 1937 году, книга имела шумный успех, поэтому неудивительно, что издатель предложил Толкину написать продолжение «Хоббита». Это совпало с планами писателя, который ощущал, что в повести многое не досказано. Началась работа над новой книгой: темы и герои «Хоббита» неотступно преследовали

Толкина, и он стал переписывать повесть, дополняя и углубляя сказанное вскользь, вводя новые сюжетные линии, новых персонажей.

Так возникла первая часть трилогии «Властелин Колец». Отправной ее точкой послужила описанная в «Хоббите» история о том, как в руки к Бильбо Бэггину попало волшебное кольцо. Было оно Кольцом Всевластья и принадлежало владыке зла Саурону. Кольцо опасно, ибо с его помощью Саурон хочет подчинить себе Средиземье, поработить его обитателей: и хоббитов, и эльфов, и гномов. Поэтому Кольцо надо уничтожить — но сделать это можно лишь одним способом: расплавив в пламени горы Ородруин, которая находится в стране мрака Мордор, где правит Саурон. Туда-то и отправляется племянник Бильбо Бэггина Фродо, которому состарившийся Бильбо передает Кольцо. От маленького негероического хоббита зависит, рухнет ли власть Саурона. Точно сказал об этом один из героев эпопеи, повелитель эльфов Элронд: «Слабые не раз преображали мир, мужественно и честно выполняя свой долг, когда у сильных не хватало сил...»

В повести «Хоббит» Толкин нашел сразу — редкая удача для художника — и свою тему, и адекватную ей художественную форму: «...я полюбил волшебные сказки, едва научившись читать». Этими словами Толкин начал лекцию «О волшебных сказках», прочитанную в 1938 году в университете Святого Эндрюса и легшую в основу его знаменитого эссе, завершающего наш сборник. В эссе, своего рода эстетическом манифесте писателя, Толкин выделил три основные функции волшебной сказки: восстановление душевного равновесия, бегство от действительности и счастливый конец. Что это значит? Когда наше душевное равновесие восстанавливается, утверждает сказочник, мы обретаем изначально присущее человеку умение видеть мир незамутненным взглядом, тем взглядом, который необходим, чтобы различить необычайное в привыкшемся. Бегство от действительности есть освобождение (но ни в коем случае не дезертирство!) от оков механистической цивилизации, в которой нет места сказке и поэзии. А счастливым концом Толкин называет способность волшебной сказки воздействовать на человеческую душу, вызывать просветление, ощущение чуда и красоты. Свое понимание фантастического Толкин воплотил в волшебных сказках, созданных после «Хоббита» и представленных в сборнике.

Новелла «Лист работы Мелкина» написана в 1938 году и напечатана девять лет спустя. Эта сказка-притча многослойна. Размышления писателя о силе добра и красоты, о бессмертии таланта и его творения, о вечном стремлении художника к совершенству переплетаются с биографическими мотивами. Подобно Толкину, Мелкин начинает работу над полотном с небольшого замысла, который вырастает, помимо воли автора, в гораздо более значительное, в нечто величественное — как «Властелин Колец» вырос из «Хоббита».

В значительной степени Толкин — писатель «литературный», в своем творчестве он использует обширные пласты мировой культуры: скандинавскую мифологию, древнегерманский эпос, исландские и ирландские саги. Литературными аллюзиями пронизана и повесть «Фермер Джайлс из Хэма» — написана она была еще до войны и тогда же предложена издательству «Эллен энд анвин», но была отклонена: издательский мир признал Толкина как автора «Хоббита» и ждал от него продолжения истории с теми же героями; поэтому повесть увидела свет только в 1949 году. Аллюзии в повести настолько многозначны, что не только оценить, но хотя бы в полной мере понять смысл происходящего трудно без специального языкового, литературоведческого и культурологического комментария — именно поэтому в нашем сборнике снабжена им только эта сказка.

Литературная игра — неперенный признак фантастической прозы Толкина. Но если в трилогии он затевает игру всерьез — создает рунический и буквенный алфавит народов Средиземья, баллады и песни (и «переводит» их на английский), в качестве приложения дает лингвистический и страноведческий очерк волшебной страны, — то игра в повести «Фермер Джайлс из Хэма» носит откровенно пародийный характер. Толкин считал, что без иронии и самоиронии, без доброй улыбки или саркастической

насмешки любая, самая высокая идея в волшебной сказке станет ходульной, не дойдет до читателя.

В «Фермере Джайлсе из Хэма» Толкин создает пародию на исторические хроники, на памятники средневековой европейской литературы «Беовульф» и «Сэр Гавейн и Зеленый рыцарь»: никчемный король носит благозвучные имена римских пап и императоров, а ленивую собаку зовут Гарм — в норвежской мифологии это имя пса, который сторожит врата ада. И, конечно, в повести очевидна самопародия: Толкин пародирует свои собственные произведения. Вспомним, например, встречу фермера Джайлса и его трусливой кобылы с драконом и эпизод из «Хоббита», когда Бильбо проникает в пещеру крылатого чудовища Смога.

В 1965 году Толкина попросили написать предисловие к книге шотландского сказочника Джорджа Макдоналда «Золотой ключ». Толкин хотел начать с примера, с короткой истории, которая, по его мнению, помогла бы детям лучше понять, кто такие феи. «Жил-был повар. И как-то задумал он испечь пирог для детского праздника...» Коротко не получилось, объяснение разрасталось и превратилось в рассказ, а затем и в повесть, названную «Кузнец из Большого Вуттона». А книга Макдоналда вышла без предисловия...

Эту сказку Толкина можно прочесть по-разному. И как еще одну страницу в летописи взаимоотношений людей и «маленького народца», обитающего в волшебной стране, — летописи, которую английские писатели создают уже много лет (вспомним, например, рассказ Уэллса «Мистер Скелмерсдейл в стране фей»). И как притчу о судьбе художника и его творения. И как философскую параболу о преемственности, об истинности и фальши в искусстве. Наконец, как аллегорию о смысле и ценности бытия. Зачем жил человек, что он оставил после себя? Не высшая ли мудрость в том, чтобы получив драгоценный дар и пользуясь им долгие годы, отказаться от него в старости и передать другому? Не забудем, что эту сказку писал человек, которому перевалило за семьдесят...

«Книги обязаны хорошо кончаться». Эти слова Бильбо Бэггинса из первой части трилогии можно поставить эпиграфом ко всему творчеству Толкина. Хороший конец книги означает, что в ней добро побеждает зло, все драматические события разрешаются благополучно, а положительные герои обретают то, к чему они стремились и что заслуживали. Но в жизни добро одерживает верх далеко не всегда — и не всегда вовремя, цена же победы бывает порой чрезмерно велика. Однако не только и не столько в этом суть творчества Толкина, иначе мы имели бы еще одного плоского морализатора, произведения которого отдавали бы унылой дидактикой. Нет, Джон Роналд Руэл Толкин неизмеримо глубже... Конечно, зло страшно и многолико, бороться с ним трудно и опасно, но от этой схватки уклоняться нельзя — нигде и никогда. И только тот, кто понимает необходимость (пусть даже не для себя лично) этой борьбы, несмотря на весьма вероятный ее драматический (лично для себя) исход, лишь тот и только тот может одержать победу над злом.

В. Гопман

Содержание

Хоббит, или Туда и Обратно

Перевод Н. Рахмановой

3

Лист работы Мелкина

Перевод С. Кошелева

173

Фермер Джайлс из Хэма

*Перевод Г. Усовой
Комментарии Н. Тихонова*

187

Кузнец из Большого Вуттона

*Перевод Ю. Нагибина
и Е. Гиппиус*

225

О волшебных сказках

*Перевод С. Кошелева
под редакцией И. Тогоевой*

247

В. Гопман

«Книги обязаны хорошо кончаться...»

297

Т 52

Толкин Д. Р. Р.

Лист работы Мелкина и другие волшебные сказки. Пер. с англ. Сост. В.Т. Бабенко. Послесл. В. Л. Гопмана. Рис. Г. М. Берштейна. — М.: РИФ, 1991. — 301с.

ISBN 5-85950-009-2

В сборник вошли сказочные произведения известного английского прозаика Д. Р. Р. Толкина — одного из самых популярных авторов фантастической литературы XX века.

Т 4703010100 — 010
91 без объявл.

84 (4Вл)

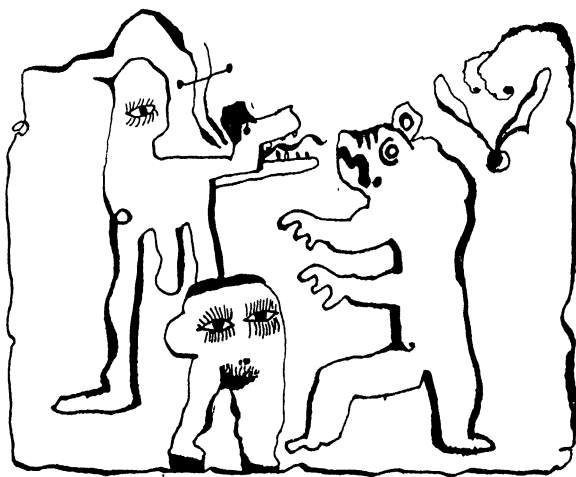

Джон Роналд Руэл Толкин

Лист работы Мелкина
и другие волшебные сказки

Редактор
В. Л. Гопман
Художественный редактор
В. С. Любаров
Технический редактор
Л. Е. Синенко
Корректор
И. М. Козлова

Набрано в Московском инвалидном кооперативном
объединении (МИКО) на компьютерной системе
фирмы «Азельборн-Дататехник»

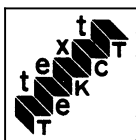
Сдано в набор 05.09.90. Подписано в печать 10.04.91.
Формат 60х88 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура
«Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,62. Усл. кр.-
отт. 19,60. Уч.-изд. л. 21,26. Тираж 50000 экз.

Заказ 698. Цена 6 р. 80 к.

Редакционно-издательская фирма «РИФ»
Всесоюзного центра кино
и телевидения для детей и юношества
101000 Москва, Чистопрудный бульвар, 12-а

Типография В/О «Внешторгиздат»
127576, Москва, Илимская ул., д. 7

«ТЕКСТ»

с 1989 года выпускает
серию
«Волшебный фонарь» —
фантастика,
приключения,
сказка

В этой серии уже вышли «Хулио Хуренито» Ильи Эренбурга, сказки и притчи Лазаря Лагина, повести братьев Стругацких и Кира Булычева, новеллы Эдгара Аллана По, повести и рассказы Владимира Набокова.

Впервые в стране готовятся к изданию сборники: Михаила Козырева, блестящего ленинградского фантаста-сатирика двадцатых годов; Хоуарда Ловкрафта, мастера «готической фантастики», знаменитого американского прозаика; Эжена Ионеско, одного из родоначальников «литературы абсурда» XX века.

«Хорошая волшебная сказка тем и отличается, что о каких бы невероятных и ужасных событиях и приключениях она ни рассказывала, когда наступает «кульминация», и у детей и у взрослых одинаково перехватывает дыхание, сильнее бьется сердце, а на глаза наворачиваются слезы. Силой эмоционального воздействия она не уступает другим видам повествовательного искусства, причем воздействие это особенное, характерное только для волшебной сказки».

Д. Р. Р. Толкин

«Мы живем в суровое, даже страшное время, которое, как никогда, требует от человека душевной силы, чистоты, преданности идеалам и стойкости перед Лихом. Все это читатель найдет в сказках Толкина. Его герои ни при каких обстоятельствах не утрачивают достоинство, не изменяют правде и долгу».

Юрий Нагибин